

ЯН
МОРТИМЕР

СРЕДНЕВЕКОВАЯ
АНГЛИЯ

ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПУТЕШЕСТВЕННИКА
ВО ВРЕМЕНИ

ЯН МОРТИМЕР

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АНГЛИЯ

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПУТЕШЕСТВЕННИКА
ВО ВРЕМЕНИ

ЭКСМО
МОСКВА
2015

УДК 94(410)"653"

ББК 63.3(4Вел)4

М79

The Time Traveller's Guide to Medieval England

A Handbook for Visitors to the Fourteenth Century

Ian Mortimer

© 2012 by Forrester Mortimer Ltd. This edition is published by arrangement
with United Agents LLP and The Van Lear Agency LLC

Мортимер, Ян.

М79 Средневековая Англия: путеводитель путешественника во
времени / Ян Мортимер ; [пер. с англ. А. В. Захарова]. — Москва :
Эксмо, 2015. — 336 с. — (Путешественники во времени).

ISBN 978-5-699-80631-7

Представьте, что машина времени перенесла вас в четырнадцатый век...
Что вы видите? Как одеваетесь? Как зарабатываете на жизнь? Сколько вам платят?
Что вы едите? Где живете?

Автор книг, доктор исторических наук Ян Мортимер, раз и навсегда изменил
ваш взгляд на средневековую Англию, показав, что историю можно изучить, окупнув-
шись в нее и увидев все своими глазами.

Ежедневные хроники, письма, счета домашних хозяйств и стихи откроют для
вас мир прошлого и ответят на вопросы, которые обычно игнорируются истори-
ками-традиционалистами. Вы узнаете, как приветствовать людей на улице, что ис-
пользовалось в качестве туалетной бумаги, почему врач может попробовать вашу
кровь на вкус и как не заразиться проказой.

УДК 94(410)"653"
ББК 63.3(4Вел)4

ISBN 978-5-699-80631-7

© Захаров А., перевод на русский язык, 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Содержание

Благодарности	7
Введение	9
Пейзаж	14
Люди	47
Средневековый характер	74
Знания первой необходимости	95
Что носить	121
Путешествия	145
Где жить	167
Что есть и пить	193
Здоровье и гигиена	218
Закон и беспорядок	247
Развлечения	281
Закключение	328

*Посвящается моей жене Софи,
без которой я бы не написал эту книгу
и с которой даже не познакомился бы,
если бы не эта книга*

Благодарности

Я хочу поблагодарить своих редакторов Уилла Салкина и Йорга Хенсгена, их коллег из Random House, благодаря которым эта идея увидела свет, а также моего агента Джима Гилла за отличные советы. Еще я очень благодарен Кэтрин Уорнер за отзыв на черновую версию, а также людям, дававшим мне крышу над головой во время исследовательских поездок, в частности Заку Редану и Мэри Фосетт, Джею Хаммонду, Джуди Мортимер, Роберту и Джулии Мортимер. Наконец, я хочу объявить благодарность Питеру Макэйди и Энн Венгер за полезные предложения, выдвинутые во время редактирования книги.

Но в наибольшей степени я в долгу перед моей женой Софи. Мы впервые увиделись в январе 1995 года, чтобы обсудить эту книгу. Я благодарен ей не только за то, что она поддержала мое стремление написать книгу, но и за то, что она потом вышла за меня замуж. Сейчас у нас трое детей: Александр, Элизабет и Оливер. Я благодарен и им — за то, что от них я узнал о жизни в любую эпоху такое, чего не найдешь ни в одной книге.

Мортонхэмпстед, Девон

9 марта 2008 года

Прошное — это другая страна.
Там всё делают по-другому.

Л. П. Хартли. Посредник

Введение

Добро пожаловать в средневековую Англию

Что вы себе представляете, услышав слово «Средневековье»? Рыцарей и замки? Монахов и аббатства? Огромные леса, в которых прячутся разбойники, смеющиеся над законом? Да, это популярные образы, но они мало что говорят о том, как жила большая часть людей того времени. Представьте, что вы можете путешествовать во времени: что бы вы обнаружили, отправившись в XIV век? Представьте себя летним утром на пыльной лондонской улице. Слуга открывает ставни на втором этаже и выбивает простынь. Лает собака, охраняющая вьючных лошадей путешественника. Стоящие поблизости торговцы выкликают покупателей из-за своих лотков, а две женщины болтают — одна прикрывает глаза от солнца, другая держит в руках корзину. Деревянные балки домов торчат прямо над дорогой. По ярко раскрашенным вывескам над дверями становится понятно, что продается в лавках. Неожиданно вор хватает кошелек торговца, и тот, громко вопя, пускается в погоню. Все оборачиваются, чтобы посмотреть. А вы, оказавшись среди всего этого, — где вы сегодня будете ночевать? Как вы одеты? Что будете есть?

Как только вы начнете думать о прошлом как о чем-то, что происходит (а не когда-то произошло), то сможете новыми глазами взглянуть на историю. Сама идея возможного визита в Средневековье позволяет нам рассмотреть прошлое в гораздо более широких рамках — узнать больше о проблемах, с которыми приходилось иметь дело англичанам, об их радостях, о том, какими вообще они были. Как и историческая биография, путеводитель по прошлому позволит нам взглянуть

на его обитателей по-другому: не как на серию графиков урожайности злаковых культур или подушного дохода, а как на настоящих, живых людей из другого времени. Вы сможете понять, почему люди поступали так или иначе или даже почему они верили в то, что нам кажется невероятным. Вы поймете это, потому что будете знать, что они — тоже люди и их действия во многих случаях вполне естественны. Идея с путешествием в Средневековье поможет вам понять этих людей с точки зрения не только исторических свидетельств, но и их человечности, надежд и страхов, драматических событий в жизни. Хотя обычно писатели для этого обращались к форме исторических романов, я не вижу никакой причины, по которой писатель-документалист не может излагать материал так же прямолинейно и с такой же симпатией к действующим лицам. Если о фактах рассказывать в настоящем, а не в прошедшем времени, они от этого не станут менее достоверными.

В каком-то смысле эта идея не нова. В течение десятилетий историки архитектуры воссоздавали внешний облик дворцов и монастырей, какими они были во времена расцвета. Кураторы музеев точно так же восстанавливали старые дома и их интерьеры, расставляя в них мебель ушедших эпох. Люди создают группы реконструкторов, пытаются понять, каково было жить в другую эпоху; они устраивают смелые практические эксперименты, переодеваясь в одежду того времени и готовя в котле на открытом огне или размахивая копией старинного меча, одевшись в тяжелый доспех. Все они напоминают нам, что изучение истории — это не просто образовательный процесс. Понимание прошлого — это не только знания, но и опыт, стремление установить духовную, эмоциональную, поэтическую, драматическую и идейную связь с нашими пращурами. История — это еще и личная реакция на трудности жизни в прошлых веках и в других культурах и понимание того, чем один век отличается от другого.

Ближе всего историки подошли к описанию прошлого «в настоящем времени» в жанре «А что, если бы?», или «альтернативной истории». В этом жанре историки рассуждают, что бы произошло, если бы история пошла по другому пути. Например, что было бы, если Гитлер вторгся в Великобританию в 1940 году? Что, если бы Непобедимая армада добилась успеха? Такие рассуждения, естественно, уязвимы

для очевидного ответа: этого не произошло, следовательно, и обсуждать нечего; тем не менее, у них есть не менее очевидное достоинство: они переносят читателя в определенный момент времени и описывают события так, словно они происходят прямо сейчас. Это намного интереснее. Поставьте себя, скажем, на место герцога Веллингтона при Ватерлоо или Нельсона в Трафальгарской битве: они очень хорошо знали, к чему приведет поражение. Как и верховное начальство в Англии. Они уж точно думали о прошлом, которое не наступило, так что, реконструируя то, что могло произойти, мы, по сути, восстанавливаем мысли знаменитых лидеров в моменты принятия решений. Просто представьте: если бы Генрих IV не вернулся в Англию в 1399 году, чтобы низложить Ричарда II, то нас бы ждали несколько (а возможно, и много) лет тиранического правления Ричарда, которые, вполне возможно, закончились бы гибелью династии Ланкастеров и всех их сторонников. Весной 1399 года эта вероятность была ключевым вопросом всей политики и одной из главных причин, по которой Генрих все же вернулся. Кроме того, именно из-за этого многие встали на его сторону. Так что взгляд на историю как непосредственно происходящие события жизненно важен для верного понимания прошлого, несмотря на то что конечный результат этих рассуждений и тогда, и сейчас — чистые гипотезы.

Альтернативная история, описанная выше, полезна только для понимания политических событий; она не имеет практически никакой ценности для истории общества. Мы не можем предположить, что бы случилось, если бы Черная смерть не пришла в Европу: это никак не зависело от принятых решений. Но, как и реконструкция типичного средневекового дома, виртуальное путешествие во времени позволит нам создать более ясную картину жизни, какой она была в другую эпоху. Более того, оно еще и ставит перед нами немало вопросов, которыми мы ранее вообще не задавались и у которых не всегда есть простые ответы. Как люди здоровались друг с другом в Средние века? Какое у них было чувство юмора? Насколько далеко от дома уезжали люди? Если писать историю с точки зрения нашего любопытства, то придется рассматривать многие вопросы, которые игнорируются в традиционных исторических трудах.

Средневековая Англия — это огромный простор для путешественника во времени. Четыре столетия между вторжением

норманнов и распространением книгопечатания — время огромных перемен в обществе. «Средние века» — это именно что последовательность веков, и норманнский рыцарь в битве времен конца XIV века будет выглядеть столь же неуместно, как, скажем, премьер-министр из XVIII века, который захотел бы провести предвыборную кампанию в наши дни. По этой причине наш путеводитель посвящен только одному веку — XIV. Он наиболее соответствует нашим типичным представлениям о «Средневековье»: доблестные рыцари, турниры, этикет, искусство и архитектура. Возможно, его можно даже назвать воплощением Средневековья: гражданские войны, сражения с соседними королевствами — Францией и Шотландией, осады, беглые преступники, монашество, строительство соборов, проповеди, флагелланты, голод, последний крестовый поход, восстание Уота Тайлера и, прежде всего, Черная смерть.

Подчеркнув, что книга будет посвящена Англии XIV века, все же нужно сделать несколько оговорок. Восстановить все подробности эпохи, опираясь только на свидетельства из Англии XIV века, невозможно: некоторые тогдашние хроники до ужаса неточны и неполны. Кроме того, мы не можем всегда быть уверены, что в 1320 году что-нибудь делали точно так же, как в 1390-м. В некоторых случаях можно точно сказать, что изменения произошли, и значительные: военное искусство Англии за это время стало совершенно иным, равно как и здравоохранение — после катастрофического явления чумы в 1348 году. Так что при необходимости для описания конца XIV века использовались данные из XV, а для описания начала — некоторые данные о XIII столетии. Такое размытие временных границ необходимо, чтобы ответить на очень сложные вопросы. Например, у нас сравнительно мало источников, в которых говорится об учтивости и хороших манерах XIV века, но зато есть несколько великолепных источников, описывающих начало XV. Поскольку маловероятно, что хорошие манеры возникли внезапно за одну ночь, я взял более поздние сведения как самые полные и точные.

Для написания этой книги использовано множество разных источников. Не стоит и говорить, что самые важные источники — те, что датированы XIV веком. Среди них — неопубликованные и опубликованные хроники, письма, семейные записи, стихотворения и разнообразные полезные советы.

Иллюминированные рукописи показывают моменты из повседневной жизни, которые не всегда описываются в текстах — в частности, ездили ли женщины в «дамском» седле. Немало архитектурных свидетельств предоставляют сохранившиеся в Англии здания XIV века — дома, замки, церкви и монастыри, а все растущее количество литературы о них дает еще больше информации. В некоторых случаях у зданий даже есть сопроводительные документы: например, сметы на строительство или чертежи. Археологи находят всё больше вещей того периода — от инструментов, обуви и одежды до ягодных семечек из средневековых туалетов и рыбных костей из болот, на месте которых когда-то были пруды. «Обычных» артефактов — монет, керамики и железных изделий — у нас тоже множество. Объем, в котором хороший музей даст вам возможность узнать о жизни в Средневековье, ограничен исключительно вашим любопытством и воображением.

Но — и это, пожалуй, самое главное — лучшее свидетельство о том, как жилось в XIV веке, — это понимание того, как живется в любую эпоху, в том числе сегодня. Единственный контекст, доступный нам для понимания любых исторических данных, — наш собственный жизненный опыт. Да, у нас другая еда, мы выше, живем дольше, а рыцарские турниры считаем невероятно опасным занятием, а не интересным видом спорта, но мы знаем, что такое печаль, любовь, страх, боль, амбиции, враждебность и голод. Нужно всегда помнить: то, что не изменилось по сравнению с прошлыми эпохами, не менее важно, реально и необходимо для наших жизней, чем то, что изменилось. Представьте себе, как группа историков через семьсот лет будет рассказывать современникам, как жилось в начале XXI века. У них, конечно, будут книги, фотографии, оцифрованные фильмы, остатки наших домов, даже, может быть, выгребные ямы, но самое главное, о чем они будут рассказывать — о человечности. Уистен Хью Оден однажды сказал: чтобы понять свою страну, нужно пожить хотя бы еще в двух других. Примерно так же можно сказать и о временных периодах: чтобы понять свой век, нужно разобраться хотя бы еще в двух других. Ключом к пониманию прошлого могут стать развалины или архивы, но вот понять прошлое мы сможем, только пропустив его через себя, — и так будет всегда.

I

Пейзаж

Города

Сначала вы увидите собор. Выйдете на опушку леса, и вот он — огромный и величественный, венчающий собой вершину холма и освещенный утренним солнцем. Несмотря на деревянные леса, стоящие с западной стороны, длинная, восьмидесяти футов в высоту, островерхая свинцовая крыша с летящими опорами и колоссальными башнями — достопримечательность всего региона. Собор в сотни раз больше любого другого здания вокруг; даже каменные стены, окружающие город, по сравнению с собором кажутся маленькими. Десятки и сотни небольших домиков стоят друг к другу под странными углами, раскрашенные в разные цвета и оттенки, похожие на камешки, нанесенные ручьем к огромному булыжнику-собору. Тридцать церквей, несмотря на то что их приземистые башенки тоже выделяются на фоне крыш, выглядят на фоне собора очень скромно.

Подойдя ближе к городским стенам, вы увидите большое сторожевое здание. Две круглые башни высотой более 50 футов каждая стоят по обе стороны недавно построенной островерхой арки, а над входом, в нише, установлена раскрашенная статуя короля. После этого у вас не останется сомнения ни в гражданской гордости горожан, ни в том, кто здесь власть. Пройдя через эти ворота, вы окажетесь под юрисдикцией мэра. Здесь, в замке, расположенном на северо-востоке города у стен, живут королевские чиновники. Город — место, где царят закон и порядок. Высокие стены, окружающие город, статуя короля, большие круглые башни и прежде всего, естественно, огромный собор впечатляют вас своей мощью.

А потом вам в нос ударяет запах. В четырехстах ярдах от городских ворот грязную дорогу, по которой вы идете, пересекает ручей. Вдоль берегов вы видите кучи мусора, разбитую посуду, кости животных, внутренности, человеческие фекалии и гниющее мясо. В некоторых местах грязные берега ручья переходят в топкую трясину, куда горожане сбрасывают мусор. В других местах видна ярко-зеленая трава, камыши и кусты, пробивающиеся из хорошо удобренной земли. Прямо на ваших глазах двое полуобнаженных работников снимают еще одну бочку с экскрементами с телеги и сбрасывают содержимое в воду. В мусоре копается небольшая коричневая свинья. Ручей не просто так называют Шитбрук («Дерьмовый ручей»).

Вы познакомились с контрастами средневекового города. Он так величествен и грандиозен, местами очень красив; но тем не менее он напоминает распухшего обжору. Город похож на карикатуру человеческого тела: вонючий, грязный, властный, богатый и предающийся всякого рода излишествам. Когда вы торопливо пересечете деревянный мост через Шитбрук и направитесь к воротам, контрасты станут еще заметнее. Группка мальчишек с грязными лицами и спутанными волосами бросится к вам, наперебой крича: «Сэр, вам нужна комната? Хотите переночевать? Откуда вы?» Они будут вырывать друг у друга поводья вашей лошади, притворяться, что знакомы с вашим братом или что когда-то жили в городе, откуда вы приехали. Их одежда грязна, а на еще более грязных ногах красуются кожаные ботинки, топтавшие камни и грязь на улицах еще до рождения нынешних владельцев. Добро пожаловать в обиталище гордости, богатства, власти, преступности, правосудия, высокого искусства, вони и попрошайничества.

Выше описан город Эксетер на юго-западе Англии, но все семнадцать городов с кафедральными соборами, «сити», выглядят почти одинаково. Похожи на них и крупные города-«тауны» — за одним исключением: соборов в них нет, только церкви. По прибытии в любое крупное поселение вас тут же ждет атака на все чувства одновременно. Ваши глаза широко распахнутся от удивления, увидев огромные церкви, — вас поразят богатое убранство и прекрасные витражи. В ваш нос тут же ворвется вонь из загаженных водоемов и канав. После тишины на загородной дороге, нарушаемой разве что пением птиц и шелестом листьев на ветру, вашему слуху придется приспособливаться к крикам

путешественников и глашатаев, окликам рабочих и звону церковных колоколов. В любом городе в базарный день или во время ярмарки вы окажетесь в толпе людей, которые приехали из деревень и не прочь отметить это событие в близлежащей таверне. Посетить английский город в конце XIV века — серьезное испытание для всех органов чувств.

Крупный город — устрашающее место. Вы уже успели увидеть высохшие останки воров на виселице, стоящей на перекрестке. На главных воротах региональных столиц вы обязательно найдете головы и конечности государственных изменников. Войдя в город Йорк (крупнейший город на севере), вы увидите у ворот почерневшие головы преступников, насаженные на пики, — а глаза их уже давно выклевали птицы. С веревок свисают руки и ноги, отрезанные у изменников, сплошь покрытые мухами или их личинками. Эти останки напоминают вам о власти короля, человека, незримо стоящего над всеми мэрами, олдерменами, местными лордами, шерифами и судами.

Вы, наверное, скажете: «Вот каков он, пейзаж средневековой Англии — страх и разруха». Но в тот момент, когда вы войдете в тень сторожевого здания, вы поймете, что Средневековье — это нечто намного большее. В Эксетере, например, едва пройдя через большие ворота, вы увидите широкую и приятную на вид Саут-стрит. На ней расположены лучшие дома и гостиницы; фронтоны на их крышах с крутым скатом едва не касаются земли. Справа от вас — церковь Святой Троицы, которой с особым усердием поклонялись в конце XIV столетия. Дальше по улице — красивый дом аббата. Слева — целый ряд купеческих домов, кое-где — с открытыми лавками; на витринах выставлен шелк и другие дорогие ткани. На мгновение вам бросится в глаза неровная дорога, покрытая пылью или грязью после дождя. Но потом ваше внимание отвлечет суета вокруг. Пони и вьючные лошади неторопливо идут по городу на рынок, нагруженные зерном; их ведут крестьяне с местных ферм. Мимо проходят священники в рясах, с распятиями и четками, висящими на поясах. Возможно, вы даже увидите монаха-доминиканца в черном плаще, который проповедует прямо на улице, окруженный небольшим кольцом почитателей. Батраки ведут на рынок овец и коров или везут тележки, груженные яйцами, молоком и сырами, на лавочную улицу Милк-стрит.

Город такой живой, так полон занятых людей, что вскоре вы уже забудете об обезглавленных изменниках. И запах Шитбука уже не чувствуется в воздухе: на улицах почти нет навоза. На той же Саут-стрит вы можете увидеть, как слуга лопатой убирает конский навоз от хозяйского дома. Идя к центру города, вы заметите лавки ремесленников, теснящиеся в маленьких зданиях; иногда вся «лавка» занимает комнатку площадью всего в сорок квадратных футов, но тем не менее на каждой лавке висит красочная вывеска, на которой для неграмотных нарисовано, чем здесь торгуют. Некоторые вывески изображают товары: например, нож означает лавку ножовщика. Другие представляют собой объемные предметы: например, бушель на шесте означает, что здесь продают свежесваренный эль, а забинтованная рука — жилище хирурга. В начале Смитен-стрит, ведущей вниз к реке, вы услышите гулкие удары кузнечных молотов по наковальне и хриплые крики кузнецов, приказывающих своим подмастерьям принести воду или уголь. На той же улице стоят лотки, где продаются изделия из железа: ножницы, подсвечники и ножи, привлекающие внимание деревенских жителей. Пройдите чуть дальше, и найдете Бутчерс-роу, или «Шемблс» («Туши»), где на прилавках прямо на солнце лежит разделанное мясо, а ноги и туши висят на крюках в тени. Прислушайтесь к стуку разделочного топора по доске, посмотрите, как мясник в кожаном фартуке кладет красное мясо на весы и тщательно уравнивает с помощью металлических гирь.

Именно здесь, среди городских лавок, все ваши предрассудки по поводу средневековой Англии развеются как дым. Доберитесь до центра любого большого города, и вас поразит невероятное разнообразие костюмов — от крестьян в одежде из грубой шерсти до богато разодетых купцов, эсквайров и их жен и, может быть, даже рыцаря или аристократа. Зимой пестроту оттенков будут скрывать дорожные плащи, но вот на солнце богатые красные, яркие желтые и глубокие синие цвета видны отлично; одежда еще и оторочена мехом (каким — зависит от общественного положения владельца). Языки и говоры, которые вы услышите в городе, и вовсе создают космополитическую атмосферу. В больших городах регулярно бывают иностранные торговцы, но даже в городках поменьше вы услышите на улицах и французскую, и английскую речь, а иногда —

даже латынь и корнуолльский язык. Над утренним гомоном разносится голос городского глашатая, стоящего на перекрестке в центре города; два друга громко смеются над новой шуткой. Но даже еще громче слышны луженые глотки уличных торговцев, расхаживающих по улице с большими тарелками: «Горячие гороховые стручки!», или «Зеленый тростник!», «Горячие овечьи ноги!», или «Говяжьи ребрышки и много пирожков!»¹.

Крупнейшие английские города по состоянию на 1377 год²

№	Город (большими буквами — «сити»)	Налогоплательщики	Общее население
1	Лондон	23 314	40 000
2	ЙОРК	7248	12 100
3	Бристоль	6345	10 600
4	Ковентри	4817	8000

1. Эти выкрики позаимствованы из поэмы начала XV века «Лондон Ликпенни», когда-то приписываемой Джону Лидгейту. Похожие выкрики можно найти в конце пролога «Видения о Петре Пахаре» Лэнгланда.
2. Цифры в этой таблице основаны на статистике подушного налога 1377 года, приведенной в Hoskins, *Local History*, pp. 277–278. Прикидки по населению — на том, что в XVI веке возраст 32% населения Англии составлял менее 14 лет и что, скорее всего, в конце XIV века процент не сильно отличался. Кроме того, учитываются еще два фактора: 1) духовенство и попрошайки не платили налогов; 2) некоторые из тех, кто должны были платить, не платили. Так что цифры по населению составлены примерно по следующему принципу: около 60% — налогоплательщики, 32% — дети до четырнадцати лет, 2% — духовенство, 6% — попрошайки и те, кто уклонялся от налогов. Если, скажем, от налогов уклонялось 10% населения, а еще 10% — попрошайки, то получается, что налогоплательщики составляли всего 46% населения, так что общие цифры нужно соответствующим образом увеличить. Некоторым городам приписано намного большее население, чем можно вычислить по количеству налогоплательщиков. Например, по подсчетам, в Винчестере к 1400 году жило 7–8 тысяч человек, втрое больше, чем по прикидке на 1377 год. См. Dyer, *Standards*, p. 189. Цифры по Плимуту не сохранились; 1700 — это предположение профессора Хоскина. Стоит также отметить, что Глостер и Оксфорд получили статус «сити» только в XVI веке.

5	НОРИДЖ	3952	6600
6	ЛИНКОЛЬН	3569	5900
7	СОЛСБЕРИ	3226	5400
8	Линн	3217	5400
9	Колчестер	2955	4900
10	Бостон	2871	4800
11	Беверли	2663	4400
12	Ньюкасл	2647	4400
13	КЕНТЕРБЕРИ	2574	4300
14	Бери-Сент-Эдмендс	2445	4100
15	Оксфорд	2357	3900
16	Глостер	2239	3700
17	Лестер	2101	3500
18	Шрусбери	2083	3500
19	Грейт-Ярмут	1941	3200
20	ХЕРЕФОРД	1903	3200
21	Кембридж	1902	3200
22	ИЛИ	1772	3000
23	Плимут	ок. 1700?	2800
24	ЭКСЕТЕР	1560	2600
25	Гулль	1557	2600
26	ВУСТЕР	1557	2600
27	Ипсвич	1507	2500
28	Нортгемптон	1477	2500
29	Ноттингем	1447	2400
30	ВИНЧЕСТЕР	1440	2400

Несмотря на весь шум, вы, наверное, удивитесь, узнав, как мало на самом деле жителей в больших городах Англии. В 1377 году за стенами Эксетаера стоит шестьсот или семьсот домов, в которых живут примерно 2600 человек. Но даже с таким населением это уже двадцать четвертый по величине город во всей Англии. Только крупнейший город — Лондон, где живет более 40 тысяч человек, — можно назвать по-настоящему большим в сравнении с континентальными мегаполисами вроде Брюгге, Гента, Парижа, Венеции, Флоренции и Рима, население которых составляет более 50 тысяч. Но не думайте, что городки вроде Эксетаера маленькие и тихие. Немало народу живет в гостиницах, хотя, естественно,

«население» гостиниц постоянно меняется. В городе каждый день можно встретить множество путешественников: священников, купцов, гонцов, королевских чиновников, судей, клерков, мастеров-каменщиков, плотников, маляров, паломников, бродячих проповедников и музыкантов. Кроме того, вы увидите толпы жителей близлежащих деревень, которые пришли в город, чтобы приобрести товары и услуги или, наоборот, продать сельскохозяйственную продукцию розничным торговцам. Вспомнив о разнообразии товаров и услуг, предлагаемых городом, — от обработки металла до выделки кожи, от шерифского суда и писцов до аптекарей и торговцев пряностями, — вы вскоре поймете, что дневное население города может вдвое, а то и втрое превышать количество людей, постоянно живущих в его стенах. А в особых случаях — например, во время ярмарок — в городах собирается и того больше народу.

Цифра в 100 тысяч налогоплательщиков в тридцати крупнейших городах говорит нам о том, что примерно 170 тысяч человек — шесть или семь процентов населения королевства — городское население. В Англии есть еще около двухсот торговых городков с населением более четырехсот человек. В целом более двадцати процентов англичан живут в городах — пусть даже и в маленьких городках, где обитает не больше ста семей¹. Из этого следует, что большинство живет в сельской местности и появляются в городах только по необходимости. Они приходят и уходят домой, унося с собой то, что купили, или пригоняя скот, который собираются продать. Именно эти постоянные приходы и уходы, это движение делает средневековый город таким энергичным и живым.

1. Если население Англии составляло 2,5 миллиона человек, из которых не менее 170 тысяч жило в перечисленных тридцати городах, а среднее население оставшихся 200 городов составляло 650 человек, то доля городских жителей — 12%. Другие авторы предполагали, что в XIV веке в городах жило всего 5% населения (например, Platt, *Medieval Town*, p. 15, на основе работы Лоуренса Стоуна), но эти цифры основаны на предположении, что в городах жило всего 150 тысяч человек. Только в сорока крупнейших городах жило около 190 тысяч человек (по списку Хоскинса). Так что реалистичнее предположение, что в городе жил каждый седьмой англичанин (14,3%), как указано в Dyer, *Standards*, p. 23, или даже каждый пятый (20%), как предполагается в Dyer, *Everyday Life*, XV.

Городские дома

В городах живут самые разные люди — и, соответственно, дома, в которых они обитают, отличаются большим разнообразием. Самые красивые и престижные вы уже видели — они стоят на самых широких, больших и чистых улицах, которые практически всегда идут от главных ворот к центру города. Но не все горожане обитают в роскошных трехэтажных домах. Вы, безусловно, заметите и маленькие переулки, иногда всего шесть — семь футов шириной. Там темно, потому что балконы верхних этажей нависают над проезжей частью: между окнами третьих этажей домов, расположенных друг напротив друга, иной раз бывает всего три — четыре фута. В домах, стоящих в переулках, очень мало света, и, скорее всего, они не окружены даже самыми маленькими участками земли. Некоторые переулки больше напоминают грязные тропинки. Если слуг, чтобы убирать их, нет, а сами домовладельцы об этом не заботятся, то переулки очень быстро становятся мокрыми, вонючими и в целом не слишком приятными. Пройдитесь по такому переулку зимой в дождливый и туманный день, и ваше впечатление о богатстве и гражданской гордости развеется. Капли дождя падают в широкие грязные лужи, через которые вам придется как-то пробираться, а из-за почти полного отсутствия освещения (из-за туч, закрывших солнце, и нависающих над улицей домов) цветов вы практически не различите — все будет серым. А затем вы увидите струйки воды, текущие между ведрами trebuхи и кухонного мусора, выставленными возле дома; они несут жидкости, выделяемые гниющей едой, на улицу. Когда вы пройдете здесь в следующий раз, уже по засохшей грязи, то в ваши ноздри сразу ворвется гнилостный запах.

Эти двух- и трехэтажные дома находятся еще далеко не на самом дне «иерархии» зданий. Пройдя по нескольким темным переулкам, вы увидите, что от них ответвляются еще более узкие дорожки. Самое густонаселенное место города — районы из маленьких улочек и тропинок, которые иной раз в ширину всего три — четыре фута. Именно там вы найдете самые бедные дома: низкие одноэтажные террасы старых деревянных зданий без нормального фундамента, разделенные на комнаты, которые сдаются внаем. Возраст этих домов легко определить по ставням на окнах, висящим криво

и вкось, а то и вовсе отвалившимся. Кровельная щепа осыпается с крыш, заросших мхами и лишайниками и покрытых птичьим клеем. Тропинки и переулки, ведущие в эти трущобы, больше напоминают вонючие канавы — по сути, они одновременно служат еще и канализационной системой. Там стоят самые обветшалые дома в городе — но, поскольку они находятся не на главной улице и никак не угрожают «гражданской гордости» (потому что их не видят ни путешественники, ни богачи), городские власти не заставляют владельцев постоянно их ремонтировать. Если дверь открыта, то в полумраке вы, возможно, разглядите единственную комнату, разделенную на две неравные части: в маленькой спят дети, а в большой спят и готовят еду взрослые. Туалета часто нет — только ведро, которое выносят в Шитбрук. Жители этих домов практически все время проводят на работе; едят они на улице, а естественные нужды справляют где получится, в идеале — в муниципальных туалетах на городском мосту. Их дети тоже растут вне дома, играя на улице. Именно эти оборванцы окружили вас, когда вы только подошли к городским воротам.

Гуляя по улицам и переулкам средневекового города, вы неизбежно наткнетесь на высокую стену. Это не большая стена, окружающая все поселение, а какая-то из более мелких, стоящих вокруг монастыря или жилища богатого рыцаря, прелата или лорда. В большинстве городов территория собора тоже будет окружена стеной: в дневное время ворота открыты, но вот ночью внутрь не пускают никого. Старые монастыри, построенные еще в саксонские времена, обычно стоят в центре города. В любом городе есть хотя бы одно религиозное здание, окруженное стенами, а в некоторых городах их больше десятка. Из-за этого пространство в дефиците даже в сравнительно больших городах. Иногда для монастырей и огороженных религиозных территорий выделяют до трети площади города. Добавьте к этому десятую часть для королевского дворца, примерно столько же — для приходских церквей, и станет ясно, что почти всему населению приходится помещаться на половине площади города, причем лучшие места занимают большие дома богачей. Приезжие, соответственно, ютятся в маленьких хижинах, построенных либо на месте снесенных старых домов, либо вдоль церковного двора. Очень немногим обитателям этих трущоб удается скопить достаточно денег,

чтобы перебраться в районы, где живут успешные торговцы и вольные горожане.

Вернитесь на рыночную площадь или главную торговую улицу города и оглядитесь вокруг. Обратите внимание: почти все дома узкие и высокие, редко шире пятнадцати — шестнадцати футов. Большинство из них трех- или четырехэтажные, составными по обе стороны незастекленных окон. Раз дома узкие и высокие, значит, на рыночной площади их поместится больше, и, соответственно, на ней сможет работать больше торговцев и ремесленников. На первом этаже вы увидите большую дубовую дверь, ведущую внутрь. Рядом с дверью — витрина лавки. По ночам и в воскресенье ее закрывают, и больше всего она напоминает деревянную баррикаду на большом окне. Но вот в торговые часы нижнюю створку опускают, и она превращается в прилавок, а верхнюю — поднимают и закрепляют, чтобы она прикрывала товары от солнца и дождя. Внутри может располагаться мастерская — например, кожевника, ювелира, портного, сапожника или другого ремесленника. Другие торговцы — например, мясники или продавцы рыбы — обычно работают на улице, стоя перед витриной, а помещение лавки используют как склад. В любом случае торговец с семьей живет на верхних этажах того же дома. Только самые богатые купцы, специализирующиеся на торговле заморскими товарами, строят склады отдельно от жилищ. Благодаря такой тесной связи жилья и рабочих помещений многие лавки весьма богато отделаны: черепичные или шиферные крыши или торчащие резные балки. На некоторых домах даже вырезаны или нарисованы гербы или геральдические животные.

А потом вы зайдете за угол и увидите совсем другие дома — намного больше и стоящие боком к улице. Ваше внимание тут же привлечет остроконечное сторожевое здание с зубчатой башенкой или продолговатый деревянный дом с закрытыми балконами, нависающими над дорогой. Это дома самых богатых и важных горожан. Точно так же, как ремесленники группируются вместе — красильщики у водоема, торговцы тканью на Клот-стрит, мясники на Бутчерс-роу, — самые влиятельные жители города тоже живут поблизости друг от друга, на самых широких и длинных улицах. Там вы найдете дом крупного финансиста по соседству с жилищем рыцаря или архидьякона. В начале века эти дома были деревянными, но с течением

времени их перестраивают, так что к 1400 году большинство богачей живут в красивых и надежных каменных зданиях с печными трубами и застекленными окнами. Именно поэтому, оказавшись на улице с богатыми домами, вы обязательно увидите рядом с несколькими из них строительные леса. Если приглянитесь поближе, то окажется, что леса сделаны из связанных друг с другом жердей из ольхи и ясеня, на которых лежат доски из тополя; на них с помощью системы лебедок поднимают камни и корзины с черепицей. Именно таким способом избавляются от обветшавших останков зданий XIII века, заменяя их новыми большими постройками.

Даже этими жилищами — от однокомнатных хижин в трущобах до высоких купеческих домов и широких каменных особняков, принадлежащих богачам, — не ограничивается разнообразие городских построек. Кроме них, есть, например, аккуратные дома каноников и других служащих из соборного квартала, где вы обязательно найдете не только жилые помещения, но и скрипторий, часовню и библиотеку. Если говорить конкретно об Эксетере, то там есть еще и королевский замок с древним сторожевым зданием (уже в 1372 году, когда замок посетил Черный принц, ему было больше трехсот лет). На главной улице стоит ратуша, рядом с собором — дворец епископа, а за стеной собора — колледж певчих (которые исполняют мессу в соборе). Лучшие гостиницы с вывесками над широкими сводчатыми воротами стоят на главных улицах. В башнях сторожевого здания живут некоторые гражданские служащие. Если же говорить о низах общества, то для приезжих иной раз выделяют спальные места в амбарах и конюшнях, щедро рассыпанных по всему городу. Многие дома сдают в субаренду, так что в трех старых купеческих домах запросто может размещаться с десяток бедных семей. Кроме того, существуют еще монастырские гостиницы, дома призрения и богадельни. А когда вы покинете город и выйдете в предместья, то не сможете отделаться от мысли, что, хотя людей в городах живет сравнительно мало, разнообразие построек намного больше, чем в любом современном городе — несмотря на то что население там в двадцать — тридцать раз больше.

И последнее. Прежде чем уйти, обернитесь и в последний раз окиньте взглядом главную улицу. Вы заметили, что дороги — чуть ли не единственные общественные места? Нет ни публичных

парков, ни садов; большие открытые площади, не использующиеся в качестве рынков, для Англии тоже редкость. Улица — единственное место, доступное абсолютно всем. В ратуше могут собираться только вольные горожане, в приходской церкви — только прихожане. Когда люди собираются в больших количествах, обычное место встречи — именно улицы, зачастую — базарные площади или перекрестки. Именно там сообщают новости глашатаи, выступают жонглеры и проповедуют монахи. Но рыночная площадь — лишь центральная точка разветвленной сети разговоров. Слухи распускают люди, встречающиеся в переулках и на аллеях, в лавках, на самом рынке или у фонтанов с водой. Средневековый город — это не только здания, но и пространство между ними.

Лондон

Путешествие в средневековую Англию не будет полным, если не посетить Лондон. Это не только крупнейший город Англии, но и самый богатый, энергичный, загрязненный, вонючий, сильный, разноцветный, жестокий и разнообразный. В течение большей части столетия в соседнем городе Вестминстере, соединенном с Лондоном длинной и богато украшенной улицей Стренд, постоянно заседает английское правительство. Если точнее, Вестминстер стал постоянным местом заседаний английского правительства. В 1300 году правительство все еще было «странствующим» — чиновники следовали за королем в его путешествиях. Но с 1337 года Эдуард III начал размещать гражданских служащих в одном месте — в Вестминстере. Его канцлер, казначей и другие государственные чиновники издают документы в конторах, для которых определены постоянные места. После последнего заседания в Йорке (1335) парламент тоже обычно собирается в Вестминстере. Ричард II устроил шесть из двадцати четырех заседаний парламента, прошедших при нем, в других местах (Глостере, Нортгемптоне, Солсбери, Кембридже, Винчестере и Шрусбери), но это лишь укрепило всех в мысли, что Вестминстер — лучшее место для заседаний парламента, к тому же тогда их легче будет посетить простолюдинам. Все эти новшества, а также связи Лондона с европейскими торговцами

и банкирами лишь упрочили положение столицы. Ее важность как экономического и политического центра к концу века выше, чем у всех остальных английских городов, вместе взятых.

Гостей Лондона поражает увиденное: огромное количество домов, лавок, широких улиц (шире двадцати футов) и рынков. Они рассказывают о лебедях, изящно плывущих вверх по реке, и о белых арках Лондонского моста. Их завораживает вид сотен маленьких лодочек, снующих по Темзе. Днем на пристанях идет кипучая деятельность, связанная как с местной, так и с международной торговлей, — в порт заходят корабли водоизмещением до сотен тонн, везущие купцов и товары даже из Балтийского или Средиземного моря. Не меньшее внимание приезжих привлекают и огромные толпы. К 40 тысячам постоянных обитателей столицы присоединяются путешественники и деловые люди из всех уголков христианского мира. Очень многие из них одеты в роскошные бархатные, атласные и камчатные костюмы, так что вам остается лишь тарашиться на их одежды, смотря, как они в сопровождении слуг выходят из одной лавки и заходят в другую.

Лондон — город огромных контрастов, как, собственно, и любой другой большой город. На улицах — даже на главных — там и сям стоят бочки с тухлой водой, якобы на случай пожара, но куда чаще в них кидают гниющий мусор. Несколько улиц, на которых осталось хотя бы подобие покрытия, настолько плохо вымощены, что булыжники способствуют скорее сохранению луж, чем безопасному проезду. На остальных улицах глубокая грязь сохраняется вообще круглый год. Лондонцы, несомненно, скажут вам, насколько зловонна эта грязь после прошедшего дождя (как будто вы сами этого не чувствуете). Тем не менее это еще далеко не худшие проблемы Лондона. Вонь от куч навоза, гнилых овощей, останков рыбы и внутренностей животных создает санитарные проблемы таких масштабов, которые невозможно представить в других английских городах. Постоянно в городе обитают 40 тысяч человек, а временами там бывает сразу 100 тысяч, и всем им требуется есть и опорожнять кишечник; ни один город, где нет централизованной системы канализации, не справился бы. Крыс вы увидите повсюду. Город просто кишит ими. Помоев столько, особенно в канавах, что в них постоянно живут собаки и свиньи. Избавиться от диких свиней пытаются часто, но каждая следующая

попытка — лишь свидетельство провала предыдущей. Если даже от свиней не получается избавиться, что уж говорить о крысах?

Главная проблема — размеры. Лондон — окруженный стенами город, который начал поглощать пригороды. В нем более ста перенаселенных церковных приходов. Даже после Великой чумы 1348–1349 годов, когда умирало по двести лондонцев в день, им на смену постоянно приезжали новые люди из деревень. Соответственно, поток мусора, производимого человеком, просто не прекращается. Постоянно растет и спрос на новые товары. Лондон — крупный производственный центр, так что он, помимо всего прочего, потребляет тысячи туш и шкур животных. Самый простой метод их транспортировки — пригонять живьем, но это означает, что ежедневно прямо в жилых кварталах Лондона забивают, свежуют и разделяют тысячи туш. В начале века вы увидите, как дубильщики кожи (а от дубления запах идет сильнейший) работают прямо рядом с жилыми домами. Торговцы шкурами и сукновалы тоже сидят прямо на улицах, рядом с торговцами пряностями и аптекарями. Представьте, что парфюмерный отдел в магазине расположили рядом с рыбным, и поймете, насколько силен конфликт запахов. Правда, в Средние века было еще хуже, потому что запах гниющего мяса однозначно ассоциировался с болезнями, причем во многих случаях — справедливо. Понять, насколько все было ужасно, можно по одному закону 1355 года: власти Лондона приказали не бросать экскременты в ров вокруг Флитской тюрьмы, опасаясь за здоровье заключенных.

Впрочем, состояние Лондона постепенно улучшается. В основном — благодаря сменявшим друг друга мэрам и олдерменам, приложившим немалые усилия по организации уборки улиц. Первым шагом стало назначение официальных охотников на свиней, которые получали по 4 пенса за каждое убитое животное. В 1309 году стали накладывать штрафы на лондонцев, которые оставляли на улицах человеческие или животные экскременты: 40 пенсов за первое нарушение, 80 — за второе. В 1310 году портным и торговцам шкурами запретили скоблить кожи на главных улицах в дневные часы под угрозой тюремного заключения. На следующий год запретили снимать шкуры с мертвых лошадей в черте города. С 1357 года действуют правила, запрещающие оставлять навоз, коробки и пустые бочки у дверей домов, а также бросать мусор в Темзу и Флит — последняя к тому

времени была почти полностью запружена. В 1371 году в городе полностью запретили забой любых крупных животных (в том числе овец); с тех самых пор их отводили на убой к Стратфорд-Боу или Найтсбриджу. Наконец, после принятия Кембриджского статута в 1388 году любой, кто бросает «навоз, мусор, внутренности и прочие нечистоты» в канавы, пруды, озера и реки, наказывался штрафом в 20 фунтов, уплачиваемым в казну короля. Благодаря этому законодательному акту наконец появилась идея парламентской ответственности за общественную гигиену, причем, особенно в случае с Лондоном, — как раз вовремя.

Теперь забудьте ненадолго (если, конечно, сможете) ужасные запахи и кучи мусора на улицах города и подумайте и о его достоинствах. Посмотрите, сколько здесь ювелиров, работающих с золотом и серебром, сколько лавок торгуют пряностями, сколько торговцев продают шелк. Некоторые люди скажут, что Лондон — великий город, потому что в нем можно найти лекарства от любой болезни. Здесь, безусловно, больше врачей, хирургов и аптекарей, чем в любом другом городе Англии. Вы найдете здесь даже систему трубопроводов общественного водоснабжения — хотя давление в трубах бывает очень низким из-за отводов в частные дома. В некоторых особых случаях в водопровод даже пускают вино — например, в 1357 году, когда в Лондон привезли пленного французского короля, или в 1399-м — в честь коронации Генриха IV.

Десять мест, которые стоит увидеть в Лондоне

1. **Лондонский мост.** Девятнадцать огромных арок над Темзой — чудо инженерной мысли королевства. В ширину он составляет 28 футов; здания занимают по 7 футов с каждой стороны. Они выдаются над рекой еще на 7 футов и закреплены консолями; на первых этажах располагаются лавки, войти в которые можно с моста, выше — дома торговцев. Посередине располагается часовня Св. Фомы, а ближе к южной оконечности — подвесной мост, обеспечивающий безопасность города. Остерегайтесь бурных потоков между арками, когда прилив сменяется отливом

и наоборот; молодые смельчаки заключают друг с другом пари, что сумеют преодолеть их на весельных лодках.

2. **Собор Св. Павла.** Эта церковь, построенная еще в XII веке и недавно расширенная (реконструкция завершилась в 1314 году), — одна из самых впечатляющих во всей стране. Ее длина составляет 585 футов — третья во всем христианском мире. Ее 489-футовый шпиль — второй по высоте в Англии, намного выше, чем в Солсбери (404 фута), и уступает только Линкольнскому собору (535 футов). Но забудьте о статистике: достопримечательностью Лондона собор стал благодаря своей красоте — особенно окну-розе на восточной оконечности и зданию капитула.
3. **Королевский дворец в Тауэре.** Вы, конечно, знаете Белую башню, большое здание, построенное еще Вильгельмом Завоевателем, но большая часть замка — в том числе ров — на самом деле датируется XIII веком. Здесь вы найдете огромный королевский дворец: большую залу, королевский соляр (личная комната монарха) и множество покоев для лордов. Там же располагаются королевский монетный двор, библиотека и зоосад. В конце 30-х годов XIV века Эдуард III поселил там свою «коллекцию» львов, леопардов и других больших кошек, которая постоянно пополнялась новыми животными.
4. **Лондонская стена.** Все большие города окружены стеной, но стена Лондона уникальна. Она 18 футов высотой, и в ней целых семь больших ворот со сторожевыми зданиями: Ладгейт, Ньюгейт, Олдерсгейт, Крипплгейт, Бишопсгейт, Олдгейт и Бриджгейт (последние ведут к Лондонскому мосту). Они обеспечивают безопасность города по ночам, их огромные дубовые двери запираются на тяжелые засовы. Во время войны горожане могут оборонять свой город, словно огромный замок.
5. **Смитфилд, располагающийся прямо за городскими стенами,** — главный мясной рынок города. Не стоит и говорить, что именно здесь люди регулярно встречаются, приходя за покупками. Впрочем, еще больше народу собирается сюда на ежегодную трехдневную ярмарку,

которая начинается в Варфоломеев день (24 августа). Поскольку Смитфилд («Кузнечное поле») вполне оправдывает свое название, это поле отлично подходит для рыцарских поединков и турниров.

6. Стренд идет от моста через Флит, что рядом с Ладгейтом, вдоль северного берега Темзы к Вестминстеру. Именно со СтRENда средневековому путешественнику открываются лучшие виды Темзы; но, кроме этого, именно там расположены самые престижные дома. На этой улице стоят дворцы нескольких епископов. Самое впечатляющее здание из всех — Савой, королевский дворец, где в детстве жил Эдуард III. Позже Эдуард передал его в наследство сыну, Джону Гонту, который превратил Савой в самый удивительный городской дом во всем королевстве. Правда, во время восстания Уота Тайлера (1381) его сожгли дотла, и до конца века Савой оставался лишь выжженной оболочкой прежней роскоши.
7. Вестминстерский дворец. Древний зал, построенный еще в XI веке, видел множество знаменитых пиров. В последнее десятилетие XIV века Ричард II заменил старую крышу, которую поддерживали колонны, новой удивительной односкатной деревянной крышей, одним из самых поразительных достижений плотницкого искусства всех времен — в ее создании принял участие великий архитектор Генри Йевель. На другой стороне внутреннего дворика вы увидите колокольню Эдуарда III, построенную в 1367 году, — ее тоже проектировал Йевель. Колокол под названием «Эдуард», висящий в часовне, весит чуть больше 4 тонн — это прямой предшественник Биг-Бена. Здесь же расположены главные палаты правительства: Расписная палата, Маркольфова палата и Белая палата (там проводят заседания парламента), Министерство финансов, королевский судный двор и королевская часовня (Св. Стефана). Здесь же вы найдете личные покои королей, Дворец принца (резиденцию принца Уэльского), Дворец королевы Элеоноры и, что важнее всего, Личный дворец, где король проводит время с семьей и фаворитами. Эдуард II выделял

здесь комнату для своего друга Пирса Гавестона, королева Изабелла — для Роджера Мортимера.

8. Церковь Вестминстерского аббатства была практически полностью перестроена Генрихом III в XIII веке. Он потратил на это 41 000 фунтов, благодаря чему церковь стала вторым самым дорогим зданием во всей средневековой Англии¹. В ней похоронен сам Генрих III и два его наследника, правившие уже в XIV веке: Эдуард I (ум. 1307) и Эдуард III (ум. 1377). Здесь же стоит и законченная, но пустая гробница Ричарда II (ум. 1399) — перезахоронят его только при Генрихе V. Обратите внимание на великолепные картины на стенах, не дожившие до нынешнего времени. Не забудьте также дойти до алтаря св. Эдуарда Исповедника, украшенного золотыми пластинами и инкрустированного драгоценными камнями.

9. Тайберн. В большинстве городов воров и убийц казнят около ворот замка. В Лондоне же все по-другому. Воров вешают на перекрестке Тайберн-роуд (будущей Оксфорд-стрит) и Уотлинг-стрит (она в будущем станет Эджвер-роуд). Там, под высокими вязами, на берегу ручья Тайберн стоит виселица, причем не простаивает — казни проходят почти каждый день. Больше всего народу приходит на казнь высокопоставленных государственных изменников. Роджера Мортимера казнили здесь в 1330 году, и его обнаженное тело еще два дня провисело в петле.

10. Саутуоркские бани популярны у туристов по совсем другим причинам. Проституткам разрешается работать только на одной лондонской улице — Кок-лейн. Поэтому лондонцы и гости столицы предпочитают бани в Саутуорке, на другом берегу реки. Там мужчины могут поесть, выпить, принять ванну с ароматическими маслами и провести время в женской компании. В 1374 году таких «бань» восемнадцать, всеми ими управляют фламандские женщины. Вопреки вашим ожиданиям, частых посетителей

1. Больше потратил только Эдуард III на перестройку Виндзорского замка. См. Brown, Colvin and Taylor. History of the King's Works, i, p. 157.

бань практически не клеймят позором: венерических болезней в Англии очень мало, а брачные договоры требуют верности только от женщины — мужчина может делать все что пожелает. Некоторые священники, конечно, резко критикуют такие аморальные делишки, но очень немногие из них прямо упоминают Саутуорк. Большинство зданий, где устроены бани, принадлежат епископу Винчестера.

Маленькие города

Вы, наверное, подумаете, что небольшое поселение с тремя—четырьмя улицами, примерно сотней домов и двадцатью конюшнями не заслуживает наименования «город». Скорее всего, вы назовете его деревней, причем довольно маленькой — население таких городов иной раз не превышает пятисот человек. Вы даже не всегда ошибетесь: многие поселения такого размера действительно лучше назвать деревнями. Но другие — это именно города, и иначе назвать их нельзя. Главная отличительная черта — рынок.

Все причины, по которым большой город жизненно важен для своих окрестностей, подходят и для маленьких городков. Если в городе есть рынок, то люди станут туда приходить, чтобы покупать и продавать. Фермерам регулярно требуются новые лемеха для плугов, за которыми приходится идти в город. Кроме того, им необходимо продавать скот и зерно. Им же (или их женам) нужны бронзовые или медные сосуды для приготовления пищи, соль, свечи, иглы, кожаные изделия и прочие товары. Если вы живете в далеком поместье, милях в двадцати пяти от ближайшего «сити», вам вряд ли захочется туда идти, чтобы купить какую-нибудь мелочь вроде нескольких гвоздей, чтобы починить сломанные козлы. Вам понадобится два дня, чтобы сходить туда-обратно, да еще и деньги на ночевку. Именно для этого и нужны небольшие торговые города — к 1300 году практически любой уголок Англии находится максимум в восьми милях от ближайшего рынка, а большая часть страны — в шести. Это куда удобнее для человека, которому нужно всего несколько гвоздей или новый лемех.

Маленькие городки в средневековой Англии не похожи ни на «сити», ни на большие города. У них нет восемнадцатифутовых крепостных стен. У них нет сторожевых зданий. Они строятся вокруг рынка: с одной стороны (обычно на востоке) стоит приходская церковь, а границей служат сами дома и заборы, стоящие вокруг садов и огородов. Центр города — рыночная площадь. Другие главные здания, не считая церкви, — особняк помещика, дом приходского священника или викария и гостиницы. Ратуши вы тут не найдете, равно как и монастыря, хотя, возможно, будет богадельня, где находят приют бедные путешественники. Если богадельни нет, то примерно ту же функцию выполняет церковный дом.

Улицы грязные, ухабистые и неровные. В центре каждой улицы проходит канава, куда горожане и посетители рынков сбрасывают всякий мусор. Как и на рыночной площади, на улицах стоят кое-как построенные деревянные дома. С годами ряды рыночных лотков превратились в ряды двух — трехэтажных домов, в которых торговцы и работают, и живут. Внешней территории у таких домов практически нет. Из-за этого даже самые маленькие города застраиваются очень плотно, а когда-то просторная рыночная площадь превращается в сеть узких переулков. Жесткие приказы, запрещающие проводить зловонные работы на главных улицах, в маленьких городах не действуют. Так что, заглянув в мастерскую, вы вполне можете увидеть, как внутренности животных просто бросают в ведро. Обычно, в отличие от крупных городов, нет здесь и правил, запрещающих крыть крыши соломой. Соответственно, ряды дешевых домиков с соломенной крышей на рыночной площади очень пожароопасны: их строят из дерева, а стены у них глинобитные — из смеси глины, соломы, навоза и шерсти. Стоит загореться одному, пламя тут же перекидывается сразу на весь ряд. Впрочем, совсем не удивительно, что после таких возгораний лорд просто строит ряд новых точно таких же домиков взамен старых. Через несколько месяцев улицы снова завалены мусором, а переулки частично перегорожены пустыми бочками и сломанными ящиками. О пожаре уже все забыли.

Маленькие города — не просто грязные прыщики на теле средневековой страны. Во всех них хотя бы отчасти сохранилась исходная открытая базарная площадь, и летом, когда все лотки расставлены, а лавки открыты, когда солнце освещает дере-

вянные витрины, города воспринимаются совсем по-другому. Размеры толпы, собирающейся в базарный день, впечатлят вас: в город является несколько сотен людей с ферм и поместий, расположенных в близлежащих приходах. Кроме того, вы встретите там путешественников и странствующих торговцев, переезжающих с рынка на рынок. Все одеты в яркую одежду, на улице слышна музыка. Гостиницы и пивные переполнены; повсюду смех, крики и болтовня, и все с гордостью хвастаются своими лошадьми. Но прежде всего вас захватит атмосфера всеобщего возбуждения, и вы окончательно поймете, что это небольшое поселение из ста домов — не просто провинциальный аванпост торгового мира, а важная и неотъемлемая его часть. В базарный день в этом месте начинается суматоха — торговля, разговоры, обмен слухами и новостями, — пусть так и происходит всего раз в неделю.

Сельская местность

Летом дороги покрыты пылью. Неторопливо движутся телеги и вьючные лошади, их обгоняют группы пешеходов, а иногда — скачущий галопом гонец. Если вы оторветесь от собратьев-путешественников, то на дороге внезапно воцарится тишина. Слышно будет разве что пение птиц, гул и скрип тележных колес и, может быть, журчание ручья или реки. Ваше внимание привлечут далекие холмы и поля.

В современном мире английское поле — это небольшой квадратный участок земли площадью от двух до десяти акров. Вы привыкли видеть холмы, покрытые этими участками, словно лоскутным одеялом. В XIV же веке всё по-другому. На большей части территории страны — практически везде, кроме Девона, Корнуолла, частично Кента и Эссекса и северо-запада, — вам встретятся огромные поля неправильной формы площадью от 700 до 1200 акров, без всяких изгородей, заборов или стен. На каждом поле выделены отдельные участки земли площадью около акра, которые возделывают арендаторы: можно сказать, что поле состоит из огромного числа огородов. Участки группируются в фарлонги (не путайте их с более современной мерой длины), а фарлонги окружены межами (тропинками). На школьных уроках истории вы, скорее всего, слышали, что

одно из двух или трех полей каждые два или три года оставляют под пар, но, как вы видите, под пар оставляют не все огромное поле целиком, а отдельные фарлонги. На двух из каждых трех фарлонгов выращивают злаки — в основном пшеницу, овес и ячмень, — но третий фарлонг оставляют невспаханным, и там пасутся коровы, овцы, козы и свиньи.

Вокруг этих огромных полей, ограниченных канавами и земляными валами, располагаются общественные пастбища для овец, или рощи, откуда берут хворост и строительные материалы, или широкие низинные луга, где выращивают сено. Пастбища и луга можно найти в Англии повсюду — сотни акров на возвышенностях и плоскогорьях отданы под овечьи пастбища. Там и тут вы увидите небольшие поля, иногда огороженные каменными стенами или рвом, насыпью и изгородью, где животных держат зимой. Но подобные стены и высокие изгороди редки. Вы можете запросто сойти с большака на траву и выйти напрямик в поле. Многие пасущиеся животные именно так и поступают, растапывая посадки — к вящему неудовольствию жителей деревни и к позору человека, назначенного ответственным за заборы и изгороди (*hayward*): защита полей и грядок — его основная задача.

Вопреки вашим ожиданиям, лесов в Средние века не намного больше, чем в современном мире, — они занимают примерно процентов семь от общей площади страны. С другой стороны, едва ли не за каждым дюймо́м средневекового леса тщательно ухаживают. Некоторые места отгораживают для саженцев и окружают высокими насыпями с изгородями наверху, чтобы олени и другие животные не поели новые побеги. Из деревьев, выращиваемых в искусственных рощинах, делают шесты для углежогов, перекладыны для заборов, посохи или просто рубят для растопки. В других местах деревья разводят на древесину; место вокруг них расчищают, чтобы они росли прямыми и высокими. Большие дубы очень ценны: из них можно сделать длинные балки, которые поддерживают, например, широкие крыши. На земле упавших деревьев сравнительно мало, особенно в лесах, где неподалеку деревни. Владельцы поместий часто дают право арендаторам собирать упавшие ветки и целые деревья, и те выбирают все подчистую, до последней веточки. В некоторых районах это вообще единственный способ набрать достаточно топлива для долгой зимы. Если деревьев

и веток падает больше, чем необходимо местным арендаторам земли, права на их сбор продают. Когда лес в Лестере становится непроходимым, лорд назначает цену в 1 пенс за шесть телег древесины. После этого лес очень быстро расчищают¹.

Вы, возможно, еще кое-что заметите (или, скорее, не заметите), пробираясь через лес. Где хвойные деревья? В средневековой Англии растут всего три хвойных дерева — сосна, тис и можжевельник, причем можжевельник — это скорее кустарник, чем настоящее дерево. Вечнозеленых деревьев очень мало — широко распространен только падуб, — так что зимой лес выглядит особенно мрачно. Большинство видов сосен, елей, лиственниц, кедров, кипарисов и пихт, которые вы можете вспомнить, в лесах не растет. Если вы увидите сосновые, еловые или пихтовые доски в замке лорда и вам станет интересно, откуда они взялись, то вам ответят, что они из Скандинавии — хвойную древесину завозят из-за рубежа². Не найдете вы и каменных дубов, красных дубов, красного дерева, церов или конских каштанов. В Англии растут деревья, завезенные в бронзовый век, в римский период или снова выросшие на Британских островах после последнего оледенения: рябина, ясень, ольха, полевой клен, лещина, каштан, рябина ария, осина, некоторые виды тополя, повислая береза, бук, липа, грецкий орех, ива, вяз и граб. И, естественно, старые добрые дубы. Широко распространены обе формы дуба: «сидячий» скальный дуб, встречающийся в холмистых областях, и намного более ценный черешчатый дуб, из которого строят дома и корабли³.

Раз уж вы внимательно пригляделись к пейзажу, то наверняка обратили внимание и на другие нюансы. Белка, которую вы заметили на ветках ближайшего дерева, — рыжая: серая

1. Этот пример взят из XIII века. См. Scott (ed.), *Every One a Witness*, p. 42.

2. Генрих III завозил пихтовые доски из Норвегии в предыдущем столетии. См. Wood, *Medieval House*, pp. 395–396.

3. Подробности о деревьях взяты из Salzman, *Building* (в основном из 16-й главы), Esmond and Jeannette Harris, *Guinness Book of Trees*, и Cantor, *Medieval Landscape*, p. 63. Вяз (о которых в книгах не говорится) упоминается в Riley (ed.), *Memorials*: в 1314 году близ стен Лондона срубили вяз. Кроме того, в XII веке вязы росли в Смитфилде (Morley, *Bartholomew Fair*, p. 9) и в Тайберне.

белка до Британии еще не добралась. Коровы в полях меньше, чем их современные родичи, — причем намного меньше. Как и овцы. Программы по выведению больших сельскохозяйственных животных начнутся только через несколько веков. Лишайники, свисающие с веток над дорогой, скорее всего, будут вам незнакомы: в незагрязненном воздухе выживает куда больше разных видов. Когда наступят сумерки, а до следующего города еще далеко, вы наверняка даже задумаетесь, остались ли в Англии волки. Не сомневайтесь — не остались. Скорее всего. Современные источники говорят, что последнего волка в Англии убили в Северном Ланкашире в XIV веке, но вы вряд ли его встретите. Ральф Хигден, житель Честера, в 1340 году написал, что в Англии осталось «мало волков»¹. Последнее руководство по отлову и убийству волков датировано еще 1289 годом, так что, если вам хочется повстречать аборигенного дикого волка, отправляйтесь на нагорья Шотландии. В охотничьих парках аристократов еще сохранились дикие кабаны, но и они практически истреблены, так что шансы, что вас выпотрошит кабан, мизерны. Единственное по-настоящему опасное живое существо, которое можно встретить в лесах Англии XIV века, — это... да, правильно, человек. Группы вооруженных людей, например банды Фольвиля и Котереля, шныряют по лесным дорогам в поисках одиноких путников, которых легко ограбить. Но об этом мы подробнее поговорим в главе о законе и порядке, а не здесь.

Меняющийся ландшафт

Распространенное заблуждение — будто сельская местность в Англии вообще не меняется. Мы часто слышим поговорку «старый как холмы» (*as old as the hills*). Но даже эти холмы постепенно меняются. Некоторые из них очищают от растительности и распаивают. Некоторые — огораживают, чтобы эффективнее располагать большие отары овец. Пологие склоны, где раньше растили овес, тщательно удобряют навозом, чтобы можно было выращивать там пшеницу. Меняются и равнины. Фенские болота в Линкольншире, Сомерсетские топи

1. Цитата по Coulton (ed.), *Social Life*, p. 2.

и болото Ромней теперь намного меньше, чем были: с помощью длинных дренажных канав у болота удалось отвоевать целые квадратные мили земли. Там, где раньше ловили угрей, теперь растут пшеница, овес и ячмень.

Перемены в средневековом ландшафте обусловлены многими факторами, причем не все из них — человеческого происхождения. Например, засорение рек илом может сильно повлиять на экономическое развитие и торговлю в регионе. Процветающий порт быстро превращается в город-призрак, что не может не сказаться негативно на окрестностях и дорогах. Похожие последствия имеет и береговая эрозия. В начале века город Данвич в Восточной Англии был одним из важнейших портов страны. Там размещались бенедиктинский монастырь, два мужских монастыря, шесть приходских церквей, две небольшие часовни и даже церковь, принадлежавшая тамплиерам. Но если вы прибудете туда в январе 1328 года, будьте осторожны: ужасный шторм в ночь на 14-е число уничтожит часть города и полностью заблокирует гавань песком и галькой. После этого Данвич лишится всякого значения для судоходства. Если вы проживете в городе еще лет двадцать, то увидите, как страдают выжившие горожане, отчаянно пытаясь справиться с экономическими потерями из-за уничтожения гавани. В 1347 году еще один могучий шторм снесет четыреста домов и две приходские церкви. Перенеситесь туда, и услышите грохот зданий, падающих в море, и крики перепуганных жителей, безуспешно пытающихся выбраться из-под груды бревен и выплыть из бурного моря.

Изменения климата — еще один фактор, влияющий на ландшафт. В начале века довольно часто встречается английское вино. Короли и многие аристократы держат огромные виноградники. Но прошло всего сто лет, и к 1400 году виноградники в Англии исчезли. Среднегодовая температура упала примерно на один градус Цельсия. С виду разница кажется не слишком большой, но вот на некоторых поселениях это сказывается очень пагубно. Погода становится чуть-чуть холоднее, в том числе — когда собираются дождевые тучи. Увеличение числа осадков приводит к затоплению дорог и порче посевов. В 1315–1317 годах, во время ужасного Великого голода (ставшего следствием долгих и обильных дождей), животные буквально тонули на затопленных пастбищах. Кроме того,

наводнения приводят к большему распространению паразитов и болезней растений. Если вы окажетесь в любой части Англии во время Великого голода, то увидите, как крестьяне копают и подновляют каналы, надеясь сохранить посевы. Многим этого не удастся, и целые семьи умирают из-за болезней, связанных с недоеданием. Чем меньше людей способны возделывать землю, тем большую часть полей приходится бросать. Так что даже небольшое изменение среднегодовой температуры может привести к огромным переменам в сельской местности.

Впрочем, самый главный фактор, влияющий на ландшафт, — болезни. С 1348 года эпидемии чумы лишили сельские поместья такого количества населения, что изменился весь процесс ухода за землей. Причем дело не только в людях, умерших от болезней. Если в поместье внезапно умирает треть работников, то лорд недополучает треть ренты. После этого лорд может потребовать, чтобы оставшиеся арендаторы работали вдвое усерднее. Но если он им не платит, а соседний помещик, которому требуются работники, предлагает хорошие деньги за помощь в сборе урожая, то они просто уйдут к этому помещику вместе с семьями, «забыв» о договоре с прежним лордом, хоть это и незаконно. Так что помещик может запросто потерять не треть или половину рабочей силы, а вообще всех работников сразу. Оставшись с бесполезной землей, которую никто не обрабатывает, он неизбежно задумается, как на ней заработать. Одно возможное решение — вообще забыть о пахотной земле и отдать все поместье под пастбище для большого стада овец. Именно так всего за несколько лет несколько тысяч акров злаковых полей вокруг деревни превращаются в травянистые равнины, а развалины церковной башни останутся единственным напоминанием о том, что здесь когда-то жило много людей.

Деревни

К концу века заброшенными и разрушенными оказались более тысячи деревень. Так что визит в Англию в 1300 году будет выглядеть совсем иначе, чем в 1400. Даже процветающие поселения пострадали от Великой чумы 1348–1349 годов (или Черной смерти, как мы ее называем). В 50-х и 60-х годах XIV века на окраинах большинства деревень стоят заброшенные дома.

Их потихоньку разбирают, ибо древесина ценна, так что глинобитные стены рушатся, падая в грязь или на буйно разросшуюся траву и сорняки. В некоторых местах прихожане уже не могут себе позволить полного ремонта когда-то величественной церкви. Вместо того чтобы заменить крышу придела или часовни, они просто разбирают стены и укрепляют арки, уменьшая церковь до размеров, соответствующих их запросам и бюджету.

Деревня XIV века отнюдь не живописна. Забудьте открыточные изображения цветов в горшках у дверей старинных коттеджей с соломенными крышами. Деревни выглядят абсолютно беспорядочно — особенно с точки зрения планировки. У первого дома, который вы увидите, стены, возможно, низкие, из выбеленной глиняной смеси и с узкими окнами, на которых стоят внешние ставни. Широкая соломенная крыша начинается примерно на уровне груди и заканчивается на высоте 25 футов или даже выше. Дым из печи выходит через грубо проделанное в гребне крыши треугольное отверстие — своеобразную вентиляцию. Сама солома — скорее всего, покрытая мхами и лишайниками — выступает над стенами на добрые 18 дюймов, так что здание словно смотрит на вас исподлобья. Булыжники, которыми замостили площадь вокруг дома, неровные и уже частично утонули в грязи. Дом и сад окружены невысоким забором. Рядом с домом стоят бочки для дождевой воды и лежат кучи дров. Чуть поодаль — хижина, где находятся туалет, телега для работы, остатки сломанной телеги, еще одна телега для перевозки сена, конюшня, гусятник, курятник, амбар и, возможно, небольшая пивоварня и пекарня.

Посмотрев несколько минут на это нагромождение, вы постепенно начнете понимать, как организована вся территория, в том числе сад. Дрова лежат в непосредственной близости от дома. Туалет — вонючая дырка в земле — тоже близко (но не слишком близко) от двери. Крыша так далеко выступает за стены и дверь, чтобы защитить их от дождя и снега, потому что стены сделаны из смеси глины, соломы и навоза. Курятник и гусятник располагаются именно так для того, чтобы защитить птиц от лис и других ночных хищников. Сломанную телегу оставили, чтобы починить или разобрать окончательно и использовать еще для чего-нибудь: принцип «повторного использования» применяется в средневековой Англии почти ко всему. В саду на заднем дворе владелец дома выращивает овощи и травы. Бочки расстав-

лены таким образом, чтобы собирать дождевую воду — самую чистую доступную воду, — стекающую с крыши. Постепенно вы поймете, что эстетика здесь совершенно иная. Чтобы украсить средневековый дом, не нужен горшок с цветами. В глазах средневекового земледельца главная красота — это иметь рядом всё необходимое. Для семьи, живущей в этом доме, красота — это дым, выходящий из отверстий в крыше, и несколько полениц, ждущих своей очереди на улице.

Разобравшись в эстетической разнице между современным представлением о комфорте и практической стороной жизни в XIV столетии, вы постепенно начнете понимать, почему деревня выглядит именно так. Практичность важнее красоты, так что она сама по себе становится идеалом и образцом красоты. Да, дома рассеяны беспорядочно, словно фундаментом им служат гигантские игральные карты, которые дьявол, проходя мимо и на что-то разозлившись, бросил через плечо. Тем не менее дома расставлены именно так не без причины. Многие из них стоят рядом с выделенными хозяевам участками на открытом поле, чтобы легче было добираться туда на воловьей упряжке. Мельница стоит именно на этом месте потому, что там течет река. Другие дома стоят именно там потому, что неподалеку колодцы, или потому что зимой в этом месте замерзает река, или потому что некоторые места слишком часто заливаются. Деревня разрастается в полном соответствии с необходимостью. Теперь вы понимаете, почему средневековые прихожане без всяких угрызений совести разбирают один из приделов церкви, когда уменьшается население. Гармоничная симметрия церкви, конечно, нарушается, но небольшое здание лучше подходит для небольшого населения, и в этом тоже есть своя гармония.

По прибытии в любую английскую деревню у вас создается впечатление, что практически все дома одинаковы. Стоят ли они по отдельности или группой, почти все деревенские дома одноэтажные, а между передней и задней стеной не больше 16 футов — «глубина» всех средневековых домов составляет всего одну комнату. Кроме того, все деревенские дома строятся и покрываются крышей в одном стиле. Однако если взглянуть на ситуацию шире, то «одинаковость» окажется лишь иллюзией. Дома различаются и по размерам, и по назначению, и по способу строительства. И, конечно, о региональных различиях тоже забывать не стоит. В некоторых районах

страны камень достать намного легче, чем дуб. В Дартмуре, где большие доски перевозить почти невозможно, но зато много камня, люди живут в гранитных домах, покрывая их камышами или папоротником-орляком, которые приходится ежегодно менять. Кое-где в Корнуолле дома строят из сланцевых блоков, а крыши — из сланцевых плит. В Кенте каркасы небольшого, но заметного числа домов строят из вяза. Впрочем, в большинстве регионов каменные здания — это символы высокого положения. Рабочий люд живет в каркасных домах с соломенными крышами.

Длина большинства деревенских домов составляет от 25 до 40 футов; впрочем, встречаются и квадратные однокомнатные коттеджи, и 60-футовые дома йоменов. Последние — довольно красивые двухпролетные холлы с двухэтажными флигелями с обеих сторон и множеством надворных построек. С другой стороны, вдова вполне может жить в одноэтажном однокомнатном здании площадью всего 13 квадратных футов с крыльцом и курятником у черного хода. В некоторых регионах, в частности в Уэст-Кантри, вы найдете даже длинные дома; они могут быть в длину до 90 футов: в одном конце размещается скот, в другом — крестьянин с семьей. Помните, что в таких удаленных районах деревня может представлять собой не группу домов, а несколько разрозненных ферм, из которых лишь горстка находится в прямой видимости от приходской церкви.

В начале XIV века здания строят зачастую довольно небрежно. Дома многих батраков очень дешевые, без нормальных фундаментов — сваи забивают прямо в землю. Естественно, без цоколя доски гниют, так что такие дома нужно каждые 30–40 лет перестраивать. Вскоре, однако, ситуация меняется. Всё больше домов строят на каменных фундаментах или подпорках для глинобитных стен, а то и вовсе сразу ставят каменные стены. Крыши тоже улучшаются. В некоторых районах страны разрабатывают особую технологию: верхний слой соломы на крыше постоянно меняют, а вот нижний не трогают. Некоторые из этих нижних соломенных слоев оказались настолько долговечными, что дожили даже до наших времен, выдержав шестьсот с лишним лет — и сохранив в себе засохших средневековых кузнечиков и божьих коровок, которые сидели в траве, когда ее косили.

Не считая церкви, самые качественные здания в любой деревне построены владельцем поместья — в том числе камен-

ные дома, в которых он живет с семьей. Но даже если лорд не живет в деревне сам, он все равно строит особняк в центре главной фермы или земли, которую не сдает в аренду (*demesne*). Именно туда арендаторы приходят, чтобы заплатить ренту, штрафы и долги бейлифу, а также на общественные обеды, которые устраивают на Рождество и в других особых случаях, например во время сбора урожая. Вокруг главной усадьбы столько зданий, что сама по себе ферма становится больше похожа на маленькое село с огромными молотильными сараями и сеновалами, загонами для волов и пивоварнями, конюшнями, скотобойней, амбаром, гусятником, курятником, сараем для стрижки овец, домом бейлифа и коттеджами батраков.

Естественно, сельский ландшафт не ограничивается только этими зданиями. В прошлом монахи-цистерцианцы любили строить монастыри в захолустьях, и, хотя великая эпоха строительства монастырей уже прошла, их огромные и поразительно изящные церкви по-прежнему остаются главной достопримечательностью многих долин. Большинство английских замков находятся в городах или рядом с ними, но некоторые все же стоят отдельно, в сельской местности, охраняя дороги и заливы. Новая крепость Бодиа, построенная сэром Эдвардом Дэлингриджем, — отличный пример такого отдельно стоящего замка, равно как и замок семьи Померой в Берри, графство Девон, или жилище семьи Тальбот в Гудриче, графство Херефордшир. Еще вы можете увидеть на юго-западе добычу олова открытым способом, где глубокие «шрамы» на склонах холмов отмечают места разработки и промывания руды, а на территории больших монастырей — большие пруды с рыбой.

Потенциального посетителя, наверное, стоит еще кое о чем предупредить. Не вся Англия одинакова. В некоторых холмистых районах колесным транспортом пользоваться невозможно. Это значит, что пейзаж там совсем другой, нежели в равнинной части страны. Строительные материалы берут только в непосредственной близости. Поместья страдают от сильных дождей и не слишком приспособлены для земледелия, так что народу в них живет намного меньше. После Великой чумы многие поселения в этих районах остаются заброшенными. Кроме того, поскольку такие поместья бедны и относительно изолированы, владельцы обычно их игнорируют. Так что лучшие строители для ремонта церквей или зданий поместья туда не ездят, и

возводимые постройки часто выглядят очень провинциально, да и строят их по-любительски. С другой стороны, равнины Восточной Англии очень плодородны и, соответственно, богаты. А еще они безопасны по сравнению с сельской местностью на границе с Шотландией или Уэльсом.

Плотность сельского населения Англии в 1377 году

Регион и графство	Налогоплательщики (население старше 14 лет)	Общая численность населения на кв. милю (2,59 км ²)
<i>Восточная Англия</i>		
Бедфордшир	20 339	73
Норфолк	88 797	71
Суффолк	58 610	65
Хантингдоншир	14 169	64
Эссекс	47 962	52

1. Эта цифра экстраполирована из следующих данных: а) площади страны, приведенной в Lewis, *Topographical Dictionary*; б) численности населения, высчитанной по данным подушного налога 1377 года таким же образом, как цифры для городов. Предполагается, что 40% населения — дети до четырнадцати лет, духовенство, нищие и люди, уклоняющиеся от уплаты налогов. Напрямую сравнивать эти цифры с современными нельзя, потому что в современном мире другое определение города (автомобильный и железнодорожный транспорт сильно изменили отношения между городом и сельской местностью). В Суррее, где в 1377 году на квадратную милю жило около 40 человек, сейчас плотность населения больше 2000 — в тех районах, которые не поглощены Большим Лондоном. Возможно, вам будет интересно узнать, что плотность населения Норфолка, Суффолка и Хантингдоншира (в основном состоящих из сельской местности), по данным переписи населения 2001 года, составляет от 381 до 442 человек на квадратную милю; плотность населения Ратленда — 243 человека на квадратную милю, Дорсета — 389, Девона — 273, Корнуолла — 378, а Камберленда и Вестморленда, объединившихся в Камбрию, — 218. Плотность населения современных государств определяется в первую очередь городами и промышленными объектами внутри них, а не природой и пейзажем страны.

Регион и графство	Налогоплательщики (население старше 14 лет)	Общая численность населения на кв. милю (2,59 км)
<i>Ист-Мидлендс</i>		
Ратленд	5994	
70		
<i>Ист-Мидлендс</i>		
Нортгемптоншир	40 225	66
<i>Южное побережье</i>		
Кент	56 557	61
Дорсет	34 241	57
Гемпшир	33 241	34
<i>Юго-Запад</i>		
Корнуолл	34 274	43
Девон	45 635	29
<i>Уэст-Мидлендс</i>		
Стаффордшир	21 465	31
Шропшир	23 574	29
<i>Север</i>		
Ланкашир	23 880	22
Вестморленд	7389	16
Камберленд	11 841	13

Самое большое количество заброшенных зданий вы найдете на севере страны, в Камберленде и Нортумберленде.

В теории, там есть и приходы, и поместья, но в течение всего XIV века людей там или очень мало или совсем нет. Тому есть три причины: изменения климата, чума и частые набеги шотландцев. Разрушенные дома и часовни просто оставляют на произвол судьбы. Огромный приход Бьюкасл в Камберленде, площадь которого составляет более 40 тысяч акров, почти необитаем. Похожая ситуация и в Нортумберленде. Это пограничная территория, которую защищает доблестная семья Перси, лорды Алники, но по большей части

она пуста. Когда-то густонаселенные районы вроде Редсдейла практически заброшены. Большой приход Саймонберн, размерами 33 на 14 миль и площадью более 150 тысяч акров, настолько малонаселен, что взимаемой со всех жителей десятины не хватает даже на содержание одного священника. Туда не ездят королевские сборщики налогов. Туда не ездит вообще никто. Иногда там случаются сражения, иногда встречаются стойкие фермеры, умудряющиеся как-то себя прокормить с небольшого участка в долине, но вы можете ехать там целый день и не увидеть ни души. Строить дом на земле, где ваши посевы, скорее всего, сожгут, животных украдут, а вас и вашу семью убьют разбойники-шотландцы, просто глупо. Это, конечно, сильно контрастирует с деревнями и городками в Мидлендсе и на юге, где маленьких детей спокойно отпускают играть одних на улицу.

II

Люди

Никто не сможет точно назвать численность населения Англии XIV века. Примерные оценки — 5 миллионов в 1300 году (плюс-минус полмиллиона) и около 2,5 миллионов в 1400-м (плюс-минус четверть миллиона)¹. Единственное, в чем согласны абсолютно все, — к концу века в стране осталось намного меньше людей, чем в начале, практически в половину меньше. Между 1315 и 1325 годами население уменьшилось на пять—десять процентов, во время Великой чумы 1348 — 1349 годов — на тридцать—сорок, а во второй половине столетия — еще на пятнадцать—двадцать пять. Быстро восстановиться от гибели множества детей невозможно. Как вы уже убедились по изменившемуся пейзажу, XIV век нанес обществу серьезнейший удар. Лишь в 30-х годах XVII века население снова достигнет 5 миллионов, и лишь еще через сто десять лет — 5 с половиной.

1. См. Hatcher, *Plague, Population*, pp. 13–14, 71. По данным о подушном налоге 1377 года, который был собран со всего населения старше четырнадцати лет, за исключением духовенства и нищих, в Англии было 1 386 196 налогоплательщиков. Если воспользоваться тем же предположением, что приведено выше, — что налогоплательщики составляют примерно 60% всего населения, — то всего в Англии жило около 2,31 миллиона человек. Более ранние прикидки выводятся именно из этой цифры, принимая во внимание смертность от чумы в 1348–1349, 1361 и 1368 годах. Население уменьшалось вплоть до 40-х годов XV века. См. Hatcher, *Plague, Population*, p. 27.

Как долго живут эти люди? Зависит от того, где они живут и насколько богаты. Йомены в Вустершире в первой половине XIV века, дожив до двадцати лет, живут после этого в среднем еще лет двадцать восемь, а их наследники во второй половине столетия — тридцать два. Звучит неплохо: почти пятьдесят лет жизни. Но, с другой стороны, эта цифра означает, что половина взрослых людей даже до пятидесяти не доживает. И это мы говорим о преуспевающих жителях Вустершира. Бедные крестьяне в том же регионе в среднем живут на пять–шесть лет меньше. И еще следует учесть, что все эти цифры — для тех, кто уже дожил до двадцати лет: половина населения умирает раньше. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении может равняться всего восемнадцати годам, как, например, в йоркширской деревне Уоррем-Перси.

По вышеописанным причинам большинство средневековых англичан сравнительно молоды. Тридцать пять, а то и сорок процентов населения младше пятнадцати лет. Взглянув на противоположный конец возрастного спектра, мы увидим, что лишь пять процентов англичан XIV века старше шестидесяти пяти. Молодых людей намного больше, а старых намного меньше, чем сейчас. Впрочем, самый поразительный контраст — это медианный возраст. Если бы вы выстроили всех современных англичан в одну линию по возрасту, то в середине стоял бы 38-летний человек. Если бы вы сделали то же самое в XIV веке, то в середине нашли бы 21-летнего. Половине всей Англии двадцать один год или меньше¹.

Преобладание молодежи ведет к социальным различиям в любых поселениях и сферах деятельности. Среднестатистический человек со средневековой улицы обладает меньшим на семнадцать лет жизненным опытом, что не может не сказаться

2. Hatcher, *Plague, Population*, p. 71. Возрастная статистика основана на цифрах по XVI веку в Wrigley and Schofield, *Population History*, особенно таблице A3.1 на с. 528. По этой статистике, ожидаемая продолжительность жизни в 25 лет — еще 32 года, что превышает цифру в 20–30 лет для 20-летних, приведенную и в Dyer, *Standards*, p. 182, и в Harvey, *Living and Dying*, p. 128 (обе книги основаны на данных XV века). Поэтому по сравнению с таблицей A3.1 у Ригли и Скофилда средний возраст слегка занижен. Современные данные взяты с сайта Департамента национальной статистики.

на всех аспектах его жизни. Старших, у которых он может попросить совета, намного меньше. Вспомнив, что общества с молодым населением более жестоки, часто поддерживают рабство и не видят ничего дурного в жестоких поединках, где мужчины бьются насмерть ради развлечения, вы поймете, что с тех времен общество изменилось фундаментально. Средневековые, конечно, не сравнить с Древним Римом, но средневековое понятие о крепостной службе не слишком отличается от рабства, а любовь к рыцарским поединкам недалеко ушла от любви римлян к гладиаторским кровопролитиям. Есть лишь одна, но очень важная разница: средневековые зрители знают, что бойцы на турнирах добровольно рискуют здоровьем и жизнью. Они — рыцари-аристократы, сражающиеся ради своей гордости и славы, а не рабы, которых заставляют резать друг друга на части на потеху кровожадной толпы.

Как выглядят люди в Средние века? В целом они лишь немногим ниже нас. Средний рост мужчин — чуть выше 5 футов 7 дюймов (171–172 см), а женщин — 5 футов 2 дюйма (158–159 см). Их ступни тоже меньше: средний размер ноги у мужчин — английский 4–6 (европейский 37–39), а у женщин — 1–3 (33–36)¹. Впрочем, вы заметите, что богачи более или менее «одного с вами роста». Бедняки, с другой стороны, заметно ниже: такие резкие различия обусловлены и генетикой, и плохим питанием. Так что если дело доходит до драки, у аристократа явное преимущество. Кстати, если уж говорить о драках и боях — вы обязательно встретите мужчин, потерявших глаза, уши или конечности во французских или шотландских войнах... или в куда менее славных «сражениях». На удивление много людей хромотает из-за незалеченных травм ног или ступней, зачастую полученных на работе. В некоторых городах каждому двадцатому приходится выживать со сломанной или треснутой конечностью. А еще случаются и родовые травмы. Один из епископов Дарэма, Луи де Бомон, знаменит своей косолапостью на обе ноги. Большинство англичан рано или поздно переносят болезнь, которая портит их юношескую красоту (конечно, если они изначально были хоть сколько-нибудь красивы).

1. Dyer, Standards, pp. 316–317. См. также Roberts and Manchester, Archaeology of Disease, p. 57 — средний рост мужчин там считается равным 171,8 см.

Обычно говорят, что к двадцати годам средневековый мужчина достигает расцвета сил, к тридцати — зрелости, а к сорока — старости. Это означает, что мужчинам приходится рано взваливать на себя груз ответственности. В некоторых городах в судах присяжных могут заседать даже двенадцатилетние. Лидерам, которым нет еще и тридцати, доверяют и считают достойными всяческого уважения. Двенадцатилетний Эдуард III объявляет войну Шотландии и лично ведет в бой армию, несмотря на двукратное превосходство врага. Это не поспешное решение: Эдуарда полностью поддерживают и аристократы, и рыцари, и всадники, и пехота. В современном же мире ему бы по возрасту даже нельзя было избираться в парламент. Когда кто-то говорит, что «детям сейчас приходится очень быстро расти», ему стоит поразмыслить и оглянуться на прошлое. Средневековые мальчики должны с семи лет работать, с того же возраста их могут повесить за воровство. В четырнадцать лет им разрешается жениться, а в пятнадцать они становятся военнообязанными. Аристократы могут занимать государственную должность или командовать армией, еще не достигнув двадцати лет. В битве при Креси (1346) командование авангардом — передним батальоном армии — поручили принцу Эдуарду, которому было всего шестнадцать лет. Невозможно представить, чтобы современному шестнадцатилетнему юнцу доверили командование батальоном в бою.

У женщин периоды «расцвета», «зрелости» и «старости» сдвинуты на шесть—семь лет. В семнадцать лет женщина в расцвете сил, зрелой становится в двадцать пять, а старой — примерно в тридцать пять. По словам одного из персонажей Чосера, тридцатилетняя женщина — просто «высохшее зимнее сено». Мальчиков обручают с девочками еще в младенчестве, а в брак девочкам разрешают вступать уже с двенадцати лет, хотя сожителство обычно начинается только в четырнадцать. Подростковая беременность только приветствуется — еще одно значительное отличие от современной Англии. Большинство благородных девушек к шестнадцати годам уже замужем, а к двадцати пяти рожают пять—шесть детей, двое или трое из которых умирают. В этом возрасте многие из них уже вдовы — их мужья погибли на войне с Францией или Шотландией. Конечно, если они сами сумели не умереть при очередных родах.

Несмотря на все вышесказанное, некоторым людям удается дожить даже до восьмидесяти. Седой старый рыцарь,

сэр Джеффри де Жуанвиль, брат биографа Людовика Святого, умер в доминиканском монастыре в Тримере в 1314 году в возрасте 88 лет. Прозорливый корнуолльский священник, лингвист и переводчик Джон Тревиза, родившийся около 1326 года, умер лишь в 1412-м, в восемьдесят шесть лет. Летописец Джон Гардинг, 1377 года рождения, написал хронику триумфа первого короля из династии Ланкастеров, Генриха IV, в 1399 году и прожил достаточно долго, чтобы переписать историю с противоположной политической точки зрения по приказу первого короля из династии Йорков, Эдуарда IV, в 60-х годах XV века. В 1464 году в свои восемьдесят семь лет он был еще жив. Английские епископы тоже часто доживают до глубокой старости. Средний возраст рукоположения епископов в 1300 году — сорок три года. После этого они в среднем живут еще двадцать один год, так что их ожидаемая продолжительность жизни — шестьдесят четыре года. В 1400 году средний возраст избрания епископов — сорок четыре года. Они живут еще двадцать три года: их средняя продолжительность жизни выросла до шестидесяти семи. Даже среди них выделяются, например, епископ Дарэма Скерлоу и епископ Личфилда Бергхилл, служащие и в семьдесят лет. Уильям Уайкэм, епископ Винчестера, дожил до восьмидесяти.

Три сословия

Средневековое общество разделяет себя на три части, или «сословия», первоначально созданных Богом: те, кто сражаются, те, кто молятся, и те, кто возделывают землю. Аристократы — это «те, кто сражается». Они защищают «тех, кто молится» и «тех, кто работает». Духовенство молится, защищая души воинов и работников. «Те, кто работает», кормят аристократию и духовенство, расплачиваясь своим трудом, рентами и десятинами. Таким образом, все сословия вносят свой вклад в общественное благо.

Идея очень хороша — особенно привлекательна она для тех, кто сражается и молится, чтобы оправдать вопиющее неравенство в обществе. Но эта идея начала устаревать еще в XII столетии. А с 1333 по 1346 год от нее окончательно не оставили камня на камне английские лучники, которые, несмотря на принадлежность к сословию «тех, кто работает», продемонстрировали,

что являются куда более грозной военной силой, чем атакующий строй «тех, кто сражается». За этот короткий срок «те, кто работает», превратились в «тех, кто сражается», и над старой аристократией нависла реальная угроза исчезновения за ненадобностью. Тем не менее, несмотря на неадекватность модели, мы ей воспользуемся — хотя бы потому, что она показывает, как сами люди XIV века понимали классовую систему.

Те, кто сражаются

Король

Герцоги, графы и бароны
(50–80 «главных владельцев ленов»)

Рыцари (около 1100)
Эсквайры и джентльмены (10 тысяч)
(арендуют свои поместья у главных владельцев ленов)

Как видно на вышеприведенной диаграмме, сословие «тех, кто сражается», разделено на несколько ярусов — это пирамида богатства и военной обязанности. На вершине находится король, владеющий всей землей королевства. Владения, принадлежащие непосредственно королю, приносят ежегодный доход, которым король оплачивает содержание королевского двора, в том числе различных отделов правительства. Кроме того, король может получать дополнительные деньги на финансирование военных экспедиций с помощью субсидий и других налогов, которые должен одобрить парламент.

На втором ярусе находятся лорды. Они владеют одним из трех титулов — герцога, графа или барона¹. Герцогский титул —

1. Очень недолго существовал и маркизский титул. Роберт де Вер получил титул маркиза Дублинского в 1385 году; формально он остался его обладателем после того, как в следующем году стал герцогом Ирландским, и титул вышел из обращения только после смерти де Вера в 1392 году. Кроме того, Ричард II создал для Джона Бофора титул маркиза Дорсета в 1397 году; его брат Генрих IV лишил его этого титула, вернувшись в Англию в 1399 году. После этого титул объявили «неанглийским».

самый высокий; его ввели в 1337 году для старшего сына Эдуарда III, Эдуарда Вудстока, позже известного как Эдуард Черный принц. Герцогские титулы обычно принадлежат королевской семье: три из четырех герцогов, получившие титулы до 1377 года, — сыновья короля. Следующий по старшинству титул лорда, графский, распространен шире. Количество графов в течение столетия варьируется от семи до четырнадцати. Самый низкий аристократический титул — баронский; количество баронов колеблется от сорока до семидесяти.

Все лорды получают свои лены непосредственно от короля и, таким образом, называются «главными владельцами» (*tenants-in-chief*). Обычно они получают личные приглашения на каждое собрание парламента, где заседают в Палате лордов. Когда дело доходит до сражений, они номинально обязаны предоставлять королю войска за свой счет на сорок дней в год. На самом деле, впрочем, они несут службу столько, сколько необходимо королю, а их расходы компенсируются из казны.

Статус лорда более или менее коррелирует с доходами. В теории, любой лорд должен получать со своих владений не менее 1000 фунтов. Годовой доход большинства составляет от 700 до 3000 фунтов. Самый богатый лорд — Томас Ланкастер, пять графских владений которого принесли в 1311 году около 11 тысяч фунтов. За весь век этот показатель превзошли лишь два человека. На втором месте в условном «списке богатей» XIV века — королева Изабелла, которая в 1327–1330 годах получала по 20 тысяч марок (13 333 фунта) в год. Первое же место уходит Джону Гонту, герцогу Ланкастеру, чей валовой доход с поместий в Англии и Уэльсе в 1394–1395 годах составлял около 12 тысяч фунтов, не считая еще пенсии из Кастилии в размере 6600 фунтов¹. Доходы большинства баронов составляют от 300 до 700 фунтов, но в некоторых исключительных случаях даже барон может получать 1300 фунтов в год — например, лорд Баркли.

1. Данные по Изабелле см. Mortimer, *Greatest Traitor*, p. 171. По Гонту — см. Dyer, *Standards*, p. 36, где говорится, что его доход равнялся 12 474 фунтам; в Goodman, *John of Gaunt*, p. 341 приводятся данные по его доходам за годы, заканчивавшиеся в Михайлов день 1394 и 1395 годов: «около 10 тысяч фунтов чистого дохода (11 750 фунтов до вычета налогов)».

Третий ярус феодальной иерархии состоит из помещиков, которые получают землю от короля косвенно — или, если проще, от главных владельцев ленов. Местные лорды не получают личных приглашений на заседания парламента, хотя их могут выбрать представителями — так называемыми рыцарями графств. Они не «лорды» в смысле владения баронским титулом — они имеют власть лишь над арендаторами земли в своих поместьях. В теории всех, кто имеет годовой доход больше 40 фунтов, — примерно 1100 человек — король должен называть рыцарями. Тех, чей годовой доход меньше, называют либо эсквайрами (если они потомки рыцарей и имеют право носить герб), либо, если у них герба нет, — просто джентльменами.

Впрочем, поместьями владеют не только люди с вышеописанными званиями. Многие поместья находятся во владении священников или учреждений — например, монастырей или университетских колледжей. Немалое число старых поместий разделили поровну между наследниками, так что «помещик» вполне может владеть всего лишь четвертью рыцарского лена площадью меньше 400 гектаров и получать с них всего 5 фунтов в год. Примерно 10 тысяч человек находятся именно в категории «джентри» — с годовым доходом от 5 до 40 фунтов¹. В какой степени их считать принадлежащими к сословию «тех, кто сражается» — вопрос довольно спорный. Тем не менее благодаря своему правовому статусу и семейным связям они имеют определенное влияние среди равных себе и власть над арендаторами и крепостными, так что не думайте, что раз они небогаты, то на них можно не обращать внимания.

ТЕ, КТО МОЛЯТСЯ

Иерархия английского духовенства похожа на иерархию светских лордов. Есть духовная аристократия — архиепископы, епископы и аббаты крупнейших религиозных построек — и подчиненные ей уровни: архидьяконы, деканы, каноники и низшее духовенство.

2. См. Dyer, Standards, pp. 30–31 — там приведены доходы рыцарей и мелкого дворянства.

Общественная иерархия

Миряне

(землевладельцы
и сельские жители)Миряне
(городские)

Духовенство

Герцоги

Архиепископы

Графы

Епископы

Аббаты с местом в парламенте¹, приор госпитальеров, магистр тамплиеров (до 1308)

Бароны

Аббаты менее значимых аббатств

Приоры крупных монастырей, приоры нищенствующих орденов

Рыцари

Мэры «сити»
и инкорпорированных городов

Каноники соборов, архидьяконы, приоры небольших монастырей

Эсквайры
и джентльмены
с доходами
более 200
фунтовБогатейшие купцы
с капиталом более
1000 фунтов,
олдермены «сити» и
инкорпорированных городов

Другое высшее духовенство и богатые ректоры (обычно — нескольких приходов)

1. Количество прелатов в парламенте постоянно колебалось. В 1307 году их было пятьдесят четыре. В 1399-м — всего двадцать шесть: аббаты Питерборо, Гластонбери, Колчестера (монастырь Св. Иоанна), Бери-Сент-Эдмендс, Абингдона, Йорка (монастырь Св. Марии), Уолтэм-Холи-Кросса, Кроуленда, Бардни, Сент-Бенет-Халма, Мальмсбери, Рединга, Сент-Олбанса, Сельби, Торни, Баттла, Вестминстера, Кентербери (монастырь Св. Августина), Сайренчестера, Ивсэма, Глостера (монастырь Св. Петра), Рамсея, Хайд-бай-Винчестера, Винчкомба и Шрусбери. Кроме того, регулярно вызывали в парламент приора Ковентри. Стоит также отметить, что все прелаты в парламенте стояли выше графов, несмотря на то что герцоги стояли выше архиепископов. См. PROME, 1399 September, Introduction.

Миряне (землевладельцы и сельские жители)	Миряне (городские)	Духовенство
Эсквайры и джентльмены с доходами 100 фунтов	Купцы средней руки с капиталом от 500 фунтов	Ректоры единственного прихода
Свободные землевладельцы, йомены	Торговцы с капиталом менее 500 фунтов; профессионалы (врачи, юристы и некоторые мастера-каменщики и плотники)	Викарии приходов
Земледельцы (вольные)	Лавочники, местные торговцы, умелые рабочие, свободные горожане	Капелланы, монахи и низшее духовенство
Крепостные (несвободные)	Рабочие	Отшельники
Домашняя прислуга	Домашняя прислуга	Попрошайки

На самой вершине английской «пирамиды» находятся архиепископы Кентерберийский и Йоркский. Из этих двоих старшинство принадлежит Кентерберийскому. В его провинцию входят четырнадцать из семнадцати английских епархий и все четыре валлийские¹. Каждой епархией управляет епископ, находящийся в непосредственном подчинении архиепископа. Архиепископ Йоркский не подчиняется архиепископу Кентерберийскому, но обязан признавать старшинство южного коллеги. В его провинцию входят три оставшихся английские епархии (Карлайл, Дарэм и Йорк). Есть и еще несколько человек, носящих церковную одежду и называющих

1. Средневековые английские епархии: Бат и Уэллс, Винчестер, Вустер, Или, Кентерберии, Ковентри и Личфильд, Линкольн, Лондон, Норидж, Рочестер, Солсбери, Херефорд, Чичестер и Эксетер. Валлийские — Бангор, Лландафф, Сент-Асафс и Сент-Дейвидс.

себя епископами. Это викарные архиепископы и епископы, которых назначает папа; им дают экзотические титулы вроде «архиепископ Дамасский», «епископ Хрисуполиса» или «архиепископ Назаретский», но они подчиняются непосредственно папе и не входят в английскую церковную иерархию.

Если уж заговорили о папах, то стоит помнить две важные вещи. Во-первых, большую часть столетия папский престол находится не в Риме, а в Авиньоне, на юге Франции. Во-вторых, с 1378 года пап вообще двое. Эти странности начались с жестокого спора между папой Бонифацием VIII и королем Франции Филиппом, случившегося около 1300 года. После смерти Бонифация в 1303 году его наследник Бенедикт XI попытался исправить ситуацию, но Бонифаций даже мертвым продолжал раздражать французского короля. Следующий папа после Бенедикта, Клемент V, — франкофил, и он сделал всё, чтобы успокоить Филиппа — в частности, назначил множество новых кардиналов-французов. Кроме того, он переехал вместе с папским двором в Авиньон. Французские кардиналы постоянно избирают французских пап, которые, в свою очередь, назначают новых французских кардиналов, которые избирают новых пап-французов. Такая ситуация сохранялась до 1378 года, когда в церкви произошла Великая схизма. Шотландцы, французы и испанцы поддержали избрание нового французского папы, Клементы VII, который остался в Авиньоне. Англичане, итальянцы и большинство германских государств, составляющих Священную Римскую империю, посчитали Клементя антипапой и поддержали избрание папы Урбана VI, который вернулся в Италию и поместил престол в Риме. В общем, если излагать вкратце, ситуация такова: до 1305 года папа был один — в Риме. С 1305 по 1378 годы папа тоже был один — в Авиньоне. С 1378 года и до конца века пап двое: один в Авиньоне, другой — в Риме, причем англичане признают только последнего.

Почему это важно? Папа лично назначает каждого архиепископа, епископа и архидьякона во всем христианском мире, в том числе на Британских островах. Это дает ему огромное влияние. Когда в Англии умирает епископ, король может написать папе письмо и попросить поддержать избранную им кандидатуру, но выбор все равно остается за папой. Не стоит и говорить, что папы-французы (которые до схизмы 1378 года имели власть и в Англии) не всегда

исполняли просьбы английских королей. Есть и другие проблемы. Авиньонские папы с куда большим удовольствием назначали на верховные церковные позиции в Англии своих прихлебателей из Авиньона, а не каких-то далеких и незнакомых англичан, которых они и в глаза никогда не видели. Таким образом, многие архидьяконы и каноники в английских церквях — иностранцы, причем многие из них вообще не приезжают в Англию, а просто прикармливают доходы со своих английских владений. Наконец, и это самое очевидное — Англия воюет с Францией, так что папы-французы особой любовью в Англии не пользуются.

Как и их мирские «коллеги»-аристократы, большинство архиепископов и епископов — главные владельцы ленов, пожалованных им непосредственно королем. Каждый английский епископ имеет доход, сравнимый с графским: от 3500 фунтов в год (Кентерберии) до 400 фунтов (Рочестер). Епископ Или в 1300 году получает около 2500 фунтов в год; епископ Вустера — примерно 1200 фунтов. В некоторых случаях аналогия между епископами и графами становится еще более прямой. Некоторые обладатели епископских чинов — сыновья аристократов и тоскуют по жизни на передовой. Епископ Хетфилд из Дарэма командовал арьергардным дивизионом во время марша через Нормандию в кампании, завершившейся битвой при Креси (1346). Зуш, архиепископ Йоркский, тоже демонстрирует доблесть — он был одним из глав английской армии, одержавшей победу при Невиллс-Кроссе (тоже 1346 год). Но самым знаменитым из воинствующих епископов стал Генри Деспенсер из Нориджа, в 1383 году вторгшийся во Фландрию. Он заявлял, что ведет «крестовый поход» против французских сторонников папы Клемента, но вместо этого напал на фламандцев — сторонников папы Урбана (которого поддерживала и Англия). От епископа-аристократа, конечно, вряд ли можно требовать «подставить вторую щеку», но, по крайней мере, исполнять заповедь «Не убий» он должен?

Само духовенство делится на две категории. Архиепископы и епископы управляют белым духовенством — священниками и другими церковниками, которые живут в мире и служат мирянам. Черное духовенство по большей части находится вне их юрисдикции и подчиняется главе монастыря и главам своих орденов. Монахи и каноники отрешаются от мира, чтобы жить в созерцании и молитве за закрытыми дверями аббатств и

малых монастырей. Так же поступают и женщины — монахини и канониссы. Монахи нищенствующих орденов выходят в мир, чтобы проповедовать, но вот монахини францисканского (их называют «клариссинками») и доминиканского орденов живут в монастырях.

Виды черного духовенства

Вид	Ордена	Примечания
Монашеские ордена	• Бенедиктинцы (также «черные монахи», по цвету рясы) • Клунийцы • Цистерцианцы («белые монахи») • Картезианцы	Монахи следуют Уставу св. Бенедикта. Они уходят из мира, живут в созерцании и молитве и не имеют собственного имущества. Бенедиктинцы — старейший монашеский орден; в нем устав соблюдается в наименьшей степени. Цистерцианцы намного строже, а у картезианцев все еще строже, чем у цистерцианцев, — они живут в уединенных монашеских кельях
Регулярные каноники	• Августинцы-каноники (черные каноники) • Премонстранты (белые каноники) • Гильбертинцы • Гранмонтинцы	Похожи на монахов, но следуют Уставу св. Августина. Орден св. Гильберта в Семпрингеме — единственный монашеский орден, основанный в Англии: он позволяет монахам и монахиням совместно жить в монастырях и вместе посещать церковь
Воинствующие ордена	• Орден рыцарей Храма (тамплиеры) • Орден св. Иоанна (госпитальеры)	Рыцарские ордена, первоначально созданные для защиты дорог для паломничества в Святую Землю. После роспуска тамплиеров

Вид	Ордена	Примечания
		в 1308 году значительное представительство в Англии имеют только госпитальеры
Нищенствующие ордена	• Доминиканцы, («черные братья» или «братья-проповедники»)	В отличие от монахов, «братья» выходят в мир, проповедуя слово Божие и богатым, и бедным.
	• Францисканцы («серые братья», или «меньшие братья»)	
	• Кармелиты («белые братья»)	Они отказались от всякой личной собственности и дали обеты безбрачия и воздержания, но полностью свободны в передвижениях
	• Августинские братья	
	• Братья Святого Креста	
	(«братья распятия»)	

Один из вопросов, который неизбежно у вас возникнет во время путешествий по Англии, — если монахи действительно отрешились от мира и проводят дни в созерцании и молитве, почему вы их встречаете повсюду и в таких количествах? Ответ — монастырские дела. Аббаты и приоры обязаны посещать собрания своих орденов; многие аббаты и несколько приоров даже заседают в парламенте. Другие монахи покидают монастыри, чтобы приобрести необходимые вещи — в частности, рукописи для переписывания — или обменяться новостями. Но подавляющее большинство «монастырских дел» — это осмотр владений аббатства. Монаху в чосеровском «Рассказе шкипера» аббат разрешает ездить где угодно, чтобы «собирать для ордена доходы и выяснять причины недорода». Некоторые монастыри держат обширные пахотные угодья на юге Англии. Большие бенедиктинские монастыри вроде Гластонбери и Вестминстерского аббатства имеют доходы более 2000 фунтов, а в урожайный год — и все 3000. Доходы большинства аббатств составляют от 30 до 300 фунтов¹.

1. Оценка основана на большом количестве людей с доходами от 50 до 500 фунтов в Valor Ecclesiasticus, что отмечено в Knowles and Hadcock, Medieval Religious Houses.

Состав духовенства в Англии весьма разнообразен. Кроме всех вышеперечисленных священнослужителей, в семистах богадельнях и часовнях страны служат сотни капелланов и священников. Сложив все вместе, вы поймете, что «те, кто молятся», практически так же богаты и многочисленны, как «те, кто сражаются». К 1348 году в Англии около 650 монастырей (в 350 живут монахи, в остальных 300 — регулярные каноники). Кроме них, есть еще около 200 мужских монастырей и 150 женских, так что всего в стране почти тысяча религиозных домов. Прибавьте к этому богадельни, в каждой из которых служат капелланы и другие церковники, около 10 тысяч приходских священников, а также неизвестное число религиозных отшельников, личных духовников, певчих, исполняющих заупокойные мессы, университетских богословов и священников, служащих в женских монастырях, и получите не менее 30 тысяч человек, для которых религия — дело всей жизни. Поскольку монахом или священником можно стать только по достижении восемнадцати лет, это означает, что более двух процентов всех взрослых мужчин Англии — священнослужители.

ТЕ, КТО РАБОТАЮТ

Вы, наверное, подумаете, что третьему сословию определение дать легче всего. «Те, кто работают» — крестьяне. Какая тут еще может быть иерархия? Но вы ошибетесь. Среди крестьянства градаций богатства и статуса чуть ли не больше, чем у аристократов и церковников, вместе взятых. Статус свободного землевладельца (франклина) или йомена, у которого есть целая виргата (30 акров) и собственная упряжка из восьми волов, намного выше, чем у виллана (крепостного), который обязан служить помещику, а на собственные нужды у него есть всего один—два акра. Если дочь землевладельца выйдет замуж за младшего сына джентльмена, то его статус еще поднимется. Если его семья снабжает служителей поместья, например мажордома, — это тоже влияет на статус в лучшую сторону. Идея, что все крестьяне тянут лямку вместе и их общественное положение и состояние одинаковы, — современный миф.

Даже то, существовала ли некая группа людей, которую называли «крестьянами», — уже большой вопрос. Для помещика

такая группа существует: ему не важно, богаче ли один из его крестьян другого, — важно, что все они арендуют у него землю. Однако само слово «крестьянин» (*peasant*) в тот период не используется. Если вы спросите крестьянина, крестьянин ли он, он, скорее всего, почешет в затылке и поинтересуется в ответ: «О чем вы вообще?» Клерки называют его и его братьев либо *rustici* («сельские жители»), либо *nativi* («родившиеся в неволе»), либо *villani* («крепостные»); но сами крестьяне не называют друг друга *rustici*, к тому же не все крестьяне — крепостные. Индивидуальность им придают не сходства, а различия. Прежде всего они задают вопросы: «Откуда ты? Сколько у тебя земли? Ты владеешь каким-нибудь ремеслом? Ты умеешь играть на музыкальных инструментах? Ты родился в законном браке или нет?» И, пожалуй, самый важный из всех вопросов о статусе: «Ты свободный?»

Свобода — это главный «водораздел» среди крестьянства (давайте все же ради удобства будем пользоваться именно этим словом). Несвободные крестьяне называются вилланами, или крепостными. Крепостные возделывают землю помещика по графику, определенному обычаями, — чаще всего три дня в неделю. Кроме того, они должны выполнять конкретные задания, например вспахивать и боронить определенную часть земли лорда или собирать дрова и орехи в лесу на территории поместья. Взамен крепостные получают право на использование некоторой части земли, за которую платят ренту. В начале века примерно семьдесят процентов крепостных имеют в личном пользовании от четверти до целой виргаты, и лишь у очень немногих земли больше. В дни, когда они не отрабатывают барщину или уже завершили нужную работу (обычно ближе к вечеру), крепостные могут возделывать свою землю или трудиться в саду. Но по закону всё, что они вырастят, принадлежит помещику, и он в любой момент может забрать себе всё, что захочет.

Чаще всего помещики не забирают у крестьян ничего, кроме «гериота». Это традиционная дань — лучшая голова скота или самый ценный предмет движимого имущества, который после смерти крепостного его наследники обязаны отдать лорду. Но, как скажет вам один старый аббат, который лучше разбирается в законодательстве, чем в дипломатии, с юридической точки зрения его крепостные «не владеют ничем, кроме собственных

животов». Этот же аббат вполне может насыпать еще больше соли на раны вилланов, напомнив, что им запрещается покидать территорию усадьбы больше, чем на день. Если владелец продаст землю, то продаст вместе с ней и крепостного с семьей. Более того, у крепостных нет права предстать перед королевским судом — судить их могут только в поместных судах. В некоторых поместьях лорд даже имеет право казнить провинившихся.

Но это еще не самое худшее. Помещик имеет право вмешиваться в брачные дела крепостных. Если крепостной разрешит своей дочери (подразумевается, что она тоже несвободна) выйти замуж за жителя другого поместья, то он обязан заплатить лорду штраф, компенсирующий потерю новых поколений крепостных. Если вдова через несколько месяцев после смерти первого мужа не вышла замуж снова и землю помещика из-за этого некому возделывать, то ей прикажут выбрать себе трудоспособного мужа до следующего заседания суда — то есть в течение нескольких недель. Если она так и не выйдет замуж, то бейлиф или мажордом выберут ей мужа сами. Если они откажутся вступать в брак, их оштрафуют; если и после этого откажутся, то обоих посадят в тюрьму и продержат там, пока они не согласятся. Брак поговору родителей по сравнению с этим покажется благословением небес. Думаю, я не преувеличу, сказав, что некоторые аспекты жизни крепостных покажутся вам отвратительными.

Крепостной может избавиться от рабского положения двумя способами. Первый — лорд сам его освободит. Второй — побег. Если крестьянин сбегает в город и живет там год и один день, то официально становится свободным. Естественно, при этом он лишается всей собственности, которой владел в поместье, а его ближайшего родственника мужского пола оштрафуют. Если он женат, то его жену и детей выгонят из дома, а все имущество семьи конфискуют — так что женатые мужчины сбегают редко. Если они и пытаются, то жены обычно следуют за ними и силой возвращают обратно. Кроме того, стоит помнить, что свободному человеку не всегда живется лучше, чем его кузенам-крепостным. Если он даже владеет каким-нибудь ремеслом, то у него нет ни инструментов, ни денег, чтобы открыть собственное дело. Большинству беглых нечего продать, кроме своего труда, а он очень дешев. Но благодаря беглым крепостным — обычно младшим сыновьям, надеющимся заработать, — население города постоянно

держится на одном уровне. Бедняки в трущобах умирают от недоедания, травм и болезней, но им на смену нескончаемым потоком приходят молодые люди, живущие в дешевых тесных комнатках и кое-как сводящие концы с концами, работая в опасных и неприятных условиях.

Не меньшая разница в богатстве и статусе, чем между крепостными в поместье (у кого-то есть больше 30 акров земли, у кого-то всего один-два), есть и среди франклинов и йоменов (свободных земледельцев). На вершине иерархии находятся те, кому удалось получить во фригольд достаточно земли, чтобы обеспечить семью, — они даже в состоянии нанимать работников, которые помогают им обрабатывать землю. Еще у них может быть несколько слуг. Но даже внутри этой группы есть различия. Выше всех — те, кто арендует у лорда поместье целиком и управляет им, словно они сами помещики. После Великой чумы так случается довольно часто: лорды с удовольствием избавляются от рисков, связанных с управлением поместьями, отдавая их в аренду за фиксированную плату¹. Франклины, арендующие поместья, размывают границу между дворянством и крестьянством, женись на дочерях эсквайров. Человека, который сам назначает бейлифа, имеет слуг, родственников среди джентри и председательствует в поместном суде, уже трудно назвать крестьянином.

Большинству свободных крестьян, впрочем, живется хуже, чем арендаторам поместий. Как и у крепостных, у них редко есть хотя бы виргата земли на общих полях. Они, очевидно, не могут возделывать все 30 акров сразу — треть нужно оставлять под пар, — так что приходится себя обеспечивать с оставшихся 15 или 20 акров. В урожайный год у них даже останется определенный избыток, в неурожайный им придется довольно трудно. У вольных крестьян бывают и другие права, например пасти скот на пастбище лорда или собирать дрова в лесу, но когда случается сразу несколько неурожайных лет подряд, фригольдерам приходится туго. Особенно плохо — тем, у кого меньше восьми акров (а это почти половина всех свободных крестьян). В самые ужасные годы (например, во время Великого голода 1315–1317 годов) крепостные крестьяне жили даже

1. Документ о передаче крестьянам в аренду целого поместья перепечатан в Fisher and Juřica (eds), Documents, pp. 102–103.

лучше, чем вольные. В таких обстоятельствах ничего не остается, кроме как продать имущество более богатому франклину и наняться батраком.

По всем вышеописанным причинам, когда вы приедете в деревню на лошади, увидите, как жена одного крестьянина, наклонившись над забором, болтает с другой, и подумаете, как здесь все красиво и гармонично, не забывайте, что вы не видите ни неравенства, ни напряжения, ни страхов. К трем или четырем семьям, из которых чаще всего выбирают местных чиновников (мажордома, присяжных, сборщиков десятины, дегустаторов эля, констебля и ответственного за изгороди), вряд ли очень хорошо относятся те, кто больше всего пострадали от их обвинений в поместном суде. Некоторые семьи считают себя выше других, потому что те — крепостные или кто-то из них нанялся слугой. В большинстве деревень местного помещика либо уважают, либо ненавидят. Общая идея, особенно в начале века, состоит в следующем: чем жестче помещик (будь он хоть аббатом, хоть рыцарем) относится к арендаторам земли, тем больше его будут бояться и уважать. В целом крестьяне действительно уважают помещиков. Это вовсе неудивительно: крепостные обязаны своему лорду всем: и землей, и средствами к существованию, а во время сбора урожая и на Рождество он устраивает пир для всех. Крестьяне очень редко грабят дома и угождают помещиков. Идея, выдвинутая во время восстания Уота Тайлера в 1381 году, — «все крестьяне должны быть освобождены от крепостной зависимости» — стала следствием скорее изменившейся ситуации после Великой чумы, чем длительного периода классовой ненависти.

Люди вне сословий

Вы уже поняли все недостатки системы «трех сословий». Епископы тоже берут в руки оружие и сражаются, да и земель могут владеть наравне с графами и баронами. В некоторых случаях богатый крестьянин ничем не отличается от бедного джентльмена. Но еще более значительный недостаток модели — многие люди вообще в нее никак не вписываются. Например, где в ней располагаются купцы и торговцы? Из первой главы мы знаем, что примерно восьмая часть всех англичан

живет в городах: к какому из «трех сословий» принадлежат горожане? Их трудно назвать «теми, кто работает», потому что их доходы не перечисляются лордам. А как же все остальные? Как насчет, например, жонглеров, акробатов и шутов? Моряков, слуг и зарождающихся профессионалов — врачей и юристов? Как их вписать в три сословия?

Люди, не входящие в сословия, — едва ли не самые интересные из всех, с кем вы встретитесь. Например, слуги. Вы наверняка предположите, что слуги находятся в самом низу общественной иерархии, даже ниже тех, кто работает. Но, как скажет вам любой слуга, за любую службу положена награда, а размер этой награды зависит от того, кому и в какой должности вы служите. Королевский пристав — слуга, но, будучи вооруженным исполнителем королевской воли, он обладает немалой властью — намного большей, чем богатый купец, чьи товары, возможно, его отправили конфисковать. Эконом лорда может сам быть владельцем поместья. Бейлиф, управляющий делами поместья, — тоже слуга лорда, но у него больше власти, чем почти у всех остальных жителей этого поместья. Сыновей лордов зачастую учат хорошим манерам, отправляя в услужение к другим лордам: они тоже слуги, но тем не менее их положение высоко — несмотря на то что они не имеют никакого дохода. С другой стороны, положение десятилетнего мальчика, прислуживающего в доме зажиточного крепостного или бедного франклина, очень низко — ниже даже, чем у других крестьян. Возможно, когда вырастет, он станет фермером, но сейчас он на самом дне социальной лестницы. Это сказывается и на оплате его труда: мальчики и девочки иногда вообще не получают денег, работая только за еду и жилье.

О купцах и торговцах можно сказать примерно так же. На вершине иерархии — несколько очень богатых купцов. Почти все по-настоящему богатые купцы, ведущие международную торговлю и обладающие капиталом не менее 1000 фунтов, живут в Лондоне. Их доходы, примерно равные десятой части состояния, ставят их наравне с богатыми рыцарями. Примерно четырнадцать процентов лондонских торговцев входят в эту категорию¹. У очень многих, однако, всё имущество стоит менее

1. Документ о передаче крестьянам в аренду целого поместья перепечатан в Fisher and Juřica (eds), Documents, pp. 102–103.

50 фунтов, и доходы тоже пропорционально меньше. Немалому числу купцов приходится не только торговать, но и сдавать в аренду городскую дом, чтобы свести концы с концами. Еще ниже на экономической лестнице вы найдете торговцев, которых вообще нельзя назвать «купцами» из-за низких доходов и узкой специализации. Очень немногие зарабатывают даже 5 фунтов в год. Те портные, пекари, аптекари, сапожники и мясники, которые ежегодно зарабатывают 4 фунта, живут хорошо — намного лучше, чем среднестатистический водонос или батрак. В самом низу иерархии — те, кто не является даже свободными горожанами и не имеет права ничего продавать в стенах города. В первой половине столетия только самые удачливые возчики зарабатывают 2 фунта 10 шиллингов в год, а батракам везет, если им удастся получить 2 фунта (см. четвертую главу). А многие живут и того хуже — у батраков хотя бы работа есть.

Столкнувшись с неравенством доходов в городе и абсолютной властью помещиков в сельской местности, вы наверняка потеряете всякое желание вообще иметь дело со средневековой иерархией. Вы в этом не одиноки. Бродяги-попрошайки ходят по стране, практически нигде не задерживаясь. У многих из них (почти все бродяги — мужчины) есть свои исхоженные маршруты, ведущие через дома радушных хозяев, каждый год принимающих их на неделю—другую. Прокаженные, естественно, тоже вынуждены вести такую жизнь, но, когда начинают проявляться симптомы, им уже нигде не рады, и они предпочитают жить в специальных богадельнях для прокаженных неподалеку от городов. Куда охотнее принимают бродячих артистов — акробатов и жонглеров. Хотя большинство профессиональных музыкантов работают при дворах аристократов и в церквях, вы всё же встретите и бродячих менестрелей. В летние месяцы им живется очень даже неплохо: они путешествуют, играя веселые джиги на флейте или ребеке. Днем можно помочь с уборкой урожая, а потом, вечером, поиграть на танцах. Это уж точно намного лучше, чем состоять на службе. А кто хочет быть продавцом индульгенций — документов, которые якобы гарантируют покупателю отпущение грехов? Или прорицателем, предсказывающим Страшный суд? Или отшельником, живущим на милостыню прохожих?

Женщины

В отличие от мужчин, женщин обычно характеризует не род занятий, а семейное положение. Поэтому в Средние века их делят на четыре категории: девы, жены, монахини и вдовы. Положение девы или жены зависит от мужчины, который ее обеспечивает. У девушек это отец или отчим. После замужества — муж. Выйдя замуж, женщина оказывается в полной власти мужа. Она не может отказать ему в сексе, взять деньги в долг без его согласия, избавиться от какого-либо имущества — ей даже нельзя составлять завешание. Монахини находятся примерно в такой же зависимости от монастыря — их считают невестами Христа. Только вдовы и старые девы более-менее независимы, и то вдов обычно оценивают по общественному положению последнего мужа. Это самый главный и неотъемлемый аспект жизни женщин. С рождения до вдовства они живут под чьим-либо (обычно мужским) контролем, по крайней мере номинальным.

Достаточно лишь небольшого умозаключения, чтобы вывести из этого, что женщины постоянно становятся жертвами предрассудков. Дело даже не в том, что они «граждане второго сорта» — высокопоставленных женщин уважают не меньше, чем мужчин, — а в том, что женщин обвиняют во всех физических, умственных и нравственных недостатках общества. Именно женщина убедила мужчину вкусить запретный плод, из-за чего человечество изгнали из Рая — а такую вину трудно искупить. Сам факт, что в Библии написано, по словам Чосера, «что землю женщина чуть не сгубила», служит прочной основой для всевозможных предрассудков (впрочем, к чести Чосера, сам он им не подвержен). В одной книге XIII века, переведенной на английский язык в XIV, женщины меньше, смиреннее, сдержаннее, добрее, покладистее и нежнее мужчин, но вместе с тем «более завистливы, более смешливы и влюбчивы, и злобу в душе чаще таят женщины, чем мужчины». Затем автор добавляет, что «природа женщины слаба, она говорит больше лжи... хуже работает и медленнее двигается, чем мужчина». Он явно ценит хорошие качества женщин, но в целом его рассказ не слишком-то доброжелателен.

Несмотря на все эти пугающие предрассудки, что-то быстро изменить практически невозможно. Дело даже не в женонена-

вистничестве в обществе: люди слишком доверяют законам и социальным нормам. Мужчины исполняют законы, но это не значит, что они могут в любой момент их изменить — в конце концов, законы вырабатывались долго, в течение многих поколений. К тому же законы не сильно помогут справиться с предрассудками против женщин. Трудно сказать, как много народу считает, что проблема вообще существует. Многие женщины просто принимают доминирование мужчин в обществе как должное, считая, что Бог замыслил мир именно таким в наказание женщинам. Ибо если кто-то и попытается изучить подобные вопросы, то за информацией обратится скорее всего к Библии, а книга Бытия — не единственная, в которой есть сильный сексистский перекося. Кроме того, философия XIII века, на основе которой по большей части формируются мнения века XIV, следует аристотелевской максиме «женщины — это изуродованные мужчины». Некоторые образованные женщины жестко критикуют такой сексизм, но они мало что могут с этим сделать — разве что писать остроумные полемические трактаты и делиться ими с друзьями и знакомыми.

Парализующий фактор в отношениях мужчин и женщин на всех уровнях общества — неспособность понять и контролировать половое влечение. Медицинские познания, в основном базирующиеся на учениях Галена, жившего в III веке, ограничиваются тем, что женское лоно «холодно» и требует постоянного согревания «горячей» мужской спермой. Кроме того, если женщина не имеет сношений, то ее «семя» (термин Галена) сгустится и задушит матку, серьезно повредив здоровью. Таким образом, большинство считает, что у женщин есть физическая потребность в регулярном сексе. Брак считается важнейшим средством для утоления и женской, и мужской похоти — оба партнера друг у друга в «долгу». Выходит, что ни один из партнеров не вправе отказать другому в супружеском «долге». Соответственно, мы имеем общество, где мужчины считают, что их жены хотят заниматься любовью как можно чаще. В то же время женщин заставляют считать, что они — физическое воплощение похоти и их матки задохнутся от избытка семени, если у них не будет регулярного секса. Для незамужних женщин это представляет определенную проблему. Джон Гаддсен — одно из ведущих медицинских светил Оксфорда в начале века — рекомендует женщинам, страдающим от избыточного

желания, найти мужчину и поскорее выйти замуж. Если это невозможно, то они должны путешествовать, часто заниматься зарядкой и принимать лекарства. Если даже это не помогает, а желание настолько сильно, что приводит к обморокам, женщина должна найти акушерку, которая смажет маслом пальцы, вставит их ей во влагалище и «резко ими подвигает».

Результаты этого непонимания женской сексуальности вкупе с библейскими, юридическими и интеллектуальными предрассудками против женщин временами бывают ужасны. Согласно учению Галена, чтобы зачать ребенка, женщина должна испытать оргазм. Это всё очень хорошо — для женщин, чьи мужья готовы приложить максимум усилий для зачатия. Но вот для женщин, которые постоянно контактируют с множеством молодых мужчин, путешествующих по стране, это очень опасно. Подразумевается, что, если мужчина хочет овладеть женщиной и насилует ее так жестоко, что она не испытывает вообще никакого физического удовольствия, она от этого не забеременеет. Есть даже специальный закон, по которому изнасилование считается преступлением, причем достаточно тяжким, чтобы рассматриваться только в королевском суде, а не в местных, но этот закон очень редко применяется. Если женщина не забеременела, а никаких других доказательств сексуальной связи с обвиняемым нет, то насильника вряд ли привлекут к ответственности: суду нужно нечто большее, чем показания насильника и жертвы. С другой стороны, если женщина забеременела, то, согласно учению Галена, она испытала физическое удовольствие и, соответственно, с точки зрения закона изнасилования не было.

Все эти трудности лишь усугубляет общественная иерархия мужчин. Против высокопоставленного насильника вряд ли кто-то вообще начнет судебный процесс. Если судья попытается открыть дело против мужчины с титулом, то навлечет на себя его гнев и поставит себя в неловкое положение — ведь его обвинение будет основано только на словах женщины, в правдивости которых есть все основания усомниться. Когда королевский сборщик налогов в 1381 году начал безнаказанно и систематически насиловать девочек и молодых женщин, это стало одним из поводов к началу восстания Уота Тайлера. Единственное средство, доступное разгневанным отцам обесчещенных девушек, — физическое насилие.

Прочитав вышеописанное, вы, наверное, подумаете, что участь женщин крайне незавидна. Но в том, что вы женщина, есть и свои достоинства. Когда король рассылает своим шерифам повестки о сборе армии, рисковать жизнью в бою должны мужчины, а не женщины. Тем не менее высокопоставленные женщины пользуются всеми привилегиями, положенными «тем, кто сражается». Они могут получать в наследство землю — даже если условием ее получения является военная служба. Кроме того, высокопоставленные женщины пользуются и всей полнотой власти своих мужей. Многие вдовы даже радуются, когда люди вспоминают их покойных супругов — в конце концов, какая вдовствующая графиня хотела бы, чтобы все забыли, что когда-то она была замужем за графом? Этот же принцип действует даже в низах общественной иерархии. Жена крепостного — такой же арендатор земли, как и ее муж, и ценна сама по себе. Женщинам в городах разрешается заниматься ремеслом мужа после его смерти. Так что жена портного может сама стать портнихой, или, если смотреть шире, женщина может заниматься любым из более сотни известных ремесел — даже стать оружейником или купцом. Маргарет Расселл из Ковентри — главный пример очень богатой провинциальной женщины-купца. Из одной только экспедиции в Испанию она привезла товаров на 800 фунтов. Женщину, которая распоряжается таким капиталом и организует международные торговые экспедиции из Ковентри, трудно назвать угнетенной. Не стоит и забывать, что на втором месте в списке самых богатых людей столетия женщина — королева Изабелла. То, что жена с точки зрения закона подчинена мужу, мало что значит, если она в общественной иерархии выше всех остальных.

Еще следует помнить, что дискриминация женщин существует только в юридическом плане, а не в личном. Если женщина достаточно сильна духом, то может легко постоять за себя перед мужем — об этом вам с удовольствием расскажет чосеровская Батская Ткачиха. Мужу законом разрешается бить жену, но если он бьет ее слишком часто, она может подать на него в церковный суд за жестокость, и его там утихомирят. Но вот муж, избитый женой, в суд подать не может, потому что ни один суд не посочувствует мужчине, который настолько слаб, что не способен справиться с собственной женой. Точно так же мужу, который хочет подать в суд на жену за неверность, приходится признаться, что он рогоносец, и это неизбежно

вызовет насмешки. Если муж и жена вместе вступили на преступный путь — многие семьи действительно так поступают — и совершили преступление, которое карается смертной казнью, то вешают только мужа. Жене достаточно сказать в суде, что она лишь исполняла его приказы. Благодаря подобным нюансам неравенство, которое на пергаменте выглядит жутким, в реальной жизни (по крайней мере, для большинства) довольно терпимо. По выражению Батской Ткачихи, «любая жена способна убедить мужа, что черное — это белое, да еще и служанку позвать в свидетельницы».

Есть в положении женщин и другие выгоды. На удивление многие горожанки умеют читать. Женские монастыри, может быть, и бедны ресурсами, но богаты знаниями, и в их школах девочки учатся наравне с мальчиками. Еще стоит поговорить и о старости. Если женщина переживет многочисленные роды, то у нее есть все шансы прожить дольше мужа. При этом она еще станет и респектабельнее. Мужчин старше шестидесяти лет часто считают обузой — они уже не мужественны и неспособны исполнять доминирующую мужскую роль в обществе¹. С другой стороны, женщины, как считается, несколько не утрачивают силу, но при этом лишь прибавляют в мудрости. Кроме того, женщинам не обязательно входить в «десятки» — механизм общественного контроля в крестьянстве (см. десятую главу). Еще одно, правда, не такое явное, преимущество проистекает из роли женщины в семье. Да, женщины обычно выполняют рутинную работу — в частности, стирают белье, ухаживают за больными и обряжают покойников, — но благодаря всему этому они намного лучше знают, что происходит вокруг. То же можно сказать и об их собственном доме — жены собственными глазами видят то, чем занимаются слуги, так что куда лучше мужей представляют себе, что происходит дома. Во многих богатых домах жена — связующее звено между слугами и мужем,

1. Есть и исключения. Самое очевидное — кампания Эдуарда I против Шотландии (королю тогда было за шестьдесят). Роджер, лорд Мортимер-оф-Чирк, поднял вооруженное восстание против Эдуарда II в 1322 году в возрасте шестидесяти шести лет. Сэр Томас Эрпингем в шестьдесят лет участвовал в битве при Азенкуре в 1415 году. Генри Перси, граф Нортумберленд, несколько раз восставал против Генриха IV в возрасте за шестьдесят и погиб в бою в шестьдесят шесть лет.

который может надолго уехать по делам. В отсутствие мужа домом управляет она, а по его возвращении рассказывает, что нужно сделать и кого наказать — если, конечно, уже не позаботилась об этом сама. Эти женщины особо не задумываются над тем, что говорится в Библии. Они пользуются своим положением в личных целях, а если иногда на словах приходится подчиняться какой-нибудь странной библейской фразе, чтобы сохранить покой в доме, — пусть будет так.

Как видите, участь женщины в средневековой Англии очень зависит от того, насколько удачен ее брак. Некоторые мужья абсолютно преданны женам. Среди них и короли — Эдуард I, Эдуард III и особенно Генрих IV очень любили своих жен, — и магнаты, и бедняки. Описывая свою замужнюю жизнь, Кристина Пизанская с любовью рассказывает о покойном муже. Когда он женился на ней (ей тогда было пятнадцать), он не заставил ее заниматься с ним любовью в первую брачную ночь — он хотел, чтобы она сначала привыкла к его присутствию. Мнение Чосера тоже недвусмысленно: «Что лучше мудрости? Женщина. А что лучше хорошей женщины? Ничего». С другой стороны, плохой брак может быть для женщины в буквальном смысле смертельно опасен. Именно поэтому, когда поместный бейлиф заставляет крепостную крестьянку выйти замуж против ее воли, это очень жестоко. Она никак не сможет воспрепятствовать браку с человеком, который будет насиловать и избивать ее, заберет и потратит все ее деньги, заставит выполнять всю грязную и черную работу, а потом, вполне возможно, просто бросит ее. Помимо всего прочего, каждая беременность — это риск умереть очень болезненной смертью: для матери пятерых детей вероятность гибели при родах равна примерно одной десятой (см. девятую главу). При замужестве она приносит клятву верности мужу (при этом сам он подобной клятвы приносить не обязан), а если она бросит его, то лишается не только имущества, но и любого наследства, на которое имеет право в том случае, если переживет его. Учитывая, что некоторые женщины оказываются именно в такой ситуации, неудивительно, что у женщин, страдающих от плохих мужей, есть своя святая покровительница — Вильгефортис. Невозможно не посочувствовать тем женщинам, которым не к кому больше обратиться, кроме святой Вильгефортис.

III

Средневековый характер

Осенью 1379 года сэр Джон Арундел — младший брат графа Арундела — приезжает в женский монастырь с отрядом солдат, планируя отправиться в Бретань. Он отправляет посыльного к приорессе и просит пристанища для себя и своих солдат до тех пор, пока не переменится ветер. Приоресса колеблется, боясь толпы вооруженных юношей, сопровождающих Арундела, но, поскольку гостеприимство в отношении странников, в том числе солдат, — ее долг, в конце концов соглашается. К сожалению, ветер не меняется. Чтобы развеять скуку, солдаты начинают пить и флиртовать с монахинями. Монахини, что неудивительно, им отказывают и запираются в дортуаре. Солдат это не останавливает — они выламывают двери и насилуют монахинь. С этого начинается целая цепь преступлений. Они грабят монастырь. Потом заходят в близлежащую церковь, чтобы украсть потир и серебряную посуду, и застают там свадьбу. Достав мечи, солдаты отбивают невесту у жениха, семьи и друзей и по очереди насилуют и ее. Затем, заметив, что ветер наконец переменился, они берут с собой невесту и столько монахинь, сколько получилось, на корабль и поднимают паруса. Примерно через день с востока налетает шторм. Корабль сносит с курса, и он дает течь. Арундел приказывает выбросить всех женщин за борт, чтобы облегчить судно. Шестьдесят женщин швыряют в бурное море, и корабль уходит к берегам Ирландии¹.

1. Эта история приведена в Riley (ed.), *Historia Anglicana*, i, pp. 418–423.

Эта история, конечно, исключительна, и нельзя сказать, что в ней описываются типичные преступления того времени. Тем не менее хроникер Томас Уолсингем, записавший ее, даже не сомневается в ее достоверности. Люди в Средние века действительно верят, что молодые мужчины, собираясь группами, ведут себя именно так. Да, юноши действительно бывают невероятно эгоистичны и агрессивны, особенно если вооружены, скучают, напились и собрались в банду. Поскольку почти все они имеют при себе мечи, их повсюду сопровождает атмосфера страха и враждебности. Путешествовать между городами в одиночку женщинам запрещает вовсе не сексизм — это всего лишь вполне оправданная мера предосторожности. Прибавьте к этому еще несколько факторов, усугубляющих ситуацию, в частности географическую изоляцию и царящее фактическое беззаконие из-за того, что личность преступника после совершения преступления установить практически нереально, и поймете, почему средневековое общество намного более запуганное, осторожное и жестокое, чем современное.

Простолюдинов во время войны забирают в королевскую армию: считается, что любой мужчина умеет (и должен) драться. Во многих регионах королевства, особенно на южном побережье и на границах с Уэльсом и Шотландией, мужчинам регулярно приходится защищать свое имущество от незваных гостей. Кроме того, банды, разгуливающие по сельской местности в начале века, заставляют даже людей в относительно безопасных районах брать в руки оружие — чисто из инстинкта самосохранения. В результате многие мужчины постоянно упражняются с луком и мечом, чтобы уметь защитить себя и свои владения. Все население — и нападающие, и те, кому приходится защищаться, — приобретает склонность к насилию.

Скорее всего, это пропаганда, потому что преступление ужасно, но тем не менее название монастыря не указано. Поблизости от города не удалось найти ни одного настолько большого женского монастыря. Ричард Барбер в своей статье в ODNB о сэре Джоне Арунделе, впрочем, приводит некоторые подробности, соответствующие этому рассказу. Так или иначе, Уолсингем верит, что подобные преступления действительно случались. Соответственно, их можно приводить в качестве примеров жестокости, которая, как считали сами люди того времени, царил в обществе.

Насилие идет рука об руку с еще одной неприятной чертой средневекового характера. Люди бывают невероятно жестоки друг с другом. Когда вы увидите, каким наказаниям подвергают преступников, то начнете понимать кое-что о работе средневекового ума — преступления здесь искупаются самыми ужасными способами, в том числе повешением, потрошением и четвертованием. В современном мире мы понимаем, что чем страшнее совершенное преступление, тем дольше должно быть наказание. В Средневековье же чем тяжелее преступление, тем более жестока природа наказания. Впрочем, жестокостью полна и повседневная жизнь. Люди без особых угрызений совести причиняют боль животным и детям. Абсолютно все считают, что бить собак — лучший способ с ними обращаться, только так их можно воспитать. Петушинные бои — едва ли не детская забава. Даже женщины, не говоря уж о мужчинах, любят смотреть на травлю быков и медведей. Это не интересы меньшинства, а невероятно популярный жанр развлечений. Любое кровопролитие немедленно привлекает большую толпу.

От домашнего насилия жестоких мужей страдают не только женщины, но и дети и слуги. Причем дети чаще всего страдают от рук и отца, и матери. В образовательном трактате под названием «Как добрая жена дочь учила» говорится: «Если ваши дети непочтительны и не кланяются или кто-то из них плохо себя ведет, не ругайте их, а возьмите прочную розгу и стегайте их до тех пор, пока они не заплачут, прося пощады и признавая свою вину». Про «добрую женщину» в чосеровском «Рассказе Шкипера» тоже говорится, что вместе с ней была «маленькая девочка-воспитанница, еще в том возрасте, в котором бьют розгами». Разговорник того периода утверждает, что «если у вас есть дети, секите их розгой и учите хорошим манерам [всё] то время, пока они малы». Некоторые мужчины настаивают, что хороший отец бьет детей при любой возможности, внушая им страх нарушить закон, а снисходительные отцы не выполняют родительского долга. Детей уже с семи лет могут повесить за воровство — возможно, это отчасти объясняет экстремальные меры в воспитании (в том смысле, что жестокая дисциплина — это часть жесткого обучения нравственности). Но тем не менее мальчики вырастают, считая, что мужчине абсолютно не зазорно быть жестоким к детям, слугам, животным и женщинам. Дайте банде таких семнадцати — восемнадцатилетних

юношей мечи, выпивку и командира вроде сэра Джона Арундела, и это приведет к трагедии.

В атмосфере насилия важно знать, кто твой настоящий друг, так что верности придают огромное значение. Когда ссорятся лорды, то все их слуги тоже ссорятся друг с другом. В 1385 году два человека, состоявших на службе единоутробного брата короля, сэра Джона Холланда, поспорили с двумя эсквайрами на службе у графа Стаффорда. Эсквайры Стаффорда убили людей Холланда. Сам Холланд после этого заявляет об убийстве слуг сэру Ральфу Стаффорду, старшему сыну графа. К несчастью, сэр Ральф всячески отстаивает невиновность своих людей. В пылу спора Холланд достает меч и убивает молодого Стаффорда, и между двумя аристократическими домами вспыхивает война.

Подобная неистовая верность характерна не только для светских лордов. В 1384 году, когда епископ Эксетера запретил архиепископу Кентерберийскому посещать свою епархию, трое подчиненных ему эсквайров заставили архиепископского гонца съесть восковую печать с письма. Несколько слуг архиепископа мстят — хватают одного из людей епископа и заставляют его съесть свою обувь. Не слишком-то подобающее поведение для слуг самых высокопоставленных священников в королевстве?

В любом обществе, которое настолько жестоко, жизненно важно принадлежать. Жители города принадлежат этому городу в обмен на защиту во время путешествий в другой город. Жители поместья принадлежат поместью — ради безопасности и пропитания. Многие люди считают свою принадлежность к городскому сообществу едва ли не важнее национальности. Когда недобросовестного ремесленника или торговца (например, жулика-трактирщика) заставляют отречься от ремесла и покинуть город, он лишается не только средств к существованию, но и общества людей, которые могли встать на его защиту.

Чувство юмора

Страсть жестокого общества проявляется и в чувстве юмора. Да, даже среди насилия и сексизма юмора немало. Но покажется ли он смешным лично вам — уже вопрос другой. Вот вам, к примеру, средневековый анекдот. Один купец спрашивает другого: «Ты женат?» — «Было у меня три жены, — отвечает другой, —

да все три повесились на дереве в моем саду». «Прошу, дай мне хоть один побег этого чудесного дерева!» — говорит первый.

В наше время сарказм считается едва ли не низшей формой остроумия, но вот в XIV веке это практически вершина юмора. Пожалуй, это единственная форма остроумия, не требующая унижения жертвы. Одно из самых знаменитых юмористических писем столетия было написано молодым Эдуардом II Людовику д'Эврё; в нем он обещает прислать в подарок «нескольких уродливых борзых из Уэльса, которые могут даже поймать зайца, если застанут его спящим, и гончих, которые будут ходить за тобой вразвалочку, ибо мы хорошо знаем, как вы любите ленивых собак». Если вы окажетесь при дворе в конце 1328 года, то вас, несомненно, позабавит саркастический ответ Роджера Мортимера на письмо его заклятого врага графа Ланкастера. Мортимер, обвиненный в разорении казны, пылко отрицает все выпады в свой адрес, а затем добавляет: «Но если кто-либо знает, как сделать короля богаче, его с удовольствием примут при дворе».

Пожалуй, самая распространенная форма юмора — розыгрыши. И мужчины, и женщины веселятся, видя чужие увечья. Возьмем, например, связывание: на Радоницу в Англии есть традиция брать в «заложники» мужчин и женщин и выпускать их только за выкуп — так собирали средства на нужды прихода. В понедельник женщины связывали мужчин, а во вторник — мужчины женщин. Но временами эти забавы выходят из-под контроля. Группа ребят кладет на землю петлю и ждет, пока какой-нибудь ни в чем не повинный прохожий туда наступит. После этого они резко затягивают петлю и подвешивают беднягу за ногу — в падении он еще и часто ударяется головой. Будьте осторожны в сумерках, когда веревку трудно разглядеть в уличной грязи. Иначе будете висеть на одной ноге, пока не заплатите выкуп. Зеваки при этом будут смеяться над вашими злоключениями.

В жестоком обществе жесток даже юмор. Однажды король Эдуард II ехал по дороге позади одного из поваров по имени Моррис, и тот упал с лошади. С Моррисом явно что-то не так — он не смог удержать равновесия и снова упал. Подъехал ли король, чтобы помочь несчастному подняться? Послал ли слугу, чтобы справиться о его здоровье? Нет, конечно. Вместо этого он хохотал, хохотал и хохотал. Утерев слезы,

он наградил Морриса годовым жалованием — не для того, чтобы тот поправил здоровье, а только из-за того, что ему удалось так рассмешить короля. Иногда жестокая грубость даже прославляется в ежегодных играх; например, в игре «Гексигуд» мужчине, исполняющего роль Дурака, разрешается целовать любую девушку или замужнюю женщину, которая ему встретится. Но в конце празднества его подвешат на суку над костром, а потом перережут веревку, и он расплатится за свою вседозволенность сильными ожогами.

Между жестоким чувством юмора и обманом, который вовсе не так забавен, — очень тонкая грань. Вы удивитесь, сколь многие смеются над тем, как мужчине удалось уговорить женщину с ним переспать, пообещав после этого жениться, — а в качестве «гарантии» выдать обручальное кольцо из плетеных камышей, которое быстро развалилось вместе с брачными перспективами. Молодая женщина, наставляющая рога старику-мужу с привлекательным юношей, — тоже повод для веселья. Чосер великолепно использует эту идею, обсуждая отношения между мужчинами и женщинами в «Кентерберийских рассказах». Естественно, в устах Чосера даже самый банальный обман выглядит невероятно смешным. Концовка «Рассказа Мельника», где плотник перерубил веревку, державшую его корыто под крышей, и рухнул вниз, — это великолепный образец дешевого фарса. Но на одного Чосера приходится десятки тысяч менее остроумных шутников. В 1351 году мэр Лондона даже вынужден был принять подзаконный акт, запрещающий мальчикам устраивать розыгрыши над членами парламента. Помимо всего прочего, они подбегают к ним со спины и воруют капюшоны.

Любовь воина к цветам

Сейчас вы, наверное, думаете, что характер средневекового англичанина состоит только из жестокости и склонности к насилию. В этом вы не слишком даже и неправы — эти два элемента, несомненно, присущи англичанам еще с детства. Но это далеко не единственные составные части характера. Точно так же, как биограф начинает понимать человека, жизнь которого описывает, только разобравшись во всех противоречиях его характера, вы тоже сможете понять средневековый

разум, лишь уяснив всю его противоречивость. Например, настоящие мастера насилия — военные командиры, которые умеют напасть на противника внезапно и превосходящими силами. Но в реальности они не были так уж жестокосердны. Генрих, граф Ланкастер — один из величайших полководцев столетия. В 1345 году он, возглавляя англо-гасконскую армию, одерживал победу за победой. Но как он проводит время и чему радуется? Нет, конечно, он любит и всё, что «полагается» любить мужчине тех времен: охотиться, пировать и, по его собственному признанию, соблазнять женщин, особенно молодых крестьянок, — но еще ему нравятся трели соловья и запахи роз, мускуса, фиалок и ландышей. Образ великого полководца, который закрывает глаза и вдыхает аромат цветов, напоминает нам, что некоторые средневековые лорды — вовсе не недалекие жестокие бандиты. Генрих даже написал книгу о духовности и религиозности. В таких людях есть и поэзия, и утонченность, и живой ум, и доброта, и духовная щедрость. И искренность. Когда пресловутый герцог Ланкастер клянется, что не снимет осаду, пока не водрузит флаг на стенах замка, будьте уверены — он сдержит клятву. Даже прямой приказ короля не заставит его нарушить слово. Возможно, сильнее всего вас изумит то, как часто мужчины в доспехах — машины для убийства — непоколебимо отстаивают свои принципы и добродетели. И как легко довести их до слез.

Самый очевидный контраст с вульгарным бесчувственным юмором и жестокостью того времени — людская набожность. Быть «немного религиозным» по тогдашним меркам — всё равно что быть фанатиком сейчас: религия поразительно глубоко проникла в повседневную жизнь. Многие англичане ежедневно ходят на мессу. Многие каждый день дают милостыню. Многие четыре — пять раз в год отправляются в паломничество, кое-кто за год успевает посетить более ста разных церквей. Вы, наверное, предположите, что это все показуха, демонстративная религиозность, направленная на то, чтобы заставить простолюдинов поверить, что высшие классы ближе к Богу. Но такой взгляд не только до крайности циничен — он еще и просто ошибочен. Религиозность не менее характерна для всего тогдашнего общества, чем жестокость. Один из величайших героев-воинов столетия — сэр Уолтер Мэнни, близкий друг короля Эдуарда III и королевы Филиппы. Он из тех головорезов,

что готовы, словно они неуязвимы, в одиночку броситься на орду французских рыцарей. Однажды он даже совершил дерзкую вылазку из осажденного города, чтобы разломать осадное орудие, мешавшее его обеду. Вместе с тем именно он основал большой монастырь (Чартерхаус, картезианский монастырь в Лондоне) и купил на свои средства участок земли, на котором лондонские бедняки хоронили умерших родственников во время Великой чумы. Сэр Уолтер, возможно, «машина для убийства», но под его доспехами — человек, отличающийся состраданием и набожностью, и эти добродетели — столь же неотъемлемая черта его характера, как и военная доблесть.

Ключ к пониманию таких людей — идея «респектабельности». Если вы хотите польстить кому-либо, вне зависимости от общественного положения, скажите, что он держит и ведет себя как благородный человек и заслуживает всяческого уважения. Люди стремятся на важные чиновничьи должности в городах и поместьях — это улучшает их положение. Люди хотят, чтобы их ценили выдающиеся жители королевства — в особенности сам король. И, прежде всего, они хотят, чтобы их любили и почитали и после смерти. Я не преувеличу, сказав, что на некоторых похоронах собирается более 10 тысяч человек. Чем больше народу пришло на ваши похороны, тем больше любили, почитали и уважали вас при жизни. Так что люди высокого положения стали платить нищим за то, чтобы они пришли на их похороны. В 1303 году на погребение Ричарда Грейвсенда, епископа Лондона, собралось 31 968 бедняков. Стремление хотя бы выглядеть почтенными и уважаемыми характерно и для мужчин, и для женщин. Проклинать или клеветать на кого-либо — серьезный проступок, жертвы нередко защищают свою гордость в суде. Возможно, именно такое прямолинейное представление о респектабельности лучше всего объясняет, почему людям так смешно, когда гордеца подвешивают вниз головой или крадут у него капюшон.

Образование

Насколько характер зависит от полученного образования? В Средние века наиболее правильный ответ — «не слишком». Но если развернуть вопрос наоборот, то и ответ изменится

на противоположный. Недостатки средневекового образования очень сильно сказываются на людях.

В городах и деревнях приходской священник раз в неделю рассказывает детям о семи смертных грехах. В остальном образование ограничивается обучением мальчиков и девочек навыкам, необходимым для их будущего ремесла или иного занятия. Сына рыцаря в семь лет отправят в услужение другому рыцарю, часто — к дяде по материнской линии. Детям богатых лордов нанимают личных наставников. Дети сельскохозяйственного работника уже в семь лет сами начнут работать в поле. Сыновья ремесленников еще в детстве станут подмастерьями и научатся вести доходы и расходы (либо в письменном виде, либо с помощью счетных палочек), а также, естественно, основным навыкам ремесла. Детям, которым предназначено служить Церкви, в семь лет выстригают tonsure. Образование, как и многие другие аспекты средневековой жизни, в первую очередь практично.

В большинстве городов есть и школы, но они доступны лишь немногим. Соборы, бенедиктинские аббатства, женские и мужские монастыри обычно содержат школы. Другие школы связаны с городскими церквями — именно из них выходят клерки, духовенство и абитуриенты Оксфорда и Кембриджа. Цена за обучение в школе может достигать до 10 пенсов в неделю — для большинства родителей это неподъемно. Для крепостных крестьян — неподъемно вдвойне, потому что им придется еще и платить штраф местному лорду за то, что их ребенок покинул поместье. Меньшинство, которому в четырнадцать лет все же удастся поступить в один из двух университетов, изучает сначала тривиум (грамматику, риторику и логику), а затем квадривиум (арифметику, музыку, астрономию и геометрию), чтобы получить диплом по свободным искусствам. Но студентов в обоих университетах от силы несколько сотен. Высшее образование — это малодоступная привилегия.

Учитывая, что в школах учился лишь очень малая часть англичан, вы, наверное, удивитесь, узнав, сколько народу умеет читать. Вам, наверное, когда-то сказали, что читать и писать умели только священники. Году в 1200-м в Англии так и было: если кто-то умел читать, значит, он почти наверняка принадлежал к церкви. Но в то время поместные суды не вели протоколов, большинство епископов не вели реестров, да и вообще,

кроме хартий, иных письменных документов практически не издавалось. Но вот в XIV веке все уже по-другому. Заседания поместных судов тщательно протоколируются, равно как и финансовые дела каждого поместья. Каждый епископ ведет реестр. В каждом большом поместье на каждого богатого землевладельца работают клерки. У каждого судьи есть канторские работники, равно как у каждого шерифа, сборщика выморочного имущества и коронера. Большинство богатых купцов ведут бухгалтерию в том или ином виде. К 1400 году даже церковные старосты умеют вести баланс доходов и расходов¹. Все профессионалы в городе — врачи, юристы, нотариусы, хирурги и школьные учителя — умеют писать и читать, около двадцати процентов остальных ремесленников тоже грамотны. В сельской местности основную часть грамотного населения составляют поместные клерки, приходские священники и ктиторы. При составлении списков фригольдеров, наиболее достойных доверия, часто специально указывается, грамотны ли они — и таковых находится немало. Крепостных в таких списках не бывает: подавляющее их большинство неспособно даже прочитать собственное имя, не то что записать его. Несмотря на это, можете рассчитывать, что в сельской местности грамотны примерно пять процентов взрослых мужчин, а в городах — и все двадцать². К концу века в некоторых городах и «сити» этот процент, возможно, даже еще намного выше.

1. Лишь очень немногие отчеты церковных старост XIV века сохранились до наших времен. Судя по списку в приложении к Hutton, Rise and Fall, pp. 263–293, самые ранние из них — из церквей Бриджуотера (1318), Св. Михаила в Бате (1349), Св. Иакова в Хедоне (1350), Рипона (1354), Св. Иоанна в Гластонберии (1366), Св. Августина в Хедоне (1371), Св. Николая в Хедоне (1379) и Тэвистока (1392). То, что подобные отчеты велись и на севере страны, и на юго-западе (от Йоркшира до Западного Девона), говорит о том, что этот формат в XIV веке был распространен шире, чем можно предположить по количеству сохранившихся документов.
2. Для сравнения: по оценкам, уровень грамотности в Англии 1500 года составлял около 10% (Stephens, Literacy, p. 555). Уровень грамотности горожан в 20% и сельских жителей в 5% дает в среднем 6% грамотного населения, если считать, что в городах живет 12% населения, как указано в первой главе. Поскольку революция в ведении учета и образовании произошла только в XIII веке,

Знания об окружающем мире

Еще один миф, популярный в современном мире, — что простые люди в Средние века никогда не уезжали дальше пяти—шести миль от дома. Увидев, какие толпы собираются в городах в базарный день, вы уже поймете, что это не так. Да, крепостные действительно не уходят дальше нескольких миль от поместья, потому что привязаны к помещику, но свободные люди могут путешествовать — и путешествуют — на куда более далекие расстояния.

Представьте для примера, что вы — преуспевающий свободный землевладелец и хотите, чтобы семеро ваших сыновей и дочерей нашли себе подходящие партии. Вам, скорее всего, придется искать семьи за пределами своего прихода. Да и все подходящие семьи, естественно, не будут жить в одном и том же соседнем приходе. Так что всего за одно—два поколения семья может рассеяться по довольно приличной территории. Каждый член семьи, вполне возможно, будет ходить на рынок в свой ближайший город и, конечно, рассказывать родным, что и почем там можно купить. В одной большой деревне обычно три—четыре таких зажиточных семьи, и вместе они владеют довольно-таки обширной информацией о городах и последних политических новостях. Они знают всё о городах в радиусе двадцати-тридцати миль в любом направлении. А еще они знакомы со многими влиятельными людьми. Так что благодаря родственным связям, дружбе и торговле возникает сложная информационная сеть. Более того, когда члены этих семей отправляются в путешествие, они останавливаются у родственников. Таким образом, они общаются с двоюродными и троюродными братьями и сестрами, и возникает еще одна сеть — взаимопомощи, связей и мест, где гарантированно можно получить ночлег.

Теперь рассмотрим общественные обязанности семьи вышеупомянутого землевладельца. Предположим, что его брата назначили бейлифом в поместье. Это в том числе значит, что ему нужно периодически ездить то в поместье, то к управляющему

цифра в 6% кажется вполне соизмеримой с 10% в 1500 году, до новых значительных прорывов в образовании и грамотности, случившихся в XVI веке.

делами лорда — а тот, в свою очередь, может находиться буквально где угодно, если хозяин возьмет его с собой в путешествие. Другой брат этого крестьянина — монах, который ездит с проповедями по городам и деревням. Или, может быть, он моряк. А его кузена назначили на год окружным констеблем. Ему, соответственно, приходится ездить не только по всей территории поместья и заглядывать в соседние поместья, но и посещать окружные суды и суды графств, которые, вполне возможно, заседают в двадцати — тридцати милях от его дома. Если у матери землевладельца были родственники, владевшие частью поместья, то, вполне возможно, у семьи есть в родне и эсквайры, служащие аристократы — а они и вовсе путешествуют по всей стране. Так что информационная сеть может распространяться далеко за пределы одного поместья.

Как только вы задумаетесь о множестве различных видов деятельности, которые требуют постоянных поездок, то быстро поймете, что вольные граждане регулярно ездят на расстояние в десять — двадцать миль, а то и больше. Фригольдеры, владеющие землей, приносящей доход более 40 шиллингов, имеют право участвовать в выборах представителя графства в парламенте, для этого нужно ехать в столицу графства. Служителям епархии приходится совершать длительные путешествия, чтобы назначать новых священников или рассматривать дела в церковном суде. Королевские судьи, их секретари и слуги ездят по всей стране; на заседание королевского суда съезжаются сотни местных чиновников и людей, обвиняемых в преступлениях. Многие англичане совершают паломничества. Прибавьте к этому служителей монастырей и слуг аристократов, которые управляют отдаленными усадьбами, и поймете, что путешествия не просто широко распространены — избежать их практически невозможно.

Хороший пример — утверждение завещаний. Душеприказчики обязаны принести клятву и утвердить завещание в строго определенном церковном суде. Соответственно, им приходится ехать в один из нескольких судов: епископскую консисторию, архидьяконский суд, «особый» суд церковнослужителя или суд архиепископа Кентерберийского в Ламбете. Отсутствие общественного транспорта никак не оправдывает неявки. Равно как и большое расстояние. Если умирает человек, живущий на границе Девона и Корнуолла, и оставляет

имущество в обоих графствах, то у его душеприказчика нет иного выбора, кроме как потратить несколько дней на поездку в Эксетер и обратно (а это 80 миль). Если умерший оставил имущество на границе епархий Йорка и Линкольна, то придется ехать уже в Ламбет (300 миль туда-обратно). Даже если люди не пускаются в путешествия ради удовольствия, им приходится это делать по необходимости.

Что англичане знают о событиях за рубежом? Здесь опять-таки весь вопрос — в практичности. Когда Эдуард III в 1346 году отправляется во главе армии во Францию, 15 тысяч человек для нее он собирает со всех концов королевства. То же можно сказать и об армиях, отправленных в Гасконь (феодалные земли английских королей на юго-западе Франции), и об армиях, которые все пять сменившихся за век королей созывали на войны с Шотландией. Мужчины с юга Англии, которые идут в Шотландию, по пути проходят множество городов, знакомятся с множеством разных людей и слышат десятки региональных говоров. Не менее 30 тысяч англичан пересекли Ла-Манш, чтобы поучаствовать в осаде Кале в 1346–1347 годах, если верить официальным платежным ведомостям. Многим из них приходится пройти 200–300 миль от дома до порта. За это время они знакомятся с другими собратьями-солдатами из всех уголков страны, видят немало новых мест и рассказывают и слушают разные истории и новости.

Информация о событиях за морем доходит до Англии разными путями. Во-первых, английское духовенство регулярно общается с папой. Английские клерки и гонцы постоянно ездят через Францию в Авиньон или Рим, встречаясь по пути с самыми разными людьми — от трактирщиков до монахов и знати. Немало англичан совершают далекие паломничества — в Сантьяго-де-Компостела, Рим, Кёльн (к раке трех волхвов) и даже Святую Землю. Эти путешественники тоже приносят с собой знания о заморских странах. Тысячи англичан принимают участие в крестовых походах на Пруссию и Литву или на Никополь, а для этого тоже приходится преодолевать большие расстояния и знакомиться с жителями множества других королевств. Еще один источник новостей — письма, которые получает и рассылает король: их развозят по стране придворные. Ко двору регулярно являются гонцы из Франции и Испании, отчасти благодаря тому, что жена Эдуарда II — дочь

короля Франции, а его кузен — король Кастилии. Эдуард III активно ведет дела с родственниками из Нидерландов. Два его сына женятся на кастильских принцессах, третий — на дочери герцога Миланского. Ричард II женится на принцессе из Праги (Богемия), а сестры Генриха IV — королевы Кастилии и Португалии. Одна из его дочерей в начале XV века вышла замуж за короля Норвегии, Швеции и Дании. Англия, может быть, и расположена на острове, но отнюдь не отрезана от Европы.

Помимо прочего, новости из-за моря приходят через моряков и торговцев. Мореходы, выходящие из Кингс-Линна и Бостона, отлично знают берега Швеции, Норвегии, Дании и Прибалтики. У английских купцов есть торговые представительства в Копенгагене и Данциге (современный Гданьск). Некоторые смельчаки добрались даже до Московии (под этим названием известно Великое княжество Московское). Герцогство Аквитанское — наследственное владение короля Англии, а большая часть английского вина — из Гаскони, так что морякам Плимута известен морской путь в Бордо. Между южным побережьем Англии и Нидерландами постоянно курсируют суда — особенно часто они направляются в знаменитые своими ткачами фламандские города Брюгге и Гент, которые закупает большое количество английской шерсти. Торгуют англичане и с немецкими городами, входящими в Ганзейскую лигу. Англия, может быть, и не крупнейшая торговая держава христианского мира, но ее экономические связи простираются от Ирландии и Португалии до Константинополя и Москвы.

Что это всё значит для среднего англичанина? Всё зависит от того, где он живет. Жители городов и деревень, стоящих на главных дорогах, ведущих от Лондона к крупным портам — особенно Дувру, — чуть ли не каждый день видят иностранцев и купцов. Но можно с определенной уверенностью сказать, что у каждого англичанина есть знакомый, который воевал в Шотландии, Ирландии, Франции, Испании или в одном из прусских крестовых походов в Восточной Европе. Нет ни единого человека, кто не слышал бы солдатских рассказов и баек. Так что, когда Джеффри Чосер упоминает рыцаря, который сражался в Литве, Пруссии, России, Португалии и Турции, большинство его слушателей уже знают и названия этих стран, и то, что они очень далеко от Англии, — даже если никогда в жизни не видели карты мира. А когда рассказ заходит о шкипере из Дар-

тмута, который знает все гавани от Балтийского моря до мыса Финистерре и всё бухты Бретани и Испании, слушатели тоже все понимают; знаменитый сэр Джон Хоули — пират и торговец, восемнадцать раз избиравшийся мэром Дартмута, — известен всем. Даже когда Чосер говорит о Сирии и Азии, это вполне вписывается в средневековую картину мира. Генрих IV, человек, побывавший и в Иерусалиме, и в Вильнюсе, Кёнигсберге и Данциге, ведет переписку с царем Абиссинии (современная Эфиопия). Эдуард III принимает у себя сына «царя Индии». В 1400 году император Константинополя лично посещает Англию в сопровождении православных священников из Византии. Так что можно сказать, что хоть многие крепостные действительно ни разу в жизни не покидают поместья, но большинство англичан знают о событиях, происходящих за морем, даже если сами никогда и не уезжали из Англии.

Вот знания о землях, лежащих за пределами христианского мира, — совсем другой вопрос. Ни один средневековый англичанин никогда не был в Китае или Индии. На картах мира есть Китай — его там называют Серес, потому что китайцы носят шелковую одежду, — но об Азии знают так мало, что эту информацию даже знаниями-то не назвать. Люди по-прежнему путают Индию и Эфиопию, повторяя ошибку, сделанную еще в I веке нашей эры Плинием Старшим. Благодаря подделанному в XII веке письму многие считают, что Индий на самом деле три, все они — сказочно богатые страны, а правит там христианский князь (пресвитер Иоанн). Соответственно, само название «Индия» используется как синоним Азии, которая, по некоторым представлениям, покрывает половину земного шара. Подобные ошибочные суждения лишь усугубляются теориями монастырских ревизионистов, которые сами никогда в жизни не покидали келий, но тем не менее из сложных богословских выкладок делают вывод, что восточное побережье Индии находится всего в нескольких днях морского пути к западу от Испании.

Большинство людей представляют себе, что земля — шар, но при этом им не приходят в голову логичные следствия из этого — например, что от Англии можно добраться до Китая, если отправиться на запад¹. Первой попыткой подобного рода

1. То, что Земля имеет сферическую форму, считали самым собой разумеющимся еще со времен Аристотеля. Этот факт стал неотъемлемой

станет плавание Колумба в конце следующего столетия. Люди знают, что Азия, Африка и Европа окружены огромным океаном, но считают, что на другой стороне этого океана — и, соответственно, на другой стороне мира — лежит четвертый континент, называемый Антиподией, или *Terra Australis Incognita* («Неизвестная южная земля»). Люди не могут туда попасть, потому что там слишком жарко. Там живут фантастические народы, например сциоподы, у которых всего одна огромная ступня. Чтобы отдохнуть от нестерпимой жары, сциоподы ложатся на спину и укрываются от солнца в тени собственной ступни. Вместе с ними в Антиподии живет еще дюжина невероятных народов. Среди них — антипеды (люди, у которых ступни растут в обратную сторону), амазонки (женщины с одной грудью), кинокефалы, или псоглавцы (люди с песьими головами), панотии (люди с огромными, как у слонов, ушами) и блемнии (безголовые люди, лица которых расположены на груди).

Даже знания о «нашей» стороне Земли и то временами довольно отрывочны. Некоторые сказочные народы южного континента путают с обитателями далеких стран вроде Индии или Эфиопии. Да и на известных землях тоже «селят» выдуманные народы вроде эфиопских троглодитов (быстроногих, но глупых пещерных людей) и «женодарителей» (мужчин, которые предлагают любому прохожему переспать с их женами или дочерьми в обмен на подарки). Некоторые азиатские народы якобы едят своих родителей: откармливают к старости, после чего убивают на ритуальном пиру. В книге Джона Мандевиля, которой многие верят, говорится, что на острове Сандин в Восточной Азии, если человек болен и вряд ли долго проживет, члены семьи душат его, варят и жарят разные части тела и скармливают их на пиру всем друзьям и родственникам.

Проблема состоит в том, что не вся информация неверна на сто процентов. В Восточной Азии, скорее всего, есть племена каннибалов. В Эфиопии живут чернокожие люди (хотя черны они не потому, что загорели на солнце, как утверждают энциклопедии того времени). Знатоки географии скажут вам, что непода-

частью знаний ученых еще во время каролингского возрождения в VIII веке... К XIII веку знания о сферической форме Земли... проникли не только в ученую, но и в популярную литературу». Simek, *Heaven and Earth*, p. 25.

леку от берегов Индии есть большой остров (сейчас он известен нам как Шри-Ланка). «Это все очень хорошо», — подумаете вы, но потом тот же рассказчик добавит, что на Шри-Ланке каждый год по два лета и по две зимы, а еще там водятся слоны и драконы. Слоны — да, действительно водятся, но драконы? Но и это еще не всё: возвращаясь со Шри-Ланки, вы встретите и единорогов, и фениксов, и множество других сказочных существ. Может быть, единорогов выдумали под впечатлением от встречи с индийским носорогом? Может быть, дракон — это искаженное воспоминание о морском крокодиле-людоеде? Невозможно сказать с уверенностью. Англичане XIV века знают, как выглядят слоны и крокодилы. В Экстерском соборе в одной из трапезных есть отличное резное изображение слона, а Генрих III в XIII веке даже держал слона в Тауэре (он прожил три года). Что же касается крокодилов — их описал Бартоломей Английский: «его укусы ядовиты, зубы его ужасны и имеют форму гребня... если крокодил встречает человека на берегу, то убивает его, потом оплакивает и, наконец, съедает». Но в целом можно сказать, что англичане очень мало знают про нехристианский мир. Единственное, в чем вы можете быть уверены: их представления о далеких странах — это смесь правды и вымысла, причем количество вымысла может стремиться даже к ста процентам, потому что все равно никто не может отличить одно от другого.

Проницательные разумы?

Неумение отличить факты от вымыслов в рассказах о далеких странах вполне понятно, но это говорит о более глубокой проблеме — неумении отличать факты от вымыслов вообще. Иногда кажется, что в Средние века люди гордятся количеством знаний, а не их качеством или правильностью. Хорошо образованные и умные люди отлично понимают всю ущербность такого подхода. Некоторые читали труды Иоанна Солсберийского, где он пишет, что раз три церкви заявляют об обладании головой Иоанна Крестителя, то по крайней мере две из них неправы. Чосер тоже называет многие мощи святых «свиными костями». Тем не менее большинство людей такие вопросы совершенно не беспокоят. Церкви находятся на огромных

расстояниях друг от друга, так что им не приходится задумываться над вопросом «почему у Иоанна Крестителя три головы» и, соответственно, над вытекающим из этого вопросом «почему церковь говорит неправду». Почти всё объясняется принципом божественного провидения. Всё именно такое, как есть, потому что Бог решил, что так должно быть, — даже если это значит, что у Иоанна Крестителя три головы.

Для людей, ходящих по средневековым улицам, настоящая угроза божественному провидению — это не рационализм, а козни дьявола. В некоторых районах страны вороньи стаи считаются лазутчиками дьявола. В других жители шарахаются от людей, говорящих на кельтском языке, считая его дьявольским. Если даже просто упомянуть имя дьявола, то молоко скисает, а фрукты становятся невкусными. Куда бы вы ни пришли, обязательно услышите истории о том, как дьявол явился в приходский округ, или на чью-нибудь землю, или в церковь, где поднял из могилы тело недавно умершей ведьмы. Что интересно, катастрофы национального масштаба обычно считают не происками дьявола, а посланиями Бога. Когда английскую армию в Черный понедельник (14 апреля 1360 года) поразил ужасный шторм и гигантский град убил множество людей и лошадей, это посчитали божественным вмешательством и призывом начать мирные переговоры. Точно так же и Черную смерть 1348–1349 годов считали божественным наказанием за прегрешения человечества, подобным Всемирному потопу, который Бог наслал, чтобы смыть грехи мира во времена Ноя. Летописец Томас Уолсингем даже утверждает, что восстание Уота Тайлера тоже имеет божественное происхождение — это наказание лондонцам за грехи. Если вы увидите, как крестьяне из Эссекса и Кента убивают всех подряд, в том числе архиепископа Кентерберийского, и нападают на королеву-мать, вы, наверное, с ним не согласитесь.

Слово, которое лучше всего описывает средневековое отношение к дьяволу, чудесам и прочему подобному, — «суеверие». Люди не знают законов физики, не понимают природы материи и даже того, как функционирует человеческое тело. Так что они не видят никаких ограничений в своих представлениях о работе мира. Соответственно, можно сказать, что у них нет «чувства нормальности». Произойти может что угодно. Они считают, что чародейство действительно работает, а сверхъестественные существа обладают ужасной силой.

Астрологию применяют по любому поводу — с ее помощью определяют и когда принимать лекарство, и когда стирать белье. Алхимия может по-настоящему превратить свинец или железо в золото. А возможности колдовства и магии ограничены только воображением наблюдателя: они не имеют ничего общего с реальными способностями ведьм и колдунов.

С одной стороны, магию и сверхъестественные силы можно применять в повседневной жизни. Если вы потеряли ценную вещь и считаете, что ее украли, можете обратиться к колдуну или ведьме. Проблемы у вас возникнут только если вы обвините в краже невиновного — тогда или вас, или колдуна привлекут к суду за клевету. Заметьте: противозаконна только клевета, а не магия сама по себе: к обычному колдовству, без ереси, относятся вполне терпимо. Но вот на другом конце «магического спектра» находится еретическая магия, а к ней отношение намного суровее. В 1324 году даму Алису Кайтлер, дворянку из Ирландии, и ее спутниц обвинили в отречении от Христа, принесении в жертву дьяволу живых цыплят, наложении проклятий на мужей и приготовлении мази из внутренностей принесенных в жертву цыплят «с отвратительными червями, различными травами, ногтями мертвецов... и одеждами детей, которые умерли некрещеными, и множеством других мерзейших ингредиентов, сваренных на дубовых дровах в черепе обезглавленного вора». Хотя еретиков в Англии XIV века обычно не сжигают — такое наказание ввели лишь в 1401 году, — эти обвинения были предъявлены в Ирландии. Власти, воспользовавшись возможностью, сожгли нескольких спутниц дамы Алисы заживо.

Некоторые аспекты этой наивной доверчивости считаются не ересью и не суеверием, а важной частью религиозной веры — например, те же три головы Иоанна Крестителя. Посмотрите хотя бы на работу продавца индульгенций. Люди сознают, что грешны и что за грехи их ждет наказание в Судный день. Так что они платят продавцам за индульгенции. Безоговорочная индульгенция, которую выдают на куске пергамента, очищает вас от всех грехов разом — соответственно, она самая дорогая. Менее дороги специфические индульгенции, которые очищают вашу совесть от определенного преступления (например, супружеской измены), и временные индульгенции, которые прощают вам все грехи, совершенные в определенный период времени (например, в течение месяца). Весь этот странный бизнес — воплощение

одновременно слепой веры и цинизма. Вас шокирует аморальность продавцов, которые готовы отдать индульгенции за дешево, если продажи падают. Многие считают продажу индульгенций как таковую порочной практикой, но многие другие думают, что за прощение можно помолиться, а можно и заплатить. Если подумать, то продавец индульгенций, торгующий обещаниями спасения души, не слишком отличается от врача, торгующего обещаниями исцеления тела. Учитывая уровень средневековой медицины, врач с большей вероятностью причинит вам вред, чем продавец индульгенций.

Возможно, самый странный аспект доверчивости и суеверия — широко распространенная вера в пророчества. Политические пророчества средневековой Англии — это экстраординарный феномен. В течение нескольких веков писатели сочиняли мистические тексты, которые якобы описывают превратности политической жизни в будущем. Такие тексты предстают в разнообразных формах: «Пять снов Адама Дэви», написанные около 1308 года, — это последовательность мистических видений об Эдуарде II, где в том числе говорится о его визите в Рим. «Пророчество шести королей», впервые появившееся около 1313 года, рассказывает о шести королях, правивших после Иоанна, и утверждает, что Эдуард III снова завоюет все земли, принадлежавшие предкам. «Священное масло св. Фомы» объясняет происхождение и мистические свойства некоего масла, привезенного герцогом Брабантским на коронацию Эдуарда II в 1308 году. Все эти пророчества вызывают широкий общественный резонанс. Люди верят им. И не без причины, потому что в той или иной форме пророчества действительно сбываются. Эдуард II действительно в каком-то смысле нанес визит в «Рим» — он посетил Авиньон, тогдашнюю резиденцию папы. Эдуард III действительно стал воином, который отвоевал все земли предков, победил в битве испанцев и сражался у ворот Парижа, в полном соответствии с «Пророчеством шести королей». Политические пророчества, можно сказать, исполняют сами себя, так что люди доверяют им. Поэтому Генрих IV, едва взойдя на престол, приказал умастить себя священным маслом святого Фомы. Пророчество гласит, что он станет успешным священным воином.

В средневековом обществе можно найти и рационалистов, и ученых, но их труды покажутся вам еще невероятнее иных пророчеств. Самый поразительный и знаменитый пример —

один из абзацев труда великого ученого и философа XIII века Роджера Бэкона. В тексте, где он пытается показать, что многие якобы «волшебные» явления на самом деле вполне нормальны, есть такие строчки:

Можно построить корабли, которые будут двигаться без весел и гребцов, так, что большие суда без всякого труда смогут вести по морю или реке один человек, причем быстрее, чем любое весельное. Можно построить колесницы, которые будут двигаться без всякого тяглового животного с немыслимой скоростью... Можно построить летающие машины, внутри которых сидит человек и вращает определенный механизм, благодаря которому машут искусно сделанные крылья, подобные птичьим. Можно построить и иной инструмент, который, несмотря на малую величину, сможет поднимать или опускать огромный вес... Опять-таки, можно сделать инструменты, с помощью которых можно будет ходить по морю или по реке, опускаясь даже на самое дно без малейшей опасности... Очень многое можно построить: мосты, которые пересекают реки без каких-либо быков и опор, и неслыханные машины и механизмы.

Вы явно не такого могли ждать от францисканского монаха, живущего в суеверной средневековой Англии. Наверное, вам даже станет интересно: может быть, какой-нибудь другой путешественник во времени рассказал Бэкону о современных кораблях, автомобилях, самолетах, подъемных кранах, водолазных костюмах и подвесных мостах? Но перечитайте этот пассаж еще раз и подождите ругать доверчивых англичан. Именно благодаря вере в то, что возможно всё, совершаются величайшие открытия. «На то, что другие смотрят мутно и слепо, словно летучие мыши в сумерки, он смотрит при полном свете дня, потому что он мастер экспериментов», — говорит Бэкон, хваля одного из современников. То же можно сказать и о самом Бэконе: если возможно всё, то эксперименты необходимы. А если говорить о его летающей машине и водолазном костюме — вспомните рисунки Леонардо да Винчи, и они вас уже не удивят. Леонардо в своих блокнотах упоминает и Роджера Бэкона.

IV

Знания первой необходимости

Зайдите в любую церковь или часовню страны, и увидите на стенах изображения сцен из Библии. Но вы не сразу осознаете, что это библейские сцены, потому что одежда на изображенных людях не такая, как в эпоху Христа. Все персонажи всех изображений Святой Земли выглядят так, словно живут в средневековой Англии. Римляне одеты в средневековую одежду. Христос и апостолы тоже выглядят по-средневековому. Если где-то изображены корабли и солдаты — то тоже средневековые. В Англии того времени нет понятия о культурном развитии, о том, что люди разных эпох выглядят и ведут себя по-разному, и о том, что культура Древнего Рима и Палестины была совсем другой. Путешественник во времени, оказавшийся в XIV веке, сразу поймет всю иронию ситуации, потому что в первую очередь ему бросятся в глаза именно огромные культурные различия.

Дело не только в одежде. Языки, даты, рабочие часы — практически вся повседневная жизнь в XIV веке отличается от современной. В традиционных исторических книгах таким различиям уделяется мало внимания. Но именно по этой причине необходимо описать хотя бы простейшие аспекты повседневной жизни. Вам нужно знать, как сказать, сколько времени, где и когда можно покупать и продавать товары, почему некоторые люди платят налоги а некоторые — нет, и какое поведение считается приличным. Благодаря вниманию к этим деталям вы не опоздаете на встречу, не окажетесь

у позорного столба, сможете избежать ограбления, и, самое главное, вас не объявят безумцем.

Языки

В современном мире языки меняются постепенно. Возьмите книгу на вашем родном языке, выпущенную за сто лет до вашего рождения, и вам нетрудно будет ее прочитать, пусть язык и покажется несколько старомодным. В XIV веке все по-другому. Целые слои общества перестают говорить на одном языке (французском) и вместо этого учат другой (английский). Это само по себе кажется невероятным, но еще поразительнее — то, что от родного языка отказываются не низы общества, а верхушка. Хотя английские аристократы говорили по-французски еще со времен норманнского вторжения в 1066 году, а еще в конце XIII века Роберт Глостер сказал что «если кто-то не знает французского, люди не относятся к нему серьезно», в XIV веке тем не менее произошли фундаментальные лингвистические перемены.

Почему? Если отвечать просто, то максима Роберта Глостера «уважения достоин только тот, кто говорит по-французски» устарела. В 1300 году она еще действовала: если вы не знаете французского, то вряд ли вас будет уважать кто-то за пределами вашей общины. Король говорит по-французски, равно как и его лорды, рыцари, клерки, капелланы и слуги. Все официальные классы говорят по-французски. Очень немногие высокопоставленные члены общества знают английский. На английском языке нет никакой литературы; по-английски пишут разве что протестные стихотворения, направленные против духовенства и аристократии, или некоторые религиозные тексты. Но к 1350 году все больше аристократов учат сыновей английскому языку. Перемена произошла в основном благодаря националистическим взглядам короля Эдуарда III, который говорил по-английски, гордился языком и даже писал на нем свои девизы. В 1362 году он издал указ, разрешающий выступать в суде на английском языке — раньше в суде говорили только по-французски, — и тем самым публично заявил о своей поддержке английского как «языка народа». В том же году его канцлер открыл заседание парламента речью на английском языке. К концу века большинство аристократов и прелатов говорят по-английски так же хорошо,

как по-французски. У сына Эдуарда III есть немало книг на английском языке, включая один из самых ранних переводов Библии, а его внук, Эдуард Йоркский, перевел на английский знаменитую книгу Гастона Феба об охоте. Генрих IV в 1399 году заявил о своих правах на трон на английском языке в парламенте в присутствии всех лордов и епископов. Позже Генрих вел переписку на английском со своим канцлером (архиепископом Кентерберийским), а в 1409 году даже написал на английском языке свое завещание. Эдуард III и Генрих IV совершили больше, чем все предыдущие правители, вместе взятые, чтобы сделать английский языком официальных классов и справиться с презрением, которое двор питал к этому языку в предыдущие триста лет.

Конечно, встречаются и исключения. Даже в 90-х годах XIV века вы еще встретите людей, плохо говорящих по-английски. Многие старомодные рыцари и леди даже не пытаются учить новый язык, предпочитая старый англо-французский (на котором по-прежнему разговаривают многие придворные). Большинство населения Корнуолла вообще не говорит ни по-английски, ни по-французски, храня верность своему древнему кельтскому языку (корнуольскому). Очевидно, если вы пересечете границу и поедите по Уэльсу, то обязательно найдете поселения, где говорят только по-валлийски. Даже в самой Англии язык делится на огромное число акцентов и диалектов. Житель Нортумберленда лишь с огромным трудом поймет жителя Девона. Некоторые жители юга Англии, встречаясь с северными собратьями, даже думают, что те говорят по-французски, — настолько странно звучат их акценты.

География и общественное положение — не единственные факторы, влияющие на выбор языка. Клерки очень часто пишут не на том языке, на котором говорят. На английском языке записи ведутся редко. Если после 1362 года вы будете давать показания в суде по-английски, то их для записи переведут на латынь. Финансовые книги тоже пишутся на ломаной «казначейской латыни». Говорить на одном языке, а писать на другом с виду кажется невероятно трудным, но у этого есть и свои преимущества. Поскольку многие государственные служащие говорят на англо-французском языке, он используется в качестве стандартного средства общения по всей стране. Зная французский, английские администраторы легко ведут переписку с Гасконью. Роль латыни еще важнее, потому что ее орфография

стандартизирована. Ни во французском, ни в английском языке орфографических стандартов нет; в английском и вовсе еще используются две саксонские буквы, которых нет в современном алфавите: йоуг (пишется «з», читается как «gh») и торн (пишется «Ѡ», читается как «th»). Хотя разговаривают на латыни очень немногие, иметь универсальный язык для переписки, который понимают во всем христианском мире, от Канарских островов до Литвы и от Исландии до Иерусалима, очень удобно.

Если вы заговорите по-английски с местными жителями, не удивляйтесь, если их язык покажется вам грубоватым. Географические названия XIV века описывают местность без прикрас (вышеупомнутый Шитбрук или, например, Pissing Alley — «Зассанный переулок»), так что повседневная речь тоже весьма прямолинейна и похабна. В «Кентерберийских рассказах» Чосер описывает, как один пылкий любовник погнался за замужней женщиной, которую воцделел, и «caught her by the cunt» (в русских переводах, естественно, половые органы заменяли более «пристойными» частями тела). В другом месте Чосер вкладывает в уста Трактирщика фразу, буквально значащую «Твои рифмы не стоят и куса дерьма!» В повседневной речи все говорят прямолинейно, без обиняков. Так что если кто-то весело хлопнет вас по плечу и воскликнет «Будь благословенны твои бриджи и яйца твои!», не пугайтесь. Это комплимент.

Даты

Когда начинается новый год? 1 января? Не всегда. Хотя аристократы и дарят друг другу новогодние подарки 1 января, но средневековые англичане отсчитывают «Божий год» со дня Благовещения Пресвятой Богородицы, 25 марта. «Странно», — подумаете вы. Но дальше будет «всё страньше и страньше». Начало года определяется несколькими разными способами, причем они еще и используются одновременно. Кроме 1 января и 25 марта, есть и третий «новогодний день» — Михайлов день (29 сентября), которым пользуется королевское Министерство финансов. С этого же дня отсчитывает новый год и летописец Адам Меримат, чьи труды (вместе со странными датами) получили широкое распространение путем переписывания и адаптации.

Для тех, кто путешествует за рубеж, средневековая система дат еще сложнее. День, в который англичане обмениваются новогодними подарками и в который начинается «исторический» 1367 год, по флорентийскому и венецианскому календарю принадлежит еще 1366 году, а вот в итальянском порту Пиза год уже 1367, но начался он еще 25 марта прошлого года. Если вы 1 января 1366 года отплывете из Англии и доберетесь до Пизы в середине февраля, там уже будет 1367 год. Доберитесь оттуда до Венеции до конца февраля, и вернетесь обратно в 1366 год. Покиньте город после 1 марта, и *Anno Domini* будет уже 1367. Но стоит вам доехать до Флоренции, вы опять вернетесь в 1366 год. Возвратитесь на ваш корабль в Пизе — там уже вообще 1368 год. Плывите в Прованс, и снова окажетесь в 1367 году. На обратном пути остановитесь в Португалии или Кастилии, где даты до сих пор отсчитывают с момента появления римлян, — там год и вовсе 1405. «Испанской эрой» (так называется система дат, начинающаяся с 38 года до нашей эры) до сих пор пользуются в Португалии (до 1422 года) и Испании (до 1384)¹.

На самом деле очень немногие англичане применяют *Anno Domini*. Большинство использует куда более сложную систему датировки — «королевские годы»: первый, второй, третий и так далее годы правления короля. По этой системе «новый год» начинается в годовщину восшествия короля на престол. 1388 год *Anno Domini*, может быть, и начинается 25 марта, но большинство англичан назовут этот день 25 марта «одинадцатого года короля Ричарда II» (Ричард взшел на трон 22 июня 1377 года). Пока всё нормально. Сложности начинаются из-за того, что год определяется по светскому календарю, а вот дни — по церковному, и зависят в том числе от переходящего праздника (Пасхи). Таким образом, 23 марта 1388 года — это «понедельник перед Благовещением Пресвятой Девы Марии одинадцатого года правления короля Ричарда II после Завоевания». Довольно громоздко, не находите? К тому же эта система уязвима для ошибок. Если перепутать «*annunciation*» («Благовещение») с «*assumption*» («Успение», то получите совершенно другую дату в другом году (12 августа 1387 года). Способ датировки, популярный в XIV веке, конечно, поэтичен, но этим его достоинства исчерпываются.

1. Адаптировано из R.L. Poole, цитата по Cheney, *Handbook of Dates*, p. 3.

Измерение времени

Сказать, сколько времени, не менее сложно. Проблема даже не в разных системах, а в трудностях, возникших, когда старую солнечную систему понемногу начала сменять система «часа по часам». Дотопока как Эдуард III в 50-х и 60-х годах XIV века установил механические часы в своих дворцах, часов как таковых в Англии не было вообще — не считая экспериментального механизма, изобретенного аббатом из Сент-Олбанса Ричардом Уоллингфордом. Люди отсчитывают время, разделяя день (который начинается на рассвете) на равные доли — часы. Поскольку день и ночь всегда делят на равные части вне зависимости от времени года, из этого следует, что дневной «час» (двенадцатая часть светового дня) летом длиннее, а зимой короче. Таким образом, чтобы в XIV веке сказать, сколько времени, нужно рассчитать, какой путь проделало солнце на небе. Это можно сделать с помощью солнечных часов или измерения угла тени, отбрасываемой высоким предметом. Во вступлении к «Рассказу Юриста» Чосер отлично описывает оба метода. «Трактирщик наш увидел, что пройти успело больше четверти пути на небе солнце». Четверть от двенадцати часов — это три часа от рассвета, так что, если добавить еще и упомянутую в исходном тексте четверть часа, получится, что время — где-то между половиной десятого и десятью часами утра. Чосеровский рассказчик подтверждает это наблюдение: «Дерев равнялась тень их росту, следовательно, в тот день и в этой широте — пробило десять; и это правда, если здраво взвесить: ведь ясно и без точного промера, что сорок пять делений угломера прошло светило с наступленья дня». Обычно для измерения угла солнца используется медная астролябия — если, конечно, вы умеете с ней обращаться. У большинства богатых людей есть астролябии¹.

Единственные механические часы, которые вы увидите, стоят в башнях аристократских дворцов, некоторых больших аббатств и соборов. К концу века часы стоят в соборах Солсбери и Уэлса, а также в нескольких королевских дворцах и замках,

1. Чосер написал трактат об астролябии для своего сына. В финансовых документах Генриха IV в бытность его графом Дарби упоминаются расходы на ремонт астролябий. См. Mortimer, Fears, p. 154.

в том числе Вестминстере, Виндзоре, Куинборо и Лэнгли. Чосер упоминает башенные часы в аббатстве в «Рассказе Священника». Часы, естественно, отсчитывают день совершенно иначе: летом светлая часть суток длится восемнадцать часов, а ночь — шесть (а не двенадцать и двенадцать). Поэтому одновременно используются два времени: время по часам и солнечное время. Так что, если вы имеете в виду время по часам (*hour of the clock, отсюда произошло современное английское o'clock*), обязательно уточняйте. Стоит еще отметить, что часы не показывают время, а лишь обозначают каждый прошедший час звонном колокола. Так что люди могут говорить не только «время по часам», но и «время по колоколу» (*hours of the bell*)¹.

Даже до изобретения часов колокольный звон — это важный способ объявления времени в городах. В Лондоне внимательно слушайте звон колокола в церкви Сент-Мартин-Ле-Гранд. Именно по этому колоколу утром открываются рынки, а вечером начинается комендантский час. В крупном городе вроде Лондона, где по разным причинам звонит множество колоколов, можно, если вы знаете звук каждого колокола, определять время еще и по ним. Большинство людей просыпаются на рассвете. Первый час дня называется «прим». Третий час (*около 9 утра*) — «терц», шестой час (*полдень*) — «секст», девятый (*середина дня*) — «нонес» и так далее. На двенадцатый час по всему городу звонят колокола, созывая людей на вечерню. Поскольку колокола слышно по всему городу, неважно, отстают они на несколько минут или спешат, используется ли солнечное время или время по часам. Звонарь устанавливает стандартное время для всех, кто его слышит.

Будучи путешественником, особенно внимательно нужно относиться к вечернему звону. Когда в Лондоне под конец дня звонит колокол в Сент-Мартин-Ле-Гранд, городские ворота закрываются, и все жители обязаны вернуться домой или в гостиницы. На улицы выходит стража — по шесть человек патрулируют каждый район, плюс некоторое количество охраняет ворота, — и только людям с очень хорошей репута-

1. Smith (ed.), *English Guilds*, pp. 370–409. В XV веке дело обстоит именно так; когда именно это началось — неясно. Указы были изданы еще до правления Эдуарда IV, но терминология может быть современной ему.

цией разрешается находиться на улице, причем лишь в случае, если у них в руках зажженная лампа. Все таверны закрывают двери. Все лодки на реке нужно вытащить на берег. Незнакомых людей, которых найдут на улице в комендантский час, арестуют как ночных бродяг. Поэтому, если вы не нашли себе пристанища до вечернего звона, лучше всего вам будет сразу покинуть город и переночевать за городскими стенами, в Саутуорке. Иначе стража найдет вам другое пристанище — в тюрьме. Тюрьма — вообще не очень приятное место, а находиться в ней целую ночь не стоит тем более.

Единицы измерения

Зная, что в Англии не стандартизированы ни язык, ни орфография, ни даты, ни время, вы, наверное, уже и не удивитесь, узнав, что единицы измерения, которыми пользуются в стране, тоже довольно разнообразны. Например, «пашня» (*ploughland*) — это количество земли, которое могут вспахать восемь волов за год. В «пашне» в гористом Девоне, естественно, будет меньше акров, чем в равнинном Норфолке. Собственно, даже сам акр — величина непостоянная, что тоже неудивительно: первоначально он означал количество земли, которое воловья упряжка может вспахать за день. Хотя Эдуард I и попытался стандартизировать акр, приравняв его к 4840 квадратным ярдам («*статутный акр*»), «местные» акры никуда не делись. Чеширский акр почти вдвое больше статутного, йоркширский акр тоже заметно больше. Камберлендский акр и вовсе, в зависимости от места, может быть почти равен статутному, а может быть вдвое больше. Корнуольский акр — тоже величина переменная, причем в гораздо больших масштабах: он составляет от 15 до 300 статутных акров. Что касается расстояний, то старофранцузская миля равна примерно 1,25 статутной мили, и многие образованные англичане XIV века измеряют расстояния именно в старофранцузских милях. Это едва ли не единственная международная стандартизированная единица измерения. Местные мили тоже сильно различаются по длине: например, в Западном Йоркшире миля равна 2428 ярдам (современная 1760-ярдная миля, равная 1,6 километра, будет установлена лишь законом 1593 года).

Немалые сложности связаны и с другими измерениями. Дело даже не в том, что они различаются, а в том, что названия истолковываются по-разному в зависимости от того, что вы пытаетесь измерить. Фут, к счастью, ничем не отличается от современного фута, равного двенадцати дюймам (30,48 сантиметра). Но ткань измеряется в элях; эль обычно равен 45 дюймам — но если вы измеряете фламандскую ткань, то в эле 27 дюймов. Впрочем, самые большие трудности вас ждут при измерении жидкостей. Галлон вина не равен по объему галлону эля. В стандартном хогсхеде 63 галлона вина или 52 с половиной галлона эля. Правда, стандартного хогсхеда не существует: один стандарт действует для вина, второй — для эля, третий — для пива (которое ввозят из-за границы). Если вы покупаете в Лондоне пиво, то хогсхед равен 54 галлонам эля; если же покупаете эль то 48 галлонам.

Если это кажется вам запутанным, знайте: бывает и хуже. В Девоне есть собственная система мер и весов, и любой торговец, работающий в этом графстве, должен о ней помнить. «Перч» там равняется 18 футам, а не 16 с половиной, так что акр, соответственно, равен 5760 квадратным ярдам, а не 4840. В стоуне 16 фунтов (а не 14), если вы взвешиваете сыр или масло. В девонском фунте 18 унций (а не 16). Центнер равен не 112 фунтам, как везде в Англии, а 120. В девонском галлоне десять бушелей, а не обычные восемь. В конце века один путешественник сказал, что житель Мидлендса или севера Англии «может объехать все страны в Европе, но нигде не найдет обычаев, которые покажутся ему такими же чуждыми, как в Девоне».

Имя и личность

В начале XIV века в английских деревнях запросто можно встретить человека, имеющего всего одно имя. Крепостного крестьянина по имени, например, Ильберт, который всю жизнь возделывал один и тот же участок на поле лорда и жил в маленьком коттедже под названием Весткотт, будут называть только Ильберт, и никак иначе. Люди такого низкого положения обычно не обладают передающимися по наследству фамилиями. Если его сына зовут Джон (это имя намного более распространено), то, несомненно, его как-то придется отличать от других

Джонов, живущих в приходе, и поместный клерк в записях назовет его «Джоном из Весткотта» или «Джоном, сыном Ильберта». Но все эти дополнения останутся всего лишь отличительной чертой, а не станут фамилией. Если Джон переберется в Сауткотт, то его вскоре переименуют в «Джона из Сауткотта». В 1300 году только официальные лица, богачи и политики имеют наследственные фамилии — чтобы их могли узнавать за пределами родных мест или чтобы показания, данные от их имени, имели силу и в последующие годы. Так что у всех франклинов, эсквайров и джентльменов, кого вы встретите, будет имя, передающееся по наследству. Крепостным, которые никуда не уезжают и не занимают официальных должностей, фамилии просто не нужны.

Но всё меняется во второй и третьей четвертях столетия. Из-за трудностей, возникших в экономике в период 1315–1323 годов и особенно после Великой чумы 1348–1349 годов, крепостные стали намного чаще перемещаться между поместьями. Приходилось различать между собой множество людей из самых разных мест. В конце концов появилась идея наделить абсолютно всех англичан, а не только богатых и часто путешествующих, неизменной фамилией, так что к 1400 году человека по имени «Джон Весткотт» или «Джон Ильбертсон» будут так называть везде — хоть в Весткотте, хоть в Вестминстере. Более того, поскольку фамилия теперь не меняется, сыновья Джона тоже останутся Ильбертсонами. К 1400 году идея, что каждый англичанин должен иметь фамилию, пустила прочные корни.

Имя — это не просто «как вас зовут», но и обозначение принадлежности. Услышав имя, все узнают, откуда вы (и, соответственно, как далеко вы от тех, кто способен вас защитить). Еще имя — это обозначение статуса. Если мы говорим об аристократе, то в имени упоминается либо его титул, либо название главного владения. В имя может входить и название компании или гильдии лондонских ремесленников. В других городах важен уже сам факт того, что человек — свободный горожанин: подразумевается, что он обладает определенными правами. Отношение к аббату зависит от имени его аббатства: аббат Вестминстера — намного более важная персона, чем, скажем, аббат из Флексли. Не стоит забывать, естественно, и о геральдическом аспекте имени, который отделяет лордов, рыцарей и эсквайров от остального общества, в том числе даже от купцов, ведущих род от гербовых семейств. К этому относятся очень серьезно.

Некоторые рыцари ценят свой герб практически наравне с фамилией и пускаются в долгие и затратные судебные тяжбы, чтобы отстоять свое право на определенные изображения.

Все эти элементы имени объединяются в печати. Печать — это матрица, оставляющая отпечаток на мягком воске, что позволяет человеку подтвердить подлинность документа. Большинство печатей аристократов содержат либо герб, либо изображение лорда в доспехах, на лошади и со щитом, на котором опять-таки изображен герб. Обычно на них есть еще надпись с именем и главным титулом лорда — или, если это просто рыцарь, с названием его главного владения. Печати светских лордов круглые; купеческие печати — тоже, на них обычно изображается птица или другая эмблема (если, конечно, купец не обладает собственным гербом). Церковные печати не круглые, а продолговатые, симметричные и выпуклые, равно как и печати женщин-аристократок. Обычно человек всегда держит печать либо при себе, либо под присмотром секретаря или капеллана. После смерти его печать разламывают. Если печать теряется, то владелец через глашатаев сообщает, что документы, на которых стоит эта печать, уже выпускаются не от его имени.

Печатами подтверждаются и корпоративные «имена». Кроме личной печати аббата, существует и общая печать аббатства. Печатами пользуются «сити» и инкорпорированные города (те, что управляются мэром и муниципалитетом). Печати есть у множества самых разнообразных организаций: купеческих гильдий и лондонских компаний, колледжей Оксфорда и Кембриджа, монастырей, коллегиальных церквей, даже у некоторых мостов. Как и печати отдельных людей, они удостоверяют подлинность документа и личность автора: это средневековый эквивалент подписи.

Если говорить о печатях королевства, то одну из двух королевских печатей держит при себе канцлер для документов канцлерского суда, а вторую — казначей, соответственно, для документов казначейства. Эти огромные печати диаметром в шесть дюймов имеют цветное обозначение: документы канцлерского суда запечатываются красным воском, а документы казначейства — зеленым. Собственные письма короля запечатываются маленькой «приватной» печатью. По крайней мере, так было в начале века. В правление Эдуарда III приватной печатью все чаще пользуется хранитель печати, исполняя

указания короля. У самого же короля появляется новая «тайная печать», которую используют для личных писем и приказов короля. Ее держит при себе секретарь. К 1400 году используются четыре королевские печати: тайная, приватная и две «больших».

Манеры и вежливость

Вы наверняка думаете, что средневековое общество грязное, жестокое и неотесанное. Может быть, это и так, но это не мешает ему иметь высокие стандарты вежливости. Особенно важно правильно себя вести в присутствии богатых и влиятельных людей. Великие лорды бывают весьма вспыльчивы, и любое неуважение, проявленное к ним, их семье и слугам, может привести к крайне враждебной реакции с их стороны. Просто посмотрите, скольких человек в жалованных грамотах простили за убийство; посмотрите и на тысячи виселиц, которые стоят по всей стране и практически не простаивают. Говорят, что «человека красят хорошие манеры». Отсутствие хороших манер вполне может окрасить человека кровью.

Очень важно помнить о всеобщем стремлении к уважению. Современной моде на демонстративное высокомерное неуважение к тем, кто стоит выше по социальной лестнице, в средневековой Англии места нет. Если вы придете домой к человеку, равному или превосходящему вас по положению, то оружие придется оставить у привратника или вручить хозяину. «Пришел в дом — не приноси ничего опасного», как тогда говорили. Не входите в холл без разрешения хозяина, кем бы хозяин ни был. Если вы пришли к йомену или торговцу, то о вашем прибытии объявит слуга. Если же вы в гостях у важного лорда, то камергер, гофмаршал или привратник проведут вас к лорду или леди. Снимите шляпу, шапку или капюшон и не надевайте, пока вам не разрешат. Зайдя в личные покои хозяина или хозяйки, равных вам по положению, вы должны поклониться. Если они превосходят вас по статусу, то придется хотя бы один раз преклонить колени (точнее, одно колено, правое, но нужно обязательно коснуться им земли). Если вас привели к королю, особенно впервые, то сначала встаньте на колени у входа в его покои или зал, затем пройдите в середину комнаты и преклоните колени еще раз. Если король

захочет с вами поговорить, то подзовет к себе. Когда камергер скажет вам остановиться, сделайте это и опуститесь на колени еще трижды. Подождите, пока с вами заговорят; не обращайтесь к королю первыми. Если вам дадут слово, то обязательно каждый раз начинайте с приветствия, например «Бог вам в помощь, милорд». Кланяйтесь каждый раз, когда вас просят говорить. Не сводите глаз с короля: вы должны смотреть на него прямо и честно (как и на любого человека равного или более высокого статуса, в отличие от последующих веков). Никогда не поворачивайтесь спиной к тем, кто выше вас по положению, — это считается очень грубым.

Если вас пригласят провести некоторое время при дворе лорда, то вам довольно часто придется стоять. Не садитесь, пока вам не разрешит самое важное из присутствующих лиц. Это не обязательно может быть сам лорд: если король, королева или любой другой вышестоящий аристократ гостит в этом же доме и присутствует в помещении, то именно они, а не хозяин дома считаются главными. Если войдет кто-то, кто выше вас по положению, то отойдите чуть назад, чтобы он мог встать ближе к лорду или леди, чем вы. Стоя, ни в коем случае не оглядывайте зал. Кроме того, не чешитесь и не опирайтесь на колонны или стены. Не ковыряйтесь в носу, зубах или под ногтями и не плюйтесь в помещениях. Если вы сами не занимаете высокого положения или не хороший знакомый самого высокопоставленного человека в комнате, то будьте очень осторожны с любыми действиями и жестами. Проявлением неуважения могут посчитать буквально что угодно. Причем определять, уважительным был жест или нет, может только вышестоящий аристократ, а не вы.

Как таковой границы между знаками уважения и проявлением вежливости нет; одно переходит в другое. Соответственно, вы должны знать, как вести себя за столом, особенно в высшем обществе. Забудьте все мифы о жадном обглаживании больших говяжьих и куриных ног и разбрасывании костей по всему холлу. Такое поведение не считается приличным нигде. Существуют строгие правила этикета, которым необходимо подчиняться. Перед каждым приемом пищи нужно обязательно мыть руки. Хлеб режьте, а не ломайте. Если вам предложат напиток, то, прежде чем брать чашу, вытрите рот. Не опирайтесь на стол. Когда перед вами поставят разные блюда, не хватайте отовсюду лучшие куски, а берите по одному. Взяв кусок, не обмакивайте

его в соль — это очень неприлично, и хозяин сочтет такое поведение неуважительным. Помните и о прочих правилах приличия — в частности, не разговаривайте с набитым ртом и не обращайтесь ни к кому, кто сейчас пьет. Если вам предложил выпить кто-то, кто выше вас по положению, то вытрите рот, примите чашу, а потом отдайте ее назад. Не отдавайте ее никому другому: это знак благосклонности лорда, предназначенный только для вас¹.

Для женщин действуют и другие правила вежливости. Женщине не пристало ругаться. Батская Вдова, конечно, не стесняется в выражениях, но если вы — не одинокая вдова, как она, то у вас возникнут проблемы, потому что этим вы опозорите мужа или отца. Девушкам запрещается запрокидывать голову, подергивать плечами, а также разрешать мужчинам, не являющимся членами их семей, брать их за руки; если женщина напивается допьяна вне дома, это считается отвратительным. Кроме того, женщинам запрещается посещать борцовские поединки и вступать в разговоры с незнакомцами, потому что это создаст им плохую репутацию. Женщинам не подобает выходить из дома одним; они должны ходить, держа за руку либо мужчину-родственника, либо женщину-компаньонку.

Многие невербальные сигналы в XIV веке толкуются совершенно иначе. И мужчины, и женщины, конечно, плачут от боли и горя, но плакать можно и по менее значительным причинам. Когда купец или представитель власти требует от вас выплатить долг или оказать обещанную услугу, он вполне может заплакать из-за стресса, связанного с вынужденным проявлением жесткости. Воздевание рук к небу — еще один жест, который тогда воспринимался немного иначе: в Средние века это знак благодарности Богу и, соответственно, связан с облегчением, а не отчаянием. Очень немногие пожимают руки при встрече: рукопожатие — это в первую очередь демонстрация согласия при свидетелях². Поцелуи между мужчинами зависят

1. Рекомендации по манерам и вежливости позаимствованы в основном из Furnivall (ed.), *Babees Book*, в частности из 'Babees Book', 'Stans Puer ad Mansam' и 'Boke of Nurture' Джона Рассела. Рекомендации по поведению женщин — в основном из статьи «Как добрая жена дочь учила», приведенной в той же книге.

2. Уайли говорит, что Жан де Ангест, лорд де Югвиль, пожал руку

от контекста: когда мужчины публично целуются, это знак примирения, признание вассальной верности или церемониальный акт. Это не просто приветствие. И никаких сексуальных подтекстов у мужского поцелуя нет. Но вот если мужчина при всех целует женщину, которая не принадлежит к его семье, то в этом случае сексуальный подтекст вполне определенный, так что вам не стоит приветствовать знакомых противоположного пола поцелуями при встрече. Даже скромный поцелуй в щеку вызовет немалое удивление.

Как здороваться

Первое впечатление очень важно. Если вы чрезмерно дружелюбны или холодны при первом знакомстве, то это может сказаться на ваших дальнейших отношениях с этим человеком. Лучшие советы на эту тему можно найти в французско-английском разговорнике, где содержится немало фраз, которыми можно приветствовать людей. Например:

Когда вы идете по улице и встречаете кого-то, кого знаете по имени, или вашего знакомого, то постарайтесь поприветствовать их первыми, если это достойные люди. Перед женщинами и юными леди снимайте шляпу; если они обнажат голову в ответ, можете надеть шляпу обратно. Здоровайтесь, например, так: «Сэр, да хранит вас Бог!» Это самое короткое возможное приветствие. В других обстоятельствах подойдут следующие фразы:

«Доброго вам пути, сэр».

«Да, леди / юная леди, доброго вам пути».

«Сэр, дай вам Бог удачного дня».

«Дама, доброго дня дай вам Господь».

«Приятель / друг, доброго пути».

«— Что вы делаете? Как ваши дела? Где вы были так долго?»

Генриху IV после аудиенции в Виндзоре в 1400 году (Wylie, England under Henry IV, iv, p. 263). В Le Roy Ladurie, Montaillou, p. 140 говорится, что во Франции XIII века рукопожатие не было широко распространено.

- Я надолго уезжал из страны.
— И куда же уезжали?
— Сэр, об этом слишком долго рассказывать; но если вы хотите, чтобы я что-либо для вас сделал, только скажите, и я с радостью исполню ваше желание.
«Сэр, благодарю вас за ваши любезные слова и доброжелательность; да наградит вас Бог!»

Покупки

Когда городской колокол бьет прим, открываются лавки. Если сегодня базарный день, то начинают работать и торговцы на рынке.

Куда вы пойдете, естественно, зависит от того, что вы хотите купить. Нет смысла идти на рынок за доспехами или драгоценностями: вам нужно будет найти специализированную лавку в городе. В больших «сити» и некоторых городах рынков бывает даже несколько. Городской рынок может собрать такую огромную толпу, что приходится устраивать несколько небольших специализированных рынков. В Стратфорде-на-Эйвоне, например, каждый четверг работают рынки зерна, сена, скота, домашней птицы и молочных продуктов. В Лондоне рынков очень много — от ежедневного рынка домашней птицы в Лиденхолле до пятничного лошадиного базара в Смитфилде.

Городской рынок в основном предназначен для того, чтобы поставлять товары жителям города и близлежащих приходов. Но большинство рынков одновременно исполняют и «оптовую» роль — например, там продают скот мясникам. В прибрежном городе дневной улов рыбы распродают на рыбном рынке. Некоторую долю улова покупают и съедают местные жители, но большую часть увозят вглубь страны торговцы рыбой и быстро распродают. Нет смысла закупать большую партию рыбы, надеясь распродать ее в течение недели: она за это время просто испортится. Еще на рынках продают товары, которые не требуются каждый день. Мех зайцев, кроликов, козлят, лис, кошек и белок (которым украшают одежду богачи) продается на рынке, но в большинстве маленьких городов спрос на меха так мал, что отдельных скорняжных лавок там нет. Поэтому бродячие скорняжки ездят по городам, стараясь попасть в базарные дни. Еще рынок служит источником скобяных товаров. Если вы хотите более-менее

точно узнать, что продают на рынке, встаньте у дороги и смотрите, что везут в телегах и повозках, направляющихся в город. В Ньюарке в 1328 году, например, вы увидите, как на рынок везут зерно (в основном пшеницу, ячмень, овес и рожь), соленое мясо и бекон, свежее мясо, лососей, макрелей, миног, морскую рыбу, вяленую рыбу, сельдей, «абердинскую рыбу» (консервированных лососей и сельдь), овец, коз, свиней, овечью шерсть, дубленые шкуры, кожу, меха, разнообразные ткани, железо, сталь, олово, вайду, вино, мешки с шерстью, яблоки, груши, орехи, лен, парусину, древесину, новые телеги, коней, кобыл, планки, доски, сено, камыш (для выстилания полов в зале), покрывала для постелей, стекло, чеснок, соль, хворост, уголь, валежник, гвозди и подковы.

Список вещей, которые вы можете купить на рынке, дает вам и представление о том, что на рынке купить не получится. Разъездные торговцы, возможно, и продают на рынках пироги, но, скорее всего, за готовой едой вам придется идти в харчевню. На рынке можно купить ткань, но вот чтобы сшить из нее одежду, вы пойдете к портному. Сапожник покупает кожу на рынке, так что за обувью вы отправитесь в его лавку, а не на сам рынок. Такие лавки обычно стоят неподалеку от рынка, а то и выходят витринами на рыночную площадь. В Норидже рынок настолько оживленный, что некоторые торговцы работают даже не на самой рыночной площади, а на улицах и переулках, ведущих к ней. Набор услуг, доступных ежедневно — в том числе в дни, когда рынок не работает, — можно примерно оценить по количеству торговцев, постоянно живущих в городе. В Колчестере в 1301 году вы найдете десять кузнецов, восемь ткачей, восемь мясников, семь пекарей, пять плотников и тринадцать галантерейщиков. Все галантерейщики торгуют в первую очередь кожаными товарами — в частности, перчатками, поясами, кошельками и игольницами, — но некоторые из них специализируются и на более редких товарах. Один торгует еще и тканями, другой продает ярь-медянку и ртуть, которые используют для косметики и мазей.

Города, где еженедельно работают рынки, обычно раз в год еще и устраивают ярмарку — чаще всего в церковный праздник между июлем и сентябрем (и в любом случае между маем и ноябрем). Ярмарки — это великолепные массовые мероприятия средневековой Англии. Они обычно длятся три дня: в канун дня поминовения святого, в сам этот день и на следующую

ший день. Во время ярмарки в городе собираются тысячи людей. На рынке жители деревень раз в неделю покупают необходимые товары, а вот ярмарка раз в год дает им возможность приобрести что-нибудь более экзотическое. Многие горожане на ярмарке покупают нужные им товары оптом и хранят на складе, чтобы использовать в следующие месяцы. Красильщикам, например, бывает трудно достать редкие краски: на сотню миль от ближайшего порта их никто не возит, так что их можно купить далеко не на всех рынках, но вот на ярмарках красители бывают часто. Купцы, которые торгуют экзотическими пряностями и редкими фруктами, например апельсинами, лимонами, инжиром, финиками и гранатами, тоже посещают ярмарки, особенно те, что проходят в «сити» или близ них.

Торговля везде подчиняется строгим правилам. В большинстве крупных городов есть «торговая гильдия» (*guild merchants*, иногда пишется *gild merchants*) — организация, решающая, кто может свободно торговать на рынке, а кто не может¹. Этот орган назначает пошлины, которые нужно платить приезжим торговцам, а также взимает разнообразные налоги, например понтаж (налог на содержание моста), сталлаж (плата за место на рынке) и паваж (налог на ремонт дорог). В некоторых случаях они даже могут запретить приезжим продавать определенные товары. Торговая гильдия Лестера установила жесткие правила: торговать тканью, воском, рыбой или мясом имеют право только свободные жители города. Еще торговая гильдия может накладывать ограничения на то, кто может покупать товары не в базарный день: например, запретить всем, кроме свободных горожан, покупать шерсть или запретить женам мясников покупать мясо, чтобы в тот же день его перепродать.

Вы должны быть благодарны гильдиям, устанавливающим все эти правила. Над входом на любой рынок нужно вешать вывеску, на которой огромными буквами написано *Caveat*

1. Хорошо известно, что во многих важнейших городах торговой гильдии никогда не было (чаще всего в пример приводят Лондон и Норидж). Однако поскольку тема сложная и запутанная, а подробное описание отношений между гильдиями, торговой гильдией и администрацией инкорпорированных городов потребовало бы слишком много места, здесь про управление городом говорится в упрощенном виде.

empror («Покупатель, будь осмотрителен». Вы не поверите, какой арсенал трюков и хитростей припасли торговцы для невнимательных покупателей. Спросите любого клерка из лондонской ратуши: он расскажет вам о горшках, сделанных из дешевого мягкого металла, а потом покрытых медью, и о буханках хлеба, внутри которых запекают камни или куски железа, чтобы они соответствовали требованиям по весу. Если вы сами сходите на городской рынок, то увидите многие из этих хитростей. Шерсть растягивают, прежде чем прясть, чтобы она была длиннее (а потом она очень быстро садится). В ткань иногда вплетают человеческие волосы. Обувь делают из некачественной кожи. Мясо продают даже тухлым, вино — прокисшим, а хлеб — позеленевшим (отведав такой булки, можно и умереть). Перец продают влажным: он при этом разбухает, весит больше, но быстрее гниет. Укороченные портновские линейки — настолько серьезная проблема, что с 1310 года токари приносят специальную клятву делать деревянные линейки только нужного размера. Перекупщики умудряются продавать даже фальшивый овес. «Как это? — спросите вы. — Уж овес-то — всегда овес?» Нет, не всегда: мешок гнилого овса продают, аккуратно насыпав сверху несколько горстей хорошего и свежего¹.

Но не нужно мириться с тем, что вас облапошат. Где бы вы ни закупались, вы найдете возможность выместить недовольство. Купцы из гильдий отлично знают о конкуренции со стороны других рынков, так что стараются защитить доброе имя своего рынка и свободных горожан. Лорды поместных городков тоже будут совсем не рады, если прибыль на их рынках снизится. Право на проведение ярмарки влечет за собой право — и обязанность — устраивать суд над недобросовестными торговцами. Их называют «суды запыленных ног».

Если вас обманули, обращайтесь к местным властям. На ярмарке виновного оштрафуют. В городе — отправят к позорному столбу, где закутывают голову и руки в колодки, и он вынужден будет стоять, выслушивая оскорбления толпы, которая еще и бросается в него разными предметами. Мясника, торгующего плохим мясом, провезут по городу на телеге, а потом поставят к позорному столбу и разведут рядом костер, на котором сожгут это

1. Все эти случаи — из реальных дел XIV века, описанных в Riley (ed.), Memorials.

мясо. Как и пекаря, торгующего плохим хлебом. Виноторговца, которого поймали на торговле плохим вином, везут к позорному столбу на телеге, заставляют выпить своего отвратительного пойла, а потом заковывают в колодки и выливают остатки вина ему на голову. Сладость мести компенсирует горечь вина.

Деньги

Как вы уже заметили, валютная система не десятичная. Основная денежная единица — фунт; она эквивалентна фунту серебра. Но монеты в 1 фунт не существует. Банкноты — тоже. Есть только маленькие серебряные монеты, самая распространенная из которых — пенни (1 пенс). Двенадцать пенсов — один шиллинг, двадцать шиллингов — один фунт.

До 1344 года купцы носят в кошельках только серебряные монеты. Еще сохранились в обращении большие четырехпенсовики времен Эдуарда I, но, кроме них, вы встретите только пенни, полупенни и фартинги (четверть пенса). В 1344 году Эдуард III начинает чеканить флорин, или двойной леопард (6 шиллингов), полуфлорин, или леопард (3 шиллинга) и четверть флорина, или шлем (1 шиллинг 6 пенсов), чтобы сделать стране рекламу, подобно тому как флорентийский флорин, который вошел в обращение по всей Европе, подчеркивал важность итальянского города-государства Флоренции в международной торговле. К сожалению, вы вряд ли увидите хоть одну из этих монет: содержание в них золота превышает номинал, так что их почти все сразу переплавили. Но после еще нескольких попыток Эдуарду в 1351 году всё же удается выпустить монету правильного размера — нобль (6 шиллингов 8 пенсов). До конца века так и повелось: нобли, полунобли и четверть-нобли делали золотыми, а четырехпенсовики, пенни, полупенни и фартинги — серебряными.

Номинал нобля — 6 шиллингов 8 пенсов — кажется странным. Но на деле он очень полезен. В Англии две расчетные денежные единицы: кроме фунта, существует еще и марка (13 шиллингов 4 пенса). Один нобль равен ровно трети фунта и половине марки. Иметь монету, которая составляет немалую долю обеих денежных единиц, намного удобнее, чем отсчитывать по 160 или 240 маленьких пенни за каждую марку или фунт.

Если вы возьмете кошелек, висящий на поясе какого-нибудь зажиточного горожанина, и рассмотрите монеты, которые в нем лежат, то увидите, насколько разнообразны размеры и дизайн средневековых денег. Монеты очень долговечны. Даже если изображения на серебряных пенни почти стерлись, их всё равно примут где угодно — достаточно, чтобы монета была нужного размера. Так что во времена Эдуарда II в ходу в основном монеты, выпущенные в эпоху очень долгого правления его отца, Эдуарда I, и деда, Генриха III. Постепенно их становится всё меньше, а вот монет с изображением Эдуарда III — все больше. К 1400 году, взяв горсть серебряных монет, вы увидите на них в основном длинные локоны Эдуарда III в расцвете сил.

Разнообразие дизайна монет вас просто поразит. Между великим перевыпуском монет, случившимся в 1279 году при Эдуарде I, и низложением Ричарда II (1399) выпустили почти 160 разных пенни — больше одного в год. Так вышло в том числе из-за того, что, в отличие от современного мира, монетных дворов работает сразу несколько. Одних королевских монетных дворов не мнен трех — в Кентербери, Берике-на-Твиде и в лондонском Тауэре. Кроме того, существуют и частные монетные дворы, которыми управляют аббат Бери-Сент-Эдмендс, епископ Дарэма и архиепископ Йоркский. В 1351 году Эдуард III открыл еще один монетный двор в Кале, а аббат Рединга от имени короля основал монетный двор еще в 30-х годах. На каждом из этих монетных дворов работают несколько мастеров, которые помечают монеты собственным клеймом, а монетные дворы в Йорке и Дарэме меняют клеймо всякий раз после избрания нового архиепископа или епископа. Так что каждый раз, когда на трон восходит новый король или когда Эдуард III присваивает себе новый титул (например, «король Франции») или отказывается от него, чеканят новые монеты.

Цены

Вы обрадуетесь, узнав, что цены сравнительно неизменны по сравнению с современными инфляционными переменами. Это возможно в том числе благодаря принятым давным-давно законам, контролирующим цены на хлеб, вино и эль. В 1305 году галлон среднего вина стоит 3 пенса, а галлон неплохого эля —

1 пенс. Столько же они стоят и век спустя. Но во времена кризиса цены скачут во все стороны. После нескольких подряд неурожаев цены на зерно взлетают, а вот на предметы роскоши — падают. Напротив, в годы Великой чумы (1348–1349) еда и скот в таком избытке, что экономика скатывается в дефляцию. Летописец из Лестера Генри Найтон пишет, что в 1349 году можно было купить лошадь, ранее стоившую два фунта, всего за полмарки (6 шиллингов 8 пенсов) — за шестую часть исходной цены. Корова же стоит всего 12 пенсов — в восемь раз дешевле, чем до чумы.

Современные англичане не привычны торговаться. К этому вам придется привыкать: именно на основе торга устанавливаются цены. Вот текст того времени, примерно описывающий работу системы:

- *Госпожа, сколько стоит эль этой ткани? А сколько — весь кусок? Короче говоря, почему эль?*
- *Господин, мои цены разумны; вы получите хороший товар задешево.*
- *Да, воистину. Госпожа говорит верно. Но я так и не услышал, сколько же должен заплатить.*
- *Четыре шиллинга за эль, если вас это устроит.*
- *Это неразумно. За такую цену я куплю хороший пурпур.*
- *Возможно, вы и правы. Но у меня тоже есть пурпур, причем не лучший, но дешевле, чем за семь шиллингов, я его не отдам.*
- *Я вам верю. Но эта ткань — не пурпур, и она столько не стоит, и вы это хорошо знаете.*
- *Господин, так сколько же она стоит?*
- *Госпожа, я за это отдам три шиллинга.*
- *Это не сулит ничего хорошего...*
- *Скажите точно — за сколько я должен это взять, чтобы не уйти ни с чем?*
- *Я скажу так: вы заплатите пять шиллингов, если, конечно, они у вас есть, вот за столько элей, и я не уступлю ни пенни.*
- *Госпожа, так к чему были долгие разговоры?*

Хотя инфляция в XIV веке очень мала, современные эквиваленты цен, которые с вас запросят, привести невозможно.

Любое сравнение будет некорректным. Например, в 1339 году в Эксетере сто гвоздей для сборки столов на рыбном рынке обойдутся в 3 пенса; примерно столько составляет жалование плотников, которые собирают эти столы ($2\frac{3}{4}$ пенса в день на человека плюс эль). В современном мире гвозди обошлись бы вам фунта в 4, но никто не согласится работать целый день за такую ничтожную сумму, сколько бы бесплатного эля к ней ни прилагалось. Ежедневный оклад плотника сейчас, когда я пишу эту книгу — около 100 фунтов; теперь зарплата уже в двадцать пять раз выше стоимости гвоздей, а не равна ей. Подобная несоразмерность долгосрочной инфляции наблюдается практически у всех товаров и услуг. Генрих IV в 1391 году платил за фунт шафрана 10 шиллингов; сегодня его по-прежнему собирают вручную, и его розничная цена составляет 2000 фунтов за килограмм (или 909 за фунт): цена выросла на 181 700 процентов. Одновременно с этим Генрих IV покупал кур (каплунов) по 5 пенсов. Если бы куры подорожали так же, как шафран, то сейчас за одну курицу пришлось бы отдать почти 38 фунтов. А если бы цены на них росли с такой же скоростью, как зарплата плотников, то одна ощипанная курица стоила бы и вовсе 154 фунта — в тридцать раз дороже, чем стоит сейчас, когда я пишу книгу.

Я специально это подчеркиваю, чтобы показать вам: некоторые вещи, что мы принимаем как должное, в средневековом обществе ценятся намного выше, чем в современном. Еда в XIV веке намного ценнее и дороже, чем в нынешней Англии. Труд, с другой стороны, сравнительно дешев. Земля и вовсе дешева, буквально как грязь (свободные арендаторы земли часто платят всего 1 или 2 пенса за акр). Но курица при этом может стоить больше, чем дневная зарплата рабочего, а фунт сахара — более чем вдвое больше. Эти цены обусловлены иной шкалой спроса и предложения. Более того, сравнительный спрос на товары или услуги разный в разных регионах страны. В сельской местности еда значительно дешевле, чем в городах. В городе свинья обычно стоит 3 шиллинга, а вот на деревенском рынке — всего 2 шиллинга. Овес в деревне стоит вдвое дешевле, чем в городе. Поскольку в сельской местности еда дешевле, всё остальное тоже дешевле. Свечи стоят в городе $2\frac{1}{2}$ пенса за фунт, а в деревнях — всего $1\frac{1}{2}$ пенса за фунт. Законы спроса и предложения действуют в куда менее обширных пределах.

Деньги ценятся по-другому, когда транспортировка товаров так медленна, сложна и дорога.

Работа и зарплата

Зарабатывать деньги в средневековой Англии непросто. Очень немногим удастся, начав жизнь крепостными, добиться свободы и независимого дохода. Те, кто зарабатывает состояния в торговле, на войне, в церкви или в юриспруденции, изначально были небедны. Даже про полулегендарного мэра Лондона XIV века, Дика Уиттингтона, нельзя сказать, что он попал «из грязи в князи». Он действительно умер сказочно богатым человеком, но бедняком не был никогда. Его отцом был землевладелец из Глостершира сэр Уильям Уиттингтон.

Кем вы можете работать в средневековой Англии и сколько получать? Как вы уже поняли, чтобы получить хоть сколько-нибудь достойную работу в городе, вам нужно сначала стать свободным горожанином — вступить в гильдию торговцев (или, в некоторых городах, — в одну из ремесленных гильдий, например гильдию плотников или ювелиров). Вступить в гильдию можно либо по наследству, либо заплатив вступительный взнос, часто составляющий 1–2 фунта. Чтобы вступить в лондонскую гильдию, вам, возможно, придется заплатить даже 3 фунта. Чтобы стать подмастерьем, нужно заплатить определенную сумму мастеру. Если вы не свободный горожанин и не отработали подмастерьем у какого-либо торговца или ремесленника, то единственный вариант, который вам остается, — наняться чернорабочим.

Дневная зарплата наемных работников¹

Профессия	1301–1310	1331–1340	1361–1370	1391–1400
Плотник	2¾ пенса	3 пенса	4½ пенса	4½ пенса
Чернорабочий	1½ пенса	1¾ пенса	3¼ пенса	3¼ пенса

1. Данные о плотнике и разнорабочем, которые работали на епископа Винчестера (у него около восьми усадеб), взяты из Bolton, *Economy*, p. 71; о кровельщике и его помощнике — из Dyer, *Standards*, p. 215; о королевских каменщиках — Salzman, *Building*, pp. 70–77.

Профессия	1301–1310	1331–1340	1361–1370	1391–1400
Кровельщик	2½ пенса	3 пенса	3½ пенса	4¼ пенса
Помощник кровельщика	1 пенс	1¼ пенса	2 пенса	2¼ пенса
Каменщик	5 пенсов	5½ пенса	6 пенсов	6 пенсов

Естественно, зарплата зависит еще и от того, где и на кого вы работаете, а также от времени года. Каменщики, обрабатывающие камни для Экстерского собора в 1306 году, получают 5¼ пенса в день летом, но лишь 4½ пенса зимой, потому что дни короче. По тому же принципу оплачивают любые строительные работы и труд разнорабочих. Мастера по кладке черепицы в 40-х годах получают 5½ пенса летом и 4½ пенса зимой. Но даже с окладом каменщика или кровельщика очень трудно накопить 2 фунта, необходимые для вступления в торговую гильдию. Низкие зарплаты покажутся еще ниже, если вспомнить, что еда очень дорога. В начале века рабочие тратят не менее двух третей жалования на еду и питье. Вам даже могут предложить выбор: 1 пенс с едой или 2½ пенса без неё. Сборщикам урожая особенно часто предлагают подобные смешанные выплаты: деньги (иногда до 5 пенсов в день) плюс столько еды, сколько они могут съесть. Но как только урожай собран, они лишаются работы.

Учитывая, что по воскресеньям работать запрещено, а кроме воскресений, в году еще сорок — пятьдесят праздников — «святых дней», — когда работать тоже нельзя, среднестатистический каменщик может заработать за год максимум 7 фунтов 1 шиллинг 6 пенсов. Это значительный доход — намного больше, чем у подавляющего большинства англичан. Но если он станет мастером-каменщиком, то будет получать гораздо больше. В Уоллингфорде в 1365 году мастеру-каменщику платят 4 шиллинга в неделю, а в Виндзорском замке мастеру-каменщику, который руководит его реконструкцией, — 7 шиллингов в неделю. Мастер-плотник тоже может зарабатывать примерно столько же. Соответственно, годовой доход этих мастеров — от 10 до 17 фунтов, примерно такой же, как у высокообразованных юристов и врачей. Так что можно добиться довольно большого уважения в обществе, даже если вы не из семьи землевладельцев.

По сравнению с этим работа слуги оплачивается очень плохо. Даже слугам в королевском доме платят не слишком много. Главные чиновники Эдуарда II, конечно, получают от 8 марок до 20 фунтов в год, а королевские приставы — $7\frac{1}{2}$ пенса в день, не считая еды и одежды, но вот слуги третьего ранга получают всего $4\frac{1}{2}$ пенса в день. Лакеи получают всего $1\frac{1}{2}$ пенса в день, одну порцию пищи в холле и право на общую постель с другим слугой того же ранга. А ведь в королевском дворце слугам платят больше всего. Пажи и конюхи во владениях других лордов очень редко получают больше одного пенса в день. Слуге-мужчине, живущему в доме йомена, и вовсе иногда платят всего 4 пенса в неделю. Служанке платят чуть больше половины этого жалования, около $2\frac{1}{2}$ пенса в неделю, причем даже эти деньги выдают раз в год. То же можно сказать и о женщинах и девушках, которые батрачат или помогают собирать урожай: им платят вдвое меньше, чем мужчинам за такую же работу. Если богатство выставляется напоказ, а жалования рабочих очень низки, неудивительно, что очень многие люди вступают на преступный путь.

V

Что носить

Благодаря Голливуду у нас создалось устойчивое впечатление, что в Средние века люди носили что-то вроде стереотипных униформ. Короли расхаживают по дворцам в горностаевых мантиях, рыцари всегда носят доспехи, леди томно переступают, одетые в длинные платья, а придворные шуты скачут в красно-желтых костюмах и шапках с бубенцами. А однозначная ассоциация от кутюр с гламурной современностью говорит нам, что мода в ее современном понимании просто не могла существовать в 1400 году. Но все эти впечатления и предположения ложны. В XIV веке стили одежды поменялись сильнее, чем в любой предыдущий столетний период. А мужская мода — даже сильнее, чем в любое следующее столетие.

В 1300 году одежда в основном практична и соответствует общественному положению, а различается по большей части цветом и качеством ткани, а не кроем и фасоном. Но к 1330 году всё меняется. Благодаря появлению шовного рукава одежда теперь повторяет форму тела. Она больше не свисает с плеч свободно, как туника, а подчеркивает естественные округлости мужских и женских тел. В результате одежду для мужчин и женщин начинают кроить совершенно по-разному. К 1400 году мода достигла пика дизайнерской эксцентричности: платья с длинными шлейфами, мужские туники с таким вырезом, что ноги видно аж до бедер, длинные свисающие рукава и смешные остроносые туфли.

Несмотря на появление эротичной облегающей одежды, моральные и общественные традиции все равно накладывают

ограничения на то, кто и какую одежду может носить. Ни в каких слоях общества не разрешается носить что угодно. Женщинам нельзя прилюдно обнажать руки и ноги — за исключением прачек. Одежда остается ключевым методом поддержки общественной иерархии. Проститутки терпят в Лондоне, только если они носят желтые капюшоны, обозначающие их «профессию», и подчиняются законам города. Если бы проституткам позволили носить нормальную одежду, то это стало бы угрозой нравственности для всех уважающих себя жен и дочерей горожан. Прокаженные обязаны носить плащи с колокольчиками; это часть общественного договора, на основании которого их терпят. Монахам и «братьям» тоже нужно носить одежду, подобающую их статусу и ордену. Аристократы носят дорогие меха, не такие богатые люди — меха подешевле, горожанки — кроличий мех и так далее. В средневековом обществе вы — то, что вы носите.

С определенной точки зрения ваша одежда также обозначает, кто вас защищает и кому вы верны. Слуги лорда обычно носят ливрею: своеобразную униформу, выполненную в геральдических цветах лорда. В ином случае слуга богатого лорда носит ливрейный воротник, сообщая всем, что находится под защитой этого лорда. Это символическая угроза, передаваемая при помощи одежды. Напасть на человека в ливрее лорда — всё равно что напасть на самого лорда. Соответственно, если человек в ливрее лорда напал на вас — это серьезный повод для опасения. Если хозяин решит защитить своего слугу от преследования по закону — такая практика называется «содержание», — то, скорее всего, справедливость не восторжествует. Группа людей в одинаковых ливреях в теории, конечно, находится не «над законом», но вот на практике они, по сути, для закона неуязвимы.

Естественно, модные веяния не совсем совместимы с «общественными функциями» одежды. Общество, в котором одежда одновременно и служит средством консервативной нравственной оценки, и при этом меняется каждый сезон, просто не может существовать по определению. Вы можете себе представить, как по средневековому Лондону ходят слухи примерно такого содержания: «Смотри, проститутки в этом году носят более высокие желтые капюшоны, чем в прошлом»? Нет, не можете — равно как и монахинь, одетых в пурпурные рясы. В результате между теми, кто желает перемен, и теми, кто стремится сохранить статус-кво, возникает фундаментальный конфликт.

Его результатом стали законы, регулирующие расходы. Они запрещают некоторым людям одеваться лучше, чем положено по статусу. В Лондоне в начале века действует такое правило:

Женищинам-простолюдинкам не разрешается ходить на рынок или выходить из дома в капюшоне, отороченном каким-либо иным материалом, кроме кроличьего меха или овчины; в противном случае ее капюшон отберут шерифы. Исключение — только для леди, носящих меховые накидки... потому что продавицы, кормилицы и другие служанки, а также распутные женищины наряжаются в капюшоны с горностаевым мехом, словно знатные леди.

Законы, подобные лондонским, в 1337 году принимают во всём государстве. С этого времени только люди с ежегодным доходом не менее 100 фунтов имеют право носить меха. Этот закон, впрочем, мало кто стремится исполнять — многие жены купцов и эсквайров по-прежнему с гордостью носят горностаевый мех. Так что в 1363 году законы об ограничении расходов ужесточили из-за «возмутительных и неумеренных одеяний многих людей, не соответствующих их доходам и положению, что приводит к великому разрушению всей страны...».

Правила ношения одежды, принятые по закону 1363 года

Статус	Что можно носить
Лорды с землями, приносящими не менее 1000 фунтов годового дохода, и их семьи	Нет никаких ограничений
Рыцари с землями, приносящими годовой доход 400 марок (266 фунтов 13 шиллингов 4 пенса), и их семьи	Могут одеваться как угодно; запрещается лишь носить мех ласки и горноста, а также одежду с драгоценными камнями, не считая украшений в волосах женщин
Рыцари с землями, приносящими годовой доход 200 марок (133 фунта 6 шиллингов 8 пенсов), и их семьи	Одежда, ткань на пошив которой стоит в общей сложности не более 6 марок (4 фунтов); запрещается носить одежду из золотой ткани, а также плащи, мантии и накидки,

Статус	Что можно носить
Рыцари с землями, приносящими годовой доход 200 марок (133 фунта 6 шиллингов 8 пенсов), и их семьи	отороченные чистым горностаевым мехом, горностаевые рукава и любую ткань, расшитую драгоценными камнями; женщинам запрещается носить мех ласки и горностаевая, а также драгоценные камни, не считая украшений в волосах
Эсквайры с землями, приносящими 200 фунтов в год, купцы с капиталом 1000 фунтов и их семьи	Одежда, ткань на пошив которой стоит в общей сложности не более 5 марок (3 фунтов 6 шиллингов 8 пенсов); можно носить одежду из шелка и серебряной ткани или любой ткани, украшенной серебром; женщинам можно носить горностаевый мех, но не ласку, а драгоценные камни — только в волосах
Эсквайры, джентльмены с доходом 100 фунтов в год, купцы с капиталом 500 фунтов и их семьи	Одежда, ткань на пошив которой стоит в общей сложности не более 4½ марки (3 фунтов); никакой золотой, серебряной ткани или шелка, никакой вышивки, никаких драгоценных камней и мехов
Йомены и их семьи	Одежда, ткань на пошив которой стоит в общей сложности не более 40 шиллингов (2 фунтов); никаких драгоценных камней, золота, серебра, вышивки, эмали или шелка; никаких мехов, кроме ягненка, кролика, кошки или лисы; женщинам запрещается носить шелковые вуали
Слуги и их семьи	Одежда, ткань на пошив которой стоит в общей сложности не более двух марок; никакого золота, серебра, вышивки, эмали или шелка; женщинам запрещается носить вуали дороже 12 пенсов
Возчики, пахари, погонщики волов, коров и свиней, доярки и любые другие сельскохозяйственные рабочие, имущество которых меньше 40 шиллингов	Разрешается только шерстяная ткань не дороже 12 пенсов за эль, а также веревочные (льняные) пояса

Королевская семья

Законы, регулирующие расходы, не ограничивают в одежде королевскую семью. У нее задача обратная: одеваться величественно и богато и демонстрировать тем самым свое высокое положение. По этой причине королевская семья чаще всего становится законодателем моды. То, что она наденет сегодня, через несколько недель будут носить аристократы, а в ближайшие годы — жители провинциальных городов (хоть и в более дешевой версии). Таким образом, именно король отчасти «виноват» в модной конкуренции среди низших классов.

Что короли носят, когда не одеты в церемониальные мантии? Давайте посмотрим, скажем, на Эдуарда III. В феврале 1333 года вы найдете двадцатилетнего короля в Берике «в одежде из зеленого бархата, расшитой жемчугом», или, может быть, «в акетоне [утепленной куртке], покрытом ярко-красным бархатом и вышитом изображениями попугаев и другими украшениями». Через два года вы встретите его одетым в «куртку и мантию из пурпурной ткани, украшенную шелковистыми перьями, прошитую по краю золотой нитью и украшенную изображениями птиц на ветвях; на грудках птиц жемчугом вышиты изображения двух ангелов, держащих золотой арбалет, украшенный позолоченным серебром и жемчужной ниткой». В общем, Эдуард не отличается излишней скромностью.

Эдуард II и Ричард II не менее экстравагантны в своих одеяниях. Королевы средневековой Англии тоже одеваются роскошно. Короли устанавливают стандарты мужской экстравагантности, а королевы — женской. Королева Маргарита (вторая жена Эдуарда I) и королева Изабелла (жена Эдуарда II) сохраняют тесные связи с родной Францией. Окруженные слугами-французами, они хорошо разбираются в новых тканях и фасонах Реймса и Парижа. Королева Анна, жена Ричарда II, тоже привезла с собой новые фасоны из Богемии. Королева Филиппа не теряет связей с родиной, графством Геннегау, а ее муж Эдуард III восхищается ею и приобретает для нее не меньше драгоценностей и расшитых камнями тканей, чем для себя и своих друзей. Если вы встретите женщину, одетую в «капюшон, сделанный из коричневого пурпура, украшенный 154 звездочками из жемчуга и прошитый золотом;

каждая звездочка сделана из семи больших жемчужин, причем самая крупная — на вершине» или «шляпку из бобрового меха, прошитую бархатом и украшенную белыми жемчужинами и золотыми бабуинами», не сомневайтесь: это королева.

Мужчины-аристократы

Поскольку у мужчин есть свойство подражать тем, кто стоит выше них в общественной иерархии, лучше всего будет начать с рассмотрения одежды богатых и влиятельных людей. В первое десятилетие XIV века придворные носят «костюм из мантий» (*suit of robes*): три или четыре предмета одежды, дополняющие друг друга. Самый важный элемент костюма — туника, похожая на длинное платье с рукавами. Ее кроют таким образом, что между рукавами и основной частью одежды шва чаще всего нет. Переднюю и заднюю части, в том числе рукава, вырезают из одного куска ткани, а потом сшивают вместе. В результате и рукава, и сама туника сидят свободно, и в них легко проходят руки. Если у туники отдельные облегающие рукава, то их обшивают вокруг руки каждый раз, когда тунику надевают. На теле она висит свободно и, насколько это возможно, грациозно. Иногда тунику носят с поясом, но не всегда: в складках дорогой ткани, свисающей свободно, есть своя элегантность. На нее обычно надевают верхнюю тунику. У нее короткие и широкие рукава, и она короче основной туники, чтобы было видно и ее цвета. Сами цвета должны быть контрастными, например, красная нижняя туника и зеленая верхняя или синяя нижняя туника и коричневая верхняя.

Чаще всего к туникам добавляются еще два предмета: капюшон и мантия. Капюшон делается из мягкой ткани и, когда не покрывает голову, свисает со спины. Мантия чаще всего квадратная и крепится на плечах (возможно — с помощью украшенной драгоценными камнями застежки на шее). Или же ее выкраивают в форме большого круга с отверстием для головы в центре и двумя отверстиями поменьше для рук. Такая мантия стелется по земле. Благодаря длинным складкам она выглядит впечатляюще, но на самом деле она довольно неудобна, потому что на полу очень легко наступить и споткнуться. Но вы вскоре поймете, что аристократы как раз стремятся не к удобству. Чем менее практична одежда, тем выше статус ее владельца.

Что носить под верхней одеждой? Лыняную рубашку. Лучший лен привозят из Реймса, чуть похуже — из Парижа. Нижнее белье называется «браки» или «бриджи» (не путайте с появившейся позже верхней одеждой с таким же названием). Их тоже делают из льна; они свисают с ног, но иногда их перевязывают у колен шнурком. Шнур или пояс браков проходит через верхнюю часть одежды, а сами браки подтягивают и оборачивают вокруг пояса, чтобы он не впивался в кожу. Браки того времени очень свободные: когда на вас нижняя и верхняя туника, совершенно не обязательно, чтобы нижнее белье туго облегло зад.

Примерно с 1330 года в покрое туники начали появляться вариации. Мужчины перестали зашивать руки в рукава и теперь пользуются замечательным новым изобретением — пуговицами¹. Ура! Вы, наверное, даже не представляли себе, насколько скромная пуговица изменила одежду и мужчин, и женщин. Ибо благодаря использованию пуговиц случился настоящий прорыв. Теперь можно шить туники или «куртки» (*cote*), которые расстегиваются спереди, а не надеваются через голову, свисая, словно ряса. Такая туника может плотно и весьма элегантно облегать тело, что несет за собой определенные социальные, чувственные и стилистические последствия². Не нра-

-
1. К 1334 году королевская одежда уже была на пуговицах, как говорится в TNA E 101/386/18 m.58: «пятьдесят шесть жемчужин доставлено портному принца, чтобы сделать пуговицы для его сюрко» (30 марта 1334 года).
 2. Изменения в фасоне, похоже, были вдохновлены акетоном, стеганой курткой, которая надевалась между рубашкой и кольчугой, закрывая грудь. Поскольку акетон должен был плотно прилегать к телу (иначе он просто порвался бы), рукава нельзя было кроить из того же куска ткани, что и всю остальную часть одежды. Поэтому их кроили отдельно, а потом пришивали к плечам акетона (который завязывался сзади). Примерно с 1330 года узкие рукава акетонов вошли в моду и для гражданского платья. Когда Эдуард III заказал акетоны для тех, кто в 1330 году помог захватить в плен Роджера Мортимера, он выдал два из них людям, не участвовавшим в бою: врачу и священнику (Shenton, 'Coups of 1330', pp. 23–24). Таким образом, уже в то время акетон не был чисто военной одеждой. В феврале 1333 года Эдуард приказал оплатить счет своего оружейника, Джона де Колона, где упоминались «акетон из пурпурного бархата с вышитой жемчугом розой» и «два акетона красного бархата,

вится это только старикам, толстякам, ханжам и священникам. Отсюда — критические стрелы, на которые не скупились хроникеры того времени.

Перенесемся в 50-е годы. Что нужно надеть при дворе, чтобы поприветствовать короля Франции, которого в 1356 году взяли в плен, а через год привезли в Англию? Нижнее белье — по-прежнему льняная рубашка и браки, но эти браки уже короткие и облегающие, похожие на современные трусы, но с пояском вместо резинки. На браки надеваются цветные

вышитые изображениями попугаев и другими украшениями» (TNA E 101/386/9). Их, очевидно, носили в качестве верхней одежды, не под кольчугой. Если бы тот же пурпурный акстон имел практическое, а не только церемониальное применение, то его бы не инкрустировали жемчугом. Мы знаем, что еще в 1327 году турнирные акетоны Эдуарда были вышиты золотом, так что тоже были богато украшены (как, например, сохранившийся жупон или акетон Черного принца из Кентерберийского собора). Тем не менее, поскольку акетоны выдавали в качестве подарков людям, которые даже в турнирах (не говоря уж о настоящих боях) никогда не участвовали и не должны были, а кроме этого, еще и украшали жемчугом, можно сделать вывод, что к 1333 году стеганные куртки носили уже не только в бою; более того, их шил портной-оружейник, член Гильдии портных и оружейников, которой Эдуард выдал хартию в 1327 году (Davies and Saunders, *Merchant Taylors' Company*, pp. 13, 50). Всё это говорит о том, что облегающую одежду стали шить для гражданских лиц именно в то время, и она дала толчок новой моде. Поддерживают это предположение и описания акетонов, «открытых на груди» (Newton, *Fashion*, p. 15). Переходный период завершился к 1338 году: в отчетах о закупке тканей и мехов, составленных с сентября 1337 по сентябрь 1338 года, упоминается «четырнацать элей зеленой тафты и 1½ фунта хлопка, чтобы набить и обшить короткий плащ, сделанный из красной кельнской ткани, сбрызнутой черной краской, а также серебряные, позолоченные и эмалированные пуговицы для королевского дублета... четырнадцать элей красной тафты и 1½ фунта хлопка, чтобы набить и обшить такое же убранство из красно-черной бумази с такими же пуговицами для подобного же дублета» (TNA E 101/388/8). Несмотря на всё вышесказанное, вполне возможно, что на самом деле новый стиль изобрел Эдуард II, потому что королевскому портному Генри Кембриджу в 1327 году заплатили за «восемь туник-котарди по 14 пенсов каждая»: таким образом, выходит, что застегивающаяся спереди котарди появилась на шесть лет раньше, чем считалось до этого (Cunnington and Beard, *Dictionary*, p. 54).

чулки (леггинсы) из тонкой шерсти, похожие на современные колготы. Обычно они крепятся к поясу браков — вся конструкция напоминает современные женские подвязки. На рубашку вы наденете куртку длиной примерно до середины бедер. Или же дублет (утепленную куртку). И у курток, и у дублетов облегающие рукава на пуговицах, а застегиваются они спереди. Обычно они двух цветов: одна половина, скажем, синяя, а другая — желтая. Это называется *mi-parti* — «частичная окраска». Если ваша куртка одноцветная или на улице холодно, вы, скорее всего, наденете еще и верхнюю куртку другого цвета, низко опустив пояс. Или же можно прямо на рубашку надеть котарди (роскошный дублет) на пуговицах. Если вы застегнете новенький дублет и обнаружите, что в нем слишком уж хорошо выделяется толстый живот, не забывайте: мужчины тогда тоже носили корсеты. Традиционный образ рыцаря в доспехах — достоверный и общепринятый, но вот не менее достоверный образ рыцаря, одетого в корсет и подвязки, известен куда меньше.

Естественно, мода никогда не стоит на месте, но быстрее, чем в середине XIV века, она не менялась никогда. Раздраженный автор хроники «Брут» пишет, что люди меняют формы и фасоны одежды каждый год. Он совсем не рад описывать «тапеты» (выступающие ленты ткани), которые свисают с рукавов и капюшонов придворных, «дагги» (кружева на краях одежды) и удлиненные капюшоны. Он называет все это «одеждой дьявола» и винит в ее распространении уроженцев Геннегау из свиты королевы Филиппы. Не его одного это приводит в ужас. В 1370 году у другого писателя мы находим шокирующий рассказ о том, что туники стали такими короткими, что видны даже очертания мужских ягодиц. К тому времени, чтобы считаться при дворе модником, вам нужно носить пальток — дублет с нижней кромкой, к которой крепятся леггинсы или чулки. Или же можно надеть длинную мантию. Оба новомодных предмета одежды, похоже, изобрели в Англии, и уже оттуда они распространились по континенту. Капюшон вы можете носить в заливхватски сложенном виде, связав его лирипипом (длиннющим продолговатым концом капюшона). Оставить лирипип свободно висеть — это просто *passé* (старомодно). То же можно сказать и о круглой мантии: никто больше не продевает голову в центральное отверстие.

Мужчины носят такие мантии по-щегоольски, продевая голову в отверстие для руки и собирая складки на плече.

Под конец века все эти эксперименты с модой достигли кульминации. Быть аристократом в 90-х годах XIV века — значит носить длинные мантии, короткие мантии, мантии средней длины, котарди, дублеты и пальтоки. Роскошнее всего, впрочем, длинные одеяния, которые иногда называют «хуплендами»: длинные, до земли, сшитые на заказ мантии с высокой талией, высоким воротником (действительно высоким — он достает чуть ли не до ушей) и богато украшенными длинными рукавами с огромными манжетами, которые свисают до земли. Облаченный в такое одеяние модник-аристократ может споткнуться не только о подол мантии, но и о манжету. Другая крайность — куртпис или куртепи, очень короткий дублет, который не только оставляет открытым зад, но и свисает всего на два дюйма ниже пояса, так что владелец может с гордостью демонстрировать и выпуклость спереди, и округлость ягодиц¹. Естественно, такую одежду можно носить не всегда и не везде: не стоит приходить в куртписе, скажем, в парламент или на похороны. Но конец века — это пик сексуальности мужской одежды. Мы прошли очень долгий путь со времен Эдуарда I, когда лорды еще носили туники, свисавшие с плеч, словно бархатные занавески.

Развитие фасонов мужской обуви шло практически так же радикально, как и одежды. В 1300 году между левым и правым ботинком разницы практически нет. Они могут быть украшены золотом, сшиты так туго, что швов практически не видно, но тем не менее и для левой, и для правой ноги они делаются одной формы. В течение столетия кордвейнеры — сапожники, которые шьют лучшую обувь из мягкой кордовой кожи, — начинают делать левые и правые ботинки разными. Впрочем,

1. Куртписы появились намного раньше, но до конца XIV века были редкостью. Самое раннее упоминание, которое нашел я, — *curterpue*, который король подарил королеве в 1334 или 1335 году. Он был пошит из коричневого пурпура, с *oneree des gargulottes dor de les elees de soie de diverses coloures* (TNA E 101/386/18 m. 59). Хотя это явно женская одежда, которую, скорее всего, носили поверх туники (чтобы прикрыть ноги), к 1344 году ее стали носить и мужчины. В королевских счетах за 1342–1344 годы упоминаются куртписы для одиннадцати графов и рыцарей, участвовавших в охоте вместе с королем (TNA E 101/390/2 m. 1).

самое поразительное изменение — это длина носов. В 1300 году аристократы носят дорогую, но вполне нормально выглядящую обувь: носок слегка заострен, но не более того. С 30-х годов длина носа начинает расти. Неуклонно расти. Знать по обе стороны Ла-Манша словно соревнуется, у кого обувь длиннее. Какой бы ни была причина появления этой моды (может быть, это как-то связано с идеей, что длина ступни пропорциональна длине мужского достоинства?), к 1350 году носы обуви все удлиняются: 15 сантиметров, 17, 20 — и их набивают шерстью, чтобы они были твердыми. В правление Ричарда II некоторые лорды не могут пройти и нескольких шагов, чтобы не споткнуться о свою же обувь. Хотя старики все еще носят ботинки нормальной длины под длинными мантиями, молодые мужчины в коротких пальтоках раздвигают границы стиля слишком далеко. Самые длинные ботинки — двадцатидюймовые «краковы», завезенные из Богемии, — настолько длинны, что их приходится привязывать кончиками к поясу. Подняться в них по лестнице почти невозможно.

Как ни удивительно, несмотря на радикальные изменения в стилях одежды и обуви, мужские прически за век практически не изменились. Задаёт моду, естественно, король, но вы не заметите особой разницы между прическами Эдуарда I, его сына Эдуарда II и даже Эдуарда III до 50-летнего возраста. У всех троих волосы разделены пробором по центру и удерживаются короной или венцом так, чтобы длинные локоны свисали по сторонам лица до подбородка. Под конец жизни Эдуард III носил более длинные волосы, до плеч. Даже у Ричарда II и Генриха IV прически не слишком отличались от тех, что были у предшественников, — по крайней мере, пока Генрих не облысел. Ричард стриг волосы чуть короче, так что они закрывали уши, а сзади оставались длинными.

Все эти короли, кроме Ричарда, были бородачи. Бороды, впрочем, у них бывали разные — у Эдуарда II короткая и густая, у Эдуарда III в старости — длинная и ниспадающая, у Черного принца и Генриха IV — короткая и раздвоенная. В любом случае светские лорды обычно носят бороды. В отличие от них, священники с бородами не ходят никогда. Каждые две недели их бреют и выстригают тонзуру (волосы на затылке). Таким образом, бритье считается для аристократа (и, соответственно, для короля) неприемлемым. Вид Ричарда

II, который ходит без бороды и даже практически без усов, тревожит немало мужчин, потому что его гладкое, как у юноши, лицо выглядит совсем не по-королевски¹. Подозрительность, с которой к нему относятся в течение большей части правления, — красноречивое свидетельство того, как важна в Средневековье внешность, «подобающая» должности.

Женщины-аристократки

Одежда символизирует не только общественное положение, но и половые различия. Но как отличить мужское платье от женского, если оно просто свободно свисает с плеч? В 1300 году и мужчины, и женщины носят похожие туники. Есть, конечно, определенная разница в вырезах и длине полы, но главное отличие — то, как выглядит в одежде голова. В течение первых трех десятилетий основное внимание уделяется не бедрам и груди, не рукам и ногам, а волосам и лицу. Можно, в общем-то, с уверенностью сказать, что до 1330 года мужская и женская одежда больше различается выше плеч, чем ниже.

К концу века всякие сходства фасонов почти полностью исчезли. Мужская одежда стала более сексуально откровенной, а вот женские юбки до сих пор длинные, до пола. Некоторые правила нарушать не решился никто. Женщинам по-прежнему запрещается обнажать руки и ноги — это считается непристойным. А незамужняя женщина не может носить головной убор: платок разрешен только замужним. Тем не менее именно в этом столетии мужчины и женщины стали носить радикально различающуюся одежду. Для современного мира, где дизайн женской одежды направлен во многом на привле-

-
1. На некоторых изображениях Ричарда, сохранившихся с того времени, у него вообще нет бороды: например, на портретах в Вестминстерском аббатстве и на Вильтоновском диптихе, а также на картине, где Филипп де Мезьер преподносит Ричарду свою рукопись (см. рис. 4). Даже на похоронной фигуре Ричарда, сделанной при жизни, есть лишь очень маленькая бородка и почти нет усов. Очень маленькая раздвоенная бородка и усы изображены на иллюстрациях Крето-на (выполненных в 1401–1405 годах). Чуть больше растительности на лице видно на иллюминированных инициалах в Книге статут-ов (St John's College, Cambridge: MS A7) и Хартии Шрусбери.

чение противоположного пола, радикальная сексуализация мужской одежды удивительна вдвойне. Длина подола меняется не у женщин, а у мужчин. Неудивительно, что монахи-летописцы не могут не высказаться по этому поводу: они обвиняют мужчин в том, что те носят очень короткую верхнюю одежду, выставя напоказ содержимое нижнего белья, а женщин — в том, что им очень нравится увиденное.

Леди, которые хотят произвести фурор в 1300 году, могут надеть тунику с длинными рукавами, а под нее — сорочку из тонкого льна. Рукава к ней пришивают, когда она уже надета, чтобы ткань облегла руки. На тунику вы, скорее всего, наденете платье контрастного цвета без боков: оно напоминает длинное сюрко, но с большими вырезами вместо рукавов (по-этому оно и «без боков»). Иногда боковины зашнуровывают золотыми нитями с кисточками на концах. Платье без боков почти всегда контрастного цвета: если ваша туника красная, то лучше всего будет надеть синее платье до пола. Поверх этого ансамбля вы, скорее всего, наденете мантию: например, из фиолетовой ткани, прошитую золотом и украшенную красными и синими узорами, достаточной длины, чтобы стелиться по земле. Или же можно вместо нее выбрать еще более длинный пелисон со свободными рукавами, отороченный мехом: это плащ из дорогой ткани, у которого такой длинный шлейф, что его носит за вами слуга.

К середине века платье без боков начало устаревать. Длинный шлейф, волочащийся за пелисоном, тоже кажется старомодным и непрактичным. К тому же у женщин стало модно открывать шею (низкие вырезы появились примерно к 1325 году) и даже плечи. Благодаря новому крою рукавов и пуговицам с 30-х годов вас уже не будут «зашивать» в одежду — теперь вы можете носить длинные платья и котарди на пуговицах, как мужчины. Основным элементом нижнего белья остается сорочка, так что юбки по-прежнему будут до земли. Впрочем, вы все равно выглядите сексуальнее благодаря тому, что ваша туника или котарди плотно облегает грудь, талию и бедра, демонстрируя фигуру. Некоторые женщины подчеркивают свои ягодицы, подкладывая под платье подушечки, сделанные из лисьих хвостов. Или же можно привлечь внимание к талии, надев корсет. Если вы решили ходить в облегающей одежде, то вокруг бедер будут висеть золотые и украшенные драгоценностями пояса. В то же время мантию надо

носить ниже, чем раньше, и завязывать прямо над грудью золотым шнурком или ленточкой, демонстрируя обнаженные плечи.

К 1400 году лучшие платья при дворе мало похожи на одежду вековой давности. Их шьют из тех же дорогих тканей, в основном ввозимых из Фландрии и Франции, но фасоны совсем иные. Длинные ниспадающие ярко-пурпурные или красные платья, часто — с вышитыми на них гербами, прошиты по краям парчой и драгоценностями. На платье надевается короткий лиф контрастного цвета, ниже — корсет, подчеркивающий фигуру в форме песочных часов, а верхней одеждой служит отороченный мехом куртпис длиной до бедер, скроенный таким образом, чтобы мех шел вдоль кромки куртписа, над грудями и заканчивался на плечах. Довершают образ изысканной дамы пуговицы из золота и драгоценных камней. Естественно, такой модный стиль подходит отнюдь не для всех размеров и форм: многие женщины придут в ужас, если им придется надеть корсет и платье в форме песочных часов. Но к концу века лишь старые, толстые и религиозные женщины носят длинные туники по моде 1300 года.

Впрочем, никакой рассказ об облике средневековой женщины не будет полным без описания головных уборов. А головные уборы невозможно описать, не затронув темы причесок. В начале века самая популярная аристократическая прическа — «бараний рог». Длинные волосы (все аристократки носят длинные волосы) делятся на пробор посередине. Каждую сторону заплетают в длинную косу, затем заворачивают на манер бараньего рога вокруг уха и закрепляют заколкой. Если вы замужем, то будете носить венец, капюшон, шляпу или вуаль, а с двух сторон закреплять платок. В 1300 году, когда ваша туника достает до земли, а рукава такие длинные, что закрывают ладони, из всего вашего тела видны только лицо и пальцы.

В правление Эдуарда III все меняется. Самое поразительное изменение заключается в практике брать две косички и складывать их в несколько раз у висков таким образом, чтобы из кос получались «колонны», обрамляющие лицо. Эти «колонны» часто перевязывают золотым газом — именно такую прическу делала себе королева Филиппа в 60-х годах. Ее современница графиня Уорик тоже носит похожую прическу, но две жесткие колонны она не вешает вокруг лица, а сплетает на затылке, а потом сверху надевает золотую сеточку. В результате все ее лицо обрамляет впечатляющая арка золотых волос. Это самые

роскошные прически, их делают по несколько часов. Большинство аристократок удовлетворяются просто длинными косами или «бараньими рогами», на которые надевают венец, небольшую корону или шляпу и платок (если они замужем). Жена Ричарда II, Анна Богемская, предпочитает заплетать одну длинную косу сзади. Незамужние девушки часто украшают волосы драгоценностями — иногда даже искусственными цветами, сделанными из золота и самоцветных камней, — или носят отороченные мехом капюшоны. Аристократки практически никогда не появляются на публике с распущенными волосами. Даже если волосы просто завязаны под чепцом их все равно будут прятать. В предыдущем и следующем столетиях женщины часто носили распущенные волосы, но вот аристократки XIV века распускают волосы только в солярах, когда остаются в одиночестве. Длинные распущенные волосы считаются соблазнительными, так что их демонстрировать нельзя, равно как обнаженные руки и ноги. Только дикие и распутные женщины позволяют себе ходить с непокрытой головой и распущенными волосами.

Обувь аристократок в начале века, как и одежда, мало отличается от мужской. Но постепенно мужская и женская мода и здесь расходятся. Туники женщин начинают больше напоминать юбки и платья, но они все равно длинные, так что обувью особо не похвастаешься. Женщин уж точно никто не призывает носить очень длинные туфли; их носы длиной не больше дюйма. Так что им удается избежать дурацких фасонов типа «кракова».

Горожане и горожанки

Многие перемены в аристократической моде отразились и на одежде горожан — людей, которые особенно остро ощущают свое общественное положение. В начале века улицы полны мужчин, которые ходят в длинных туниках, спускающихся ниже колен, чулках и капюшоне. Главные различия между одеждами горожан и аристократов — длина (купеческие туники обычно короче, чем одежда лордов) и качество ткани. То же можно сказать и о женской одежде 1300 года: жена богатого купца носит тунику с длинными рукавами и платье без боков, как и ее благородные современницы, но качество

ткани ниже. Как и меха на манжетах и воротнике. Естественно, платок для замужней женщины на улице обязателен.

К концу века лавочники, торговцы и ремесленники носят цветные леггинсы и куртки и дублеты длиной до бедер. Если у них есть деньги, то они покупают фетровую или бобровую шляпу. Если нет — по-прежнему носят капюшоны. Богатый купец красуется в хупленде с высоким воротником, длинными манжетами и так далее, хотя его шьют из более дешевой ткани, а манжеты не такие длинные, как у лордов. Если кто-то в городе и носит щегольской сложенный капюшон, так это он. Но вот длина носков туфель не будет чрезмерной, даже если купец одет в короткий дублет и чулки. Он даже может носить обувь не из кордовской кожи, а из обычной телячьей. В конце века горожане иногда вообще предпочитают не носить обувь, а пришивают кожаные подошвы прямо к чулкам, так что их «обувь» того же цвета, что и леггинсы.

Отороченная мехом бархатная куртка, которую так любят аристократки в 90-х годах XIV века, остается для большинства горожанок недостижимой мечтой. Вместо них они носят обычные платья (*kirtles*) — туники длиной до земли с узкими рукавами — и льняные сорочки, а сюрко надевают только в холодную погоду. Батская Ткачиха носила длинное красное платье, кружевные красные чулки, мягкие башмачки, дорожный плащ, «обтягивавший зад», платок под подбородком, шляпу и шпоры. Такая одежда не говорит о богатстве, — по ее собственному признанию, ткань она соткала сама, — но одевается Батская Ткачиха не хуже, чем другие равные ей по положению женщины.

Работники обычно не носят рубах, ограничиваясь браками, капюшоном и простой туникой с шерстяным или веревочным поясом. Некоторые задирают заднюю полу туники и затыкают ее за пояс, чтобы она не мешала работать. За век их одежда практически не поменялась. Кроме них, неизменной с 1300 года одежда остается разве что у духовенства. Монахи, священники и церковные иерархи носят традиционные туники или сутаны, часто черные, грязно-белые или коричневые, в зависимости от того, к какому ордену принадлежат и какое положение занимают. Францисканские монахи носят серые сутаны, доминиканские — черные. Нежелание следовать новой моде связано не с тем, что они не желают следить за одеждой; сохранение традиционных, мешковатых и несексуальных одеяний для

них не менее важно, чем для купца — пошив костюма по последней моде. Монахи никогда не носят носков. Не надевать что-то — это тоже своеобразный стиль.

Сельские жители

Если вы думаете, что изменения в одежде, произошедшие после 1300 года, затронули только горожан и никак не сказались на крестьянстве, это простительно. Насчет первой половины века вы даже будете правы. Прогулявшись по сельской дороге в 1340 году, вы увидите, что одежда там практически не отличается от той, что носили в 1300-м. Но когда все одеваются одинаково, тем важнее становятся нестандартные элементы одежды, особенно среди зажиточных крестьян. Сельские жители не носят ни разноцветных одежд аристократов и богатых горожан, ни остроносых туфель, ни других непрактичных и дорогих предметов. Тем не менее, понаблюдав за жителями поместья, занимающимися своими делами, вы не найдете и двух человек, одетых абсолютно одинаково.

Возьмем, например, поместье в Линкольншире в 1340 году. Вот идет зажиточный крепостной крестьянин с воловьей упряжкой. Он одет в красно-коричневую тунику длиной чуть ниже колен и с небольшими разрезами по бокам. На голове такой же красно-коричневый капюшон с небольшим острым концом (или лирипином). Еще на нем кожаный пояс неплохого качества, шерстяная светло-коричневая верхняя туника и кожаные сапоги с длинными голенищами. У него в руках длинный кнут, и он хмуро смотрит на пахаря, который идет за ним, вроде как управляя лемехом. На пахаре тоже красно-коричневый капюшон, но он висит вдоль спины. На голове у него фетровая шляпа с высоким козырьком. Одет он в некрашеную тунику без пуговиц длиной до колен и с поясом, серо-голубые чулки, толстые перчатки и сапоги на шнуровке. В другом месте еще один крепостной сеет зерно, которое держит в свернутом подоле фартука. Птиц, пытающихся склевать зерно, разгоняет мальчик, вооруженный пращей, — он одет в короткую шерстяную тунику с льняным поясом, а капюшон откинут назад, и лирипип свисает ниже пояса. Похожие туники из крашеной ткани носят и слуги лорда, живущие в усадьбе, но у них

нет капюшонов. На кухне некоторые повара и вовсе разделись до браков. Там очень жарко, а работа сложная, так что следить надо не за внешностью, а за тем, чтобы все вышло как следует¹.

Если вы перенесетесь во времени, чтобы посмотреть на внуков этих людей в конце века, то увидите более яркие цвета (в частности, красные и синие), а также новые фасоны, сменившие старомодные туники образца 1340 года. Погонщик волов теперь одет в кожаную шапку и табард (накидку без рукавов) поверх короткой, до бедер, туники с длинными рукавами. Когда он вскидывает руку с кнутом, туника задирается, открывая чулки, больше напоминающие шаровары, которые держатся на веревочном поясе. Пахарь, к которому поворачивается нахмуренный погонщик, одет в короткую куртку на пуговицах; рукава и куртки, и рубашки закатаны по локоть. На голове у него по-прежнему потрепанная фетровая шляпа, не сильно отличающаяся от той, что когда-то носил дед. Мальчик с пращей по-прежнему бегают босиком, но теперь он одет в короткую куртку с кожаным поясом. Слуги в усадьбе лорда одеты куда лучше предшественников: чистые льняные рубашки и стеганные дублеты, чулки, сложенные капюшоны или шляпы, а на поясах висят ножи². Повара, естественно, до сих пор полуголые и обильно потеют на жаркой кухне. Как и во все века, прогресс сказывается не на всех в равной степени.

У деревенских женщин есть одно важное сходство с пятикратно бывавшей замужем Батской Ткачихой: они сами шьют себе одежду. Не все, конечно, сами прядут шерсть и ткут, но большинство именно так и делают. Никто не вяжет — вязальные спицы еще не изобрели, — так что, чтобы не замерзнуть зимой, приходится ткать очень толстую ткань. Готовую ткань нужно покрасить, а уже потом делать из нее одежду. Осознав, что крестьянкам нужно уметь пряхать, ткать, красить и шить, а также готовить еду,

-
1. Большая часть описаний крестьянской одежды 1340 года взята из иллюстраций к Латтрелловскому псалтырю и, в меньшей степени, из Смитфильдских декреталий (обе книги находятся в Британской библиотеке).
 2. Источники по крестьянской одежде конца века намного менее богато иллюстрированы, чем Латтрелловский псалтырь. Кроме различных картин из рукописей в Британской библиотеке, выложенных в Интернет, см. также Basing, Trades and Crafts; Cunnington and Lucas, Occupational Costume.

убираться, доить коров, ухаживать за больными и помогать собирать урожай (помимо прочего), вы зауважаете их гораздо больше.

Одежда, которую носят в деревнях, практична и проста; ее делают из грубой шерстяной ткани, которую называют «рассет», — в основном серого, зеленого, темно-коричневого, красно-коричневого цвета или некрашеной. В начале века крестьянки носят длинные туники поверх льняных сорочек, а также льняные платки. В определенные дни они надевают льняные «лоскуты» (*clouts*) — женскую форму браков. Иногда вместо платка крестьянки носят капюшон, а по двору ходят, засучив рукава. Некоторым это, конечно, покажется неприличным, но большая часть женской работы делается либо в присутствии только женщин, либо в амбаре, либо в доме. Работая на улице, она может вместе с платком надеть плотную шерстяную мантию и шляпу. Простота и практичность одежды крестьянок — полная противоположность куртписам и «краковам», которые носят придворные щеголи.

Аксессуары

Для большинства людей одежда — это лишь один из элементов образа. Горожанки и аристократки могут пользоваться парфюмерией — на ней специализируются некоторые городские торговцы. С помощью мускуса, амбры, гвоздики, мускатного ореха и кардамона подслащают естественный запах тела. За красивыми волосами ухаживают с помощью оливкового масла. Пасты, которые готовят из пепла виноградных лоз, и полдня варят в уксусе, делают из седых волос светло-русые. Что же касается макияжа — парфюмеры продают в своих лавках отбеливающие мази, маленькие круглые зеркала, гребни, ножницы, пинцеты и смолу. Пинцетами молодые женщины выщипывают брови. С помощью смолы — удаляют нежелательные или некрасиво торчащие волосы. С той же целью пользуются негашеной известью, но, как вы понимаете, с ней нужно быть очень осторожными, потому что известью запросто можно обжечься, а с ожогом вы будете выглядеть еще непригляднее, чем до начала процедуры¹.

1. О косметике см. Woolgar, *Senses*, pp. 136–140, 175.

Большинство носит с собой нож, который применяется и в повседневной работе, и для нарезки еды. Если вы едете на рынок или в город, то на вашем поясе висит кошелек. Это может быть простой кожаный мешочек, который завязывается на шнурок, или же полноценный застегивающийся кошелек с металлической рамкой, сшитый из шерсти и покрытый шелком. Карманы на одежде появились только в 30-х годах XIV века, так что до этого монеты носят только в кошельках¹. Будьте осторожны: в плотной толпе вору-«подрезчику» очень легко перерезать шнурок, на котором висит ваш кошелек. Возможно, вы даже этого не заметите.

Богатые и знатные люди часто носят украшения. Мужчины — ливрейные воротники, а также золотые кольца, значки и пряжки. Женщины тоже могут носить ливрейные ожерелья, демонстрируя свои политические пристрастия. Но украшения — это не только политический символизм. Считается, что драгоценные камни обладают магическими и медицинскими свойствами. В Книге Откровения «основания стены Нового Иерусалима украшены всякими драгоценными камнями: ясписом, сапфиром, халкидонном, смарагдом, сардониксом, сердоликом, хризолитом, вириллом, топазом, хризопрасом, гиацинтом и аметистом». Так что не стоит удивляться, что мужчины носят украшения с драгоценными камнями наравне с женщинами. Самыми ценными камнями считаются рубины, затем — сапфиры, после них — алмазы, изумруды и рубины-балэ (розовая шпинель). Рубины защищают владельца от яда, а изумруды — от болезней и безумия. Алмазы защищают от плохих снов и помогают достичь мудрости.

Чтобы представить, насколько богаты были украшения в высших слоях общества, посмотрите, например, на счета ювелиров, предъявленные Генриху Ланкастеру в 1397–1398 годах. Тридцать выплат, в том числе: ремонт броши с рубином-балэ; покупка кольца с рубином-балэ; серебрение нескольких ножен для кинжалов; цепочка для целебного камня, защищающего от ядов; серебряная цепочка для охотничьей собаки; серебрение ножен для меча; несколько десятков серебряных ливрейных воротников для слуг; воротники из позолоченного серебра, чтобы носить самому; кулоны, пояса, украшенные драгоцен-

1. В 1341 году у лондонского подмастерья в обоих карманах нашли деньги. См. Sharpe (ed.), *Letter Books 1337–1352*, pp. 249–275, at fol. ccxviii b.

ными камнями; «семьсот десять золотых солнц для украшения черного бархатного ганзелина [очень короткого пальтока — *прим. пер.*] и для пошива онога» (они стоили 15 фунтов 9 шиллингов 10 пенсов); «шестнадцать лилий из позолоченного серебра для украшения капеллины» (разновидность шлема) и так далее. И это мы еще не добрались до драгоценных камней как таковых. Следующие полторы страницы занимает именно список купленных драгоценностей. Золотая статуэтка Иоанна Крестителя в подарок королю, золотая лань с жемчужинами для королевы, золотые таблички и броши для других членов королевской семьи, пара золотых колец с алмазами, золотое кольцо с рубином, четыре золотых кольца с сапфирами, дюжины других золотых колец, девять брошей для ближайших компаньонов-мужчин¹. Как видно, одежда — лишь «фундамент» внешности аристократа. Если их правильно ограничить, они еще и сверкают.

Ночная одежда

Особой ночной одежды в средневековой Англии нет. Надевать нужно то, что полагается — в зависимости от того, где вы находитесь и ночует ли в комнате еще кто-то. Женщины должны спать либо в тех же сорочках, что носили днем, либо надевать такую же чистую на ночь — вместе с ночным колпаком, который носят абсолютно все. Обнаженной женщина может спать только с любимым. У мужчин свободы немного больше, потому что мужская нагота — это не такое табу. Так что ночью можно спать в одной рубашке, а можно ограничиться и одним ночным колпаком, даже если спите с кем-то в одной кровати в богадельне или гостинице². Чосер в «Книге герцогини» упоминает, что спит в своей постели голым. Впрочем, порядочные мужчины, если спят вне дома, обычно не снимают браки. Монахи в дортуарах обязаны

-
1. Вся информация из этого абзаца взята из TNA DL 28/1/6 fol. 22r–23v (ювелиры), fol. 24r–24v (драгоценные камни).
 2. Посмотрите, например, знаменитую иллюстрацию с посетителями гостиницы в библиотеке Университета Глазго, MS Hunter 252, fol. 70. Репродукция в Thorp, *Glory of the Page*, p. 31.

спать в одежде — их даже мыться заставляют, не снимая брак. А в некоторых обстоятельствах очень важно, чтобы вас не застали со спущенными штанами. Когда на Эдуарда Баллиоля, короля Шотландии, напали ночью в сентябре 1332 года, он сумел выжить и добраться до Карлайла верхом в одной ночной рубашке и без седла. Хуже того: когда на английского рыцаря Роберта Герля в 1356 году напали ночью, и его, и всех его людей застали обнаженными. Без одежды сопротивляться вооруженным солдатам довольно трудно.

Мечи и доспехи

Это книга не о средневековых сражениях, так что подробного обсуждения оружия и доспехов здесь не будет. К тому же вы, должно быть, сошли с ума, раз думаете, что сможете выжить в бою с мужчиной XIV века. Большинство из них намного сильнее вас. С шести или семи лет рыцарей учат сражаться — сначала на деревянных мечах, потом на настоящих. Многие из них к шестнадцати годам уже состоявшиеся бойцы. У вас нет ни единого шанса. Не больше у вас шансов справиться и с длинным луком. Большинство мальчишек на Севере учатся стрелять из лука с семи лет; к шестнадцати годам они уже способны натянуть тетиву самого смертоносного оружия Средневековья. Что же касается огнестрельного оружия, то пушки есть только в королевском арсенале. Купить их никак не получится.

Цена — еще одна причина, по которой лучше забыть ношении доспехов. Даже в начале века вам понадобится шлем, железный нагрудник, длинная кольчуга, кольчужные леггинсы и плечевые щитки, а также копье, меч, топор, кинжал и щит. Под всем этим добром нужно носить стеганный жакет (акетон) и набивку. Все это вам обойдется, наверное, в 5 или 6 фунтов. Но броня быстро развивается — форма усложняется, цена растет. К 20-м годам вам уже понадобятся поножи на голеньях, наколенники, изогнутые плечевые щитки, налокотники, перчатки и пластины брони, прикрывающие руки. А если вы решите вложить деньги в качественный латный доспех, то цена начнет расти еще быстрее. К 1350 году вы должны будете купить сетчатые перчатки и бронированные ботинки, поножи, набедренники, пластины брони для рук, наспинник и нагрудник, латный воротник

для защиты горла и защиту для задней части шеи. К 1390 году средний рыцарь в бою несет на себе более 80 фунтов доспехов. Если вы тоже так оденетесь, то вряд ли у вас останутся еще и силы, чтобы поднять меч и час — другой им драться — даже если вы и умеете с ним обращаться.

Доспехи почти неподъемны — и в физическом, и в финансовом плане. Нагрудник и наспинник обойдутся вам в 3 фунта, щит — в 18 шиллингов, а шлем — в 2 фунта. Если сложить все затраты, то получится без малого фунтов 20. А потом вам еще придется покупать боевого коня, доспехи для него, дюжину копий, хороший меч, платить мальчишкам-конюхам, которые ухаживают за конем... не говоря уже о помощнике, который будет одевать вас в доспех. И все эти деньги уйдут всего лишь на набор стальной «одежды», которая крайне неудобна и по которой будут бить разными острыми предметами. Рыцарский турнир, конечно, очень зрелищный, но пусть лучше в нем участвуют настоящие рыцари.

Несмотря на вышесказанное, нужно помнить, что по Винчестерскому статуту 1285 года каждый мужчина в возрасте от 15 до 60 лет обязан иметь оружие, чтобы поддерживать порядок. Люди, чье имущество стоит более 20 марок, или получающие более 10 фунтов дохода с земли, обязаны приобрести железный нагрудник, кольчугу, меч и нож. Обладатели дохода более 5 фунтов — стеганный жакет, нагрудник, меч и нож. Даже самые бедные мужчины должны иметь оружие — меч и нож и лук со стрелами или (для тех, кто живет в лесах) арбалет со стрелами.

Покупка меча — хорошая идея. Вы не только подчинитесь статуту: вооружиться — вообще неплохая идея, хотя бы для того, чтобы грабитель, увидев меч, побоялся напасть. Мечи, с которыми ходят крестьяне, дешевы — в некоторых деревнях меч можно купить всего за 6 пенсов, — но если вы достаточно благоразумны, то будете носить оружие, один вид которого говорит о том, что вы умеете им пользоваться. Неплохой меч с эфесом, обтянутым кожей, можно купить за 1–2 шиллинга; хорошие ножны и пояс обойдутся еще в шиллинг. Если вы научитесь управляться с мечом, то в путешествиях будете в сравнительной безопасности, особенно в компании. Но помните, что ношение мечей регулируется строгими правилами. После 1319 года ходить с мечом по Лондону разрешается только рыцарям — вы обязаны будете оставить оружие у хозяина

дома, где остановились. Позже подобные правила появились во многих других городах. Запрещается носить меч в церквях и в парламенте. Если вы гостите в чужом доме или замке, то снимите оружие с пояса и оставьте его привратнику. В «Рассказе Мажордома», конечно, говорится о студентах, весело разъезжающих с мечами на поясах, но когда они вернутся в свои жилища в Кембридже, они эти мечи снимут. Это, конечно, покажется странным — что в Трампингтоне смертоносное оружие носить можно, а вот в Кембридже нельзя, — но вместе с тем это говорит о том, что средневековое общество, конечно, жестокое и пугающее, но их жестокость и страх могут быть и изысканными.

VI

Путешествия

Представьте, что вы в Лондоне, а вам нужно в Честер. Как вы туда доберетесь? Вы, наверное, подумали, что у вас лишь два варианта: поехать на лошади или сесть на корабль, который обойдет всё побережье. Но когда вы задумаетесь о практической стороне, не всё окажется так просто. Если у вас достаточно денег на путешествие по дороге, то вам понадобится охрана. Если же решите плыть на корабле, то есть риск кораблекрушения или нападения пиратов, особенно в Ирландском море, где во времена Эдуарда II рыщут шотландские пираты вроде Томаса Дана. Далекие путешествия нужно планировать очень тщательно. Многие крестьяне, конечно, пересекают всю страну, когда их забирают в армию, чтобы сражаться с Шотландией или Францией, но их никто не трогает, особенно если они идут вместе, вооруженные длинными луками и мечами, — никто не решится нападать на толпу ради того, чтобы отобрать у них несколько пенсов. Вы же беспечно едете по дороге, насвистывая странную мелодию, а в кошельке у вас столько серебра, что вы неизбежно привлечете внимание любого головореза. В общем, можно сказать, вы обречены.

Первая проблема — решить, какой ехать дорогой. В современном мире вы просто посмотрите на карту. Но в то время такой возможности нет. Карт страны очень мало, а на тех, что существуют, не соблюден масштаб. Да и делали их не для того, чтобы помочь путешественникам. Средневековые карты — это способ записи пространственных знаний; их используют для

поиска информации в библиотечных исследованиях, а не для того, чтобы сверяться с ними на дороге. На лучшей карте, так называемой карте Гау, дороги и города все же изображены, но она огромная (размером примерно с дверь) и сделана из жесткого пергамента, так что ее не получится просто свернуть и убрать в мешок. Неизвестный автор этой карты, скорее всего, составил ее для какого-нибудь великого лорда; не исключено, что она висела в королевском дворце в Вестминстере.

Из-за отсутствия карт единственный вариант, доступный вам, — спрашивать дорогу. Но откуда лондонцу знать, как добраться до Честера, если он никогда там не бывал? Чтобы не заблудиться, надо для начала поехать в нужном направлении. Поскольку Честер находится в графстве Чешир, на северо-западе, из города стоит выехать именно по дороге, ведущей на северо-запад. Впрочем, вашим главным помощником станет не компас (компасом пока пользуются только в Средиземноморье, до Северной Европы он еще не добрался), а «маршрутный лист» — список городов, лежащих между вами и графством, куда надо добраться. В разговорнике приводится такой пример:

— *Добрые люди, я еду в [такой-то город]. Через какие ворота мне выезжать? В какую сторону потом ехать?*

— *Направо; когда доберешься до моста, перейди через него. Слева ты увидишь небольшую дорогу, которая приведет тебя к церкви с двумя колокольнями. Оттуда всего четыре мили до ближайшей гостиницы. Там тебя очень хорошо обслужат за твои деньги.*

Так что если вы спросите сведущего лондонца, как доехать до Чешира, он ответит, что вам надо выехать через Олдерсгейт, проехать по Смитфилду, потом направиться по дороге на север, к Айлингтону, Финчли и Барнету, а из Барнета ехать по дороге к Сент-Олбансу. Дальше он вряд ли знает дорогу, но, приехав в Сент-Олбанс, вы спросите дорогу уже там — вам объяснят, как добраться до Таучестера и Давентри, и вот так постепенно вы доберетесь и до Чешира.

Удивительно, но даже без компасов и карт некоторые люди обладают великолепным пространственным мышлением. Да, у них есть и другие методики ориентирования, в частности по звездам или положению солнца. Но они малоприменимы,

когда нужно, например, провести быстрый маневр целой армии, чтобы обойти другую армию, находящуюся в двадцати милях, и оказаться на стратегически более выгодном месте. Представьте, что вы оказались в армии пяти лордов-апеллянтов в декабре 1387 года. Ваше войско пытается захватить королевского фаворита Роберта де Вера, который идет на юго-восток по Уотлингстрит к Лондону во главе четырехтысячного отряда. Вы приближаетесь от Нортгемптона, надеясь перехватить его на границе Уорикшира с Оксфордширом. Де Вер узнает о вашем приближении и меняет курс. Он направляется прямо на юг, через Оксфордшир. Как вам его поймать? Как без карты вообще понять, где его можно захватить, и как долго добираться до этого места? Ответ — нужно знать реки и места, где их можно перейти. В данном случае большая часть вашей армии отделяется, чтобы преследовать де Вера в южном направлении. Остальные силы совершают марш-бросок, не останавливаясь ни днем ни ночью, чтобы перекрыть два ключевых моста через Темзу в Оксфордшире: Нью-Бридж и Редкот-Бридж. Благодаря этому де Вер и его люди оказываются в ловушке — сзади их преследуют основные силы, а экспедиционный корпус перекрыл два моста впереди. Всё это кажется очевидным, если вы посмотрите на подробную крупномасштабную карту региона. Но вот если вы стоите в Северном Оксфордшире, разглядывая холмы вокруг, и пытаетесь понять, в каком направлении отправлять своих людей, чтобы не дать де Веру перейти Темзу, всё уже не так очевидно.

Не стоит и говорить о том, что вы вряд ли сами будете управлять армией на территории средневековой Англии, но принципы, на которых основано тогдашнее полководческое искусство, вполне применимы и для повседневного ориентирования. Если вы знаете, через какие графства текут крупные реки и в каких местах эти реки можно перейти, то вы уже неплохо представляете себе регион. Некоторые люди рассматривают свои графства в первую очередь именно как «реки и долины», а не как «дороги и города». Если вы оказались в неизвестной части страны или за рубежом, то лучший способ сориентироваться на местности — идти вдоль крупной реки. Река не только позволит вам придерживаться одного направления, но и рано или поздно приведет в торговый город, потому что товары часто переправляют водным путем. А там вы найдете торговцев, которым часто приходится путешествовать на большие расстояния.

В малонаселенных районах, где нет рек, вы можете нанять местного гида, который доведет вас до ближайшего города, где живет другой гид. Таким образом, чтобы ориентироваться, нужно знать местность, помнить, какой город в каком графстве расположен, уметь определять стороны света по солнцу и звездам и знать расположение рек, переправ, холмов и пустырей.

Дороги

В современном мире у нас есть несколько видов дорог, исполняющих разные функции, — шоссе для долгих поездок и грунтовые дороги, ведущие к полям. В средневековой Англии все почти так же. Там есть большаки — Фосс-уэй, Эрмин-стрит, Уотлинг-стрит и Икнильд-уэй, построенные еще римлянами и активно использовавшиеся и в саксонские, и в норманнские времена. Но есть и маленькие дорожки в полях, обозначенные только каменным крестом — если бы не он, вы бы, наверное, и не предположили, что там есть дорога.

Дорожная структура королевства — сеть дорог, соединяющих города, — основана на сети римских дорог, которая на западе доходит до Эксетера, а на севере — до шотландской границы. Это примерно 10 тысяч миль дорог. Судя по карте Гау, в 1360 году используются примерно 3 тысячи миль главных дорог. Присмотревшись внимательнее, можно увидеть, что около сорока процентов из них — римского происхождения. Почти все они были построены до конца II века, так что неудивительно, что находятся они в довольно разном состоянии. В некоторых местах булыжники всё еще на месте, хотя и с глубокими колеями, проделанными тележными колесами. В других местах камни давно растащили, чтобы что-нибудь из них построить. Иногда дороги прерываются из-за оседания почвы или упавшего огромного дерева. Даже большаки вроде Фосс-уэя иногда оказываются перекрыты. Так что не все римские дороги такие прямые, какими были когда-то. Более того, не все римские дороги даже пролегают там же, где раньше. Там, где камни старой дороги лежат неровно, они превращаются скорее в препятствие, так что в этих случаях средневековую дорогу прокладывают рядом, по более гладкой земле. Кроме того, многие города вообще не входят в римскую

дорожную сеть. Плимут, например, основали не римляне, так что римские дороги от него очень далеко. То же можно сказать и о любом городе Корнуолла (самым западным городом, основанным римлянами, был Эксетер): о богатом Ковентри, университетском Оксфорде и большинстве городов, основанных на новых местах Эдуардом I. Так что, хотя дорожная система основана на той, что построили римляне, не стоит считать, будто из каждого города во всех направлениях идут гладкие прямые мощеные дороги.

Сеть больших дорог дополняется сетью местных: улицы и переулки городов, дороги между огороженными полями, широкие скотопрогонные дороги на открытых полях и общественных землях. Кроме них, есть еще дороги между поместьями, улочки, соединяющие фермы с центром деревни, дороги, ведущие от сел к приходским церквям, проезжие дороги, портовые дороги (проходящие между портами и рынками) и монашеские дороги (соединяющие монастырские церкви с их владениями). Некоторые из них параллельны старым римским дорогам, но большинство из них построено в Средние века — если можно это назвать «строительством». Многие древние похоронные дороги и дороги для выючных лошадей, — по сути, просто тропинки, протоптанные на пустырях. Само разнообразие дорог не дает возможности описать их все кратким и емким термином.

В целом главные дороги поддерживают в хорошем состоянии. Иначе нельзя: по ним регулярно ездит король. Да, он не путешествует по всему королевству: ни один из королей XIV века в период царствования не бывал, скажем, в Корнуолле или Девоне¹. Если какая-либо из больших дорог окажется перекрытой или в плохом состоянии, то король быстро отправит предписание о ремонте владельцу поместья, на территории которого эта дорога находится. Так что короли и лорды могут путешествовать сравнительно быстро. В январе 1300 года 60-летний Эдуард I вместе со всем двором ездил со средней скоростью девятнадцать миль в день, несмотря на то что световой день тогда составлял всего девять часов, два из которых

1. Генрих IV бывал в Девоне по меньшей мере трижды. В первые два своих визита, однако, он еще не был королем, а третий состоялся уже в XV веке. Эдуард II и Эдуард III на полуострове не бывали вообще.

тратились на еду. В сентябре 1336 года молодой Эдуард III, не обремененный большой свитой, доехал до Йорка со средней скоростью пятьдесят пять миль в день. Это было бы невозможно, если бы большаки находились в плохом состоянии и лошади спотыкались о камни.

Состояние других дорог, однако, не настолько хорошее. В поместных судах постоянно разбираются дела о том, что такой-то довел дорогу возле своего дома до полной непроходимости, забросав ее дровами, сломанными телегами и мусором. Иногда, после сильного дождя, дороги перекрываются содержимым переполненных туалетов: фекалиями, палками и отбросами. Когда обваливаются дороги на склонах холмов, погонщики вьючных лошадей и другие путешественники просто идут в обход и прокладывают новую дорогу. То же можно сказать и про скотопрогонные дороги: поскольку это не римские дороги, а просто средневековые «проходные зоны», где сама дорога никак не обозначена, погонщики просто сдвигают «дорогу» влево или вправо, когда по прежнему пути уже не пройти. Самые ненадежные дороги — те, что соединяют поместья и маленькие города. Иногда местные жители, чтобы побыстрее и подешевле достать глины, выковыривают ее прямо из дороги. В хорошую погоду из-за этого поверхность становится неровной, и приходится ехать в объезд. В плохую погоду образуются глубокие лужи. Одна из самых печально знаменитых дорог — между Эгэмом и Стейнсом. В плохую погоду вам покажется, что впереди просто несколько грязных луж; никто не предупредит вас, что глубина этих луж — от восьми до двенадцати футов. В 1386 году в одной из этих луж даже кто-то утонул. Аббат Чертси, который нес ответственность за ремонт дороги, еще и имел наглость присвоить себе личные вещи несчастного, потому что тот погиб на его земле¹.

1. Hindle, *Medieval Roads*, p. 20. Еще один пример, датированный 1499 годом, приведен в Coulton (ed.), *Social Life*, pp. 426–427: торговец перчатками утонул в глиняной яме, выкопанной мельником прямо на дороге близ Эйлсбери. Чосер упоминает студента, которого постигла похожая судьба, в «Рассказе Мельника».

Мосты

Мы воспринимаем мосты как должное. Если современная дорога доходит до реки, почти всегда ее продолжает мост. Но вот поездив по средневековой Англии, вы быстро поймете, что хороших каменных мостов мало. Если вы едете по большаку между двумя процветающими и находящимися довольно близко друг от друга торговыми городами или по дороге, ведущей из столицы графства в Лондон, то вас, скорее всего, ждет приятная поездка по гладкому каменному мосту с островерхими арками и треугольными волнорезами с обеих сторон. Но вот если вы на проселочной дороге, чаще всего дорога просто уходит прямо в реку. Для пешеходов в броды иногда кладут переходные камни или даже ставят мосты-«клапперы» (в Уэст-Кантри), но куда чаще вам придется лезть в воду.

Великая эпоха строительства каменных мостов началась при короле Иоанне (1199–1216). Именно тогда построили Лондонский мост. Другие большие каменные мосты — в частности, в Эксетере и Рочестере — построили ближе к концу XIII века. До этого реки переходили или вброд, или по деревянным мостам. Даже в XIV веке через многие реки переброшены именно деревянные мосты различной степени изношенности. Некоторые настолько обветшали, что вам даже посоветуют не рисковать, а перейти реку вброд рядом с мостом. В холмистых и гористых районах мостов практически нет. Поскольку земля там намного беднее, владельцы поместий, не проживающие там постоянно, не видят никаких причин для того, чтобы постоянно перестраивать деревянный мост, который всё равно не выдержит зимних бурных потоков. Именно поэтому, если вы заедете в Озерный край или Дартмур, то обнаружите, что хороший мост там — такая же редкость, как ровная дорога. В Вестморленде к 1400 году построили двенадцать каменных мостов. Это примерно один мост на 41 тысячу акров графства.

Строительство каменных мостов заставит вас вспомнить приходские церкви, которые в большом количестве перестраивают, расширяют и перелицовывают. Два этих процесса связаны друг с другом. Строительство часовни или приходской церкви считается богоугодной тратой денег — равно как и строительство каменного моста. Церкви и мосты строят

ради других людей, и именно такой долговечной и показной благотворительностью люди XIV века гордятся больше всего. Таким образом, строительство мостов сильно зависит от роста богатства купеческого класса. Ремонт моста, равно как и содержание приходской церкви, считается богоугодным делом; обязанности спонсора не ограничиваются только строительством. Так что большинство каменных мостов поддерживают в хорошем состоянии. Во многих случаях местный епископ даже полностью отпускает грехи всем, кто помогает с ремонтом моста. Благодаря религии, таким образом, удастся привлечь очень многих к общественной работе: имя человека, финансировавшего строительство, увековечивают, а тем, кто содержит и ремонтирует мост, отпускают грехи. Если продолжать религиозную тему, то становится вполне ясно, почему почти на всех больших мостах и на многих маленьких стоят часовни.

Налоги и сборы

Прежде чем окончательно закончить с мостами, стоит упомянуть еще один очевидный и совершенно не религиозный способ поддерживать мост в хорошем состоянии — взимание платы за проезд по нему.

Представьте, что вы купец. Вам нужно будет заплатить, чтобы пройти по мосту в город. За каждую телегу вы заплатите дополнительно. Если моста нет, то вместо этого вам придется платить перевозчику. Еще вам, возможно, придется заплатить за право войти в город через определенные ворота. В городе вам нужно будет заплатить сталлаж (*плата за место на рынке*) и ластаж (*плата за хранение товаров*). Если вы в порту, то заодно придется платить «ворфаж» (*причалный сбор*) и кра-наж (*плата за пользование краном*). За право торговать определенным видом товаров придется заплатить специальный сбор торговой гильдии. И это не говоря о таможенной пошлине и паннаже (*налоге на ввоз ткани*), которые вы платите, привозя товары в страну изначально.

Если за что-то можно взять деньги, это не дается бесплатно. Даже если вы не купец, а приехали в город по личным делам, то с вас могут взять мьюраж (*сбор на ремонт городской стены*) и паваж (*налог на ремонт дорог*). Плата за проезд по мосту

(*понтаж*) — лишь один из нескольких десятков видов налогов, сборов и пошлин. Более того, поскольку вы чужак, для вас эти налоги будут еще и непомерно большими. Города, которым удастся получить хартию, в то же время платят еще и за свободу от налогов. Если лорд, выдающий хартию, — просто один из многочисленных помещиков, то эти права не распространяются слишком далеко. Но если это кто-то из великих лордов, то хартия может распространяться на все города, находящиеся под его влиянием. Если же хартию выдает король, то свобода от налогов и сборов распространяется на все города, обладающие королевской хартией. Так что свободный горожанин, например, из Йорка не обязан платить налоги, приезжая в другой город, подчиненный королю. — с него не берут ни мьюраж, ни паваж. Эта свобода от налогов распространена так широко, что недобор приходится восполнять за счет тех, кто все же обязан платить, — в том числе пришельцев вроде вас.

Как велики эти сборы? Зависит от города. За проезд по реке от Вестминстера до Лондона вы заплатите 2 пенса. Приехать с телегой в Лондон стоит 1 пенс. Уехать с полной телегой из Лондона стоит еще 1 пенс (или даже больше, в зависимости от того, чем гружена телега). В 1356 году начался сбор денег на ремонт городских дорог, так что с любого человека, проходящего через любые из семи лондонских ворот, берут по одному пенсу. Каждая выючная лошадь обойдется вам в фартинг ($\frac{1}{4}$ пенса). Так что поездки по городам с парой слуг и несколькими лошадьми могут влететь в копеечку. Соответственно, свобода от уплаты королевских налогов, которую получают все свободные жители королевских городов, — серьезное преимущество.

Дорожный транспорт

Главная причина, по которой вам стоит хорошенько задуматься, ехать ли по дороге вообще, — угроза нападения. Винчестерский статут предписывает всем владельцам поместий расчистить землю на 200 футов по обе стороны дороги — вырубить все деревья и кустарники, за исключением больших дубов, источников ценных строительных материалов для зданий и кораблей. Впрочем, это предписание соблюдается не всегда, и людей на больших дорогах все равно грабят разбойники. В некоторых

случаях лорд нанимает вооруженную стражу, патрулирующую определенный участок дороги — например, когда люди собираются на большую ярмарку, проводимую на территории его поместья. Но это редкость. Обычно вас никто не будет защищать, кроме собратьев-путешественников. Хорошей идеей будет познакомиться в гостинице с теми, кто едет по той же дороге.

Перед отъездом нужно купить лошадь — если, конечно, вы не хотите идти пешком, словно самые фанатичные паломники. Лошадей в стране полно всех видов и размеров. Говорят, что «у хорошего коня пятнадцать свойств: три от мужчины, три от женщины, три от лисицы, три от зайца и три от осла. Подобно мужчине, он должен быть храбрым, гордым и стойким; подобно женщине — широкогрудым, светловолосым, и на нем должно быть удобно лежать; подобно лисице — иметь хороший хвост, короткие уши и идти хорошей иноходью; подобно зайцу — иметь зоркие глаза, сухую голову и быстро бегать; и, подобно ослу, — иметь широкий подбородок, плоские ноги и хорошие копыта»¹.

Самые большие (и самые дорогие) кони — боевые, которых называли дестриэ. Они стоят вплоть до 40 фунтов, а в исключительных случаях — даже больше, до 8010. Естественно, таких коней могут себе позволить только богатые лорды. Большинство боевых коней, потерянных или погибших во время нидерландской кампании Эдуарда III в 1338–1340 годах, стоили от 10 до 20 фунтов. Тем не менее даже такая сумма для обычной верховой лошади слишком высока. Хороший рысак (*courser*) для охоты обойдется вам до 10 фунтов. Вам понадобится верховая лошадь (*palfrey*), она обычно стоит около 4–5 фунтов. Остальные виды лошадей и пони (их называют *rouncies*, *hobbies*, *nags* и *hackneys*) пригодны только для поездок на небольшие расстояния или в качестве вьючных. Вьючные лошади обычно стоят от 5 до 10 шиллингов, тягловые — чуть дороже. Стоит отметить, что слепые лошади стоят вдвое дешевле обычных. Если вы не понимаете, почему слепых лошадей так много, — всё очень просто: их украли, а ослепили затем, чтобы не дать им найти дорогу домой или узнать прежнего хозяина.

1. «Книга Сент-Олбанса», цитата в Reeves, *Pleasures and Pastimes*, p 103.

Похожая цитата есть в книге *Le Menagier de Paris*; она приводится в Bayard (ed.), *Medieval Home Companion*, p. 108.

После покупки лошади вам потребуется еще немало вещей. Хорошее седло обойдется примерно в 5 шиллингов. Недоуздок и полагающиеся к нему аксессуары — 6–12 пенсов. Теперь шпоры: сейчас модны шпоры с колесиками, расположенными позади каблука, они обойдутся в 2 шиллинга. Если на шпоры с колесиками у вас денег нет, можно обойтись и обычным металлическим шипом, прикрепленным к обуви (6 пенсов). На случай плохой погоды понадобится кожаная или сшитая из вошеной ткани верхняя мантия. Очень немногие женщины ездят в дамском седле (такую посадку ввели в моду фрейлины Анны Богемской после ее брака с Ричардом II в 1382 году), так что для соблюдения правил приличия понадобится дорожная юбка. Некоторые люди берут в дорогу и другие вещи, которые считают необходимыми: нож, ложку, миску, лампу, свечи, гребень, щетку для лошади, суровую нитку (достаточно прочную, чтобы ею можно было зашить седло), шило и кожаную флягу (чтобы пить в дороге эль). Те, кому предстоит долгое путешествие, берут с собой выючную лошадь, которую нагружают постельными принадлежностями: подушкой, простынями из муслина или обычного льна и шерстяными одеялами. И не забудьте взять с собой медаль с образом святого Христофора, покровителя путников. Учитывая ямы на дорогах и разбойников в лесах, его помощь вам понадобится¹.

Естественно, чем больше всего вы с собой наберете, тем медленнее будете ехать. На упаковку выюков нужно время. Даже по лучшим дорогам выючные лошади идут довольно медленно. Так что если вы хотите добраться куда-то быстро, берите с собой всего по минимуму. Большинство путешественников, которые особо никуда не торопятся, делают около трех миль в час. Очень долго в седле все равно не просидеть, так что люди чаще всего доезжают до заранее намеченного места и там и останавливаются. Пятнадцать миль в день — вполне неплохая дистанция для многих людей, особенно старых, толстых или тех, кого сопровождает большая свита. Если король в сопровождении придворных делает двадцать миль в день, это значит, что он практически силком тащит их за собой; чаще скорость не превышает десяти миль в день. Но даже те,

1. Генрих IV, еще не вступивший тогда на трон, купил медаль со св. Христофором для своего гонца, которого отправил к королю. См. Mortimer, Fears, p. 154.

кто едут в одиночку, редко успевают проделать больше тридцати миль в день летом или больше двадцати — зимой.

Впрочем, более высокие скорости тоже возможны. Гонец в хорошей форме и на быстрой лошади может покрыть гораздо большую дистанцию. Королевский гонец, у которого важная весть и много денег, на что можно в пути нанять дополнительных лошадей, развивает значительную скорость. Рекорд по путешествиям на длинные дистанции в летнее время принадлежит гонцу, который выехал с вестью о кончине Эдуарда I из Боро-он-Сэндс в нонес (около 15 часов) 7 июля 1307 года и доставил ее принцу Эдуарду, ставшему Эдуардом II, в Лондон уже 11 июля. Он проехал около 310 миль со скоростью почти 80 миль в день. Осенний рекорд скорости — у гонца, отправленного с неотложной вестью из Баркли в Линкольн через Ноттингем 21 сентября 1327 года. Гонец проехал 150 миль за два или три дня, прибыв уже ночью 23-го числа. Так что осенью можно развить скорость 60 миль в день — или даже чуть больше, если дороги сухи, а по ночам светит луна. Что же касается зимы, то весть о смерти Ричарда II в феврале 1400 года принес Генриху IV слуга из Понтефракта, проехав 178 миль. Ему понадобилось три—четыре дня и одна перемена лошадей, соответственно, скорость составила около 50 миль в день¹. Впрочем, это исключительные случаи. Даже королевские гонцы обычно с такой скоростью не ездят. Чаше всего гонцы делают двадцать—тридцать миль в день (в зависимости от времени года). Лошади, на которых они ездят, принадлежат им самим, а не королю, так что им совсем не хочется загонять их ради королевской службы.

Если ваша лошадь всё же заболеет, вам придется заплатить за ветеринарный уход. Коновалы посоветуют вам немало способов лечения занедужившего скакуна. Ноги и копыта обработают жиром, медом или маслом. В некоторых случаях для больных лошадей продают даже пластыри и пилюли. Сухое помещение, обильная пища и отдых — лучший паллиатив для большинства животных. Когда ценных коней ранят на турнирах, они получают даже хирургическую помощь — в частности, обработку ран. В январе 1397 года Генрих Лан-

1. Время доставки сообщения выведено по косвенным признакам, а не по сохранившимся записям. См. Mortimer, Fears, p. 154.

кастер купил множество лекарств, чтобы помочь своему коню по имени Лиард Гильдер, которого пришлось оставить в Кале. Кроме того, он оплатил лекарства и для другого коня, привезенного из Франции. Ветеринарные счета обошлись в общей сложности в 3 шиллинга 7 пенсов. Вскоре после этого заболел третий его конь, Соррелл Блэкуэлл, и на его лечение пришлось потратить 5 шиллингов. А когда заболели его боевые кони, ветеринарные счета взлетели вообще до небес. Еда и лекарства для «нескольких дестриэ и скакунов» обошлись в 6 фунтов. Поездки — недешевое удовольствие, особенно если вы лорд, у которого много слуг и лошадей.

Если вы не хотите ехать верхом, какие у вас еще есть варианты? Для начала, наверное, вычеркнем телеги. Телеги — это двухколесные гужевые транспортные средства, на которых возят грузы, а не людей, причем грузы обычно еще и довольно специфические. Навозная телега предназначена для транспортировки навоза, сенная — для сена и бушелей зерна. Если в телеге возят уголь, то больше в ней, скорее всего, не возят ничего. Животных водят пешком, а большую часть других рыночных товаров возят на вьючных лошадях. Даже самые большие четырехколесные повозки обычно используются только для того, чтобы перевозить вещи богатых лордов: доспехи или винные бочки. Еще иногда в повозках возят оптовые партии товара на ярмарку и обратно. Эти громоздкие конструкции, приводимые в движение шестью, семью или восемью лошадьми, практически никогда не возят людей, за исключением погонщика. Они просто слишком медленны — медленнее даже, чем длинный караван вьючных лошадей: они не могут проехать больше двенадцати миль в день.

То же можно сказать и о каретах. В первые десятилетия века в Англии карет не больше десятка. Только женщины из королевской семьи или старые аристократки ездят в каретах. Даже к концу века экипажи очень дороги — они обходятся в сотни фунтов, иногда даже в тысячу. Четыре шестиспицевых шести-футовых колеса соединяются осями прямо под кабиной экипажа, и их тщательно смазывают (подвесок не предусмотрено). Шасси делают из больших раскрашенных дубовых досок, на которые ставят бочкообразную деревянную крышу и покрывают ее яркой тканью или кожей. По сторонам стоят ярко раскрашенные резные скульптуры, так что карета больше всего напоминает дворец на колесах. Внутри — сиденья,

кровати, подушки, гобелены и ковры. На окнах шелковые занавески и внешние кожаные шторы. Там есть даже крюки для клеток, певчими птицами, принадлежащими леди, и насекомые для охотничьих птиц.

Подобные передвижные дворцы — единственное средство передвижения, которое гарантирует, что вы в дороге не вымокнете, но на дороги они выезжают очень редко. Они не просто стоят дорого — ездить на них едва ли не еще дороже. Они тяжелые, так что сдвинуть их может разве что упряжка из четырех — пяти лошадей, запряженных подряд. Лошади требуют кормления и ухода, оси постоянно нужно смазывать, за упряжью — следить (в частности, длинные кожаные поводья должны постоянно оставаться гибкими), а любая неровность на дороге угрожает переворотом. Даже сами колеса со спицами и железными ободами очень дороги; колесников, способных сделать такие колеса, не так много, как будет в следующие столетия. Ремонт кареты и колес после каждой долгой поездки обойдется минимум в три шиллинга. Добавьте к этому стоимость овса для лошадей, жалование конюхов и стражников, охраняющих покой человека, решившегося публично продемонстрировать свое огромное богатство, и поймете, что такие поездки обойдутся вам в сотни фунтов ежегодно — намного больше, чем может себе позволить большинство баронов и купцов.

Последний вариант — паланкин — предпочитают аристократы, которые уже не могут ездить в седле, а также беременные женщины. Сиденье устанавливают на два длинных шеста, которые поддерживают две лошади: одна спереди, другая сзади. Над самым сиденьем — круглый навес с деревянным каркасом, что делает его похожим на миниатюрную карету. Паланкины не очень стабильны, так что их нельзя назвать образцом комфортности. Если дорога неровная, то передняя лошадь может споткнуться и упасть под весом паланкина и седока. Даже если дорога ровная, то паланкин может раскачиваться из стороны в сторону, укачивая седока. Под конец жизни герцог Бургундский, отправившийся в паланкине из Брюсселя в Галле, пустил перед собой целую бригаду рабочих, которые разравнивали перед ним дорогу кирками и лопатами, чтобы ему было легче ехать.

Водный транспорт

Многие знакомы с романтической идеей, что море вечно и неизменно и безжалостно подтачивает берега нашего мира. Глобальное потепление, возможно, свидетельствует об определенной ошибочности таких взглядов, но тем не менее мы все равно считаем, что море когда-то было вечным. Но правда состоит в том, что моря и реки постоянно меняются. Уровень воды поднимается и опускается; эстуарии, реки и гавани засоряются илом, а скалистые берега подвергаются эрозии. Пески на дне перемещаются, из-за чего в некоторые устья рек становится очень сложно зайти, не сев на мель. Косяки рыб уходят, заставляя рыбаков уходить дальше в открытое море. А прибрежные сооружения и стены гаваней в портах подвергаются постоянному воздействию приливов и весенних штормов. Морской прибой — пожалуй, единственное свойство моря, которое действительно не меняется.

Всё вышеописанное — природные явления. Если добавить к этому социальные и политические факторы, то можно сказать, что море изменилось еще сильнее. Опасность потеряться в море быстро уменьшается благодаря улучшению математических таблиц и астробиям, с помощью которых можно вычислить склонение звезд и солнца для навигационных целей. В 1300 году многие люди сильно беспокоятся, когда земля пропадает из виду; это не нравится даже самим морякам, поэтому они предпочитают держаться берегов. Так что Ирландское море — не для слабых духом. Как и путешествия вокруг Португалии в Средиземное море, особенно если есть риск, что вас подхватит шторм и унесет в Атлантический океан. Но к 1400 году астробии получили широкое распространение, и многие умеют ими пользоваться. Чосер даже написал «Трактат об астробии» для сына. Компасы, правда, распространиться еще не успели — чосеровский Шкипер ориентируется по луне, приливам и течениям, — но благодаря солнечным и лунным таблицам и астробиям моряки куда увереннее выходят в открытое море.

С политической же точки зрения — просто представьте, насколько спокойнее выходить в море в мирное время, когда можно быть уверенными, что экипаж вон того кастильского корабля на горизонте не встретят дома как героев, если они

возьмут ваше судно на abordaj, перережут всех на борту и выкинут трупы в море. Победы в морских сражениях — например, уничтожение почти всего французского флота при Слэйсе в 1340 году или сокрушительное поражение кастильского флота близ Винчелси в 1350-м, — очень важны, потому что гарантируют всем более безопасную торговлю и путешествия.

Часто говорят, что открытая вражда между Англией и Францией началась в 1340 году, но на самом деле обе страны долгие годы до этого занимались пиратством. Фламандский пират Джон Крэбб, например, в 1319 году отправился из родной Фландрии на помощь шотландцам — союзникам французов и фламандцев — во время их войны с Англией. Его манера ведения боев пугает людей. Если вы участвуете в большой сухопутной битве и ваша сторона проигрывает, вы можете убежать. А вот на море — не можете. Зачастую тех, кто не погиб в бою, после сражения просто убивают и бросают за борт. Учитывая, что шотландские, французские и фламандские пираты нападают на незащищенные купеческие суда, очевидно, что морские путешествия не намного безопаснее сухопутных. Так что когда в 1332 году сэр Уолтер Мэнни захватил Джона Крэбба в плен, это вызвало большое облегчение и даже стало поводом для празднеств. Естественно, французы точно так же боятся людей вроде великого английского пирата и купца, сэра Джона Хоули. Но Франция, в отличие от Англии — не остров. Некоторые товары можно доставить в Англию только морем — в частности, каждый год из Бордо идет «винный флот», — и если торговые корабли не защищать, то ни они, ни их экипаж точно не увидят берегов Англии.

КОРАБЛИ

В начале века два основных типа судов в Англии — хулки и коги. И те и другие обшиваются внакрой: все доски корпуса накладываются одна на другую. И у тех и у других один большой квадратный парус, висящий на нок-рее центральной мачты. Главная разница между ними — в том, что накладываются доски хулка торчат из-под воды и на носу, и на корме. Это придает ему просторный округлый вид. Доски кога же крепятся к прямым форштевню и ахтерштевню, так что у него

форма более острая и с выраженным килем. Еще одно отличие — в управлении. У когов прямой ахтерштевень, так что по центру у них стоит кормовой руль. Хулки округлые, у них нет твердых вертикальных поверхностей, к которым можно прикрепить кормовой руль, так что ими по-прежнему управляют с помощью боковых рулей (очень длинных весел).

В середине века в британских водах начинают появляться генуэзские корабли из Средиземноморья. Большие суда под названием «каракки» иногда несут на себе больше одной мачты, что позволяет использовать латинские паруса (треугольные паруса, идущие вдоль корабля, а не поперек, как квадратные, висящие на нок-рее). Они делают корабль более маневренным. А размер судна обусловлен способом строительства: их обшивают вгладь, а не внакрой. Доски выкладывают подряд, а затем прибивают гвоздями или втулками прямо к остоу корабля. На такую конструкцию уходит куда меньше буковых или дубовых досок, она дешевле и намного легче. Так что корабль еще и поэтому становится быстрее и маневреннее. По похожему принципу строят большие галеры (до 130 футов длиной), где используются и паруса, и весла. Весла, естественно, обеспечивают намного лучшую управляемость и маневренность, чем у судов, которые зависят только от ветра, так что галеры используют для морской обороны. Североевропейские кораблестроители поначалу отнеслись к новым идеям скептически; они продолжали пользоваться обшивкой внакрой вплоть до второго десятилетия XV века. Но тем не менее средиземноморские технологии заставили их задуматься и начать новые эксперименты, которые привели к появлению новых, более крупных и быстрых судов с обшивкой внакрой.

В результате этих экспериментов, вдохновленных прежде всего политиками, которые не могли не разглядеть всех достоинств генуэзских кораблей, размеры английских судов изменились. Хулки стали больше и выдерживают более длительные путешествия. Очень большими кораблями невозможно управлять с помощью боковых рулей, потому что любое достаточно длинное для этого весло само по себе неуправляемо. Так что для хулков разработали специальные кормовые рули. На некоторые даже ставят вторую мачту для улучшения управляемости. Коги тоже становятся больше: несколько королевских военных кораблей достигают длины 130 футов. Ко всему прочему,

начинает постепенно стираться главная конструктивная «граница» между хулком и когом. К 1400 году на некоторых кораблях с одной стороны стоят торчащие из воды доски, как на хулке, а с другой — форштевень, как на коге. На других на главную мачту ставят больше одного паруса — добавляют небольшой топсель, или боннет. Кроме того, кораблестроители всерьез занялись каютами: кормовой «замок» на коге стали устанавливать на верхнюю палубу, а под ней делать большую каюту. Бак на коге, с другой стороны, уменьшается — нос делают более обтекаемым. На больших когах устанавливают ярко выраженные кили, что позволяет эффективнее использовать кормовой руль.

Предположим, что вы оказались в порту Бостона (графство Линкольншир) в 70-х годах XIV века и рассматриваете пристань. По гавани снуют множество судов. Коги различных форм и размеров: большие и маленькие, с мачтой, смещенной к носу или корме. Если вы заглянете в близлежащий сухой док, то увидите, что у некоторых заметно выделяются кили, а у других осадка небольшая. Корабли с килями предназначены для открытого моря, а вот мелководные могут подниматься вверх по рекам. Еще вам может встретиться пришвартованный хулк, на который грузят товары, чтобы переправить в Швецию или Данию. Возможно, в порт даже зайдет крупная генуэзская галера или каракка, которая увезет из Англии груз шерсти во Фландрию или Средиземноморье.

Прямо перед вами пришвартован типичный купеческий ког. Он принадлежит торговцу по имени Ричард Тотти, который доставляет вино в прибрежные города. Длина кога около 80 футов, ширина — 27. У корабля есть киль, а некоторые доски уложены вгладь (хотя основная часть все же обшита внакрой). Крепятся они небольшими гвоздями, железными болтами и деревянными втулками. Его нос узкий и обтекаемый, а на корме располагается просторный «замок», или верхняя палуба. Там стоит румпель, управляющий кормовым рулем. Бака на судне нет. Как, собственно, и палубы как таковой: внизу остова проложены доски, на которых стоят винные бочки; в порту корабль стоит открытый, а в море накрывается плотной тканью. Единственная каюта — под верхней палубой на корме. Кроме того, на корабле хранятся четыре якоря и шлюпка с веслами¹.

1. Чтобы составить подробное описание корабля, я совместил археологические данные по Бременскому когу (построенному в 1380 году) и крат-

На таком судне не получится совершить длительное путешествие. Там есть место всего лишь для горстки пассажиров. Но если вы все же уговорите Ричарда Тоти подвезти вас через Ла-Манш до Бордо или Испании, где он покупает вино, то можете быть уверены, что доберетесь в целости и сохранности. Большие квадратные паруса нельзя назвать неуправляемыми: лучше всего они, конечно, работают, когда ветер дует точно в нужном направлении, но с ними можно идти и против ветра. Тоти достаточно опытный мореход и знает, что в таком случае нужно взять нижний угол паруса и прикрепить его к передней части корабля (или, может быть, даже прямо к носу), чтобы поймать нужный галс. Естественно, это дает большую боковую нагрузку на такелаж, так что мачту нужно закреплять вантами с боков и прочными подпорками спереди и сзади. Но эти корабли вполне хороши. Коги — основные суда, составляющие английский торговый флот.

ЖИЗНЬ НА МОРЕ

Жизнь на коге, который идет по морскому пути в Бордо или Испанию или, того хуже, в Балтийское море или Скандинавию, очень тяжела. Еда быстро портится, никто не моется и не бреется. Во время шторма практически невозможно сохранить хоть что-нибудь сухим, так что большую часть времени вы будете ходить насквозь промокшими и чувствовать себя отвратительно. Каюты воняют мочой (причем не только человеческой, но и крысиной), фекалиями и рвотой. Летом в них еще и невыносимо жарко. Вам придется постоянно следить не только за водой в трюме, но и за волнами, перехлестывающими через борт. Волны еще и шумят настолько громко, что вполне могут вас разбудить. При сильном волнении доски скрипят, словно корабль пытается разобрать себя на части. Через несколько недель нервы у всех уже на пределе. Люди становятся буйными, напиваются и дерутся. Если вы плывете на корабле, то, возможно, вам даже доведется увидеть в действии старинные

кое описание похожего судна в гавани Бостона в 1373 году. О Бременском коге см. Hutchinson, *Medieval Ships*, pp. 16–19. О корабле Ричарда Тоти см. *Calendar of Inquisitions Miscellaneous*, iv (1377–1388), p. 125.

драконовские морские законы Ричарда I. Наказание за совершенное на борту убийство — привязать убийцу к трупу и бросить его в море. Если один моряк просто ударит другого кулаком, то его свяжут и трижды окунут в воду. Помните об этом, когда вам захочется хорошенько врезать первому помощнику за то, что он смеется над вашей морской болезнью.

Немало проблем и с погодой. Если ваш корабль попал в штиль или сошел с курса, то рано или поздно перестанет хватать еды и пресной воды. Обычно на кораблях припасы берут, рассчитывая на прибытие точно в срок, так что неожиданная задержка в пути может стать фатальной. Впрочем, не считая пиратства, самый главный страх — кораблекрушение. Всегда есть шанс, что, выйдя в море, вы попадете в шторм, собиравшийся где-то за горизонтом. Шторм грозит гибелью и матросам, и пассажирам: он может запросто разметать целый флот, перевернуть или затопить корабль, бросить его на скалы или просто унести в воды, не отмеченные на карте. Капитаны часто держат на борту топор, чтобы срубить мачту, если шторм грозит разорвать судно на куски. А такое на море случается нередко. Впрочем, корабли в любом случае редко живут больше двадцати лет, ибо пенька, которой их конопатят, истирается, доски и втулки гниют, а железные гвозди ржавеют. Особенно опасно плавание в ночное время. Маяков очень мало: маяк св. Екатерины на острове Уайт, построенный в 1328 году, — один из очень немногих, которые зажигают по ночам в знак благотворительности.

Чтобы пересечь Ла-Манш, понадобится не больше нескольких часов (и уж точно менее суток), но бывало и так, что плавание длилось три–четыре дня, а то и больше. Однажды королю Франции Иоанну понадобилось одиннадцать дней, чтобы пересечь Ла-Манш, а еще более неудачливый сэр Эрве де Леон как-то плыл из Саутгемптона в Арфлёр целых пятнадцать дней. Большинство путешественников оставляют пожертвование в 4 пенса у алтаря любимого святого перед отплытием.

Предположим, вы снова в Бостоне и готовитесь плыть в Польшу. Подобное путешествие займет три недели, так что маленький ког не подойдет: вам понадобится большое судно, возможно — двухмачтовый хулк длиной более 100 футов, чтобы там могли с комфортом разместиться и вы, и ваши слуги. Идя по пристани, вы увидите, как с помощью крана загружают на корабль бочки, ящики и клетки. Поднимитесь по сходням

на борт: на этом большом судне есть палуба. На ней стоят деревянные клетки, где живут куры-несушки, и очаг, в котором кок поддерживает огонь. Над вами — такелаж, ванты, опоры и паруса. По палубе разбросаны доски для возможного экстренного ремонта в море. Спустившись по лестнице, вы найдете кучи запасных канатов и парусины. Парусина рано или поздно либо слишком сильно растягивается, либо просто гниет и рвется. Регулярно требуются новые швартовы, а такелаж меняется дважды в год. Там же, внизу, располагаются пассажирские койки. Там темно. Единственный источник света — маленькая свечка; ощущения от резкого перехода между ярким солнцем и вонючей темной каютой очень сильные.

Естественно, многое зависит от вашего богатства. Если вы сын герцога и отправляетесь в подобное путешествие, то у вас будет собственная богато отделанная каюта, построенная специально для вас, с подвесной постелью, переносным алтарем, насестом для любимого сокола и крючьями для ламп. Возможно, в трюме хулка, на котором вы отправляетесь в путь, даже оборудуют конюшню для ваших лошадей. Ваши повара будут готовить в каменных очагах и глиняных печах. Мешки с миндалем, который в пути будут давить для получения миндального молока, сложат в трюме вместе со всеми травами и пряностями, которые вам захочется взять с собой. Бочки с живыми омарами, угрями и крабами стоят на палубе рядом с бочонками эля и вина, клетками для кур-несушек и даже коровой, которая сначала будет давать молоко, а потом ее забьют для пира. Еще на борт погрузят соленую рыбу и мешки фруктов. Время вы будете проводить, разглядывая море, выпуская сокола охотиться на морских птиц, играя в кости со спутниками или упражняясь в фехтовании. Или попивая вино и слушая менестрелей. Раз в неделю корабль будет приставать к берегу, чтобы пополнить запасы пресной воды. Таким манером можно комфортно путешествовать даже в далекие страны.

Но даже самому могущественному лорду придется смириться с тем, что жизнь на ограниченном пространстве с таким количеством людей довольно трудна. Монах-доминиканец, однажды плававший в Иерусалим, подробно рассказал об условиях на корабле¹.

1. Описание личной гигиены на борту взято из трудов Феликса Фабера конца XV века, обширно процитированных в Duby (ed.), *Private Life: Revelations*, pp. 587–588.

Когда вы отправляетесь спать, рядом с вами стоит небольшой писсуар. Он сделан из терракоты, а не из стекла (потому что оно слишком легко бьется). Поскольку большинство пассажиров спит в трюме, особенно в плохую погоду, там обычно очень тесно. А еще там темно, так что к рассвету писсуар, в который вы хотите справить малую нужду или отправить через рот содержимое желудка, скорее всего, перевернут. Именно поэтому лучше всего спать в гамаке.

С утра, проснувшись и почувствовав тяжесть в животе, вам придется отстоять длинную очередь на баке, где по обе стороны носа размещаются два сиденья. Засиживаться на неустойчивом сиденье над водой не очень рекомендуется, потому что за вами в очереди тоже стоят люди, а положение ваше уязвимо как никогда. На галере в Средиземном море, где почти все спят на палубе, вам придется перешагивать через людей, чтобы ночью добраться до галюна на носу. Если луна не светит, то идти придется почти в полной темноте. Добраться еще и обратно до своей койки после этого практически нереально. Если вы выпадете за борт, справляя нужду, то это будет последняя ошибка в вашей жизни. Вы в буквальном смысле «умрете за туалет».

Из-за всего этого, как рассказывает наш друг-доминиканец, некоторые люди даже забираются на край борта (то, что сейчас называется «планширь») и, пока корабль несется во тьме, ползут на ощупь к носу и спасительному галюну. Оцените их отчаяние! Но вот когда на корабль налетает шторм, вариантов практически не остается. Вам придется либо присесть в тихом уголке трюма (где из-за плохой погоды сгрудились практически все пассажиры), либо рискнуть быть смытым волной. Теперь вы, наверно, понимаете, почему в трюме так плохо пахнет. Во время каждого шторма здесь в полной темноте охваченные страхом мужчины и женщины опорожняют свои желудки, кишечники и души.

VII

Где жить

Если вы пустились в долгое путешествие, то придется каждый день искать себе приют. Где вы проведете ночь, в первую очередь зависит от того, где вы оказались вечером. А это вам не всегда подвластно. Если разверзлись хляби небесные и дорога превратилась в болото, то придется искать прибежище в ближайшей крестьянской хижине. Если же другие путешественники расскажут вам, что дорога впереди кишит ворами, то не исключено, что придется сидеть в гостинице до тех пор, пока не наберется достаточно много народу — большой группой путешествовать безопаснее. Даже если вы все же успели добраться до нужной деревни или города до заката, еще не факт, что вы найдете там свободную постель — особенно в базарный день или если неподалеку проходит ярмарка. А уж если в город прибывает королевский двор или свита аристократа, то найти пристанище будет еще тяжелее.

Тем не менее жители средневековой Англии понимают, с какими трудностями приходится столкнуться путешественникам, и многие из них готовы поделиться с вами кровом и пищей. Даже сварливый мельник из чосеровского «Рассказа Мажордома» предложил ночлег двум студентам, не пользовавшимся блестящей репутацией. Гостеприимство считается проявлением милосердия, а слушать рассказы незнакомца за кружкой эля и тарелкой хлеба с сыром — это одна из самых приятных и полезных форм милосердия. Но тем не менее следует помнить, что не все люди равны; общественное положение играет важную

роль. Если вы лорд, вас радушно примут где угодно (кроме разве что домов и замков ваших политических противников). Но если вы крестьянин и стучитесь в дом епископа, то вас, скорее всего, прогонят прочь. В лучшем случае вам предложат вернуться утром, когда на кухне раздают беднякам остатки епископского обеда.

Радушие к путешественникам сопровождается определенными неписаными правилами. Во-первых, вы должны с уважением относиться к собственности хозяина. Во-вторых, хозяин несет за вас юридическую ответственность, когда вы у него гостите. Так что в любом монастыре, усадьбе или гостинице от вас потребуют отдать меч или любое другое оружие, которое у вас окажется при себе. Если же вы остановились в частном доме, то должны отдать оружие хозяину просто из вежливости. В-третьих, если вы умрете в чужом доме, то все ваши вещи становятся собственностью хозяина. Последнее правило ввели для того, чтобы никто не злоупотреблял гостеприимством. Как гласит старая пословица, две вещи через три дня начинают неприятно пахнуть: рыба и непрошенные гости.

Гостиницы

Гостиница — самое очевидное место для ночлега, но это не значит, что все они уютны и что во всех вам будут рады. Их чаще всего строят по необходимости — в отличие от роскошных отелей. Количество людей, приезжающих в город, никак не зависит от количества гостиниц — верно скорее обратное. Если вам предлагают ночлег в частном доме, вам будет лучше согласиться.

Суровая практика управления гостиницей сказывается на характерах и фигурах людей, решивших зарабатывать этим на жизнь. Владельцы гостиниц — зачастую здоровые серьезные мужчины с медвежьим телосложением, которые знают все трюки воров, бродячих торговцев, попрошаек и хулиганов. Если путешественник проиграет все деньги в кости, то никакие мольбы не помогут ему, когда настанет время оплачивать счет. Хозяин гостиницы выгонит его на улицу, забрав вещи, лошадь и даже одежду, если иным способом покрыть долг не получится. А если путешественник устраивает в гостинице дебош, то его вышвыривают в ночь, где его

ждет встреча с ворами, головорезами или городской стражей. Но и это еще не всё: кроме невоспитанных клиентов, владельцам гостиниц приходится иметь дело и с местными властями, регулирующими их работу. Власти обязывают их не завышать цены на еду и нести личную ответственность за пьяных дебоширов. В общем, зарабатывать на гостинице очень непросто.

Найти место в гостинице — тоже не всегда легкая задача. Вы сами должны убедить владельца, что вас все же стоит приютить на ночь. В некоторых городах существуют специальные постановления, обязывающие гостиницы принимать всех постояльцев — не важно, верхом они пришли или пешком. Сама потребность в таких законах говорит о том, что владельцы не стесняются отказывать людям в ночлеге. Если вы приехали на лошади, да еще и загодя отправили в гостиницу слугу, чтобы он от вашего имени осведомился о свободных местах, то вас, несомненно, примут — естественно, если свободные места всё же есть. Если же пришли пешком, то хозяин может попытаться обойти закон, сказав, что вы бродяга. Если вы выглядите бедно и хозяину покажется, что вы просто не сможете расплатиться, то он вам откажет. Как любят при каждом случае повторять многие владельцы, гостиницы работают не ради милосердия. За милосердием обращайтесь в монастырь.

Давайте предположим, что вы въезжаете в город летним вечером, уставши после восьми часов в седле. Ваш слуга договорился, что вы остановитесь в гостинице под названием «Ангел». Вы видите неподалеку красивое каменное здание с широким передним фасадом и аркой посередине. На вывеске изображен ангел. Проезжая под аркой, обратите внимание на тяжелую деревянную дверь, отделяющую территорию гостиницы от улицы. Если владелец гостиницы хочет привлечь богатых клиентов, подобные меры безопасности необходимы.

Вы оказались во внутреннем дворе. Он ничем не вымощен — просто разровненная земля. С обеих сторон стоят гостиничные флигели, двухэтажные каркасные здания с крутыми, покрытыми щепой крышами. У них есть двери и на втором этаже (до них можно добраться по внешним лестницам и галереям), и на первом. Во внутреннем дворе вы спешиваетесь; мальчик-конюх заберет ваших лошадей и отведет их в конюшню в задней части двора, где их накормят и напоят. Если же конюха нет, то привяжите лошадей к столбу

на дворе, а затем проходите в холл главного здания, где найдете владельца или его жену. «Дама, Бог с вами», — примерно так можно поприветствовать одетую в кожаный фартук жену владельца, обслуживающую гостей, которые разместились за столом на козлах.

— *Добро пожаловать, друг.*

— *Могу ли я получить здесь постель? Можно ли остановиться у вас на ночлег?*

— *Да, у нас есть хорошие чистые комнаты. Вас двенадцать человек на лошадях?*

— *Нет, только двое. Есть ли у вас еда?*

— *Да, и вполне достаточно, слава богу!*

— *Принесите нам поест. Дайте лошадям сена, и не жалейте; не забудьте напоить их. Дама, сколько мы должны? Завтра мы рассчитаемся и заплатим вам столько, сколько потребуется. А теперь, пожалуйста, проводите нас в комнату, мы хотим спать.*

— *Жанетт! Зажги свечу и отведи их наверх, в солар, и принеси им горячей воды, чтобы помыть ноги, дай им одеяла и хорошенько накрой на стол¹.*

Холл, в котором происходит разговор, очень высокий и без потолка, а в центре на плитах стоит очаг. Стол на козлах, за которым ужинают остальные гости, тянется вдоль стены. Дым выходит через прорезь в крыше. Здесь вечером вы и ваш слуга можете посидеть с другими путешественниками, отведав эля, похлебки, хлеба и сыра. В большинстве городов владельцам гостиниц запрещается подавать еду и напитки кому-либо, кроме постояльцев, так что в холле обычно собираются только те, кто в городе проездом. Там до позднего вечера составляют планы дальнейших поездок и утоляют жажду.

Если картинка с постояльцами, которые сидят в холле вокруг очага, рассказывают друг другу байки и пьют эль, кажется вам приятной, спешу вас предупредить: в реальности пребывание в гостинице вовсе не так романтично. В холле часто стоит весьма специфический аромат заплесневелой еды, протухших

1. Адаптировано из разговорника того периода, тема — «проживание в гостинице». См. Bradley (ed.), *Dialogues*, pp. 49–50.

напитков, грязи, лошадиного навоза (принесенного на обуви с улицы) и мочи тальботов (сторожевых собак), пропитавшей камыши, которыми устлан пол. В богатых гостиницах, конечно, зловонные камыши быстро выбрасывают и стелют новые, перемешанные с лавандой, лепестками роз и травами, но вот заведения победнее меняют подстилки редко, а никаких лепестков и трав в них не бывает. Вечерами единственный источник света в холле, не считая очага, — сальные свечи или камышовые фонарики (камыши на металлических подставках, вымоченные в жире). Мало того что они плохо светят, так еще и воняют. Если неподалеку находится уборная, она лишь пополнит гамму неприятных запахов. Туалет обычно представляет собой бочку с сиденьем, которую каждое утро какой-нибудь несчастный слуга опустошает в местный эквивалент Шитбрука. Если рядом с холлом есть выгребная яма, то запахи неизбежно просочатся.

Запах и плохое освещение в холле можно назвать антисанитарией, а вот места для сна скорее просто неприятны. Если вам повезет, то вас поселят в комнату рядом с холлом. Если нет, то придется выйти на улицу и подняться в спальню по деревянной лестнице. Там вы найдете несколько кроватей, иногда — десяток или больше. На каждой кровати могут разместиться два — три человека, а то и больше. Женщины должны жить только с другими женщинами, хотя обычно они вообще не путешествуют в одиночку. У супружеских пар есть преимущество: они платят за постель двойную сумму, так что если вы путешествуете с супругой, то хозяин, скорее всего, обеспечит вам отдельную кровать.

Сами кровати сделаны из деревянных досок, связанных веревками. На них лежит соломенный матрас в пеньковом или холщовом чехле. В хорошей гостинице, возможно, на кровать кладут сразу два матраса. В самых лучших заведениях, где в комнатах всего одна — две кровати, вы найдете даже сундук для личных вещей, кувшин с водой и медный тазик для мытья рук, лица и ног. Если вам или вашему спутнику захочется встать с определенными целями ночью, то вам придется совершить небольшую прогулку во тьме. Так что ночью вы довольно часто будете слышать шаги в галерее и на лестницах. А внизу спят сторожевые собаки, которых очень легко разбудить. Проснуться ночью от собачьего лая, храпа соседей по комнате или незабываемых звуков справления малой нужды или рвоты на лестнице или галерее — тоже обычное дело.

Еще один неудобоваримый факт, связанный с гостиницами, — цена. Ночлег обойдется вам в полпенни или даже в целый пенс, плюс от полутора до двух с половиной пенсов за обед (дороже — если с мясными блюдами, еще дороже — если с вином). Кроме того, очень важно кормление и уход за лошастью; за каждое животное вы в общей сложности заплатите летом около 1½ пенса, а зимой — около 3½. Естественно, придется оплачивать еще и ночлег (¼ пенса) и еду (1 пенс) для слуги. В хорошей каменной городской гостинице с хорошей репутацией цены будут еще выше. В некоторых случаях одна ночь в гостинице для вас, вашего слуги и трех лошадей обойдется в 1 шиллинг 6 пенсов. И не забывайте: если вас хорошо обслужат, то хозяин потребует еще и чаевые. Причем не только в гостинице, но и в богатом частном доме. Как говорил Чосер устами Шкипера, радушно принятый гость «не забывает наделить подарком не только друга или жену, — кухарку, поденщика, любого из гостей... и каждому, согласно гостя званью, свое преподнесет назиданье».

Городские дома

Вы вряд ли захотите гостить у самых бедных горожан. Как вы уже видели в первой главе, их более чем скромные одноэтажные домишки закопчены, грязны, переполнены и сыры. С другой стороны, в доме богатого купца вы найдете не только просторные комнаты, но и намного больше удобств, чем в гостинице.

Планировка купеческих домов отличается очень сильно. Но возьмем для примера большой дом, построенный торговцем сальными свечами Ричардом Виллисдоном на лондонской Темз-стрит в 1384 году. Со стороны фасада вы увидите ряд лавок, которые Виллисдон сдает в аренду торговцам. Лавки занимают весь первый этаж трехэтажного каркасного здания, нависающего над улицей. Высота первого этажа — 12 футов, второго — 10, третьего — 7. По центру стоит въездная арка с воротами, ведущая с Темз-стрит во внутренний двор. Пройдя через ворота, вы окажетесь на просторном переднем дворе. Слева от вас будут склады, справа — высокий длинный холл. К холлу ведет небольшой пролет каменных ступенек. Прямо перед вами — несколько каркасных зданий: гостиная, часовня и спальни.

Повернитесь направо и зайдите в холл. Эта комната специально построена так, чтобы произвести впечатление на любого, кто придет в гости к Виллисдону. Ее размеры вас поразят: она 40 футов в длину, 24 в ширину и 30—40 в высоту. Резная деревянная крыша лишь добавляет изящества просторному интерьеру. На стенах висят яркие шторы, на скамьях лежат разноцветные подушки. Каменный пол придает холлу солидности; под ним располагается сводчатый подвал, где хранятся товары. Станни открыты, и вы видите, что в окна вставлены толстые зеленоватые стекла. Через них ничего не видно, но они пропускают свет и при этом не пропускают холодный воздух. Центральный очаг разожжен, и дым поднимается к крыше, освещенный ярким солнцем.

Развернитесь и рассмотрите дом получше. Вы вошли через так называемый проход за загородками — крытый коридор, отгороженный ширмой, которая не пропускает холод от открытой двери. Вернувшись в этот коридор и пройдя через противоположную дверь, вы окажетесь в кладовой для еды, где держат эль, вино и другие «мокрые» продукты. Следующая дверь ведет в буфетную комнату, где держат хлеб и прочие «сухие» продукты (в том числе пряности и льняные скатерти). В конце коридора, между арендуемыми лавками, находится кухня: большая квадратная комната без потолка с широкими очагами.

Вернитесь в холл и пройдите в дальний конец. Там вы увидите купеческий стол. С одной стороны стоит шкаф, в котором купец держит лучшую оловянную и серебряную посуду: серебряные ложки, графины, посеребренные кубки и «анапы» (двухручные чаши для питья). В дальней стене — дверь, которая ведет в выходящую окнами на юг гостиную, или соляр, где Виллисдон и его семья проводят большую часть времени. Поднимитесь по лестнице, и найдете там спальни для семьи и гостей, откуда открываются замечательные виды на сад и реку со снующими туда-сюда лодками. У Виллисдона даже есть личная пристань. За этот ценный клочок земли он ежегодно платит ренту в 15 фунтов.

Вещи, которые вы найдете в купеческих домах, отличаются не меньшим разнообразием, чем сами дома. Если вас пустят в личные комнаты Виллисдона или его соседей, то в спальнях вы увидите пуховые перины, в часовнях — расписные деревянные алтари, распятия из позолоченного серебра, печати, Библии, иногда даже книгу в пергаментной обложке — роман или исторический трактат. Еще вы найдете мечи и нагрудники, которые

обязаны носить добропорядочные граждане, сундуки с одеждой и утварь для мытья рук (в частности, тазики и кувшины). Немало будет и льняных постельных принадлежностей, и разнообразных столовых приборов — от оловянных тарелок до бронзовых графинов и эмалированных и позолоченных кубков. Мебели сравнительно мало, но в гостиных вы увидите скамьи, сундуки, подсвечники и крашенные шторы, а в спальнях — удивительное разнообразие кроватей: от больших комфортных постелей с пуховыми перинами до маленьких узких выдвижных кроваток, на которых спят дети и слуги. Характеры богатых людей можно примерно определить по вещам, которые намекают на их творческие способности: например, по астролябиям для астрономических измерений или разнообразным музыкальным инструментам вроде арфы, бубна или флейты. Интереснее всего, впрочем, ценное и роскошное имущество. В 1383 году в доме Уильяма Харкорта, торговца из Бостона, вы найдете сокола и еще несколько охотничьих птиц. В 1337 году в доме Хью ле Бевера, трактирщика из Лондона, вы увидите редкую чашу, сделанную из кокоса¹.

ДВЕ ОПИСИ ДОМАШНЕГО ИМУЩЕСТВА КУПЦОВ

1. Домашнее имущество Хью ле Бевера из Лондона, 1337 год²

Предмет	Цена
Один матрас	4 шиллинга
Шесть одеял и одно одеяло из сержа	13 шиллингов 6 пенсов
Один зеленый тапет [ковровое покрывало для постели]	2 шиллинга
Одно рваное покрывало со щитами из сендала [тонкого шелка]	4 шиллинга

1. Сохранилось одиннадцать кокосовых чаш из средневековой Англии. См., например, коллекцию Итонского колледжа: Marks and Williamson (eds), *Gothic*, item 190. Судя по этой статье, такие чаши были большой редкостью.
2. Riley (ed.), *Memorials*, pp. 199–200. Предположение о том, что Хью ле Бевер был владельцем таверны, основано на наличии в описи имущества дорогих сосудов для питья и шести бочонков вина.

Семь льняных покрывал	5 шиллингов
Одна скатерть	2 шиллинга
Три скатерти	18 пенсов
Три пуховые перины	8 шиллингов
Пять подушек для сидения	6 пенсов
Три медных горшка	2 шиллинга
Один медный горшок	6 шиллингов
Две пары медных горшков	2 шиллинга 6 пенсов
Один сломанный медный горшок	2 шиллинга 6 пенсов
Один латунный подсвечник, тарелка и маленькое медное блюдо	2 шиллинга
Одна каминная решетка	3 пенса
Две металлические подставки для дров	18 пенсов
Два тазика и один сосуд для умывания	5 пенсов
Один железный канделябр	12 пенсов
Один треножник [для освещения]	2 пенса
Один железный шлем	2 пенса
Один железный вертел	3 пенса
Одна сковорода	1 пенс
Одна воронка	1 пенс
Одна маленькая холщовая сумка	1 пенс
Семь столовых салфеток	5 пенсов
Одно старое льняное полотно	1 пенс
Две подушки	3 пенса
Одна шапка	1 пенс
Одна доска для шашек	4 шиллинга
Два лаля	8 пенсов
Две шторы	8 пенсов
Две рваные скатерти	1 пенс
Шесть сундуков	10 шиллингов 10 пенсов
Один складной стол	12 пенсов
Два стула	8 пенсов
Один шкаф	6 пенсов
Два «апсерес»	2 шиллинга
Шесть бочек вина	4 фунта
Один кубок	6 шиллингов
Одна чаша, сделанная из кокоса, с серебряной ножкой и посеребренная	1 фунт 10 шиллингов

Шесть серебряных ложек	6 шиллингов
Дрова	3 шиллинга

2. ДОМАШНЕЕ ИМУЩЕСТВО УИЛЬЯМА ХАРКОРТА ИЗ БОСТОНА, ЛИНКОЛЬНШИР, 1383 ГОД

Предмет	Цена
Восемь кубков, покрытых позолоченным серебром	5 фунтов
Три серебряные чаши с крышками	4 фунта
Шесть серебряных тарелок	2 фунта 10 шиллингов
Две кровати	1 фунт 6 шиллингов 8 пенсов
Еще четыре кровати с камвольной подстилкой	3 фунта
Восемь одеял и шесть лоскутных одеял	2 фунта
Восемь пар покрывал	2 фунта
Еще десять пар покрывал	2 фунта
Четыре пары камвольных занавесок и две кровати с пологам	1 фунт 6 шиллингов 8 пенсов
Три медных горшка	40 шиллингов
Еще восемь медных горшков	13 шиллингов 4 пенса
Три большие медные кастрюли	10 шиллингов
Пять маленьких кастрюль	10 шиллингов
Три таза и три кувшина для воды	13 шиллингов 4 пенса
Один большой таз	6 шиллингов 8 пенсов
Тридцать оловянных сосудов	1 фунт
Четыре медные бутылки, шесть квартовых горшков, два галлонных котла и четыре пинтовых горшка из олова	10 шиллингов
Одна задняя стенка для камина, четыре металлические подставки для дров, два вертела, железный подсвечник	1 фунт
Большая свинцовая кастрюля и пять маленьких свинцовых посуды	2 фунта 10 шиллингов

Два больших ковчега [деревянных ларя]	1 фунт
Пять малых ковчег	16 шиллингов
Три стола и три пары козел	3 шиллинга
Три доссера [украшения для кресел], шесть bankers [расшитые покрывала для скамьи или кресла] и восемнадцать подушек	1 фунт 10 шиллингов
Три пуховые перины	15 шиллингов
Ширма	6 шиллингов 8 пенсов
Два ястреба и один «благородный» сокол	10 фунтов

Монастыри и другие религиозные учреждения

Если вы отправились в путешествие, то рано или поздно вам придется заночевать в религиозном здании. Аббатства, приораты и богадельни предлагают приют путникам — это часть их христианского долга. Особенно важен в этом плане для монахов и монахинь призыв из Устава св. Бенедикта «Принимайте каждого гостя, словно Христа, ибо Он говорил: был Я странником, и вы приняли Меня». Но стоит заметить, что одни монахи исполняют этот долг с куда большим рвением, чем другие. Монахи, живущие неподалеку от переправ, принимают у себя слишком много путешественников и паломников — и у них не всегда хватает на это сил. Монастырь Беркенхед специально построил гостиницу, чтобы справиться с потоком путешественников, которые хотят переночевать, а утром уехать на пароме через Мерси¹.

То, какое пристанище вы получите в монастыре, зависит от вашего общественного положения и богатства самого монастыря. Аристократов и высшее духовенство обычно приглашают в покои аббата. Вас вряд ли пустят в монашеские кельи, и вообще вряд ли разрешат посмотреть монастырь, за исключением нефа церкви, внутреннего двора и вашей собственной комнаты. Но не стоит думать, что вам гарантировано место в домике для гостей. В многолюдных монастырях туда пригласят только тех, кто приехал на лошади или в паланкине; если прийти в монастырь

1. Greene, *Medieval Monasteries*, p. 154. Разрешение было выдано в 1317 году.

пешком, вас, скорее всего, отправят в спальню над конюшней, где ночуют паломники, работники монастыря и бедняки-бродяги.

Гостевой домик достаточно успешного монастыря — это большой, покрытый штукатуркой холл в два — три пролета с боковыми приделами и без потолка, обогреваемый центральным очагом. Некоторые из них больше: например, гостевой дом в Керкстолле длиной в пять пролетов, в нем есть центральный очаг и отдельные комнаты для важных гостей. Холл обычно практически не украшен: главное предназначение здания — исполнение духовного долга, а не удобство для посетителей. Если по соседству с гостевым домом стоит кухня, то ею заведуют два монаха. Если кухни нет (как в большинстве небольших монастырей), то еду принесут слуги прямо с монашеской кухни, а есть вы будете со стола на козлах, накрытого тканью. После наступления сумерек ставни на окна закрывают и зажигают сальные свечи. Если дом каменный, то, возможно, зажгут светильники в виде торчащих из стены высверленных камней, наполненных маслом, в котором лежит зажженный фитиль. Что же касается сна — вам предстоит удобно устроиться на одном из соломенных матрасов. Утешайтесь хотя бы тем, что солому в них меняют каждый год.

Несомненное преимущество монастырских странноприимных домов — санитария. Во многих монастырях есть эффективные системы водоснабжения, поставляющие воду для мытья, питья и готовки. Есть там и не менее эффективные системы дренажа, предусматривающие даже промывку дренажных канав. Обычно монастырь получает воду из источника с помощью каменного или свинцового акведука и передает ее по каменным водостокам или через свинцовые трубы под землей (иногда контролирующиеся медными кранами). Водостоки обычно проложены и покрыты плитняком. Они проходят под всеми туалетами, в том числе теми, что находятся в монашеских дортуарах и гостевых домах. Кстати, если уж заговорили о туалетах — удобства там весьма «публичные». Обычно три или четыре (иногда больше) деревянных сиденья стоят в ряд, причем без всяких перегородок. Сидеть и болтать с собратом-путешественником, пытаясь одновременно избавиться от содержимого кишечника, будет для вас очень необычно.

Один вид религиозных зданий предназначен специально для приема путешественников — богадельня, или «госпиталь».

У вас слово «госпиталь» наверняка ассоциируется с болезнями и медициной — многие госпитали действительно уделяют особое внимание больным людям, в частности прокаженным, — но другие на первое место ставят гостеприимство (*hospitality*), отсюда и название. В эту категорию попадают так называемые *Maison Dieu*, или *Domus Dei* («Дома Божии»). Обычно «Дом Божий» — это большой холл, в котором стоят ряды кроватей изголовьями к стенам. Еще в нем есть часовня, где вы помолитесь после приезда и сходите на мессу перед отъездом. Иногда холл невероятно длинен: богадельня Ньюарк в Лестере длинной семнадцать пролетов (около 200 футов). Она может принять сразу сто бедняков и увечных; там работают ктитор, четыре капеллана и десять женщин. Это, очевидно, огромное учреждение, которое обслуживает и бедняков-бродяг, и хронических больных, постоянно там живущих. Впрочем, типичным *Maison Dieu* лучше будет назвать маленькую богадельню в Оспринге — именно в такой, скорее всего, доведется ночевать вам. Она находится на главной дороге из Лондона в Кентербери и работает только для паломников и прокаженных. Там трудятся мастер, три монаха и два клерка. По тому, что паломники и прокаженные живут вместе и пользуются одним постельным бельем, вы, наверное, уже поняли, что приоритет там отдается явно не комфорту постояльцев. У больших богаделен обычно есть собственная кухня и трапезная, в которой один из монахов за обедом будет читать проповеди. Если же кухни нет, то вам придется довольствоваться ржаным хлебом и жиденьким овощным супом. В общем, если вас не привлекают соломенные матрасы, рваные простыни, ржаной хлеб, разбавленный эль и запахи, исходящие от прокаженного, спящего на соседней постели, лучше будет заночевать где-нибудь еще.

Замки и укрепленные усадьбы

Современные историки часто говорят, что великая эпоха строительства замков к 1300 году закончилась. Но, оказавшись перед Виндзорским замком в 50-х годах XIV века или перед замком Бодиа в 80-х и увидев десятки телег и повозок, ежедневно транспортирующих по грязным подъездным дорогам камни и доски, вы вряд ли с ними согласитесь. Замки и укреплен-

ные усадьбы по-прежнему строятся и перестраиваются. Одна из причин этому — соображения безопасности. Короли выдают десятки лицензий на строительство крепостных стен, в частности Ричард II, при котором вновь возникла угроза вторжения французов и шотландцев. Но есть и другая причина для перестройки. Старые замки с маленькими комнатками и мрачными залами просто некомфортабельны. Вы увидите, что аристократы по всей стране перестраивают свои дома в погоне за роскошью. Граф Девон практически полностью перестроил замок Окгемптон. Граф Марч перестроил свой фамильный дом в Уигморе, а из замка Ладлоу сделал настоящий дворец. Перестройка замка Уорик, затеянная графом Уориком, вышла не менее экстравагантной: новый холл, новое сторожевое здание и две лучшие жилые башни во всем королевстве (башня Гая и башня Цезаря). Лорд Невилль перестроил свои замки в Бамборо и Раби. Лорд Баркли заново построил большую часть внутренних зданий замка Баркли. Джон Гонт перестроил внутренние здания своих больших замков Кенилворт и Хартфорд. Его младшие братья, Эдмунд и Томас, перестроили соответственно замки Фотерингей и Колдикотт. Невозможно не упомянуть и их отца Эдуарда III, который перестроил или расширил множество королевских замков. Кроме того, он построил последний совсем новый королевский замок в Куинсборо за 25 тысяч фунтов. Работы в Виндзорском замке, где было перестроено буквально всё, кроме крепостных стен, обошлись более чем в 50 тысяч фунтов — это самый дорогой строительный проект во всей средневековой Англии. Если XIV век и нельзя назвать великой эпохой строительства замков, то вот эпохой великой перестройки замков — вполне.

Новые укрепленные резиденции строятся не только в оборонительных целях, но и для того, чтобы принимать гостей и производить на них неизгладимое впечатление. Всё важнейшие новые замки конца XIV века — отлично защищенные здания с высокими башнями, подвесными мостами и решетками¹. Но вместе с этим они символизируют и власть лордов. Жизнь в них

1. Важнейшие новые замки: Куинсборо (строительство начато в 1361 году), Фарлей-Хангерфорд (1370), Нанни (1373), Шерберн (1377), Болтон (1378), Рессл (1380), Шериф-Хаттон (1382), Вингфильд (1385), Бодиама (1385), Ламли (1389), Бранспет (1391) и Пенрит (1397).

комфортна: большие холлы, хорошо освещенные соляры, немалого размера кухни и пекарни и достаточно комнат, чтобы хватило всем гостям-эсквайрам. Собственно, главное значительное отличие новых замков от их предшественников XII и XIII веков — именно количество комнат. К 1350 году аристократы сделали своим приоритетом не оборону жильцов, а обеспечение их частной жизни. В замке Бодиам, например, более тридцати комнат, которые можно использовать в качестве частных спален.

Когда вы приедете в замок или укрепленную усадьбу и пересечете подвесной мост, то увидите внутренний двор. В XIV веке он обычно квадратной формы, с отбеленными стенами и застекленными окнами холла, соляра и часовни. Если лорд находится в резиденции, то повсюду будут шнырять слуги в ливреях: носить еду из кладовых на кухни, наполнять колодезной водой десятки горшков, в которых греется вода для купания, и перетаскивать дрова в поленницу, стоящую в холле. Конюх сориентирует вас: эта дверь ведет в подвал с бочками эля, эта — на главную кухню, эта — на склады с мясом, вон та — в часовню, а каменные ступеньки — в спальню для слуг, расположенную над кладовыми. Подняв голову, вы увидите, что над холлом и соляром свинцовая крыша. Над зданием развевается флаг с гербом лорда.

Как и в любом другом средневековом здании, средоточием жизни служит большой зал. Залы в замках аристократов различаются по размеру, в основном — в зависимости от предназначения здания, а не общественного положения лорда. Холл замка графа Девона в Окгемптоне, который служит административным центром и охотничьим домом, в длину 44 фута, в ширину 24, а в высоту около 40 — не больше, чем холл в усадьбе или городском доме богатого купца. Резиденции богатых рыцарей бывают намного больше. Холл в Пенсхерсте, укрепленной усадьбе сэра Джона Палтени, длиной 62 фута, шириной 39 и высотой не менее 60. Холлы других главных замков или укрепленных усадеб аристократов примерно такого же размера, без потолков, но с богато украшенными крышами (правда, закопченными дымом)¹. Например, холл резиденции

1. Большой зал замка Ладлоу, построенного в конце XIII века, размерами 60 на 30 футов; замка Каэрфилли, построенного в 1326 году, — 70 на 35 футов. Другие примеры см. в Wood, *Medieval House*, pp. 62–66.

графа Хантингдона в Дартингтоне длиной 69 футов, шириной 38 и высотой 48 футов. Полы в таких залах часто покрыты узорчатой плиткой. Посередине — очаг, стоящий на плитах. Все стены изнутри побелены и раскрашены либо красными линиями, имитирующими каменную кладку, либо более сложными рисунками: гербами, лунами и звездами или пчелами, бабочками и цветами. В конце зала на пьедестале стоит стол лорда, его кресло и несколько скамеек. Над креслом лорда — богато украшенный балдахин; красная шелковая ткань свисает сзади, словно занавес.

ОПИСЬ ИМУЩЕСТВА В ДАРТИНГТОН-ХОЛЛЕ, ДЕВОН, В ОТСУТСТВИЕ ЛОРДА, 1400 ГОД¹

Одна постель с шелковым бельем, расшитым быками и другими разнообразными гербовыми изображениями, тремя пологам из тартарена [изысканной восточной шелковой ткани, ввозимой из Тартарии], расписанными быками из сусального золота, двумя гобеленами с изображениями быков и восемью шелковыми подушками, расшитыми быками.

Одна постель с балдахином, вышитым гербами Англии и Геннегау, с тремя пологам из красного сендаля.

Одна постель с бельем из красного тартарена, вышитого буквами, с занавесом из красного тартарена.

Девятнадцать белых arrasских гобеленов с изображением попугаев. Четырнадцать красных гобеленов с гербом покойного лорда Хантингдона и его супруги, а также ливрейной печатью того же лорда с колоском пшеницы.

Двенадцать синих гобеленов с гербом покойного лорда Хантингдона.

Две длинные подушки из красной ткани с золотыми нитями.

Две длинные подушки из красного бархата и восемь коротких подушек из той же ткани.

Восемь коротких подушек из красной ткани с золотыми нитями и двенадцать подушек из белой ткани с золотыми нитями.

1. Emery, Dartington Hall, p. 268, цитата по TNA C 145/278 no. 37. Некоторые вещи, не относящиеся к домашней утвари, опущены — например, доспехи лорда.

Четыре длинные белые подушки из белой камчатной ткани, вышитые буквами «М» в золотых коронах, и две короткие подушки из того же материала.

Две длинные подушки из зеленой камчатной ткани.

Одна подушка из черной камчатной ткани.

Три золотых аррасских ковра.

Одна старая длинная камчатная подушка.

Один настенный гобелен для холла.

Четыре зеленых гобелена.

Семь ковров из белого камвола, вышитые черными суковатыми посохами.

Три полога [для постели] и один балдахин из белого тартарена с таким же узором из суковатых посохов.

Одна постель с балдахином и тремя пологами из красного тартарена.

Одиннадцать старых ковров из белого и синего линзивулзи.

Одна постель с зеленым балдахином и тремя пологами из зеленого тартарена.

Восемь ковров.

Одна старая постель с рваным балдахином и тремя пологами из синего тартарена.

Еще одна старая норфолкская постель с тремя пологами из карда [льняной ткани].

Старая постель с бельем из красного вышитого камвола и тремя пологами того же цвета.

Старая постель с бельем из красного камвола, расшитого дубовыми листьями, с тремя пологами из тартарена и семью камвольными коврами того же цвета.

Один доссер и две портьеры, расшитые дубовыми листьями.

Одно покрывало для шелковой красно-белой постели.

Один служебник, один сборник антифонов и псалмов, один градуаль.

Покрывала для алтаря, облачения, стихари и занавески в часовне.

Восемь скатертей, шесть полотенец для рук и еще пять отрезков столовой ткани.

Две серебряные миски и серебряный умывальный таз.

Один серебряный горшок и серебряная солонка с крышкой.

Три серебряные чаши, одна — с крышкой из позолоченного серебра.

Шесть серебряных ложек, шесть серебряных тарелок и четыре серебряные соусницы.

Пять сундуков с железными скрепами.

В кухне: четыре больших стандартных бронзовых котла.

Пять бронзовых котлов меньшего размера.

Шесть маленьких бронзовых котлов.

Пять очень маленьких бронзовых котлов.

Две большие кастрюли.

Две маленькие кастрюли.

Четыре больших медных ковша.

Четыре маленьких бронзовых ковша.

Четыре сковороды.

Три большие железные сковороды с ручкой, одна старая железная сковорода.

Шесть грабель.

Пять больших ступок.

156 оловянных тарелок.

Перед каждой едой молодые слуги ставят столы на козлах вдоль стен холла. Они приносят яркие зелено-золотые кувшины с вином и графины с элем. Другие слуги устанавливают свечи на торчащие из стены шипы и зажигают те, что стоят в люстрах. Люстры — это железные или серебряные кольца около шести футов в диаметре, которые поднимают под потолок лебедками. На стол лорда кладут простую льняную скатерть, достигающую до пола. Потом на нее кладут еще одну скатерть, с цветной линией посередине: это «санап», на который поставят самые изысканные блюда для наслаждения лорда и его гостей. На скамейках, стоящих на пьедестале, лежат ярко раскрашенные подушки. На трехногие подсвечники устанавливают хорошие восковые свечи. На столе стоят и другие предметы роскоши: солонка из серебра с позолотой и эмалированные позолоченные кубки.

Но больше всего жизнь в замке впечатлит вас не золотом или серебром, а масштабностью. Человек, пьющий из позолоченного кубка, несомненно, богат; но если у человека даже дворецкий пьет из позолоченного кубка, это говорит о большой власти. У большинства баронов не менее 45 слуг. У графа Девона в 1384 году их 135, у епископа Или — 83¹. У Джона Гонта —

1. Woolgar, Great Household, p. 12 (Арундел); информация с панелей

богатейшего англичанина столетия (за исключением королей) — их 115, но это не считая еще 150 вооруженных слуг, которые готовы присоединиться к нему по первому зову. В 1318 году у Эдуарда II было около 400–500 слуг¹. У Эдуарда III в 1344–1347 годах, когда он сражался за границей, слуг было больше 800². В более мирных 60-х годах — 350–450. Но больше всего слуг в мирное время не у короля, а у Томаса, графа Ланкастера, кузена Эдуарда II: ему в начале века служило не менее 708 человек. Представьте, каково ездить по дорогам Северной Англии, когда вокруг вас снует целая армия. Люди выходят из домов, специально чтобы посмотреть на процессию графа Ланкастера.

Пройдясь по замку, вы удивитесь малому количеству женщин. Среди 135 домочадцев графа Девона женщин всего три. Это нормально — даже там, где женщина — глава семьи. На аристократа может работать прачка (стирка в средневековой Англии — чисто женское дело), но она не будет жить в его доме. В доме из женщин живут только жена и дочери лорда и их личные компаньонки. Работники кухни, конюхи, лакеи, хлебодары, привратники, даже посудомойки — мужчины и мальчики. Если кто-то из них женится, то обязан будет покинуть дом лорда и жить в собственном.

выставки «Английского наследия» в замке Окгемптон (владение графа Девона). Заметьте, что последняя цифра заметно отличается от той, что подсчитана на основе количества хлебных пайков в замке графа; она, похоже, основана на общих счетах на снабжение.

1. Given-Wilson, *Royal Household*, p. 11. Данные основаны на списке, опубликованном в Tout, *Place of Edward II*, pp. 244–281.
3. *A Collection of Household Ordinances*, pp. 3–4. В это количество включены те, кто подчиняется контролеру королевского двора, приставы, эсквайры двора, чиновники и менестрели, но не включены ремесленники, например строители и плотники, и солдаты. Кроме того, в списке, похоже, нет дворецкого, камергера и казначея, так что он неполон.

Королевский двор в 1392–1393 годах

Должность или ранг	Количество
Служащие (дворецкий, управляющий, ревизор, хранитель гардероба, казначей, хранитель приватной печати, секретарь, раздатчик милостыни, врач, хирург и декан королевской часовни)	11
Рыцари	8
Клерки	25
Парламентские приставы	3
Приставы	17
Эсквайры	101
Охотники	10
Камердинеры	20
Конюшие	89
Другие лакеи (в том числе гонцы)	80
Слуги	53
Извозчики	14
Уборщики	2
<i>Итого:</i> 433	

Когда люди собираются в зал, например для большого пира, гофмейстер отправит пару слуг, чтобы те проследили, все ли гости вошли и расселись в соответствии со своим общественным положением. Даже джентльмены, домашние слуги, лакеи и менее значительная прислуга рассаживаются строго в соответствии с иерархией. Самые старшие служащие садятся рядом с пьедесталом, справа от лорда. Этот стол называется «наградой» (*reward*). Напротив него — «второй стол» (*second mess*). За ним уже собираются важные люди, в частности личные слуги лорда, капеллан, дворецкий и разные важные гости. Поодаль располагаются главные слуги в домохозяйстве: раздатчик милостыни, хранитель гардероба, главный повар, арендаторы земель лорда, конюший, казначей и секретарь лорда. Еще дальше сидят обычные работники: садовник, мясник, пекарь, пивовар, свечник, коваль, кузнец, птичник, гонцы и прочие слуги (хотя в некоторых домах для них устраивают отдельный зал).

Зимой, когда после ужина на улице уже темно, вам вряд ли удастся в тусклом свете свечей разглядеть холл целиком. Румяные слуги сидят за длинными столами, переговариваются и смеются — с ними сидит и ваш слуга. Когда холл полон людей, он быстро согревается благодаря движениям и шуму большого количества тел. Настроение там тоже теплее. В монастырях, может быть, лучше канализация, гостиницы удобнее расположены, в частных домах комфортнее всего спать, но вот развлечений и разговоров лучше, чем в замке аристократа, вы вряд ли где найдете. Многие лорды любят, чтобы по вечерам у огня им читали романы в стихах. Если никто не читает, тогда развлекайтесь разговорами, байками и остроумными шутками — или, в особых случаях, танцами. Богатые лорды обычно держат при себе менестрелей, которые играют во время и после ужина. Странствующие музыканты регулярно останавливаются в усадьбах, расплачиваясь за ночлег и еду музыкой; если они играют хорошо, то могут рассчитывать и на денежную награду. Поздним вечером старшие слуги сидят на скамейках вокруг очага, разговаривают, приказывают мальчишкам принести хворост и играют в кости или шахматы при свете сальных свечей.

Если вы достаточно высокопоставлены, чтобы вам выделили собственную комнату, то вас со слугой отведут в солярное крыло или башню. Спиральная лестница, обычно поднимающаяся по часовой стрелке, будет крутой и темной (это традиция — первоначально лестницы строили так, чтобы правшам было неудобно драться на них мечами). Слуга, сопровождающий вас, будет нести лампу или фонарь, чтобы осветить дорогу. В комнате он зажжет свечу, закрепленную на каркасе кровати. Окно окажется закрыто на ставни изнутри. В камине, вделанном в стену, возможно, будет гореть огонь. В тусклом свете вы, может быть, разглядите сундук для льняной ткани, дверь, ведущую в уборную, низкую кровать для слуги и шкаф у стены для мелких вещей.

Аристократическая постель обычно оборудована пологам и пуховым матрацем¹. Льняные простыни, пуховые подушки,

1. На многих картинах того времени кровати изображаются без пологов. На некоторых, впрочем, пологи есть — например, на иллюстрациях к Тикхильскому псалтырю начала XIV века. См. Woolgar, *Great Household*, p. 77. Генрих IV заплатил за крючья для полога над своей постелью в конце века. См. Mortimer, *Fears*, p. 128. Во французской

шерстяные одеяла и яркое покрывало — на вид всё очень комфортно (но потом вас начнут кусать клопы). К кровати или прямо к стене прикреплена вешалка для одежды. Кроме того, где-то поблизости вы найдете насест, куда посадите своего любимого сокола и накормите его кусочками мяса, которые принесут с кухни. Если вам интересно, что делать со свечой, прикрепленной к кровати, то здесь два варианта: либо оставить ее гореть всю ночь, либо задуть перед отходом ко сну. Некоторые считают, что свечу можно потушить, набросив на нее тунику. Как вы понимаете, это не слишком умно.

Вы, скорее всего, думаете, что в туалетах здесь сильно воняет. Необязательно. Новые туалеты довольно изысканны. Дощатое сиденье в уборной покрыто зеленой тканью, а отверстие затыкают подушкой, чтобы не пропустить никаких неприятных запахов и сквозняка. В некоторых замках содержимое туалета сразу падает далеко вниз, в ров. В других — в расположенную в нужном месте бочку, которую потом опустошает замковый «гонгфермер» (уборщик выгребных ям). А к концу века для аристократов изобрели даже стульчаки. Их делают из железа, со съёмными медными сосудами и покрытыми бархатом сиденьями¹. Но куда бы вы ни пошли, чтобы справить нужду, вы найдете кучу шерсти или льна, чтобы «вытереть заднюю часть»². Некоторые великие лорды предпочитают хлопок, но его не всегда можно найти. Сделав свои дела, помойте руки — для этого вам дадут тазик и кувшин с водой.

Про жизнь в резиденции лорда можно было бы рассказывать еще много, но тогда в книге не хватит места на все остальное. Впрочем, одну важную вещь всё-таки стоит добавить. Если вы приедете в резиденцию, когда самого лорда там нет, всё будет совершенно по-другому. Вам, может быть, всё равно дадут комнату, если ваше общественное положение достаточно высоко, но в холле будет холодно. Повара не будут размещи-

книге XIV века, Wright (ed.), *La Tour Landry*, p. 6, говорится, что дочь императора спит в постели с пологом.

1. TNA DL 28/1/5 fol. 29r. Первое упоминание стульчака в OED относится к 1410 году.
2. Описание туалета позаимствовано из рассказа начала XV века в Furnivall (ed.), *Babees Book*, pp. 179-80.

вать содержимое котлов в кухне, мальчишки-слуги — переворачивать мясо на вертелах, ливрейные слуги — бегать по двору с дровами и ведрами воды. Когда лорд уезжает, замок практически пустеет — то же можно сказать даже о королевских резиденциях в отсутствие констеблей. Остаются там разве что кастелян, трое—четверо слуг да несколько работников. В огромном холле будет темно и холодно, льняных скатертей не будет, люстры останутся незажженными, а шкаф — пустым. В замках обычно не оставляют больших гарнизонов. Если замок не стоит в особенно опасном месте, то на него вряд ли кто-то нападет. Грабители не рискуют лезть в крепости.

Крестьянские дома

Разных крестьянских домов не меньше, чем крестьянских семей, да и региональные различия довольно значительны. Но предположим, что вы хотите остановиться в доме сравнительно зажиточного йомена из Мидлендса, у которого есть 30 акров владений. Его дом, скорее всего, деревянный, в три пролета (примерно 45 на 15 футов), построенный на каменном фундаменте. Два пролета занимает холл; первый этаж третьего пролета занят кладовой, а на втором этаже — спальня, куда приходится лезть по лестнице. Каркас дома сделан из двух гнутых дубовых бревен («круков»), соединенных тяжелым гребнем на крыше, а каркас стен — из дубовых или вязовых обрешетин. Дом выглядит немного косым, потому что построен из свежих досок, которые в первые несколько лет неизбежно искривляются. Сами стены делают из ясеневых стоек, проложенных смесью глины и соломы. На крыше тоже кладут ясеневые стойки поперек дубовых балок и затем кроют ивовыми ветками или ржаной и пшеничной соломой. Те части крыши, куда может попасть огонь, на всякий случай прикрывают сланцем или черепицей. Проблема такого «органического дизайнера» в том, что он, конечно, хорошо держит тепло, но в нем быстро заводятся паразиты, которые начинают подтачивать стены и крышу дома.

Вы заходите через дубовую дверь на железных петлях. Петли закреплены на железном косяке, достаточно крепком, чтобы поставить на дверь еще и запор. Сразу за дверью — довольно темный холл: его освещает только центральный очаг,

да еще немного света пробивается через прикрытые ставнями незастекленные окна, достаточно маленькие, чтобы в них не уходил теплый воздух и не приходил холодный. Из мебели в доме кресло, пара скамеек, несколько сундуков, и, в общем-то, всё. Стены некрашенные, но могут быть отштукатурены. Посмотрите наверх, и увидите, что стропила и верхняя часть стен в комнате почернели от дыма. Некоторые личные вещи домовладельца висят на стенах или свисают со стропил: инструменты, куски засоленного на зиму мяса, бочонки, треножники, обода и ведра. Пол устлан камышами и травой. Под камышами — голая земля, которую во время смены подстилки подметают метлой.

Очаг находится в проложенной глиной яме в центре комнаты и с поздней осени до весны поддерживается постоянно. А если на нем еще и готовят, то огонь вообще не гаснет круглогодично — хотя летом обычно готовят всё же на улице. Утварь вроде вертелов и рашперов хранится около очага. Там же — и медный котел, в котором в основном и готовится еда. Клепаные медные тарелки, ступка с пестиком и плоские камни для выпечки (на них готовят овсяные лепешки) висят на стене или лежат в сундуке. Некоторые крестьяне держат в деревянных сундуках в холле даже зерно и овощи.

Поприветствовав вас, хозяин предложит вам сесть на скамью у огня, чтобы вы согрелись, а остальная семья будет готовить еду. У вас никакой помощи не попросят — вы почетный гость. Хозяин или его слуга (у большинства йоменов есть пара слуг) поставит стол на козлы и расставит на нем деревянные тарелки, керамические кувшины и сосуды для питья. Если он гордится своим социальным положением, то положит и стол еще и пару серебряных ложек. Скатерть — льняная или холщовая, длиной до пола. Хозяин садится во главе стола. Именно он режет хлеб и мясо (если оно есть) и раздает их. Все остальные члены семьи сидят рядом с вами на скамьях. Мальчик принесет кувшин, чтобы все перед едой помыли руки.

После ужина хозяин отправит детей спать в семейную спальню и проведет остаток вечера, разговаривая с вами у очага. Его лицо будет освещать золотистый огонек сальной свечи. Даже в таком тусклом освещении вы, возможно, разглядите, как его жена, прищурившись, штопает или зашивает одежду. Когда настанет время сна, вам и вашему слуге предложат уже застеленную кровать наверху. Постель пред-

ставляет собой подушку и матрас, набитый соломой или овсом, который лежит на деревянных досках и накрыт льняными простынями, шерстяными одеялами и покрывалом. В чосеровском «Рассказе Мажордома» двум студентам, остановившимся на ночь, дали одну кровать; в той же спальне спят мельник с женой (в одной постели), их дочь (у которой своя койка) и маленький сын (в колыбельке). Ночью в комнате совершенно темно — в крестьянских домах свечи не оставляют гореть на всю ночь. Если вы ощутите зов природы, то вам придется встать, на ощупь добраться до двери, слезть по лестнице и выйти на улицу: ночного горшка вы не найдете¹.

**ПРЕДМЕТЫ ДОМАШНЕГО ОБИХОДА РОБЕРТА ОЛДЭМА
ИЗ КАКСЭМА, ОКСФОРДШИР, ОК. 1350 ГОДА**

Предмет	Стоимость
Три медных горшка	2 шиллинга каждый
Две кастрюли и треножник для готовки	1 шиллинг
Обода для деревянных сосудов	1 шиллинг
Два металлических кувшина	6 пенсов каждый
Один таз с кувшином	8 пенсов
Еще один таз с кувшином	2 шиллинга 8 пенсов
Холстина	9 пенсов
Гобелен	3 пенса
Гобелен и простыни	3 шиллинга 4 пенса
Гобелен, две простыни и четыре одеяла	5 шиллингов 4 пенса
Скатерть	2 шиллинга 6 пенсов
Полотенце	6 пенсов
Два куска ткани	8 пенсов
Ларь	2 шиллинга
Два стула	8 пенсов
Одна скамья	1½ пенса

Мебели в доме большинства крестьян (как, впрочем, и у людей более высокого положения) сравнительно мало. В доме

1. В чосеровском «Рассказе Мажордома» жена мельника выходит из дома, когда зов природы застает ее ночью.

Роберта Олдэма из мебели упомянули только ларь, два стула и скамью. Оценщик, очевидно, посчитал, что постель и стол ничего не стоят. Но вот одежда Роберта стоит 34 шиллинга — намного больше, чем у большинства крестьян. Беднейшие крепостные живут в «коттеджах», которые скорее можно назвать лачугами. В них всего одна комната длиной в один пролет и площадью, может быть, всего 13 квадратных футов. Крыша покрыта соломой или дерном и, если ее не ремонтировать раз в несколько лет, протекает. Зимой, скорее всего, вам придется переступить через лужу, скопившуюся в борозде, проделанной дверью. Сама дверь поворачивается на камне, а сверху привязана к каркасу дома, так что легко ее не открыть. Замка тоже нет — только засов. Ставни висят на кусочках шкуры, а снизу поддерживаются палками. Пол — голая земля, на которую набросана солома. Весь дом очень сырой. И закопченный — «весь в саже был ее коттедж», как выразился Чосер. Из-за расположения ставней в доме практически не бывает светло даже днем. Из кухонных принадлежностей и утвари, скорее всего, в таком доме есть стол на козлах, глиняный кувшин, деревянные миски, скамья и стул. Спят все за ширмой из прутьев, стоящей вдоль одной из стен: там стоит кровать, сделанная из трех досок, с матрасом из сушеного вереска или папоротника, единственной простыней и старым одеялом сверху. Среди других вещей — медный горшок для готовки еды, старый котел, корзина и бадя на улице для хранения колодезной воды. В этом доме вас вряд ли ждет «домашний уют».

VIII

Что есть и пить

Современному путешественнику во времени, явившемуся из эпохи книг о вкусной и здоровой пище и супермаркетов, свойственно забывать, что в средневековой Англии люди всё еще умирают от голода. Неурожаи пшеницы случились в 1315–1317 (Великий голод), 1321–1323, 1331–1332, 1350–1352, 1363–1364, 1367–1368, 1369–1371 и 1390–1391 годах. И это неурожаи только пшеницы: проблемы с другими злаками возникали практически так же часто, а если не уродится хоть один злак, люди уже страдают. Если из-за непрекращающихся дождей все злаки остаются под водой и гниют прямо на полях, а коровы, овцы и свиньи тонут в разлившихся реках и грязи или подхватывают болезни, распространяющиеся через воду, то бедным семьям просто нечего есть, кроме фруктов с плодовых деревьев (если у них растут хоть какие-нибудь) и припасов, оставшихся с прошлого урожая. Когда неурожай случается два года подряд, семьи умирают. Первыми погибают дети, иммунитет которых ослаблен из-за голода, но взрослые их переживают ненадолго. Чтобы выжить, люди готовы есть что угодно: траву, сорняки, вику, желуди, даже древесную кору. Они решаются на преступления — воруют еду и скот при первой возможности¹. Иногда король и его советники пытаются облегчить ситуацию, но практически единственное,

1. О том, как связаны неурожаи и рост мелкой преступности, см. Hanawalt, 'Economic Influences', pp. 281–297; Platt, *Medieval England*, p. 110.

что они могут сделать, — снизить таможенную пошлину на ввозимое зерно. От этого что-то меняется лишь в больших городах, потому что у крестьян просто нет сил добраться до города и купить зерна. Впрочем, даже если бы они и добрались, то всё равно не смогли бы ничего купить из-за резко взлетевших цен.

Не менее остро ощущают голод жители осажденных городов. Если вы оказались в городе или замке, окруженном превосходящими силами врага, то придется выбирать между двумя ужасными участями: сдаться, чтобы вас повесили, или сопротивляться, медленно умирая от голода. Тех, кто избирают второй вариант, ждут невообразимые страдания. Если вы, скажем, посетите Кале летом 1347 года, то поймете, как далеко может всё зайти. В начале осады, в сентябре 1346 года, французский комендант приказал всем женщинам, детям старикам и инвалидам покинуть город, оставив только крепких и здоровых мужчин. За одиннадцать месяцев они израсходовали все припасы. Потом съели всех животных в городе — всех собак, кошек и лошадей. К июлю они уже начали ловить и есть крыс. Сдался город 4 августа 1347 года. Комендант в письме французскому королю объяснил это так: есть им было больше нечего, кроме как друг друга, и они посчитали, что лучше умереть в бою, чем вкусить плоти друга или родственника¹.

Кале — это, конечно, крайний случай, в этой главе всё же будет рассказываться про более вкусную еду, чем крысы, лошади и собаки. Тем не менее об этих крайностях стоит помнить, рассматривая метафорические меню средневековой Англии. Очень многих из ваших любимых блюд вы там не найдете. Картофеля и помидоров нет — землю, откуда их завезли, еще не открыли. По этой же причине нет и индеек: на Рождество вместо них (если, конечно, у вас есть деньги) вы будете есть лебедя, гуся, говядину, свинину или бекон¹.

1. На крестьянском пиру в Норт-Карри (Сомерсет) в 1314 году каждый житель округа должен был получить по две буханки белого хлеба, столько эля, сколько сможет выпить, похлебку с говядиной, бекон с горчицей, еще одну похлебку — с курицей, сыр и свечи, «чтобы жечь, пока сидит и пьет». На Рождество 1347 года в Ханстентоне (Норфолк) у сэра Хамона ле Странжа и его челяди на пиру был хлеб, два галлона вина (12 пенсов), одна большая свинья (4 шиллинга), одна маленькая свинья (6 пенсов), лебедь (подарок лорда Камуа), две курицы (полученные в качестве ренты), восемь кроликов (два из них подарены). См. Fisher and Jurica (eds), Documents, pp. 406–408.

Поиски моркови тоже окажутся тщетными: съедобных сортов еще не существует, их пока не вывели из несъедобного фиолетового дикого предка. Рис завозят в очень небольших количествах, а макароны (хотя их уже регулярно готовят в Италии и на Сицилии) до Англии и вовсе еще не добрались. Как и любому настоящему путешественнику, вам ничего не останется, кроме как есть местную пищу — или голодать. Если вас не устраивает постоянная диета из вареного бекона, ржаного хлеба и гороха, то порадитесь хотя бы тому, что бекон в доме, где вы остановились, не протух, муку не съели крысы, а горох не сгнил.

Ритм еды

Современного обычая с тремя приемами пищи в средневековой Англии не существует. Там все едят два раза в день. За исключением нескольких избалованных богачей, никто обычно не завтракает. Домохозяин, встав поутру, может съесть немного хлеба с сыром, особенно если собирается далеко ехать или заниматься физическим трудом, но, по большому счету, до обеда он не будет есть ничего. Обедают (это главный прием пищи за весь день) обычно между десятью и одиннадцатью часами утра, в зависимости от времени года. В конце дня, между четырьмя и пятью вечера, устраивают ужин, более скромный, чем обед. Хотя средневековая диета не слишком отвечает нашим представлениям о здоровой пище — например, капусту варят до тех пор, пока из нее не выйдет весь витамин С, — одно несомненное достоинство у нее есть: большую часть энергии люди получают еще до полудня, и у них есть весь день, чтобы за работой сбросить лишние калории.

Еще один важный гастрономический ритм порожден строгими правилами употребления мяса. Церковь запрещает есть мясо по средам, пятницам и субботам, а также в Великий и Рождественский посты. Это чуть больше полугода. В Великий пост нельзя есть даже яйца. Поскольку эти правила распространяются на всё общество, даже на короля, никто не нарушит их в вашем присутствии. Любого, кто ест мясо в постный день, тут же схватят и приведут в церковный суд. Это грех, и угрызения совести будут мучить виновного до тех пор, пока он не исповедуется, купит индульгенцию или отбудет наложенную судом епитимью.

Третий диетический ритм — это доступность пищи в разные времена года. Фрукты свежее всего осенью, а во время сбора урожая в изобилии есть даже белый хлеб и разнообразные пироги. Мяса в конце осени тоже больше всего. Кормить животных зимой дорого, поэтому многих из них забивают в Мартынов день (11 ноября). Некоторых тут же жарят и съедают, других засаливают на зиму. Садовые и огородные растения тоже, очевидно, напрямую зависят от времени года. Можно даже сказать, что овощи — самый «сезонный» продукт из всех, потому что стоят они очень мало, и, соответственно, на большие расстояния их никто не возит. Что же касается рыбы, то свежая рыба доступнее всего летом, когда море не такое бурное, а торговцы из прибрежных городов успевают за световой день преодолеть большее расстояние. Зимой на рынке обычно продают соленую или сушеную рыбу. Даже способ приготовления пищи часто зависит от времени года. Летом часто готовят на улице. Отчасти из-за погоды, отчасти потому, что если развести в маленьком домике сильный огонь, там станет невыносимо жарко. В конце лета и осенью часто жарят мясо всей общиной зимой еда не такая свежая и ее чаще варят.

По всем этим причинам ваша просьба приготовить какое-нибудь ваше любимое блюдо — особенно мясное — может быть исполнена лишь в очень редких случаях. Время дня, день недели и время года значат намного больше, чем в современном мире.

Крестьянские дома

Как я уже упоминал во второй главе, крестьяне бывают богатые и бедные; не стоит и говорить о том, что женатые йомены с 30 акрами земли питаются лучше, чем бедные холостые батраки, у которых нет ни земли, ни даже огорода. Кроме того, совершенно очевидно, что голодных путешественников совсем не рады видеть там, где и без того еды не хватает. Но давайте представим, что вы сидите за столом у йомена — например, в том же самом доме в три пролета, описанном конце прошлой главы.

Перед вами может лежать хлеб нескольких сортов. В начале века широко распространен темный ржаной хлеб, а также хлеб, который пекут из смеси ржи и пшеницы под названием «суржа».

До 1350 года в доме йомена вам вряд ли предложат хороший белый хлеб, но в особые дни гостя всё же могут и уважить, если принадлежащая хозяину дома земля достаточно унавожена, чтобы на ней росла пшеница. Еще вы можете увидеть ячменный хлеб (особенно в западных графствах), овсяный или приготовленный из смеси пшеницы и овса. На севере, кроме хлеба, вам могут предложить овсяные лепешки. Если вас всё это не привлекает, попробуйте поесть «лошадиного хлеба». Его делают из муки, приготовленной из молотого гороха, отрубей и бобов — если на вас странно посмотрят, то только потому, что люди такое обычно не едят. Но в некоторых местах вам придется есть коричневый зерновой хлеб под названием «турт». Когда он черствеет, его режут на кусочки и используют в качестве подноса или тарелки. А после этого, вымочив в остатках обеда, скармливают свиньям. В крестьянском доме ничего не пропадает зря: даже тарелки съедобны.

Как вы быстро поймете, хлеб — это важная часть диеты средневекового крестьянина. Соответственно, его цена регулируется Законом о цене на хлеб. Впрочем, покупают хлеб чаще всего в городах. Йомены, живущие в сельской местности, обычно пекут его сами. Йомен или его жена отнесет зерно на мельницу (обычно водяную, но в ту эпоху начали появляться уже и ветряные), где мельник смелет из него муку и заберет небольшую часть ее в качестве платы (обычно шестнадцатую или двадцать четвертую). Если у йомена есть своя каменная или глиняная печь, то они с женой испекут хлеб сами. В ином случае — отнесут муку деревенскому пекарю. Получившийся хлеб держат дома до недели, хотя хлеб, пролежавший неделю, обычно уже идет либо на подносы, либо на корм скоту.

За звание самой популярной крестьянской еды с хлебом соперничает похлебка. Есть густые и жидкие похлебки — от густой белой каши из овса и текучей зеленой гороховой похлебки до жидкого супа из лука-порей. Хозяин очень удивится, если ваши глаза не загорятся от радости при виде тарелки с похлебкой из гороха, зелени, бекона и белой фасоли. Основные ингредиенты — мясной бульон, нарезанная зелень, овес и соль, но, кроме них, туда кладут буквально что угодно. В качестве «загустителя» часто пользуются хлебными крошками. Если вы возьмете деревянную ложку и окунете ее в похлебку, то быстро нащупаете там лук, чеснок и прочие ого-

родные овощи вроде капусты. Горох может быть либо маленьким и зеленым, таким же, как сейчас, либо белым. Бедные крестьяне часто едят большой серый горох. Как и все зеленые или зеленоватые овощи, их тщательно варят, прежде чем есть. По общепринятому мнению, зеленые овощи — в частности, капуста — не полезны, а в сыром состоянии даже вредны.

Овощи, которые крестьянин подает к столу, он, скорее всего, вырастил в своем саду. В саду вы практически не найдете ни декоративных кустов, ни цветов (за исключением лаванды и шиповника), а деревья там растут только фруктовые. Газона нет — сад не служит для отдыха. Вместо газона там ряды трав и овощей. Если крестьянин хочет есть репу или кормить ею скот, то выращивать ее он должен сам. Или, говоря точнее, если он хочет хоть как-то подстраховаться на случай неурожая, то выращивать репу — неплохой вариант. Таким образом, сады и огороды выполняют две функции: обеспечивают пропитание и вкус еды. Поля жизненно важны для злаков, поместные пастбища необходимы для животных, но вот разнообразие в диете обеспечивает именно сад. Крестьянин очень гордится своим луком, чесноком, горохом, пореем, чибодем (дудчатым луком), капустой, фасолью, петрушкой и шалфеем. Если в саду есть еще и хорошо ухоженные фруктовые деревья, то семья точно не голодает — причем не только осенью, потому что фрукты хранятся долго — и в свежем виде, и в качестве консервов и солений. Яблоками запасаются буквально все, но вы также можете встретить груши, вишню, сливу, виноград, грецкие орехи и терносливу. Иногда выращивают крыжовник, клубнику и тутовник. Ежевика и терн настолько часто встречаются в диком виде, что их и возделывать не приходится.

А как насчет мяса? Или молочных продуктов? Какое место они занимают в крестьянском рационе? В конце концов, мясной бульон для похлебок всё-таки откуда-то берется, как и бекон. Это верно — но не забывайте, что мясную похлебку приготовили специально в честь гостя. А мясной бульон можно хранить очень долго, варя и снова переваривая кости. Многие крестьяне, особенно крепостные, едят мясо довольно редко. Поэт Уильям Лэнгленд так описывает диету Петра-пахаря:

*— У меня нет ни пенни, — сказал Петр, — чтобы купить кур,
Гусей и поросят, у меня только два зеленых сыра,
Несколько кусков творога, сливки, овсяный пирог*

*И два хлеба из бобов и отрубей, испеченных для моих детей.
Но, я говорю тебе, у меня нет, клянусь моей душой, соленой ветчины,*

*Ни поваренка, клянусь Христом, чтобы приготовить битки.
Но у меня есть петрушка, и порей, и много цветной капусты,
А кроме того, корова, и теленок, и упряжная кобыла,
Чтобы возить на поле мой навоз, когда бывает засуха.*

*И на эти средства мы можем жить до Петра в веригах,
А к этому времени я надеюсь иметь жатву на моем участке.
И вот тогда я смогу приготовить для тебя обед, который
больше всего будет мне по вкусу.*

*Все бедные люди стали приносить горох в стручках,
Бобы и печеные яблоки принесли они в полах своего платья,
Лук и кербель и много спелых вишен,
И предложили Петру это приношение, чтобы ублаготворить ими Голод.*

Мясо — пища богатых, но спрос на него есть не только среди богатых, но и среди всех йоменов и горожан, которые хотят выглядеть богатыми. Таким образом, мясо — это символ статуса, и, следовательно, те, кто находятся внизу социальной лестницы, едят его гораздо меньше, чем вышестоящие. Причем восполнить недостаток мяса за счет охоты на диких животных тоже не очень получается. Охотиться крестьянам разрешают очень редко — обычно это привилегия владельца поместья. Есть, правда, и исключения: пернатая дичь в некоторых местах (например, в эстуариях рек) водится в изобилии, и ее можно ловить большими сетями или убивать из пращей и рогаток. В капканы ловят зайцев и кроликов — они быстро расплодились в Англии после того, как их завезли туда в XII веке. Несмотря на то что зайцы считаются дичью и часто их отлавливают незаконно, поместные суды обычно накладывают за охоту на зайцев лишь небольшой штраф. Даже тех, кто охотится на зайцев в королевских лесах, слишком строго не наказывают. Если вам удастся поймать нескольких зайцев, вот как их может приготовить хозяин дома:

Возьмите зайцев и снимите с них шкуры; отделите мясо от костей; нарежьте его на куски и сложите в горшок прямо с кровью, доведите до кипения. Затем положите

мясо в холодную воду. Подлейте в бульон от зайца еще мясного бульона, миндального молока и лука, мелко нарезанного и обданного кипятком. Поставьте на огонь и снова доведите до кипения. Добавьте порошка гвоздики, корицы и мускатной шелухи и немного уксуса. Возьмите хорошо промытое мясо и кости, хорошенько проварите их в бульоне, затем подавайте на стол¹.

Есть и другая причина, по которой крестьяне нечасто едят мясо, а если и едят, то только пернатую дичь и зайчатину. Живые животные намного полезнее, чем мертвые. Коровы, овцы и козы дают молоко, которое само по себе недолговечно, но из него можно сделать сыр, который хранится месяцами. Петр Пахарь не глупец, поэтому не забивает ни корову, ни теленка. Овцы и козы дают шерсть, необходимую для шитья теплой одежды, так что на крестьянском столе вы не найдете ни ягнят, ни козлят (хотя, возможно, в ноябре вас побалуют жареной или вареной бараниной). Сотни яиц, которые откладывает курица, утка или гусыня, намного ценнее, чем одна — две порции мяса, которые можно с них получить. Естественно, когда курица перестает нестись, ей прямая дорога в кастрюлю, но вот раньше ее убивать смысла нет. Быки и волы, самые крупные и ценные животные, тянут плуг, чтобы на вспаханной земле можно было сажать зерновые (особый жесткий хомут, благодаря которому волов в упряжках сменили тягловые лошади, еще не изобрели). Кроме того, если аккуратно надрезать корове ногу и контролировать кровотечение, то можно, не убив при этом животное, получить достаточно крови для приготовления кровяной колбасы. Перемешав кровь с овсом, солью и травами, а затем сварив, вы получите отличный источник белка, а зимой это хорошая и вкусная альтернатива сыру или похлебке.

Вы, наверное, подумали, что еще одним, причем не мясным, источником белка для крестьян может стать рыба. Да, крестьяне

1. Этот рецепт — пересказ рецепта 'Hares in Padell' в книге A Collection of Household Ordinances, p. 428. Хотя сама книга в целом относится скорее к королевскому двору, а не к крестьянскому дому, рецепты в ней подобраны не только королевские. Здесь рецепт приведен как пример тогдашнего способа приготовления зайчатины. Крестьяне приготовили бы это блюдо без специй.

любят рыбу, но она не входит в рацион большинства жителей сельской местности. С теми, кто живет далеко от моря, все очевидно — перевозка рыбы сильно увеличивает стоимость. Но есть и еще одна, более глубокая, причина. Запрет Церкви на употребление мяса в определенные дни создает большой спрос на рыбу среди аристократов, джентри и духовенства. Из-за этого рыба дорога. Поместья, где крестьянам разрешается свободно ловить рыбу для себя (например, Элруос в Стаффордшире), — это исключение, а не правило. Обычно простолюдинам не разрешают рыбачить в озерах, прудах и реках неподалеку от дома — право на это имеет только владелец поместья. Если вас наняли, чтобы ловить рыбу, весь ваш улов пойдет на стол лорду. Даже если бейлиф втихомолку разрешит вам оставить себе одну форель, вы, скорее всего, ее продадите. Для крестьянина, у которого вы гостите, выбор между двумя дневными жалованиями и возможностью полакомиться «статусной» едой очевиден. Члены королевской семьи посылают рыбу друг другу в подарок. Герцог Йоркский регулярно отправляет щук, морских лещей, линей и лососей в подарок своему кузену Генриху IV. Если уж королевская семья ценит рыбу так высоко, на что остается надеяться простонародью? Из рыбных блюд крестьяне обычно едят соленую или маринованную сельдь, вторая по популярности рыба — соленая или сушеная треска. Их можно купить круглый год на городских рынках. Еще можно найти угрей — они продаются либо по двадцать штук на пруте, либо в качестве начинки для пирогов. Угри во множестве водятся в больших реках и сравнительно недороги.

Что в раскрашенном и отшлифованном глиняном кувшине? Скорее всего, эль — напиток, приготовленный из солода и ячменя или овса, но без хмеля (именно отсутствие хмеля отличает эль от пива). Эль настолько важен для средневековой диеты, что его цена, как и цена на хлеб, регулируется государством. Четыре галлона эля стоят один пенс, при том что цена ячменя — 2 шиллинга за кварту. Самый лучший эль, который может стоить даже 2 пенса за галлон, варят в Кенте. Но не надейтесь найти кентский эль по всей стране: он очень плохо хранится. Без хмеля он быстро прокисает. Сварив новую бочку эля, пивовары тут же его распродают: висящий над дверью бушель говорит именно о том, что здесь можно купить эль. В крестьянских семьях эль регулярно варят женщины, а когда он начинает прокисать, его приправляют

травами и медом или добавляют яичные желтки. Если в доме есть пряности, то кислый вкус можно замаскировать молотым перцем, альпинией («синим имбирем»), корицей и прочей экзотикой, которая покупается на рынке. С такими добавками эль превращается в своеобразный пряный напиток.

Отпив немного из деревянной кружки или чаши, вы обнаружите, что крестьянский эль немного сладковат и некрепок. Поскольку большинство зажиточных крестьян стараются не пить воду — она, по их мнению, заносит в организм грязь и болезни, — они пьют только эль. Только батраки-холостяки или вдовы, живущие в одиночестве в однокомнатных лачугах, пьют воду (чаще всего — дождевую, которая собирается в цистерне во дворе). Варить эль — это одна из домашних обязанностей любой жены. Коровье молоко считают пригодным только для готовки, пьют его только старухи и маленькие дети. Поэтому эль и не делают слишком крепким: рассудок йомена серьезно пострадает, если целыми днями пить крепкий алкоголь. В некоторых районах страны вместо эля пьют сидр и перри (грушевый сидр), особенно на западе. Сидр бывает крепким. А еще он дешев: вдвое дешевле неплохого эля, ½ пенса за галлон. То же можно сказать и о медовых напитках, медовухе и «метеглине» (той же медовухе, но с травами), которые тоже пьют на западе и юге страны: они крепче и при этом вдвое дешевле. Хотя английские крестьяне не имеют понятия о спиртных напитках и, скорее всего, даже вина никогда не пробовали, с пьянством они вполне знакомы. Если жена йомена умеет готовить крепкий эль или сидр и позволит мужу выпить сразу восемь пинт, то результат будет быстр и предскажем не только для XIV века, но и для нашего времени.

Города

Когда вы сядете за стол в городском доме, ваши ожидания, скорее всего, будут зависеть от обстановки. Если вы в маленьком деревянном домике и сидите в тесном, плохо освещенном холле, а обслуживает вас жена хозяина, то ваш обед, скорее всего, будет хуже, чем тот, что вы отведали у йомена. С другой стороны, если хозяин дома — богатый купец, и вас принимают в ярко освещенном холле большого дома, а на столе серебряная посуда, чистые

белые льняные скатерти и много подносов с блюдами, то выбор еды будет намного богаче и разнообразнее, чем может представить себе любой крестьянин. Вам могут предложить красное вино, говядину, ягненка или козленка в соусах, приготовленных личным поваром купца, а после еды — вафли и засахаренные фрукты, словно лорду.

Вероятнее всего, ваш рацион в городе будет чем-то средним между рационом крестьянина и лорда, так что давайте просто рассмотрим, чем еда в городах принципиально отличается от еды в сельской местности. Для деревенского жителя, живущего в трех—четыре милях от города, каждый поход на рынок — это трата не только денег, но и времени. Йомен старается купить всё сразу в один заход, а вот городской торговец, лавочник или рабочий могут в любой момент запросто сходить в пекарню или за рыбой (или отправить слугу). Соответственно, горожанин — особенно живущий в «сити» — в куда меньшей степени контролирует свои запасы продовольствия, чем его кузен из деревни. Если ему нужен хлеб, он покупает буханку прямо у пекаря. Собственное зерно к мельнику он не носит, если, конечно, город не очень маленький и у него нет клочка собственной земли за стенами. Да и сад не может его обеспечить всеми необходимыми фруктами и овощами (за исключением некоторых богатых купцов, которые даже в городе разбивают обширные сады). Большинству за садово-огородной продукцией приходится ходить на рынок.

Из-за зависимости от рынка еда в городах одновременно лучше и хуже, чем в деревнях. В городе работают повара-специалисты, которые готовят мясные пироги и выпечку и продают их на улице — либо из окон собственной харчевни, либо прямо вразнос. Животных приводят в город на мясо, и, поскольку дальше откармливать их особого смысла нет, горожане с готовностью покупают и забивают молодых животных, в частности ягнят и козлят, чье мясо не такое жесткое и лучше на вкус. Еще в городах в течение XIV века стали есть всё больше и больше белого хлеба. Старики в 90-х годах расскажут вам, как их деды, выросшие в деревне, ели только ржаной хлеб, овощи и иногда вареную свинину, а они сейчас едят ягнятину, говядину и регулярно наслаждаются белым хлебом. Да и без фруктов они не обходятся. Яблок на рынках много, равно как слив и вишен (особенно в сезон). В небольших количествах

завозят и более экзотические фрукты, например апельсины, инжир и гранаты — правда, такую роскошь вы найдете разве что на рынке или ярмарке крупного города.

Цены у поставщиков продовольствия, Лондон, 1363 год

Товар	Цена	Товар	Цена
Лучший гусь	6 пенсов	Вальдшнеп	3 пенса
Лучший молочный поросенок	8 пенсов	Куропатка	5 пенсов
Лучший каплун	6 пенсов	Фазан	2 пенса
Курица	4 пенса	Жареная баранья нога	2½ пенса
Лучший кролик	4 пенса	Каплун, запеченный в тесте	7 пенсов
Чирок	2½ пенса	Жареный гусь	7 пенсов
Селезень	5 пенсов	Лучшая баранья туша	24 пенса
Четыре жаворонка	1 пенс	Лучшее говяжье филе	5 пенсов
Бекас	1½ пенса	Лучшая свиная нога	3 пенса

В этом преимущество города. Если у вас достаточно денег, вам не нужно ничего выращивать самостоятельно: вы сможете купить всё, что захотите. Более того, на больших рынках вы найдете даже то, чего нигде больше нет. Хотите купить сахар, вино, миндаль, финики, анисовое семя, солодку, засахаренные фрукты, мускат, корицу, перец, кориандр, смородину, изюм, инжир, гвоздику, имбирь, соль, рис, патоку — да что угодно? Идите на рынок. В 1390 году любой из этих товаров можно купить в Лондоне. Вышеприведенный список составили секретари Генриха Ланкастера, готовившегося к морскому путешествию. Ключевой вопрос — цена. Один фунт солодки стоит всего 1 пенс, но вот фунт зеленого имбиря — 2 шиллинга, фунт гвоздики — 4 шиллинга, а фунт шафрана — 10 шиллингов. Фунт апельсиновых консервов («цитронада») стоит 3 шиллинга — это жалование квалифицированного рабочего за девять дней. Вы можете представить, что за один фунт апельсинового мармелада нужно

работать девять дней или что он по весу стоит всего втрое дешевле шафрана? Неудивительно, что бедняки не завтракают.

Впрочем, не все пряности невероятно дороги. В городе вы увидите, что в шкафах у многих зажиточных горожан — не только купцов, но и мастеров-ремесленников, официальных лиц, юристов и врачей, — немало разных пряностей. Одна из самых популярных — перец, он продается по 20–22 пенса за фунт. Мускат можно достать по 18 пенсов за фунт. Впрочем, вместо чистых специй можно купить более дешевую смесь, составленную торговцем. Есть несколько вариантов порошков-карри: *powder forte* («сильный порошок») — смесь имбиря, перца и мускатной шелухи — и *powder douce* («мягкий порошок», также известный как *powder blanche*, или «белый порошок») — смесь имбиря, корицы, муската и (иногда) сахара и гвоздики. Кстати, если уж заговорили о сахаре — вы изумитесь разнообразию форм, в которых его продают. В лавке с пряностями вы найдете большие куски неочищенного коричневого сахара весом в несколько фунтов и изящные бруски рафинированного сахара («каффетин», 18 пенсов за фунт в 1390 году), красный и белый плоский сахар (дешевле, 12 пенсов за фунт), кипрский сахар (еще дешевле, 8 пенсов за фунт) и всевозможные производные: жженный сахар, сахарная вода, сахарный сироп, розовый сахар, фиолетовый сахар и ячменный сахар. Главная разница между дешевыми и дорогими сортами сахара — степень очистки. Что интересно, сахар используют как пряность (а не подсластитель) в соусах к мясным и рыбным блюдам, особенно к тем, где используется уксус, или во фруктовых похлебках.

Благодаря всему вышеописанному городская жизнь, конечно, выглядит аппетитно, но стоит помнить, что горожанам приходится иметь дело с двумя проблемами, связанными с едой. Первая — пресловутое отсутствие контроля над запасами продовольствия. Нет зерна — не будет хлеба. Если цены на зерно растут, а городские власти пытаются заставить продавать хлеб по ценам, установленным Хлебным законом, то пекари вполне могут забастовать. Без хлеба вся жизнь в городе практически останавливается, и начинаются беспорядки. Вторая проблема — слишком большое количество посредников в поставках продовольствия. Как городские власти могут контролировать торговлю едой? Это очень сложно. Когда на улице находят мертвую дикую свинью, а потом она внезапно исчезает, люди не знают, просто

ли ее убрали или зажарили. Часто они подозревают (и вполне оправданно), что едят пирожки именно с ее мясом. В лондонских архивах описано немало случаев, когда мертвая свинья неделю разлагалась в канаве, а потом ее стащил пирожник. Иногда средневековые люди слишком далеко заходят, претворяя в жизнь девиз «ничего не должно пропадать зря».

Еще одна большая разница между приемами пищи в городе и деревне — доступ к другим напиткам, в частности к вину. Даже маленькая бочка стоит у виноторговца 8–10 шиллингов. Такое скромному йомену не по карману. Однако владельцы городских таверн покупают вино оптом, а продают кружками. Кружку вина за полпенни или целый пенни могут себе позволить многие. Цена, естественно, различается в зависимости от того, насколько вино сладкое и откуда его привезли. Большая часть красного вина, которое пьют в Англии, — из Гаскони, местности вокруг Бордо (правда, его еще не называют кларетом)¹. Оно стоит 3–4 пенса за галлон для оптовых покупателей — но дороже, если покупать кружками. Вдвое дороже рейнское вино — 6–8 пенсов за галлон. Вина из Рошели и Испании — например, «Лепе», крепкое испанское белое вино, или «Осей», еще один испанский сорт, — сравнимы по цене с бордоским. Сладкие вина из Греции, с Крита и Кипра, которые иногда называют рамни или мальвазией, стоят примерно столько же. Дешевле всего английское вино. Оно бывает только белым и стоит вдвое дешевле гасконского. Впрочем, встречается оно редко. В Англии вино производят только аристократы и духовенство для личного пользования. В тавернах вы его не найдете.

Поскольку таверны обычно торгуют вином, а не элем, они претендуют на звание классных заведений. Учитывая их число — только в Лондоне в 1309 году их 354, — неудивительно, что по качеству они заметно различаются². Как и их товар. Заведения, где подают плохое вино, обычно привлекают не слишком воспитанную клиентуру, и их регулярно

1. Согласно данным OED, термин *vin clair* первоначально относился к «белому» или желтоватому вину. Ни в одном средневековом источнике гасконское вино не называется кларетом. Красные вина из этого региона стали называться кларетом только около 1600 года.

2. Creighton, *Epidemics*, i, p. 50. Стоит сравнить эту цифру с 1334 индивидуальными пивоварами.

закрывают. Но есть и таверны с хорошей репутацией. В таких вы найдете кубки из посеребренного дерева и чистые льняные скатерти на столах. Они обслуживают профессионалов: клерков, купцов, государственных служащих и джентри. Владелец, который осознает важность хорошей репутации, скорее всего, вежливо, но твердо укажет вам на дверь перед закрытием (он несет ответственность за ваши действия после вечернего звона). Само вино хранится в погребе в бочонках, а кружки приносят вам прямо к столу. Если вас беспокоит, что вы пьете, вы можете попросить посмотреть на бочку. Владелец таверны обязан держать винный погреб открытым и не может не пустить вас к бочкам. В Лондоне цены на вино фиксированные, так что если вам показалось, что вам продали дешевое вино по цене лучшего рейнского, вы сможете это легко проверить и, если что, пожаловаться властям. Если так и окажется, то владелец таверны заплатит вам компенсацию, потому что знает: если его поймут за жульничество, то оштрафуют или вообще заставят закрыть таверну, а потом посадят в колодки и выльют на голову его же вино из бочек.

Если вы действительно увидите в колодках какого-нибудь несчастного, облитого с ног до головы, то, скорее всего, это владелец пивной (или был им до недавнего времени). В пивных вино не наливают — только эль и иногда сидр или медовуху. Еще там продается простая еда вроде хлеба, сыра и иногда пирожков с мясом. Темные, пропахшие прокисшим элем, с камышовой подстилкой на полу, эти заведения бывают довольно шумными: там можно услышать рассказы о приключениях и похабные песенки. В отличие от гостиниц (главное предназначение которых — давать пристанище богатым путешественникам), пивные существуют для развлечения клиентов, так что там можно встретить интереснейших персонажей, от извозчиков до строителей, плотников, пекарей, паломников, шутов, воров, проституток, торговков рыбой, гонгфермеров, бедняков и разнорабочих.

Дома аристократов

Если уж говорить о хорошей еде, то самую лучшую вы найдете в доме аристократа. Лучшие и наиболее разнообразные блюда подают за обедом самому лорду. Слуги и лакеи

уже давно съедят свои порции и уйдут из холла, а аристократ со своими спутниками всё продолжит насыщаться — перед ним будут ставить все новые и новые подносы. То же будет и за ужином, хотя это не такой обильный прием пищи. На завтрак слугам даже не поставят столов. Им нужно работать, а, по общепринятому мнению, излишняя еда делает работника ленивым. Так что в холле аристократического дома присутствует одновременно весь спектр средневековой пищи, и в качественном, и в количественном смысле: в дальнем конце холла подают сравнительно небольшие порции похлебки, а вот на столе лорда стоят самые дорогие блюда, где щедро используются красители и специи.

Еда и питье в резиденции лорда подчиняются правилам, намного более сложным, чем смена времен года и экономическая необходимость. Вдобавок к соблюдению постов, установленных церковью, аристократам конца XIV века приходится следовать еще и законам, ограничивающим количество пищи. С 1363 года даже лорду закон не позволяет есть за обедом более пяти блюд: стареющий Эдуард III пытался ограничить расточительность подданных. По тому же закону джентльменам разрешалось есть три блюда, а слугам два. Из этих двух только одно может быть мясным или рыбным. Букве этого закона не всегда следуют, но тем не менее он дает вам более-менее ясное представление о протоколе. Вы джентльмен? Если да, то вас посадят с другими джентльменами и кормить будут соответствующим образом.

Давайте предположим, что вас посадили за главный стол, на скамью по правую руку от аристократа — это очень почетное место. Прежде чем сесть, вам нужно будет обязательно помыть руки. Слуга-водонос польет вам руки из кувшина, вода сольется в таз, который держит другой слуга. Мыла нет, но третий слуга даст вам полотенце. Затем капеллан лорда произнесет молитву, принесут первую перемену блюд и поставят его перед лордом. Он возьмет поднос и начнет есть с блюд, стоящих перед ним. После того как он всё попробует, поднос передают дальше.

Первая перемена обычно состоит из вареного или запеченного мяса под соусом — может быть, даже мясного фарша под винным соусом со специями или мясных шариков в желе. Пример первой перемены из пяти блюд, которую могут подать лорду: засоленная свинина с горчицей, мясная похлебка (с говядиной или бараниной, вином, травами и специями),

еще одна похлебка с курицей или вареной свиной, тушеный фазан или лебедь и мясной фриттер (обычно его делают из требухи). Одно из популярных первых блюд — «леш ломбар» (*Leche Lombard*). Его делают из свинины, яиц, перца, гвоздики, смородины, фиников и сахара, которые варят в пузыре (как телячий рубец), затем нарезают и подают с обильным соусом. Другое популярное блюдо — «мортрус» (*mortrews*): курица и свинина с хлебными крошками, powder forte, сахар, шафран и соль. Или, может быть, вы предпочтете вареную оленину с миндальным молоком, луком, рисовой мукой и вином, окрашенную алканой (темно-красный цвет) и приправленную powder douce?

Еду обычно готовят «порциями» (*messes*) на две—четыре персоны, которые все вместе съедают за столом. Перед вами ставят несколько блюд. Не думайте, что можете забрать себе всю порцию: немалую часть нужно оставить. Остатки, в том числе подносы из хлеба, после обеда отдают беднякам. Кроме того, выбирая из пяти блюд, вы легко можете объесться в первые же несколько минут. Старайтесь так не сделать: обед продолжается около двух часов. Подадут три перемены, состоящие из нескольких блюд, с которых вы должны взять по небольшому кусочку, а каждая перемена блюд будет, в свою очередь, разделяться еще и «промежуточной» переменной. Как видно, еда в аристократическом доме — это не только способ утолить голод, но и вопрос чести.

После первой перемены с вареным и тушеным мясом в пикантных соусах будет небольшой перерыв: подадут фрукты или орехи для «промежуточной» перемены. Их не всегда нужно есть: иногда на них просто смотрят, особенно во время большого пира. Может быть, вы даже воочию увидите «двадцать четыре дрозда, запеченных в пироге». Любителям птиц не нужно беспокоиться: пирог сначала пекут, потом охлаждают. Только после этого в него сажают живых птиц, так что, когда пирог разрезают, они действительно начинают петь, а потом разлетаются по всему залу.

Вторая перемена — это жареное мясо. Именно здесь лорд по-настоящему демонстрирует свое богатство, подавая красиво нарезанное экзотическое мясо. Вы отведаете мясной похлебки, мяса в желе, жареного оленя, олененка, козленка, крольчонка, дрофу, аиста, журавля, павлина, цаплю, куропатку, вальдшнепа, ржанку, белую цаплю, жаворонков... Список можно продолжать и продолжать. Мальчишки-слуги расскажут вам, что практически

каждое животное нужно разделывать по-своему. Селезней не режут, а «расслабляют» (unbrace). Если вы режете курицу, это называется «испортить» ее (spoil). Цапель «расчлняют» (dismemberment), кроликов «расшнуровывают» (unlace) и так далее. Если вы достаточно молоды, чтобы прислуживать лорду, то нужно знать все эти термины и уметь обращаться с парой разделочных ножей (вилок нет). Когда гофмаршал приказывает вам «заправить этого каглуна», «разделить оленя» или «показать журавля», то вы должны точно знать, как именно подать соответствующее блюдо лорду. Это нелегко, особенно зимой, когда единственные источники света на темной кухне — камышовые свечи и печки.

Когда будете выбирать вкусные кусочки вторых блюд, не забывайте, что вас ждет еще и третья перемена. Там обычно подают самых маленьких и нежных на вкус животных вроде жареных кроншнепов, воробьев и стрижей. Вместе с ними вы можете получить вареную айву, терносливы в вине, яблоки и груши с сахаром или сиропом, фруктовые компоты или фруктовую похлебку. Англичане из высшего общества любят фрукты не меньше, чем простолюдины. Сливы, терносливы, вишни и виноград подают перед обедом, чтобы возбудить аппетит. Груши, орехи, клубнику, чернику, яблоки и фруктовые смеси обычно подают после обеда — в зависимости от того, какой сейчас сезон. Вареные яблоки и груши с приправами популярны в зимние месяцы. В самом конце подадут блюдо из сыра, если, конечно, вы еще сможете есть. Заканчивается обед гипокрасом (красным вином со специями) и вафлями. Подносы и объедки уносят слуги, после чего они либо тихонько сами съедают то, что не доел лорд, либо отдают эти остатки раздатчику милостыни, который делит их между бедняками, возможно уже собравшимися у ворот усадьбы.

Вышеописанное меню — только для мясных дней. В остальные 194 или 195 дней года (Рождественский и Великий посты, а также каждая среда, пятница и суббота) едят рыбу. Подают ли на главный стол более скромные блюда, отражающие религиозную природу обычая? Да нет, конечно! В рыбный день вам на первое подадут, например, миногу, запеченную с уксусом, перцем, имбирем и корицей, пирог с гольяном или угрем, запеченную сельдь с сахаром, щуку с галантином (очень популярным соусом, который готовят из корицы, альпинии, имбиря, соли, хлебных крошек, уксуса и бульона из костей) или варенных

на медленном огне марлиня или морского петуха. После этого вы попробуете еще более дорогую рыбу. На второе вам предложат морского угря, солнечника или лосося в сиропе или же жареных тюрбо, палтуса, морского окуня, кефаль, форель, леща, морского языка, угрей миног. Генрих IV тратил на однуединственную рыбу тюрбо до 7 шиллингов. В 30-х годах шук и лещей часто подавали в королевских дворцах — Эдуард III специально покупал их для особых случаев. Ближе к концу века вам могут предложить даже карпа, хотя настоящий вкус к карпам англичане обрели только в следующем столетии¹.

Когда вы доберетесь до третьих блюд, то поймете, что аристократы и джентльмены вовсе не считают религиозный запрет на употребление мяса препятствием для кулинарных экспериментов. Ибо на третье подают совсем уж особую рыбу. Первым в списке, несомненно, стоит осетр: свежая осетрина встречается редко (обычно ее маринуют в бочках, чтобы сохранить подольше), но если вам все-таки удастся заполучить свежего осетра, то он обойдется вам в 35 шиллингов². Как и лосось, лещ, линь и щука, осетр считается подобающим подарком королю от графа или герцога. Лосось под соусом — любимое блюдо одного из величайших военных героев века, Генриха, первого герцога Ланкастера. Кроме того, вам могут подать морского леща, окуня в желе, жареную сельдь и морепродукты (в частности, труборогов, мидий и креветок). Но это — лишь малая часть огромного разнообразия, с которым имеют дело повара. Дело даже не в том, что многие рыбы просто не попали в вышеприведенный список, например мерланг, камбала, морская щука, голец, пикша, рыба-меч, елец, морская собака, хек и еще пара десятков, — а в том, что англичане едят таких животных,

1. Карпы вместе со щуками были куплены Генрихом Ланкастером в Венеции в 90-х годах XIV века. См. Smith, Expeditions, p. 217. Франклин в чосеровских «Кентерберийских рассказах» держит шук и карпов.
2. Smith, Expeditions, p. 97. Он заплатил пять ноблей и одиннадцать скотов (пруссские монеты) за одного свежего осетра и одну морскую свинью. В тех же счетах упоминается, что две морские свиньи стоили двенадцать скотов. Один нобль равнялся двадцати четырем скотам, так что осетр, получается, обошелся примерно в 5¼ ноблей, или 35 шиллингов по английским деньгам.

которых вы даже съедобными никогда не считали. Номинально все киты находятся в собственности короля, но обычно, если кит выбросится на берег, его мясо растаскивают все, кто оказался поблизости. Тюленей, морских свиней, дельфинов, белощеких казарок, тупиков и бобров считают рыбами, потому что они срываются в реке или в море, так что их с удовольствием едят, причем даже не в мясные дни. Средневековые познания о рыбах в море, возможно, довольно ограничены — летописец Томас Уолсингем верит, что дельфины могут перепрыгивать паруса кораблей, — но вот знания о рыбах, выловленных и принесенных на кухню, практически идеальны. Достаточно услышать разделочные термины — «заправь (*sauce*) эту камбалу», «проколи (*barb*) этого омара», «сбрызни (*splat*) эту шуку», «нашинкуй (*culpon*) эту форель» или «порежь на куски (*tranche*) этого осетра», — чтобы понять, что повара знают свое дело¹.

Вам, несомненно, очень интересно, откуда у аристократов берется вся эта рыба. В конце концов, рыба очень быстро портится, а везти ее с побережья приходится очень долго. Бочку осетров не получится везти со скоростью больше 20 миль в день, да и бочку сельди, если уж на то пошло, тоже. Ко всему прочему, сети рыбацких судов сравнительно малы и не очень прочны, так что постоянно нуждаются в починке. Ответ прост: самая удаленная от моря часть Англии лежит всего в 70 милях от него, а большая часть страны — и вовсе всего в 40 милях. Некоторые из самых оживленных морских портов расположены вдаль от моря на больших реках — например, Глостер стоит на реке Северн. Рыбу можно перевозить живой в бочках — именно так, ко всему прочему, перевозят устриц, мидий, труборогов, омаров и крабов, которых богачи в больших количествах едят в Великий пост. Угрей тоже перевозят живыми в бочках прямо от рек, в которых их выловили, а шуки хорошо хранятся в кадках. На большинстве рек стоят плотины и верши, так что плотву, линей, ельцов и лещей просто вынимают из рек и складывают в проложенные мокрой травой корзины. Кроме того, верши ставят и в эстуариях рек, так что морских лисиц, морских петухов, морских лещей, лососей, серую кефаль, сельдь, макрель, камбалу и других морских рыб ловят вообще без применения сетей и рыболовецких судов. Лорды, чьи усадьбы расположены вдаль от моря, разводят

1. Эти термины см. в Furnivall (ed.), *Babees Book*, pp. 140–148, 265.

рыб в прудах. По обычаю, вся пресноводная рыба на территории усадьбы принадлежит лорду. Он либо держит постоянных рыболовов, либо иногда нанимает для ловли рыбы работников со стороны. В общем, учитывая, что в стране очень много рек, а практически любое место находится всего в двух днях пути от моря, богатые люди могут позволить себе очень разнообразное меню из свежей рыбы. А если добавить к этому маринованную, соленую, копченую и сушеную рыбу — например, киппер, соленую треску, креветок и мидий в рассоле, — то становится понятно, что аристократы в рыбе и морепродуктах недостатка не испытывают.

Мясо и рыбу сопровождают овощи и травы. Лорды, как и все остальные, выращивают на своей земле столько овощей и фруктов, сколько могут. Но отдельно овощи не подают: обычно их используют как ингредиенты для соусов к мясу и рыбе. В поваренных книгах есть рецепты фруктовых соусов для многих мясных и рыбных блюд, например «эпплмой» (из яблок) и «кислый сок» (из винограда). Многие овощи и травы — незамеченный компонент мясных похлебок для лорда и более простых похлебок, которыми кормят собственных слуг, гонцов и слуг гостей-аристократов. Повара режут и готовят лук-порей, репчатый лук, травы, листовую капусту, кочанную капусту, чеснок, горох, петрушку и бобы для похлебок, которые варят в больших котлах сразу на сто человек. Для блюд лорда, кроме всего прочего, используют цветную капусту, горох в стручках, бурачник, фенхель, иссоп и, возможно, даже пастернак и сельдерей.

Что касается хлеба — самому лорду и его гостям подадут нарезку из свежеспеченного белого пшеничного хлеба, который называют *rain d'emain* («завтрашний хлеб»). Он настолько дорог, что муку для его приготовления иногда держат даже в запертых сундуках. Важные служащие и джентльмены, подчиненные лорду, скорее всего, едят «вастель», пшеничный хлеб чуть похуже — он стоит $\frac{1}{2}$ пенса за буханку. Хлеб третьего сорта называется «кокет» — это круглая белая буханка. Пройдите дальше по залу, и хлеб там будет только хуже. В дальнем конце слуги едят коричневый ржаной хлеб, его же едят и мальчики-конюхи, которых вообще пускают в холл только на Рождество и большие пиры. Если кому-то в дальнем конце зала и достается кокет, то он уже полежал три — четыре дня.

Разных вин в погребах у аристократа намного больше, чем в любой таверне. Владельцу таверны обычно запрещается

продавать рейнское вино вместе с гасконским или испанским. Но вот лорду никто не запрещает запастись и тем и другим. Эдуард III заказал для королевского дворца в 1363 году десять 105-галлонных бочек сладкого вина, двенадцать бочек рейнского и 1600 бочек гасконского — всего 170 310 галлонов. Не всё это вино выпивают король и его спутники; немало отдают друзьям и слугам (Джеффри Чосер, например, получает галлон в день). Но, так или иначе, в доме лорда вина хватает всегда.

Старшему лакею в резиденции аристократа приходится иметь дело с объемами эля не меньшими, чем вина. Слугам и работникам тоже надо что-то пить, а вино разрешается только важным служащим. Каждому позволено выпивать галлон эля в сутки, но это чисто номинальная величина. Никто не выдает каждому по галлонному графину, чтобы тот выпил его за день. Есть четкие разграничения: кто пьет самый лучший эль, кому достанется второсортный, а кому — третьесортный. Обычно эль варят в домашней пивоварне из ячменя и солода, после чего хранят, пока его весь не выпьют или остатки не испортятся. Но старший лакей может и купить эль в местных пивных — если истощились запасы или если хозяин неожиданно приехал в усадьбу, а пивовары в поместье не успели приготовить достаточно эля, чтобы хватило на всех.

Монастыри

Поставки еды и воды в монастырь — не менее сложное дело, чем в поместье аристократа. Хотя все монахи равны пред лицом Божиим, но вот в глазах друг друга они совсем не равны. Аббат получает лучшую еду, а также ужинает с аристократами, которые останавливаются на ночлег в его покоях. Некоторые монастырские служащие, в частности раздатчик милостыни, ризничий, врач и казначей, имеют право есть экзотические фрукты и лучшую рыбу, чем монахи. Если в монастыре живут конверзы, то им предоставляют собственную столовую, кухню и рацион. А тем, кто остановился в монастырском гостевом доме, и вовсе могут предложить нечто совсем другое.

С одной стороны, монастырь вполне можно сравнить с аристократической резиденцией, а аббата или priора — с лордом. Но такое сравнение чисто поверхностное. Во-первых,

настоятеля избрали сами монахи, так что его отношения с подчиненными совершенно иные, нежели между лордом и слугами. Кроме того, монастырская трапезная — запретная зона: туда пускают только монахов. Важные гости едят с аббатом в его покоях, менее важные — в гостевом доме или у ворот, где раздают милостыню. Но прежде всего уникальным обед в монастыре делают сформировавшиеся за века невероятные обычаи, связанные с употреблением мяса. Как и все остальные, монахи не едят никакого мяса по средам, пятницам и субботам, а также в Рождественский и Великий пост. Кроме того, согласно Уставу св. Бенедикта, им вообще запрещается есть мясо четвероногих животных. Однако святой Бенедикт жил давным-давно, в VI веке, и в следующие восемьсот лет монахи в христианском мире нашли множество способов обойти Устав. Эти монахи происходили в основном из богатых семей, так что с того самого дня, как они впервые садились за отцовский стол, их кормили лучшим мясом. А потом они, перейдя в лоно церкви, лишались мяса совсем. В результате многим монахам без мяса приходится очень трудно. А в Уставе говорится, что мясо есть нельзя только в трапезной... Так что во многих монастырях строят еще и второй обеденный зал под названием «мизерикорд» («место милосердия»), где мясо есть можно. Кроме того, хотя есть четвероногих животных запрещается, в Уставе ничего не сказано о поедании потрохов, которые вырезают у животных перед жаркой. Осознавая, что это не совсем соответствует духу Устава, но вместе с тем и понимая, что от прогресса никуда не деться, Бенедикт XII (папа в 1334 – 1342 годах) предложил компромисс. Если хотя бы половина монахов ест в трапезной, то остальные могут уйти в мизерикорд и есть там любое мясо, какое пожелают, если, конечно, сегодня не среда, пятница или суббота и не идут посты. Те же, кто остаются в трапезной, четвероногих есть не могут, но им разрешается есть мясо птицы и использовать в готовке печень и другие потроха. В постные дни все обязаны есть в трапезной и соблюдать соответствующие правила.

Каждый член религиозной общины имеет право выпить галлон в день — правда, служащим разрешается и больше, если они захотят. Это нельзя назвать лишениями: в монастырях варят отличный эль. Когда его выставляют на продажу, он идет по 1½ или даже 2 пенса за галлон. У нескольких монастырей

есть собственные виноградники, и они делают собственное вино, но большинство ввозит вина из Гаскони, как и многие аристократические дома. Вино пьют только в дни почитания святых, когда обед превращается в настоящий пир. К счастью для монахов, таких дней в году шестьдесят — семьдесят.

Как и в доме лорда, завтракают в монастыре далеко не все. Скорее всего, только аббату и главным служащим разрешается с утра поесть хлеба и сыра. Всем остальным приходится удовлетворяться мессой в полном соответствии со старой поговоркой «причастие — лучший завтрак». Для большинства монахов, конверзов и гостей первый прием пищи за день — обед. В трапезной он начинается с похлебки. После этого, в зависимости от того, рыбный сегодня день или нет, вам подадут трепуху (*umbles*, *овечьи потроха*, варенные в эле с хлебными крошками и специями, — их часто подают зимой), шарлет (*нарезанное мясо, яйца и молоко*), доусет (*заварной крем из молока, сливок, яиц, сахара и смородины*) или сырный пирог. Монахи-бенедиктинцы в Вестминстере каким-то образом умудрились даже добиться разрешения есть бекон, несмотря на то что уж это-то явно мясо четвероногого животного, так что бекон с яйцами (*bacon collops*) подают в трапезных незадолго до Великого поста.

В дни, когда работает мизерикорд, монахи выказывают завидный аппетит к мясу. Благодаря компромиссу папы Бенедикта любой монах может есть в мизерикорде восемьдесят шесть дней в году. Так что он с нетерпением ждет своей очереди, особенно после долгого периода воздержания, например Великого поста. Первое блюдо за обедом — почти всегда говядина. Второе — снова говядина плюс еще три вида жареного мяса: телятина, баранина, свинина или гусятина. Поздней весной едят ягнятину, зимой — вареную свинину, в остальное время — баранину. За ужином подают только одно мясное блюдо. Таким образом, большинство монахов съедят примерно четыреста мясных блюд в год. Согласитесь, вряд ли это можно назвать следованием Уставу, который предписывает вообще не есть мяса четвероногих животных.

В монашеском рационе немало рыбы. Каждый день в трапезной на обед подают жареную, вареную и запеченную рыбу. Стоит заметить, что монахи едят рыбу только на обед: на ужин они едят моллюсков, например сердцевидок и труборогов. Примерно половину рациона составляет соленая, вяленая, сушеная

или маринованная морская рыба; но, поскольку монастыри регулярно получают доходы от приходов, а то и вовсе владеют собственными поместьями, им регулярно присылают свежую рыбу. Некоторыми из крупнейших рыбных прудов в стране владеют именно монастыри — например, Грейшес-понд (Суррей), устроенный аббатом Чертси в 1308 году, имеет площадь более 35 акров, а пруды в Френсэме (тоже Суррей) — более 100. Так что в трапезной часто подают ельца, плотву и леща или любимую многими щуку в галантине. На столе у аббата, возможно, есть и более дорогая рыба: тюрбо, морской петух, морская лисица, морской язык, морской угорь и лосось. Всё зависит от того, где он ест: в своих покоях с гостем или с братьями в трапезной.

И последнее. У странствующих менестрелей есть один трюк, который вам наверняка пойдет на пользу. То, как именно принимать гостей в монастыре, решает раздатчик милостыни. Если он обойдется с вами плохо, или подаст очень маленькую порцию еды, или вы получите «гадную и жесткую постель», то идите к аббату и расхвалите до небес щедрость его дома, особенно подчеркнув, насколько щедр был раздатчик милостыни.

Милорд, благодарю вас и ваш достойный монастырь за ту радость, что я испытал здесь, ведь вы, несомненно, сильно на меня потратились; ибо ваш добрый монах, раздатчик милостыни, прошлым вечером подал мне замечательный ужин с несколькими дорогими рыбными блюдами, а еще я отведал отменного вина. А сейчас, когда я ухожу, он подарил мне новую пару ботинок, отличную пару новых ножей и пояс.

У аббата не останется выбора, кроме как принять ваши похвалы за чистую монету и купаться в несуществующей славе. Но, поверьте, раздатчику милостыни потом придется очень долго объясняться.

IX

Здоровье и гигиена

Если вас когда-нибудь спросят, хотите ли вы жить в прошедшем столетии, то, прежде чем отвечать, крепко задумайтесь о своем здоровье. Насколько же лучше жить во время, когда, если вы заболите, достаточно сходить к врачу или хирургу, чтобы рано или поздно выздороветь! Я не могу этого не сказать: главная причина, по которой средневековой Англии лучше всего избегать, — не жестокость, не плохой юмор, не ужасные дороги, не классовое неравенство, не подход к религии и ереси и не невероятный сексизм, а болезни.

Практически во всех отношениях жизнь в XIV веке куда менее здоровая по сравнению с нашей. Да, автомобильные выхлопы ваши легкие не загрязнят, равно как и табачный дым, — но во многих домах постоянно горит открытый огонь, а почти круглогодичное вдыхание дыма из печи вызывает практически такие же болезни легких. Да, фармацевтические компании не сливают (пусть даже случайно) в реки ядохимикаты, убивающие рыбу, но и без них источников загрязнения водоемов вполне хватает — от переполненных выгребных ям до убитых животных. Дети не страдают от аллергии на пыль в коврах или на чистящие средства, но этому трудно радоваться, когда почти половина из них просто не доживает до взрослого возраста. Проще говоря, если вы всё же заболите или получите серьезную травму, то в средневековой Англии ваши страдания будут куда сильнее, чем в современном мире.

Представления о болезни

Отчего вы можете заболеть? У болезней, естественно, есть множество причин. Не последняя из них — ранение мечом, стрелой, посохом или даже пушечным ядром. Врожденная жестокость общества в сочетании с почти полным презрением к здоровью и безопасности (по крайней мере, в нашем понимании) приводит к тому, что серьезные ранения очень распространены. Более того, даже если раны не смертельны, то плохие познания в медицине и гигиене часто приводят к тому, что заражение крови приводит к смерти или, в лучшем случае, ампутации конечности. Люди очень мало знают о том, как распространяются болезни и как функционирует тело. В богадельнях часто кладут серьезно больных людей вместе в одну постель, даже если они страдают от инфекционных заболеваний. О микробах ничего не знают, равно как и о кровообращении. Если в 1300 году вас найдут в бессознательном состоянии, то никто не проверит ваш пульс, чтобы убедиться, живы ли вы, — вместо этого вам на грудь поставят миску с водой, чтобы проверить, дышите ли вы. Средневековая жизнь, может быть, нездорова, но некоторые средневековые медицинские идеи еще более нездоровы. Это своеобразное сочетание мистических обрядов, культовой религии, домашнего изобретательства и кунсткамеры.

По общепринятому мнению, самая распространенная причина болезни — божественная воля. Поскольку все происходит благодаря Богу, значит, и недуги тоже приходят от него. Некоторые даже утверждают, что, поскольку Бог есть любовь, болезни и страдания — это тоже проявление божественной любви. Отсюда идея, что с помощью болезней и физических страданий Бог очищает человеческую душу. Недуг считают огнем, в котором испытывается и закаляется вера человека в Божье милосердие. Именно поэтому люди с такой готовностью ищут исцеления не только в медицине, но и в религии. Даже если медику удастся успешно вылечить пациента, то считается, что в этом ему помогло Божье милосердие. На церковные алтари часто подвешивают маленькие восковые изображения рук и ног: это votivные подношения, с помощью которых страдалцы просят Бога избавить их от болезни.

Или, по крайней мере, позволить врачу или хирургу стать проводником для божественного исцеления. Без религиозных «средств» на медицину никто не надеется.

Другие идеи о происхождении болезней связаны с астрологией. Когда король Франции спросил профессоров медицинского факультета Парижского университета, могут ли они объяснить причины Великой чумы 1348–1349 годов, достойные ученые мужи ответили, что эпидемия наступила из-за

важной конъюнкции трех высших планет знака Водолея, которая вкупе с другими конъюнкциями и затмениями вызвала пагубное загрязнение окружающего воздуха; кроме того, это знак смерти, голода и других бедствий.

Объяснение продолжается:

Конъюнкция Сатурна и Юпитера предвещает гибель народов и вымирание королевств... Конъюнкция Марса и Юпитера вызывает страшные болезни в воздухе.

Подобные парады планет, как считается, ведут к локальным миазмам: накоплению зловонного воздуха и пагубных испарений. Затем эти миазмы разносит ветер, и через поры в коже они попадают в организм человека. Внутри они нарушают баланс «влаг» (субстанций, которые якобы контролируют работу тела), и люди заболевают.

Парады планет и звезд влияют на здоровье и отдельных людей, а не только целых поселений. В одни фазы луны кровопускание считается полезным, в другие, напротив, вредным. Специалисты-астрологи определяют срок возможного восстановления пациента, основываясь на расположении планет в день, когда он заболел. Даже секс во время определенного положения луны и планет считается вредным — хоть между супругами, хоть вне брака, хоть с проституткой. Некоторые медики, ссылаясь на работы прежних времен, утверждают, что движение определенных планет контролирует функции органов: Меркурий — мозга, Юпитер — печени и так далее. Так что диагностика состоит не только из объявления божественной воли главной причиной болезни.

Подобные системы сложны, возможно, даже хорошо проработаны, но вот медицинские познания в целом безнадежно

далеки от совершенства. Рассмотрим, например, как в конце века работает медик Джон Мирфильд, священник и советник при госпитале Св. Варфоломея в Лондоне. Он предлагает собратьям-врачам следующую процедуру для определения того, выживет ли пациент:

Возьмите имя пациента, имя гонца, которого послали за вами, и название дня, в который гонец пришел к вам. Сложите все буквы, и если получится четное число, то пациенту не выжить; если же нечетное, то он выздоровеет.

Подобными нумерологическими ухищрениями занимается не один Мирфильд. Для диагностики можно использовать, например, сферу Апулея: каждой букве алфавита придается свое числовое значение, цифры складываются, из суммы отнимают тридцать и по результату определяют, умрет ли пациент. Учитывая, что стандартизированного написания имен тогда еще не было, метод просто невероятен: он, по сути, представляет собой сложение неизвестного числа случайных переменных с получением, естественно, случайного результата — или, как сказал бы Мирфильд, «божественного провидения». Вот еще один диагностический совет от Мирфильда:

Найдите на лугу лапчатку; срывая ее, прочитайте молитву «Отче наш» ради пациента. Затем вскипятите ее в новой чашке с частью воды, предназначенной для питья пациента; если, закипев, вода окрасится в красный цвет, значит, он умрет.

К таким «методикам» очень хочется подойти со всем возможным цинизмом. Хотя, собственно, к ним невозможно относиться без цинизма. Если диагностику провести по первой «процедуре», обречены пятьдесят процентов пациентов. Если по второй — возможно, вообще всё. Учитывая всё вышесказанное, вы, возможно, даже порадуетесь, узнав, что в большей части Англии врачей нет вообще.

Представления о происхождении болезней могут показаться вам совершенно дикими, но даже они открывают нам нечто важное. Средневековые люди не невежественны, если под невежеством понимать отсутствие каких-либо знаний.

Дело просто в том, что их знания очень отличаются от наших. У них, возможно, не меньше медицинских «знаний», чем у нас, только вот основаны они на астрологии, травничестве, религии, небольшом личном опыте, философии, фундаментально ошибочных идеях о функционировании тела, множестве слухов и сильном отчаянии. Если посмотреть на работу врачей и хирургов (за которую они получают деньги) под таким углом, то сразу становится понятно, что они обладают огромным количеством информации и богатым опытом. К сожалению, большая часть этого опыта и информации никак не поможет вам справиться с болезнью, а некоторая их часть очень опасна, если не сказать смертоносна.

Медицина, которой учат в ведущих христианских университетах, находится под сильным влиянием учений двух врачей Древнего мира: Галена и Гиппократ. Не важно, где обучается будущий бакалавр медицины — в английском университете или за рубежом (например, в Париже, Салерно или Болонье), — ему объяснят, что вся вселенная состоит из четырех основных элементов: огня, воды, земли и воздуха. Эти элементы находят свое отражение в четырех основных влагах нашего тела: холере (желтой желчи), флегме, черной желчи и крови. В идеальном случае все влаги находятся в равновесии. Однако из-за болезней, миазмов или старости влаги выходят из равновесия, и ваше здоровье страдает. Когда в организме избыток желтой желчи, ваш темперамент становится холерическим. Избыток флегмы делает вас флегматиком, черной желчи — меланхоликом, а крови — сангвиником.

На вид все довольно прямолинейно, хоть и изначальная идея ошибочна. Но уж какой-какой, а «прямолинейной» эту идею назвать нельзя. Одна из причин, по которой теория влаг пользуется такой популярностью, — именно ее сложность и запутанность. Числовая гармония (четыре элемента, четыре влаги и так далее) позволяет постоянно «совершенствовать» теорию, добавляя всё новые сложные надстройки. Если два человека получили одинаковые ранения — скажем, удар мечом в предплечье, — то врач будет лечить их по-разному в зависимости от того, сангвиники они или меланхолики. Более того, если два человека больны одной и той же болезнью, то лечить их будут совершенно по-разному в зависимости от того, как выглядит их моча. Врач возьмет у обоих анализы и оценит их цвет, запах и мутность.

Если моча сверху молочного цвета, снизу темная, а посередине чистая — это симптом водянки. Но вот красноватая моча у больного водянкой — признак скорой смерти... моча, красная, словно кровь, говорит о лихорадке, вызванной избытком крови; как только Луна войдет в созвездие Близнецов, необходимо кровопускание. Зеленая моча, выделяющаяся после красной, говорит о воспалении, о смертельном заболевании... моча цвета шафрана, густая, пахучая и пенистая, — симптом желтухи...

Еще врач может исследовать кал и кровь пациента. Для постановки некоторых диагнозов врач должен попробовать кровь пациента на вкус. Вы, наверное, испугаетесь, узнав, что врач, скорее всего, даже не посетит вас лично, а поставит диагноз на основе расположения звезд, цвета и запаха вашей мочи и вкуса крови.

Грязь и чистота

Каково определение чистоты? Большинство людей отвечают на такой вопрос, исходя из личного опыта. Они знают, что кухонный стол становится чистым, если с него убрать всё, что его пачкает, а потом протереть чистящим средством. Но они дают определение процессу наведения чистоты, а не чистоте как таковой. Средневековые люди поступают примерно так же, правда, основываясь на процессах, известных им. Считать средневековую кухню «грязной» только потому, что ее не обрабатывали современными чистящими средствами, — неверное применение стандартов. Это всё равно, что если бы кто-нибудь из будущего сказал нам, что наша кухня грязная, потому что мы не обработали ее специальным суперсредством, изобретенным в XXIII веке.

Чистота имет несколько «уровней». Для нас самый важный параметр чистоты — отсутствие определенных микробов. Но теория микробов появилась лишь в конце XIX века, так что средневековые люди уж точно не подозревают даже об их существовании, не говоря уж о распространении. Вместо чистоты от микробов (и в качестве приложения к идее, что болезни — это проявление Божьей любви) у них существует

понятие духовной чистоты. Оно включает в себя, в частности, список определенных запахов, являющихся в буквальном смысле райскими. Когда умирают святые, в воздухе возникает благоухание, словно при одновременном открытии множества флаконов с парфюмерией: так называемый запах святости. Для большинства людей эта форма чистоты, святая сладость, намного важнее, чем помытые уши. Если человек чист духовно и безгрешен, то ему с меньшей вероятностью придется проходить через очищение болезнью и искать искупления через Божье милосердие. Его запах будет сладок для всех. Он не будет источать греховное зловоние. В современном мире эквивалента «духовной чистоте» нет. Мы пользуемся влажными антибактериальными салфетками.

Начав рассматривать идеи о чистоте с такой точки зрения, вы вскоре поймете, что у чистоты есть много разновидностей. Домашняя чистота, кулинарная чистота, чистота улиц, личная гигиена — всё это можно добавить к духовной чистоте. Все они очень важны, хотя, например, чистоту улиц поддерживать невероятно сложно. Услышав, как современные люди походя называют Средневековье «грязным», представьте себе домохозяйку XIV века, которая, засучив рукава, подметает холл, протирает столешницу, чистит одежду всей семьи, вытирает столовые приборы и промывает посуду. Представьте, как она с беспокойством рассматривает приближающуюся тучу, выложив на просушку постельное белье. Естественно, не за всеми домами так же хорошо ухаживают, но плохо пахнущие дома считаются рассадником греха, порчи и гнили. Никому не хочется, чтобы на него повесили такой ярлык; все стремятся к прямо противоположному: чистоте и респектабельности. В деревнях и городках, где все друг друга знают, чистота дома — это даже не просто вопрос порядочности. Это может быть важной составляющей вашей репутации.

Сложные отношения между чистотой, самосознанием, гордостью и респектабельностью требуют от людей содержать в чистоте и себя лично. Наибольшее внимание привлекают лицо, зубы, кисти рук, туловище, ногти, борода и волосы. Можете себе представить, чтобы аристократ явился ко двору немытым, в грязной одежде, не задумываясь о том, что подумает о нем король и другие лорды? Чтобы король выбрал себе посла, который даже не может содержать себя в чистоте? Воняющий посол опозорит

всё королевство. В реальной жизни мужчины и женщины являются представителями друг друга: иждивенцами, родственниками, союзниками, друзьями. Их внешний вид в том числе подчеркивает статус и достоинство их близких и уважение, которым пользуются они и их друзья. Если вы пахнете, словно миазм, то люди будут избегать вас, как чумы. Вас посчитают аморальными, грешными или даже сумасшедшими. Если вы пахнете хуже, чем простолудин, то не сможете ходить с гордо поднятой головой среди аристократов. Хотите, чтобы к вам относились серьезно? Хотите общаться с теми, кто стоит выше вас в обществе? Тогда постарайтесь пахнуть не как навозная куча во дворе, а как лаванда, рассыпанная по свежим камышам в вашей подстилке.

Одно дело — говорить об идеале чистоты, но вот достичь его — уже совсем другое. Методы разнятся в зависимости от богатства и общественного положения. Представители низов общества, которым приходится работать со зловонными материалами, отлично понимают необходимость ежедневного мытья. Лондонские золотари, например, в конце рабочего дня купаются в Темзе¹. Младенцев, завернутых в льняные пеленки (в идеальном случае — ароматизированные розовыми лепестками, протертыми с солью), регулярно купают. Те, кому не приходится каждый день работать по горло в нечистотах, купаются менее регулярно: греть воду для ванны — очень долгий и трудоемкий процесс. Но вот отдельные части тела они моют регулярно. С утра любой уважающий себя человек моет руки и лицо — то, что видно всем. Умываются обычно с помощью таза с водой. В монастырях обычно есть каменные умывальники или общественные фонтаны и тазы для умывания рук и лица, а также шкафы с полотенцами поблизости. Кроме того, перед каждым приемом пищи и после него все обязательно моют руки — и лорды с леди, и слуги, и монахи, и купцы, и путешественники в гостинице. После долгого путешествия обычно полагается мыть ноги в тазике для ног. Монахи моют ноги еженедельно, то же делают и многие обычные люди. Что же касается полноценных ванн, то монахи-кляунийцы принимают их дважды в год, бенедиктинцы — четырежды; только самые богатые купаются чаще. Тем не менее люди регулярно моют руки, ноги и лицо, так что они вовсе не настолько грязны, как вы могли подумать.

1. О случае с Уильямом Вумбом см. Woolgar, Senses, p. 129.

Для аристократов и богатых купцов, подражающих аристократическому образу жизни, купание — не только роскошь, но и способ помыть всё тело. В конце концов, прием ванны — это королевская привычка. В прошлом веке король Иоанн принимал ванну каждые три недели. Генрих IV незадолго до коронации основал орден Бани, чтобы подчеркнуть важность благородного ритуала купания — физического и духовного очищения — для будущих рыцарей. В ванной комнате короля Эдуарда I была даже проточная вода, которую открывали медными кранами. Эдуард III построил в своих дворцах несколько ванн; в некоторых из них была не только холодная, но и горячая проточная вода. В ваннх, обычно обложенных плиткой, лорды ставят деревянные ванны. Их прокладывают тканью. Ванну наполняют из кранов (в королевских ваннх) или из котлов с горячей водой. В воду добавляют лепестки роз, специи, травы и другие источники сильных запахов. Обычно над ванной вешают полог, чтобы сидящего в ванне не продуло и чтобы сохранить тепло. Лорду дают большую губку, на которую он садится, а слуги моют его тело теплой розовой водой. В некоторых случаях в больших ваннах могут одновременно купаться двое мужчин или муж и жена. Они попивают прохладительные напитки, слушают игру музыкантов и наслаждаются теплой ароматной водой. В такие моменты жизнь прекрасна.

Роскошное купание, особенно в компании противоположного пола, несет в себе определенную долю распутства. Так что будьте осторожнее в публичных купальнях и банях. В Саутуоркских банях вы, конечно, найдете немало горячей воды и пара, но женщины-фламандки, которые там заправляют, могут предложить вам не только потерять спину. Мытьем тел, как и стиркой одежды, занимаются только женщины, так что, когда обнаженного богача купает полуголая незамужняя бедная женщина, не может не возникнуть искушения. Особенно учитывая, что проституция в большинстве городов негласно разрешена. Не стоит и говорить, что такое купание способствует скорее распространению заболеваний, чем их предотвращению.

Учитывая, что публичные купальни в первую очередь обеспечивают удовольствие, а не чистоту, как удастся простолюдинам, их женам и детям избавиться от миазмов под одеждой? Опять-таки, прежде всего стоит сказать, что некоторые люди действительно воняют. Старые, ослабшие люди, которые уже

не могут искупаться в реке или помыться в тазу, полностью зависят от тех, кто за ними ухаживает, а если они живут одни, то могут и вовсе не мыться. Крестьянин-холостяк, у которого из одежды есть всего одна рубашка и туника, обычно считает стирку одежды частью процесса мытья. Учитывая, что мужчины вообще ничего не моют, кроме тарелок, этот процесс происходит довольно нечасто. В начале века крепостные очень редко моются целиком: они больше заботятся о чистоте лица и рук, а также внутренней, или духовной, чистоте¹. Для них запах немытого тела — символ мужской силы. Весь уход за собой ограничивается тем, что жена периодически стирает рубашку и удаляет из нее вшей. Но к концу века люди стали внимательнее относиться к запахам: популярной (особенно в городах) стала парфюмерия, особенно мускус, цибетин, лаванда и розовая вода — надушившись ею, вы в буквальном смысле «пахнете розами». Летом часто купаются в реках: под конец дня сходить на реку вместе с другими работниками поместья — отличный способ отдохнуть. Искупавшись, вы еще и избавитесь от надоедливых насекомых, поселившихся на немытой коже. Ведущий английский врач Джон Гаддсен особенно рекомендует для избавления от паразитов купаться в соленой или сернистой воде. Он считает, что таким образом прочищаются поры, где размножаются вши.

Когда вши и клопы сильно портят жизнь, а вы при этом пытаетесь еще и избавиться от неприятного запаха тела, то нет ничего важнее, чем хорошее чистое белье. Сам Гаддсен рекомендует регулярно менять одежду. Зимой, когда очень немногие рискуют купаться в реке или даже раздеться до пояса, чтобы помыть подмышки, самый распространенный способ очистки тела — свежий лен. Лен впитывает пот. А затем, воспользовавшись парфюмерией, можно и на люди снова выйти.

Да, скажете вы, это всё хорошо. Но насколько чист лен? Насколько чиста другая одежда? Разве при валке сукна не используется моча? Отчасти вы будете правы: мочу использовали вплоть до 1376 года. Но валка — это просто способ обработки шерсти. Прежде чем надеть одежду, ее красят и моют с мылом. В Англии доступно мыло нескольких разнообразно-

1. Это основано на примере Монтайу, французского города XIII века. См. Le Roy Ladurie, Montaillou, p. 142.

стей. Лучшее — кастильское, которое продают в брикетах (*cakes*). Его делают в Испании из средиземноморского, более слоеного поташа, так что мыло получается более твердым и менее едким, чем в Северной Европе. Стоит оно 4 пенса за брусок. Более дешевое белое, серое и черное хозяйственное мыло производят в Англии. Этот вид мыла жидкий (одна бочка в 80-х годах XIV века стоила около 13 шиллингов 4 пенсов); для использования его сливают в миски. У прачек, склонившихся над тазами и стиральными досками либо утаптывающих одежду в ручье, на ногах от черного мыла серые пятна. Естественно, черным мылом белый лен стирать нельзя, так что приходится покупать более дорогое, белое. Жидким мылом нельзя мыть руки, оно тут же повредит кожу — достаточно взглянуть на волдыри, покрывающие руки и ноги прачек. Но зато его много где можно достать: Генрих Ланкастер обновил запасы мыла, отправляясь в крестовый поход в Пруссию в 1391 году. В некоторых городах даже можно взять в аренду тазы и стиральные доски: Генрих поступил именно так, в 1396 году посетив Кале¹. Если у вас достаточно денег, то вы сможете быть чистыми где угодно.

Отношение к волосам более сложное. Мужчины требуют от женщин в семье, чтобы те расчесывали им волосы, сидя у окна — так легче увидеть в волосах вшей и раздавить их. Но слишком частое расчесывание волос у мужчин не приветствуется. Моралисты пишут целые трактаты, в которых осуждают датчан — те якобы настолько себялюбивы, что каждый день причесываются, а каждую неделю принимают ванну. Женщины тоже попадают под огонь критики, в основном тоже из-за того, что уход за волосами считается себялюбием. Но не обращайтесь внимания на моралистов: большинство всё-таки ценит чистоту. К тому же, поскольку женщинам запрещается появляться на людях с распущенными волосами, им приходится либо носить головной убор, либо делать прическу. А сделать прическу, предварительно не расчесавшись, невозможно. И мужчины, и женщины регулярно моют голову, для чего используют медные тазы. Вместо едкого мыла используется состав из пряностей, в частности корицы, солодки и кумина.

1. О мыле в крестовом походе см. Smith (ed.), *Expeditions*, pp. 63, 85, 164. Его прачке Изабель заплатили 6 пенсов за аренду корыта и стиральной доски в Кале. Wylie, *England under Henry IV*, ii, p. 51.

Похожими смесями пользуются и для чистки зубов. В «Рассказе Мельника» персонажи Чосера жуют кардамон и солодку. Женщинам иногда рекомендуют анисовое семя, кумин и фенхель. Это делается скорее не для профилактики болезней зубов, а для того, чтобы изо рта приятно пахло. Свежее дыхание важнее всего. Зловонное дыхание, как считается, приводит к болезням. Дыхание женщины во время менструации может заставить загноиться рану, равно как и дыхание врача, недавно переспавшего с женщиной во время менструации (по крайней мере, так скажет вам хирург из Ноттингемшира Джон Ардерн — судя по всему, это случаи из его практики). По тому же принципу считается, что дыхание прокаженных вызывает проказу, поэтому их изолируют от общества. В общем, ухаживают за полостью рта в первую очередь ради свежего запаха, а не сохранения зубов. Из-за этого уход за зубами может превратиться в настоящую пытку. Во время перемалывания зерна в муку могут попасть небольшие камешки, а зубам от них не слишком хорошо. Всё большая доступность сахара привела к тому, что кариес в XIV веке распространился шире, чем в англосаксонские времена. В среднем у взрослых англичан на момент смерти не хватает четырех шести зубов. Врачи скажут вам, что зубные боли вызывают маленькие червячки, поедающие эмаль. В качестве лекарства предлагают мирру или опиум. Если у вас нет на них денег, то «возьмите свечу из бараньего жира, добавьте в нее семена синеголовника и сожгите эту свечу как можно ближе к зубу, держа внизу таз с холодной водой. Черви [которые грызут зуб] упадут в воду». Как вариант, можете обратиться к зубному врачу, который вырвет вам зуб. А потом, как Джон Гаддсен, просто вставьте протезы.

Болезни

Разницей между средневековой и современной личной гигиеной можно объяснить лишь небольшую часть физических страданий. Намного более серьезные факторы — плохое питание, антисанитария (в частности, близость фекалий и гнилого мяса), паразиты и общее жизненное пространство. Как бы часто вы ни мылись, само присутствие других людей вокруг неизбежно приводит к распространению болезней, как и в наше время. Даже если

вы отрешитесь от мира и уйдете в монастырь, это может вас не спасти. Более того, от этого может стать даже хуже, потому что монахи едят, молятся, поют, спят и работают очень близко друг к другу. Ожидаемая продолжительность жизни монахов в городских монастырях Вестминстера и Кентербери примерно на пять лет меньше, чем у людей, живущих вне монастырей¹. Если вы монах или живете поблизости от города, это может пагубно сказаться на продолжительности вашей жизни, несмотря на хорошую санитарию и намного лучшее питание.

Чума

Вы не представляете, насколько разрушительное воздействие на общество способна оказать болезнь. Когда вы увидите людей, пожранных изнутри, словно в них поселилось какое-то невидимое существо, когда посмотрите на лица матерей и отцов, чьих младенцев, которых они только вчера целовали на ночь, рвет кровью, то, может быть, начнете хоть чуть-чуть представлять. Если же вы попадете в Англию 1348 года, то быстро избавитесь от всяких иллюзий, что хоть кто-нибудь может пережить эту ужасную болезнь, и окажетесь лицом к лицу с вполне реальной перспективой гибели человечества. Многие действительно верили, что Бог оставил род людской. Вот тогда вы по-настоящему поймете, насколько разрушительна чума.

Великая чума (термин «Черная смерть» появился только в XIX веке) — это одно из ужаснейших событий за всю историю человечества, сравнимое разве что с мировыми войнами. Она появилась в Восточном Средиземноморье в 1347 году, добралась морскими путями до Франции, Южной Испании и Италии, а к августу 1348 года по континенту достигла Англии. Чума сильнее всего потрясла общество. Она уничтожила огромную часть населения, целые районы страны обезлюдели. Четко обозначила все ограничения и профессиональной, и любительской медицинской помощи. Ни один доктор, ни одно лекарство не могли помочь жертвам; никто не мог

1. Harvey, *Living and Dying*, p. 128. Сравнительная цифра основана на более поздней статистике по тем немногим годам, по которым сохранились и приходские реестры, и монастырские записи.

ухаживать за умирающими, чувствуя что-то, кроме отвращения и отчаяния. Наконец, чума показала, насколько неадекватна система «трех сословий». Если «те, кто молятся», не смогли защитить народ, а «те, кто сражаются», просто сбежали, почему «те, кто работают», должны их кормить? Ко всему прочему, чума еще и заставила всех пересмотреть отношения между Богом и человеком. Эта ужасная болезнь поражала не только грешников, но и невинных. Если чума — тоже творение Бога, то он неразборчив в своих суждениях.

По свидетельству папского лейб-медика Ги де Шолиака, наиболее смертоносна чума в первые два месяца эпидемии — постоянная высокая температура и кровохаркание. Она убивает за три дня, иногда — за несколько часов. Затем первая стадия проходит, и наступает вторая, чуть менее страшная. При ней тоже держится постоянная высокая температура, но, кроме этого, в паху и подмышках начинают расти нарывы и черные бубоны. Бубонная чума убивает за пять дней. Те, кто подхватил чуму во время первой волны, могут умереть за ночь. Бывало так, что больные ложились спать и уже не просыпались. Им повезло. Если вы почувствовали, что что-то не так, и у вас начала подниматься температура, то поднимите руку и прощупайте подмышку. Если возникли болевые ощущения, то вам осталось жить несколько часов.

Часто цитируемая цифра о трети погибших — «треть всех людей в мире», как писал хроникер-современник Фруассар, — возможно, заставила вас предположить, что две трети населения пережили болезнь. Это не так. Заразившись чумой, вы, скорее всего, умрете. Выжили в подавляющем большинстве те, кто не заразился благодаря некоей природной или генетической защите или, может быть, удаче. Если чума добирается до монастыря, то умирает половина монахов, иногда — больше. В Питерборо, графство Нортгемптоншир, умерло тридцать два монаха из тридцати четырех. В Хенвуде, графство Уорикшир, осталось всего три монахини из пятнадцати. Стремительно распространяются страшные слухи — что в некоторых городах люди умирают десятками тысяч, а в Бристоле уже умерло девять десятых всего населения. Вся страна охвачена паникой. Никто не может сказать, сколько на самом деле погибло народу. В Лондоне каждый день хоронят по двести человек. Клерки, составляющие епископальные реестры, лучше всего могут оценить масштабы смертности:

они, по крайней мере, видят, сколько умерло священнослужителей. В епархиях Йорка и Линкольна в 1348–1349 годах умерло сорок процентов всех приходских священников — некоторые из них заразились, соборую умирающих прихожан. На дальнем юго-западе, в Херефордшире, цифра еще выше — почти пятьдесят процентов. Крестьянам пришлось не лучше: наполовину вымершее поместье — обычное дело. Умерло пятьдесят пять процентов арендаторов земли в двадцати двух поместьях, принадлежащих аббатству Гластонбери; сорок три процента арендаторов в трех поместьях в Эссексе; тридцать девять процентов арендаторов земли епископа Винчестерского. Чтобы сопоставить масштабы, вспомните, что всего шесть процентов взрослых мужчин Великобритании погибли за четыре года Первой мировой войны а общая смертность составила и вовсе 1,55%¹.

Вот совет Ги де Шолиака тем, кто хочет избежать инфекции: «Уезжайте быстро и подальше, возвращайтесь не скоро». Совет хороший, но последовать ему могут немногие. Среди тех, кому удалось так сделать — дворян и эсквайров, — смертность чуть меньше, двадцать семь процентов. Но даже если вы переживете эпидемию 1348–1349 годов, то не считайте, что находитесь в безопасности. Великая чума — лишь первая из нескольких волн чумы, прокатившихся по Европе. Если вам повезло в 1348–1349 годах, то вы вполне можете подхватить ее в 1361–1362, 1368–1369, 1375 (с мелкими локальными эпидемиями в последующие годы) и 1390–1391 годах. Эпидемии 1361 и 1390 годов особенно ужасны, потому что в них погибло много детей. Во время чумы 1361–1362 годов умерло двадцать три процента молодых наследников поместий. В целом во время второй волны чумы погибло около пятнадцати процентов англичан, а во время третьей — около десяти. Несмотря на то что смертность падает, население с каждой эпидемией всё равно уменьшается. К 1400 году примерно половина всех англичан, родившихся в предыдущие семьдесят лет, умерла от чумы.

1. Население Великобритании на момент переписи населения 1911 года составляло 45 221 615 человек, из них около 40% — до 17 лет. В официальном докладе Министерства обороны 1922 года сообщается, что общее количество погибших на войне, в том числе гражданских, женщин и детей, составило 702 410 человек (1,55% всего населения).

В 1348–1349 годах погибло столько людей, что легче обсуждать статистические показатели, чем личные трагедии. Смотря на Великую чуму с безопасного расстояния из XXI века, мы, несомненно, видим и ее положительные последствия — она прижгла феодализм, освободила капиталы и направила развитие общества по более демократичному пути. Но если вы попадете в те времена лично, то испытаете сильнейший шок и от реалий как таковых, и от масштабов страдания. Вот чем ценна виртуальная история — понимание исторических событий как реально пережитых людьми, а не в виде безличных фактов. Представьте, что болезнь уничтожила сорок процентов современного населения Великобритании — более двадцати пяти миллионов человек. А теперь представьте, как какой-нибудь историк будущего рассуждает о том, какие выгоды принесла ваша смерть, смерть супруга, ваших детей и друзей... Вы, может быть, заплачете или просто опустите голову от отчаяния, узнав, что историки беспечно рассуждают о том, что хорошего принесли страдания. Нет и тени сомнения в том, что все, кого вы встретите в 1348 году, выживут они или умрут, достойны вашего сочувствия. Когда вы увидите, как женщины тащат трупы своих родителей и детей в канавы, плача и крича, когда услышите рассказ отца, похоронившего пятерых сыновей, причем по ним даже не было ни заупокойной службы, ни похоронного звона, то поймете, что их поглотила пропасть неопишуемой скорби¹. В полях лежат, гниющие трупы овец — только на одном поле их, по свидетельству Генри Найтона, 5000. Оглянитесь, и увидите воронов, летающих по опустевшим улицам, одичавших собак и свиней, пожирающих трупы, брошенные на окраине деревни, — такого никогда не видел ни один историк. Открытые двери домов зияют темнотой, они остаются открытыми и ночью и днем, пока кто-нибудь не зайдет внутрь и не найдет уже остывшее тело хозяина. Церковь запретила похоронные звоны и традиционные плачи. Даже молитвы превратились в шепот страха.

Можно было бы сказать еще многое, но не стоит. То, что вы увидите, и так достаточно вас шокирует.

1. Позаимствовано из знаменитого описания Аньоло ди Туры. Он жил в Сиене, но в Англии колокольный звон тоже запретили. Его рассказ о том, как он хоронил собственных детей, нашел бы отклик среди очень многих англичан.

Проказа

Конечно, чума — это катаклизм, лежащий за пределами человеческого понимания, но не считайте ее единственным ужасным заболеванием той эпохи. До 1348 года самой жуткой болезнью считалась проказа. Мы сейчас называем ее лепрой или болезнью Хансена, но в XIV веке под этим названием объединялись многие кожные болезни, в том числе экзема, псориаз и волчанка. Скажем так: если у вас есть заболевание кожи, от которого остаются отметины, — скрывайте это как можно дольше. Если ваши отметины кто-то увидит и посчитает, что у вас, возможно, проказа, то, в соответствии с решением Третьего Латеранского собора 1179 года, люди станут вас избегать, а вы будете обязаны носить плащ, покрывающий всё тело, и звонить в колокольчик, предупреждая всех, что идет «живой мертвец». Ваше дыхание будут считать таким же ядовитым, как миазмы вокруг выгребной ямы, и заразным, так что вашего присутствия никто не потерпит. Некоторые люди всё же могут пожалеть вас и отнестись с милосердием. Впрочем, многие жалеть вас не будут, считая, что болезнь — это божья кара за вашу греховную жизнь, а страдание — возможность искупить эти грехи и очистить душу перед смертью.

В 1300 году проказа довольно распространена. Если вы заразитесь, то почувствуете, как она очень медленно продвигается по телу: сначала вы потеряете чувствительность ладоней и ступней, затем болезнь парализует ваши конечности, оставив на них сильные язвы. Через несколько лет пальцы на руках и ногах отвалятся. Скорее всего, из ладоней будет сочиться кровь. Волосы на теле и ресницы выпадут. Возможно, вы будете страдать поллой стопой или когтеобразной рукой. Если вы мужчина, у вас сгниет половой член. Рано или поздно сломается переносица, и из зияющей дыры, где когда-то был ваш нос, потечет зловонная жидкость. Язвы на гортани сделают ваш голос хриплым и каркающим. У вас, наверное, выпадет несколько зубов, на глазницах выступят язвы, а на коже — большие узелки. В конце концов вы превратитесь в изуродованное зловонное отталкивающее слепое существо. Вот почему проказу зовут «живой смертью». Вот почему люди от нее в таком ужасе. Вот почему, если вы заболите, очень немногие рискнут приблизиться к вам.

Хорошая новость состоит в том, что проказа переживает спад. К 1400 году в богадельнях осталось очень мало прокаженных; всё больше коек отдают больным туберкулезом или, во многих случаях, даже обычным путникам. Когда Эдуард III в 1346 году изгнал всех прокаженных из Лондона, для них построили несколько богаделен. Одна из них — на Кент-стрит в Саутуорке, другая — между Майл-Эндом и Стратфорд-Боу, еще две — в Кингсленде (между Шордичем и Сток-Ньюингтоном) и Найтсбридже. В остальной стране лепрозории строят на дорогах, ведущих из городов. Там, как предполагается, прокаженные предаются всевозможным телесным порокам, как и положено им по якобы греховной природе, так что большая часть прокаженных на самом деле старается туда не ходить, если их не заставить. Они предпочитают носить плащ и колокольчик. В большинстве городов и деревень с несчастными, страдающими проказой, не хотят иметь никакого дела. Учитывая, насколько важна для человека принадлежность к обществу, изгнание — очень серьезный шаг. Вы вполне поймете лондонского пекаря Джона Мейна, который несколько раз не подчинился приказу покинуть город в 1372 году. Для него покинуть город — значит лишиться всех доходов, имущества, дома, покровителей, друзей и семьи. К тому же кто может быть уверен, что у него действительно проказа? Может быть, у него просто экзема на руках — профессиональная болезнь средневековых пекарей?

Туберкулез

Проказа, может быть, и на спаде, зато «расцветает» туберкулез. Можно сказать, англичане попали из огня да в полымя. Туберкулез — инфекционное заболевание, встречающееся во многих различных формах, причем ни одна из них не приятна. Одна из распространенных его форм — золотуха, или, как ее еще называют, «королевское зло»: туберкулезная инфекция, поражающая лимфатические узлы на шее. Если вы подхватите ее, то шея у вас распухнет до размеров свиной.

Интересная особенность золотухи состоит в том, что у нее есть совершенно конкретный способ «исцеления». Считается, что король обладает способностью облегчить страдания, коснувшись больного — или, точнее, коснувшись монеты, которую

отдадут несчастному. Тысячи людей собираются в очереди на исцеление. Эдуард I исцелял до двух тысяч золотушных каждый год. В 30-х и 40-х годах XIV века Эдуард III исцелял примерно по четыреста золотушных в год, раздавая им по пенни, и прекратил лишь в 1344 году. После этого он предпочитал переплавлять все эти монеты под Нейтским крестом (реликвией, где содержится часть Животворящего Креста) — после из них делали «судорожные кольца» для лечения эпилепсии. Позже монархи возобновили обычай исцеления золотушных: это отличный способ продемонстрировать свое божественное право.

Хотя туберкулезом можно заразиться, попив молока зараженной коровы — именно так заболевают дети, обычно со смертельным исходом, — взрослые по большей части заражаются друг от друга. Для этого необязательно тесно контактировать или даже быть в одной комнате. Воздушно-капельная передача бацилл может состояться при разговоре, кашле, плевках, чихании, просто дыхании или даже пении. Когда капельки, в которых прячутся бациллы, высыхают, они находят приют в пылинках, скапливающихся дома или в приходской церкви (это очень подходящее место для распространения болезни), и остаются заразными в течение восьми недель. После проникновения в тело бациллы бездействуют, пока жертву не подведет иммунитет, но человек при этом уже становится заразным. Правда, в Средние века этого, конечно, никто не знает. Там видят только результаты. Если вы подхватите легочный туберкулез, то станете страдать от всё более частого и тяжелого кашля. Вскоре в мокроте появится кровь. Помимо всего прочего, болезнь может сопровождаться усталостью, анорексией, потерей веса, летаргией, тревожностью, ознобом, мышечными болями, нерегулярными месячными у женщин, потливостью и высокой температурой. В конце концов вы умрете. Учитывая, что к королю каждый год приводят сотни мужчин и женщин, страдающих от этой болезни, удивительно, как не заражается королевская семья.

Как вы уже поняли, туберкулез — в первую очередь городская болезнь. Это еще одна причина, по которой опасно жить в монастыре. Если заразится один монах, то болезнь поразит всю обитель. Больных нужно отправить в госпиталь — или, в случае с монахами, в монастырский лазарет, — где их будут хорошо кормить, поить свежей водой и дадут отдохнуть.

Поддерживать хорошую физическую форму — практически единственное эффективное средство от туберкулеза, не считая, конечно, психосоматической ценности визита к королю. Другие способы лечения, безусловно, обладают определенным старинным шармом, но лучше будет их не пробовать. В руководстве Джона Мирфильда для врачей госпиталя Св. Варфоломея рекомендуется лечить болезнь женским молоком, причем пациент должен высасывать его прямо из груди. Но мужчинам с туберкулезом не стоит, отталкивая друг друга, бежать в госпиталь Св. Варфоломея: Мирфильд добавляет, что если женщин-кормилиц не найдется, то лечиться нужно козьим или ослиным молоком, которое тоже нужно пить прямо из сосцов. Вдобавок пациент еще и должен принять целбную ванну. Для этого ассистент врача должен «взять слепых щенят, удалить внутренности и лапы, затем вскипятить их в воде и искупать пациента в этой воде через четыре часа после еды». Сидя в этой ванне, он должен держать голову покрытой, а грудь — завернутой в шкуру козленка, чтобы предотвратить внезапный озноб.

Другие болезни

В средневековой Англии вы можете подхватить и множество других болезней. Многие из них в современном мире даже не существуют. Некоторые недуги, описанные летописцем Генри Найтоном, не похожи ни на одну известную современной медицине болезнь. Есть и другие заболевания, например *stuche* или *irudyme*, не имеющие современных эквивалентов. Некоторые болезни сейчас просто менее распространены: малярия в то время была эндемической болезнью болотистых местностей, в частности болота Ромней в Кенте и Фенских болот в Линкольншире и Норфолке. С другой стороны, в Англии XIV века нет многих болезней, поразивших нас позднее: ни холеры, ни сифилиса вы не найдете¹. В некоторых случаях такая разница связана с расстояниями.

1. Свидетельства об эндемическом и венерическом сифилисе до 1492 года очень редки и сомнительны. См. Roberts and Manchester, *Archaeology of Disease*, p. 158.

В других — с тем, что наша уязвимость к определенным заболеваниям меняется вместе с условиями жизни. Болезни меняются, циркулируя по разным странам и народам. Грызуны — переносчики болезней сменяются другими грызунами, переносящими другие болезни. Некоторые болезни, изначально смертельные, становятся с годами всё менее опасными. Вся медицинская обстановка в Средние века отличается от современной — меняются не только методы лечения, но и сами болезни.

Исключение составляет разве что деторождение. Дети, которые рождаются ногами вперед, с пуповиной, обмотанной вокруг шеи, или слишком большие, чтобы выйти естественным путем, есть во все времена. Меняется лишь уровень медицинской помощи. В Англии XIV века нет хирургических щипцов. Вакуум-экстракторов тоже нет. На кесарево сечение идут только в самом крайнем случае, потому что оно всегда смертельно для матери. Впрочем, деторождение и само по себе, без кесарева сечения, нередко заканчивается смертельным исходом: два процента всех родов приводят к смерти матери¹. Эта пропорция — один к пятидесяти — не кажется слишком большой, но большинство замужних женщин рожают больше одного ребенка, а некоторые особенно верные жены — даже больше десяти. Так что каждая беременность похожа на русскую рулетку, в которую играют с 50-зарядным револьвером. Родить дюжину детей — всё равно что выстрелить из этого револьвера двенадцать раз. Двадцать два процента женщин не переживают такого количества беременностей. Иногда они умирают даже не от самих родов, а от последующей кровопотери. Что же касается детей — они выживают при рождении намного реже. Точная цифра неизвестна, но более десяти процентов рождаются мертвыми. Из тех же детей, кому удастся дожить до крещения, каждый шестой умирает еще до года².

Брюшной тиф — еще одно исключение из общей странности. Любую армию на марше сопровождают разнообразнейшие болезни брюшной полости. Именно из-за этого предположе-

1. Shorter, *Women's Bodies*, p. 98. Цифры взяты из статистики XVI века по Олдгейту — ближайшей к рассматриваемому периоду.

2. Эта цифра взята из статистики XVI века в Wrigley and Schofield, *Population History*, p. 249.

ние, что при осаде преимущество всегда принадлежит осаждающей армии, неверно: любая армия, атакующая замок, вынуждена долго оставаться на одном месте и из-за антисанитарных условий нести огромные потери от брюшного тифа, или, как его еще называют, «лагерной лихорадки». То же можно сказать и о дизентерии. Даже королевская семья в походах страдает. Несмотря на всю славу, снисканную в битвах при Пуатье и Нахере, Эдуард Черный принц умер именно от продолжительной дизентерии¹. Позже от нее умер и другой король-воин, Генрих V.

Третье исключение — отравления. Хотя эрготизм (отравление спорыньей из сгнившего ржаного хлеба) в Англии редок — первые документальные сведения о нем относятся к XVIII веку, — в других естественных и искусственных ядах недостатка нет². Хорошо известны профессиональные болезни шахтеров, в частности легочные заболевания и анкилостомоз (заражение червями-паразитами). Особому риску подвергаются золотари. Иногда они умирают, задохнувшись испарениями в выгребной яме, иногда — от болезней, таящихся в гниющих экскрементах и моче. Если знать, что в городской выгребной яме иной раз содержится до тысячи галлонов отходов, которые нужно убрать (это стоит 6 шиллингов 8 пенсов), то становится понятно, что от этой опасности никуда не деться. Добавьте к этому еще и не самую чистую воду: даже помывшись после работы, вы всё равно не исключите возможности заболеть. Трубы обычно делают из дерева — вяза или дуба, — но часто они бывают и свинцовыми, например в системе городского водоснабжения в Эксетере. Сатурнизм (отравление свинцом) получается не настолько острым, чтобы вызвать тяжелые расстройства нервной системы, но если всю жизнь пить воду, загрязненную свинцом, то рано или поздно проявятся сим-

1. Часто говорят, что Черный принц умер от дизентерии; это практически наверняка неверно. Дизентерия убивает за несколько недель, как, например, Генриха V. Изнурительная болезнь Черного принца, которая началась, когда ему было под сорок, и длилась несколько лет, скорее всего, похожа на ту, которой болел его племянник Генрих IV. См. Mortimer, Fears, p. 435 n. 14.
2. Крайтон относит первый описанный случай эрготизма в Англии к 1762 году (Creighton, Epidemics, p. 57). Это удивляет, учитывая, что хлеб из ржи и суржи ели еще в XIV веке.

птомы ранней стадии: запоры, мышечная слабость, посинение десен и изменение цвета кожи. Работники, делающие свинцовые трубы (трубники) и кладущие свинцовые крыши, получают более высокую дозу свинца, и отравление приводит к расстройствам нервной системы, тремору, параличу или слепоте.

Несмотря на то что англичанам приходится постоянно бороться с неурожаями, им удастся избежать многих болезней, связанных с плохим питанием. Богатые не болеют цингой, потому что едят много свежих и консервированных фруктов, а у бедных профилактическую роль играют капуста, корнеплоды и запасы яблок и груш. Пеллагра в Англии — вообще не проблема, потому что кукурузу там просто не едят. Рахит — болезнь, при которой детские кости не затвердевают и искривляются при использовании мышц, из-за чего руки и ноги становятся кривыми, — тоже редок, потому что дефицит витамина D восполняется естественным образом благодаря солнечному свету, а дети проводят почти всё время на улице. Так что если вы хорошо питаетесь и вам удастся избежать смертоносных болезней, опасностей деторождения, отравления свинцом и проявлений насилия, то проживете вы, скорее всего, долго.

Беспокоиться вам придется только о врачах.

Практикующие медики

Как вы уже поняли по теории влаг и астрологическим расчетам миазмов, упомянутым ранее, медицина и религия с трудом уживаются друг с другом. Если добавить к этому «народную магию», к которой прибегают доведенные до отчаяния простые люди, то становится понятным, что церкви очень трудно не позволить людям в поисках медицинской помощи отступить от религиозной веры и обратиться к оккультизму. К тому же, если уж церковь допускает астрологические объяснения чумы, то почему бы не применить те же средства, чтобы предсказать следующую эпидемию? Такая логика привела к расцвету гаданий и колдовства. Из-за этого церковь постоянно порицает медицину. По решению Четвертого Латеранского собора (1215) церковь запрещает священнослужителям в сане иподьякона или выше заниматься любой деятельностью, которая связана с пролитием крови. Им запрещается разрезать

кожу, а анатомия считается порочной наукой (церковь разрешит христианам вскрывать трупы только в конце XV века). Это разделение привело ко все большему расхождению между профессиями «физика» (врача) и хирурга.

Врачи

Если вы заболели, то вам нужно обратиться к врачу или доктору медицины (термины «врач» (*physician*) и «доктор» стали взаимозаменяемыми только в конце XVII века). Это само по себе сложная задача: квалифицированных врачей мало. Во всей Англии, возможно, меньше сотни обладателей ученой степени по медицине, и живут они лишь в крупнейших городах. Более того, многие из этих высококвалифицированных медиков работают по договору, скажем, на монастырь или семью определенного лорда. На стороннюю работу у них времени мало. Как бы далеко врач ни находился от лорда, он обязан прибыть к нему по первому зову. Поскольку врачу очень хорошо платят, он редко отказывает. Когда королева Изабелла смертельно заболела в 1358 году, она послала лошадь за своим врачом, мастером Лоуренсом, чтобы тот немедленно прибыл к ней в замок Хартфорд. Когда ей стало еще хуже, она вызвала его снова, несмотря на то что он был в Кентербери, в 70 милях от нее. Поскольку ее положение было отчаянным, она вызвала и других медиков из Лондона, что в 21 миле от замка. Даже если вы королева, лежащая на смертном одре, вам все равно иной раз придется ждать целый день, чтобы получить квалифицированную медицинскую помощь.

Другой вариант — лечь в больницу. У вас заберут одежду и положат в постель вместе с еще одним — двумя пациентами в хорошо освещенном зале. Зимой там зажигают очаги. Пол регулярно подметают и каждый день моют. Штукатурку на стенах меняют каждый год. Льняные простыни регулярно стирают — иногда даже дважды в неделю. Три дня в неделю больным дают баранину — считается, что она помогает восстановлению. Кроме того, вы, как и обычно, будете получать похлебку и галлон эля в день. Пациентам часто устраивают медицинские купания. Женщинам раз в неделю моют головы, мужчинам — подстригают бороды. В общем и целом стандарты ухода довольно высоки.

У врача, работающего в маленьком городе или больнице, вряд ли есть университетский диплом. По большей части он полагается на краткие методические руководства, определяющие процесс диагностики. В них описываются, помимо всего прочего, движения планет и графики затмений Солнца и Луны. Кроме того, там есть советы по флеботомии (кровопусканию) и описания всех двадцати четырех видов мочи, а также нумерологические способы определения, умрете вы или нет. Врач обязательно спросит, когда болезнь впервые проявилась, чтобы определить, в каком положении находились в этот момент Солнце и Луна, а также планета, управляющая заболевшим органом. Руководствуясь этими данными, он приготовит для вас несколько эликсиров. Сначала — «препаратив», который поможет вашему телу справиться с предстоящими испытаниями. Затем — слабительное, которое избавит его от испорченных веществ путем рвоты или дефекации. После этого — лекарство. Либо же медик может вскрыть вам вену и пустить кровь. По своим диаграммам он точно определит, какую вену вскрыть, чтобы кровопускание возымело нужный эффект. Это в одинаковой степени связано и с Луной и звездами, и с вашими симптомами. Если Луна во Льве, то нужно избегать надрезов нервов и вен на спине. Если в Тельце, то не нужно вскрывать вены на голове. Если в Скорпионе, то врач должен держаться подальше от ваших яичек, ануса и мочевого пузыря. Если он не уверен или состоит в монашеском ордене, то оставит эти «удовольствия» хирургу. После завершения мучительных процедур он, скорее всего, посоветует вам, как организовать восстановительный процесс: хорошее питание, отдых и укрепляющее питье — всё это восстановит баланс влаг.

Само по себе слабительное уже ужасно. Если его предложат вам в виде напитка, то это будет либо льняное семя в жире, либо мальвовые листья в эле. В ином случае вам сделают клизму: свиной пузырь, наполненный мальвой, медом, солью и мылом. Не стоит и говорить, что никому не нравится кровопускание. Но больше всего вас наверняка перепугают «лекарства». Например, лекарство от камней в мочевом пузыре, которое пропишет вам уважаемый врач вроде Джона Гаддсдена, готовится из навозных жуков и сверчков, у которых «отрезают головы и жарят в масле». Его рецепт против болезни селезенки не слишком отличается — для него потребуются

«головы семи жирных летучих мышей». У менее квалифицированных врачей подход к приготовлению отвратительных лекарств еще более творческий. Вот рецепт лекарства от желтухи: «вскипятите горькую полынь в воде и обмойте больного три раза, после чего дайте ему стружку слоновой кости, растворенную в воде». Если вы страдаете от гнойного тонзиллита и в горле уже появился абсцесс, вам пропишут, например, следующее:

Возьмите жирную кошку, снимите с нее шкуру и вытащите внутренности. Возьмите ежиный жир, медвежий жир, смолу, пажитник, шалфей, смолу жимолости и свежий воск, растолките смесь и набейте ею кошку. Затем зажарьте кошку, соберите выделившийся жир и смажьте им пациента.

Не всё медицинские рецепты — непонятное варево из животных. Некоторые из них выдержали испытание временем. Врачи вроде Гаддсдена и Николаса Тингвика рекомендуют бандаж для грыжи и алую ткань против оспы. Последним методом якобы удалось вылечить одного из братьев Эдуарда II, и, возможно, это проявление настоящей медицинской интуиции (сейчас известно, что инфракрасное излучение предотвращает появление оспин). Полностью излечить подагру никто не может, но многие знают, что симптомы можно облегчить с помощью безвременника. Широко известны и медицинские свойства многих растений. Ромашковым маслом эффективно лечат ушную боль. Гранаты совершенно правильно применяют для лечения болезней пищеварительной системы. С такими средствами возникает лишь одна проблема — как их достать. В 1327 году, когда лорд Баркли страдал от болезни в замке Баркли, ему приходилось отправлять слуг за гранатами в Херефорд (45 миль от замка) и Винчестер (80 миль). Поездки занимали несколько дней, да и сами фрукты недешевы — каждый стоит 2–3 шиллинга.

Хирурги

Хирургов больше, чем врачей. Уровень их подготовки может быть самым разным — от цирюльников (позже их назовут *barger-surgeons*) до многоопытных профессионалов, сведущих

в медицине на уровне лучших врачей. У королевской семьи есть и личный врач, и личный хирург — известно, что они делали успешные операции¹. Число хирургов в общем и целом растет. В первой половине века лишь пятнадцать цирюльников стали свободными горожанами Йорка, но вот во второй половине — более шестидесяти. Так что в любом сколько-нибудь большом городе вы легко найдете цирюльника или хирурга. Ищите вывеску с перевязанной окровавленной рукой. Или, до 1307-го, более жуткую штуку — миску крови в витрине.

Слово «barber» («цирюльник») происходит от латинского *barba* («борода»), что говорит о том, что основная оказываемая ими услуга — бритье и стрижка бород. Но мужчин, готовых на то, чтобы к их горлу кто-то приставил острый нож, довольно мало, так что одним бритьем цирюльникам на жизнь не заработать. Они, соответственно, занимаются и другими вещами, для которых необходим нож: например, пускают кровь (в оздоровительных целях). Более умелые цирюльники и специалисты-хирурги, кроме того, умеют останавливать кровотечения, прижигать раны, вскрывать череп, чтобы справиться с болезнями мозга, лечить катаракты, вправлять сломанные кости, удалять зубы, зашивать порезы и прокалывать нарывы. Некоторые даже рискуют разрезать тело и удалять камни из мочевого пузыря — правда, в большинстве случаев пациент от этого умирает. Личные хирурги аристократов, кроме того, иногда бальзамируют бывших нанимателей, вскрывая тело, удаляя мягкие ткани и кладя вместо них травы и специи.

Уровень хирургической помощи намного выше, чем медицинской диагностики. Если у юноши из лица торчит стрела, то никакого сложного анализа фаз Луны не потребуется. Стрелу нужно удалить, вытащить наконечник, затем обработать и зашить рану и помолиться о том, чтобы не развилось заражение крови. Единственное разногласие может возникнуть по поводу того, как лучше удалить наконечник: если он застрял в мягких тканях ноги, не задев кости, то обычно его выбивают сильным ударом, а не вытаскивают. Для тех, кто может себе это позволить, есть даже анестезия. Ведущий английский хирург

1. Предписания для придворных Эдуарда II (1318) см. в *Tout, Place of Edward II*, p. 251. Для придворных Эдуарда III (1344–1347) — в *A Collection of Household Ordinances*, p. 3.

Джон Ардерн примерно в 1370 году предлагал пациентам смесь из черной белены, мандрагоры, болиголова и черного и белого мака (опиума) на спирту; они засыпали и «вообще не чувствовали ничего, что бы с ними ни делали».

Джон Ардерн считается самым выдающимся хирургом своего столетия благодаря отчасти использованию анестезии, отчасти тщательному очищению всех ран после операции, отчасти — широким познаниям и в медицине, и в хирургии. Он живет и практикует в Ньюарке, графство Ноттингемшир, но к концу века списки его книг разошлись большим тиражом по всей стране. Одно из самых значительных его достижений — переоткрытие и усовершенствование древнего арабского метода лечения анальной фистулы, очень неприятной болезни, возникающей из-за абсцессов в толстой кишке; особенно сильно от нее страдают мужчины, слишком долго сидящие в мокром седле (по крайней мере, по словам Ардерна). Это серьезный прогресс по сравнению с Гаддсденом, считавшим, что анальная фистула неизлечима. Кроме фистулы, Ардерн специализируется и на других кишечных операциях. Благодаря использованию чистых губок для лечения геморроя и нежеланию постоянно менять перевязки (это лишь приводит к новым инфекциям) Ардерну удается создать новую, более совершенную методику сложной хирургии. Кроме того, у него позитивный подход к лечению: хирург должен не только иметь чистые руки и все необходимые навыки — он должен еще и уметь заставить пациента засмеяться. Это нелегко, если пациент стоит, согнувшись пополам, а хирург зашивает три больших абсцесса на стенке прямой кишки.

Ардерн — не единственный, кто проводит сложные операции. Некоторые глазные хирурги умеют успешно удалять катаракты — это очень непросто. Другие специализируются на костях, занимаясь только лечением сломанных конечностей. Тем не менее даже некоторые идеи Ардерна покажутся вам странными. Как и все другие хирурги, он пользуется «зодиакальным человеком» — диаграммой, связывающей каждую часть тела со своим знаком зодиака, — и на ее основе делает выводы, когда лучше всего провести операцию. Кроме того, он тоже верит в достоинства кровопускания. Все хирурги считают кровопускание хорошей профилактикой, так что это одна из основных статей их дохода. Обычно они делают надрез медиальной подкожной вены руки (на внутренней стороне предплечья,

под локтем) и набирают кровь в миску. Если же пациент стар или слаб, то они разрезают кожу горячими стеклянными сосудами, и при охлаждении эти сосуды сами высасывают кровь из разрезов. Еще одна форма кровопускания — лечение пиявками: они либо сосут кровь, либо съедают «испорченную плоть» вокруг раны. Не стоит и говорить, что все эти процедуры принесут вам больше вреда, чем пользы. Если вам не повезет и вы умрете от кровопотери (неопытные врачи и хирурги иногда вскрывают артерии вместо вен), врачу за это ничего не будет. К смерти от врачебных ошибок относятся спокойно.

Х

Закон и беспорядок

Куда бы вы ни отправились в средневековой Англии, везде увидите пугающие признаки жесткого и частого отправления правосудия. На перекрестках дорог стоят виселицы — перепачканные обнаженные тела воров раскачиваются там на скрипящих веревках. На городских воротах вы увидите гниющие головы изменников. У позорных столбов в городах — торговцев-жуликов. В деревнях — мужчин и женщин в колодках. В каждом графстве есть тюрьма, обычно расположенная в замке. На каждой дороге королевства вы встретите хоть кого-то, кто едет в суд. Правосудие в средневековой Англии очень заметно.

Несмотря на это, вы с немалым удивлением вспомните, что в стране нет полисменов. Как сейчас рассказывают каждому современному школьнику, самым первым подразделением полиции стали «Бегуны с Боу-стрит», организованные в Лондоне Генри Фильдингом в XVIII веке. Но если так, то кто же арестовывает преступников? Кто находит виновных? Кто неразрывно связывает между собой преступную деятельность и виселицу?

Местное правосудие

Чтобы понять, как отправляется правосудие в XIV веке, придется вспомнить, как люди живут. Ключевые понятия, которые не нужно забывать: каждый человек принадлежит

к какому-либо сообществу, а люди живут общиной. В городе и в деревне, свободного или несвободного, крепостного или вольного гражданина — в любом случае в родных краях человека хорошо знают. Люди вместе ходят в церковь. Вместе работают в полях. Вместе участвуют в заседаниях поместных судов. Даже празднуют и расслабляются они вместе. Так что каждый обычно неплохо знает своих соседей: добрый у них характер или не очень, и могут ли они совершить преступление. Вне общин живут только бродяги и незнакомцы: они и так находятся на самой грани закона, но в основном считается, что они вне закона.

Процессы, с помощью которых общество следит за собой, очень древние — их изобрели еще в саксонское время. Главный их элемент — круговая порука. Каждый мужчина-крепостной в возрасте от двенадцати до шестидесяти лет должен состоять в группе, которую называют «десятиной». Каждый член десятины в двенадцать лет клянется соблюдать и поддерживать закон. Положив руку на Библию, он говорит: «Я буду законопослушным и верным нашему господину — королю и его наследникам, моему лорду и его наследникам и буду подсуден главе нашей десятины. Помогите мне, Господь и все святые». В теории каждая десятина должна состоять из десяти человек, но, как вы увидите, в реальности в десятину входят все жители села или одной улицы в деревне. Так что если в селе живет пятнадцать человек, то в десятину входят все пятнадцать. Если один человек нарушит закон, то все остальные обязаны сообщить о его действиях и доставить виновного к приходскому констеблю. Если они так не сделают, то будут серьезно оштрафованы. Десятник, или, как его еще называют, «главный поручитель» (*capital pledge*), должен обеспечивать полный состав своей группы а также давать одни и те же показания и в поместном, и в окружном суде. И, что важнее всего, именно он должен обеспечивать соблюдение закона своими подчиненными. Так что его должность — одна из самых важных в общине.

Если совершено преступление, то человек, обнаруживший его, обязан поднять тревогу — это называется *hue and cry* («шум и крик»). Собственно звуки могут быть разными, но они очень характерны и сразу понятны — по ним сразу отличают, найдено ли мертвое тело, или же совершена кража со взломом. Все, кто оказался поблизости, — не только члены определенной десятины — обязаны прийти с полей или встать с постелей, чтобы

осмотреть место преступления и преследовать преступника. Если его удастся поймать, то его передают приходскому констеблю. Но даже если его не поймают, о преступлении сообщают на следующем заседании окружного суда. Благодаря этому все десятины, входящие в округ, узнают о совершенном преступлении и о том, что среди них может быть беглый преступник. Шерифу или его заместителю могут сразу сообщить о преступлении, если оно достаточно серьезное, чтобы вызвать *posse comitatus*: группу вооруженных людей, которая будет гоняться за преступником, пока его не поймают. В подобных случаях преступник, избегающий ареста, может быть обезглавлен на месте — если при этом присутствует коронер, а преступник не успел укрыться в церкви. Если поймают преступницу-женщину, то ее, скорее всего, за сопротивление аресту отведут к ближайшей реке и утопят. Эта древняя система охраны порядка была систематизирована в конце XIII века Эдуардом I в различных статутах, в частности в Винчестерском статуте (1285). В нем, помимо прочего, говорится, что в случае грабежа преступника нужно преследовать, даже если он сбежит в другой город. Кроме того, ворота любого города должны закрываться на закате и открываться на рассвете, а в каждом поселении должна быть стража. Количественный состав стражи в разных местах различается: у каждых ворот «сити» должно стоять по шесть стражников, каждый район большого города должны патрулировать двенадцать человек, а в небольших городах количество стражников варьируется от четырех до шести в зависимости от населения. Лондон — особый случай: каждый из его двадцати пяти районов патрулируют шесть стражников, а у каждых ворот стоят еще по шесть — почти двести человек. Хозяин дома или гостиницы несет ответственность за каждого человека, остановившегося у него на ночлег. Каждый, кого встретят на улице ночью, может быть арестован. В общем, все члены общины обязаны всеми силами поддерживать мир и покой.

Светские административные единицы

Административная единица	Главный правоохранительный офицер	Описание
Графство	Шериф	Крупнейшая административная единица. В Англии

Административная единица	Главный правоохранительный офицер	Описание
		ридцать девять древних графств; самое маленькое — Ратленд (142 квадратные мили), самое большое — Йоркшир (5961 квадратная миля). Кроме того, в Англии четыре города-графства, управляющиеся как графства: Лондон (правда, там сразу два шерифа, а не один), Бристоль (с 1373 года), Йорк (с 1396) и Ньюкасл (с 1400)
Сотня	Сотенный бейлиф	На севере сотню называют «уэпентейк». Это подразделение графства, в которое входят несколько приходов. Всего в Англии 628 сотенных округов, 270 из которых — в прямом подчинении короля. В Девоне, большом графстве, тридцать пять сотен. В небольшом Бедфордшире их всего девять. В Ратленде — пять (одна из них называется <i>soke</i> — манориальная юрисдикция). Бейлиф королевской сотни подчиняется шерифу графства. Бейлифы частных сотен обычно подчиняются своим лордам
Приход	Констебль	Подразделение сотни, часто совпадающее с поместьем или несколькими соседними поместьями; содержит несколько десятин. Констебль сообщает о преступлениях в приходе сотенному бейлифу на окружных судах

Административная единица	Главный правоохранительный офицер	Описание
Инкорпорированный город	Мэр и бейлифы	Имеет дело с подзаконными актами и нарушениями законов общего права согласно правам, прописанным в королевской хартии
Поместье или сеньорский город	Управляющий лорда и бейлиф или главный судья	Поместье — это скорее единица владения землей, чем административная. Тем не менее поместные суды разбирают дела, связанные с местными обычаями, обычными арендаторами и нарушениями прав лорда. В некоторых поместьях также устраиваются литские суды, разбирающие уголовные дела
Десятина	Десятник, или «главный поручитель»	Наименьшая правоохранительная единица. Группа из примерно десяти мужчин-крепостных, живущих поблизости друг от друга в поместье и отвечающих за хорошее поведение друг друга. Десятник отчитывается перед поместным судом и общается с приходским констеблем

Шериф и суд графства

Шериф — главный представитель короля в графстве. Он получает письма короля — около 120 в месяц в графстве среднего размера — и исполняет его приказы, например созвать суд присяжных по определенному делу или кого-то арестовать. От него могут потребовать отправить осужденного преступника в королевский суд, или оценить ущерб и сообщить об этом

королю, или провести выборы двух представителей графства в парламенте. В военное время шерифу могут приказать собрать людей и отправить их в Шотландию или Францию. Кроме того, шериф должен будет кормить этих бойцов — что совсем не просто, если ему, скажем, приказали собрать 2000 лучников. Так что он несет еще и серьезную финансовую ответственность и отчитывается перед королевской казной. Наконец, шериф должен содержать в графстве тюрьму и строить деревянные клетки во дворе замка, когда тюрьмы переполняются.

Как вы видите, шериф обладает серьезной властью. Он может арестовать вас, посадить в тюрьму и отправить в цепях в Лондон. Очень немногие смогут его остановить, если он решит вымогать у вас деньги или захочет вас пытать. По иронии судьбы, при этом он не может судить вас за тяжкое преступление. Не считая мелких правонарушений вроде долгов или драк, шериф имеет право выступать в роли судьи только в случае, если поймает человека, избегающего правосудия — например, сбежавшего из тюрьмы (он может отрубить ему голову), — или вора прямо на месте преступления (этого он тоже может обезглавить, если он мужчина: женщин-воровок топят). Но даже в этих случаях он может вершить суд только в присутствии коронера. В этом смысле шериф, его бейлифы, приходские констебли и главы десятин, по сути, являют собой эквивалент полицейских сил. Современные полисмены не устраивают судов над преступниками, которых ловят; точно так же и шерифы, бейлифы, констебли и главы десятин отдают все серьезные дела на откуп королевским судьям, присланным из Лондона, или местным мировым судьям.

Шериф обязан организовывать заседания нескольких судов, в частности судов графства, которые проходят каждые четыре или шесть недель. В основном они занимаются рутинными делами: принятием присяги новыми служащими, оглашением королевских прокламаций и приказами о расследовании преступлений. Кроме того, суд графства одновременно исполняет функцию суда мелких тяжб: люди могут через него отсудить друг у друга до 2 фунтов. Именно в этом суде преступников объявляют вне закона. Если преступник ударился в бег, его вызывают в суд графства. Если он не явился в суд четырежды, то на пятый раз его объявляют вне закона. Теперь после поимки его можно обезглавить на месте.

Наконец, в суде графства правосудие вершится еще и при помощи «испытания битвой». Если вы жертва серьезного преступления (например, изнасилования, тяжелого ранения или поджога) и явились в суд лично, то можете «воззвать» к нападавшему. После этого вы или ваш представитель можете сразиться с обвиняемым — или его представителем, — чтобы определить, виновен он или нет. Вы, наверное, удивитесь, узнав, что подобным же образом разрешаются и споры по поводу земли. Некоторые монастыри специально благодарят людей, успешно таким образом представляющих их интересы в суде.

Окружные суды и шерифское турне

Заседания окружных (сотенных) судов проходят каждые три недели. Бейлиф избирает суд присяжных из двенадцати свободных горожан, которые рассматривают все заявления. Многие дела — последствия драк. Если кто-то проливает кровь, об этом обязательно нужно сообщить в окружной суд. Другие рассматриваемые дела обычно сравнительно незначительны: мошенничество, споры по мелким долгам, воровство предметов домашнего обихода и животных. Наказывают в окружном суде почти всегда штрафами. Они могут различаться, но в целом, если вы затеете драку, то вам придется заплатить от 6 пенсов до шиллинга, 2 и более шиллинга за кровопролитие (правда, в большинстве городов штрафы за это еще выше) и 6 пенсов за поднятие ложной тревоги. Естественно, если поймают человека, который кого-то тяжело ранил, убил или изнасиловал женщину, то его посадят под арест в ожидании специального окружного суда: шерифского «турне».

Окружные суды обслуживают сразу несколько юрисдикций. Внутренние дела поместья можно рассмотреть в поместном суде, так что если крепостной запрудил мусором ручей, протекающий по его земле, из-за чего землю залило, то служащие поместья могут и сами заставить крепостного разобрать запруду. Но вот если от наводнения пострадали соседнее поместье или королевская дорога, то дело рассматривается уже в окружном суде. К тому же десятины, конечно, эффективны для контроля над крепостными, но вот свободные граждане находятся вне системы круговой поруки. О преступлениях свобод-

ных горожан сообщают именно в окружной суд, и именно там рассматриваются дела об их драках и долгах. Так что если свободный человек украл ваш скот или задолжал вам денег, но имеет достаточно животных, чтобы покрыть эту сумму, то сотенный бейлиф арестует его или уведет его скот до заседания суда.

Дважды в год, обычно в районе Пасхи и Михайлова дня, проводится шерифское «турне». Шериф появляется на расширенном окружном суде, чтобы собрать все официальные обвинения, которые требуется представить королевскому суду, а также убедиться, что все осужденные преступники арестованы. Огромные штрафы — 10 фунтов или больше — накладываются на десятину, если окажется, что ее члены не сообщили о преступлениях кого-то из собратьев. Не нужно обладать выдающимися юридическими познаниями, чтобы понять, что современная идея о крепостных, единым фронтом выступавших против давления помещиков, не совсем верна. Преступников, висящих на виселицах, может быть, арестовывали именно шериф и бейлифы — но только после того, как на них донесли собратья по десятине. Куда чаще арестами занимаются десятник и деревенский констебль, чтобы всю десятину не оштрафовали на шерифском турне за то, что они этого не сделали.

Теперь вы понимаете, почему столь многих людей отдавали под суд, несмотря на отсутствие полиции. Если вы недавно прибыли в графство и вас заметили в деревне во время ограбления и подняли тревогу, то вас арестуют сами местные жители. Затем вас отдадут в качестве подозреваемого местному десятнику и констеблю, которые лично отвезут вас обратно в родную деревню и передадут тамошнему констеблю. В вашем случае этого сделать не получится, так что констебль просто посадит вас в деревенскую тюрьму или в колодки, и вы будете сидеть так до тех пор, пока вас не представят на шерифском турне или не отвезут в город, в тюрьму графства. Там вы будете сидеть в яме или погребке, предназначенном для преступников, или в деревянной клетке на улице, если, конечно, не сможете внести залог. Когда в графство в следующий раз придут королевские судьи, вас отдадут под суд присяжных, а потом либо повесят, либо отпустят, в зависимости от того, какова ваша репутация. Вам возможно, придется провести в тюрьме не один месяц, чтобы дожидаться дня «правосудия». К женщинам, если что, отношение точно такое же, и защищать

их тоже никто не собирается. Одну женщину, обвиненную в краже драгоценностей леди, продержали в Гильдфордской тюрьме «со всеми остальными ворами графства» сорок семь недель, прежде чем присяжные признали ее невиновной.

На удивление многие задержанные обвиняют других людей в преступлениях или в содействии в их собственном преступлении. Эта система называется «утверждением». Когда приговоренного вытаскивают из клетки или общей ямы и приводят к судьям, то он обвиняет своих врагов с помощью «апелляции». После этого его вешают. Несмотря на его смерть, по судам рассылаются письма с требованием собрать присяжных и судить тех, кого он обвинил. Это шокирующая система. Если вы преступник и знаете, что скоро умрете, почему бы не обвинить врагов в том, что они замешаны в ваших преступлениях? Если их признают виновными, то тоже повесят. Опять же, если вы всё равно умрете, а ваш тюремщик обещал, что в ваши последние дни будет относиться к вам лучше, если вы обвините кого-нибудь из его врагов, — что вам терять?¹ В Солсбери в первое десятилетие века некоего Роджера Прая арестовали по подозрению в воровстве. Он признался во всем коронеру, так что знал, что его повесят. Но после этого он подал «апелляцию», обвинив Генри-пекаря и его жену Еву в том, что они укрыли его после того, как он украл четырнадцать бушелей пшеницы у аббата Гластонбери. Прая повесили, но Генри и Еву привели в суд и обвинили в укрывательстве. Они ответили, что невиновны, так что собрался суд присяжных. К счастью, присяжные признали их невиновными, и их просто отпустили². Теперь вы понимаете, почему так важно иметь хорошую репутацию в родном городе. Если ваши враги обвинят вас в чем-либо, то, возможно, только репутация и спасет вас от виселицы.

1. Ruffhead (ed.), Statutes, i, pp. 190–191 (I Edward III cap. vii): приказ о расследовании случаев, когда тюремщики заставляли заключенных притворяться невиновными.

2. Этот типичный пример — из Pugh, Wiltshire Gaol Delivery, p. 96.

Ошибки правосудия

Местное правосудие предназначено для того, чтобы объявить кого-либо виновным — это вовсе не значит, что тот, кого признали виновным, действительно совершил преступление. Если вы посмотрите на обвиняемых в серьезных преступлениях, то вам скоро станет ясно, что большинство из них — незнакомцы. В некоторых регионах до тридцати процентов всех подозреваемых в убийстве и воровстве называют «бродягами». Насколько все они действительно виновны — вопрос спорный: многих из них, возможно, обвинили просто потому, что жители деревни очень настороженно относятся к незнакомцам, даже побаиваются их и поэтому с готовностью обвиняют их в любом преступлении. В стране очень много ошибок правосудия. Некоторых несправедливо обвиняют, других ошибочно оправдывают. В некоторых случаях убийц арестовывают, а потом отпускают с миром — после того как они убивают еще одного невинного человека, доказав тем самым свою невиновность. Звучит безумно, но такое случается. Если кого-то обвиняют в убийстве, а он заявляет о своей невиновности, при этом обвиняя в этом убийстве «соучастника», то им двоим могут назначить испытание битвой, чтобы определить, кто виновен. Если он победит своего противника, то его объявят невинным в преступлении и спокойно отпустят.

Несправедливость иногда творят и сами отправители правосудия. В средневековой Англии 628 сотен, но лишь 270 из них подчинены непосредственно королю. Соответственно, 358 отданы на откуп лордам. Многие частные сотни принимают у себя шерифа и их бейлифов, так что шериф устраивает такие же «турне», как и в королевской сотне. Но некоторые лорды, у которых в подчинении частные сотни, имеют право не пустить к себе шерифа. Нельзя сказать, что в этих округах вообще не исполняется королевская воля, но предписания получает лично лорд, а не шериф, и именно лорд исполняет королевские приказы. Такие лорды собирают собственные суды, устраивают собственные «турне» и даже иногда сами назначают коронеров. Часто у них есть даже право вешать преступников. Бейлиф такого округа может повесить в буквальном смысле кого захочет, если при этом присутствует коронер. Помешать ему практически невозможно.

В этой системе фактически нет ни сдержек, ни противовесов. Поэтому коррупция процветает. Шерифы и те, кто им подчинен, легко могут злоупотреблять системой в своих интересах. Бывает, что шериф позволяет преступнику обвинить с десятков своих врагов в различных преступлениях, а потом, повесив его, вымогать у обвиняемых приличные суммы в качестве залога. Они, естественно, платят, чтобы избежать долгого тюремного заключения. Так что шериф очень даже неплохо наживаетея на несправедливости.

Бывает и хуже. Попытки в Англии формально запрещены законом — за исключением краткого периода в 1311 году, когда Эдуард II подчинился папе, который требовал пытать рыцарей-тамплиеров. Но законы мало что значат для влиятельного шерифа. В 1366 году шерифа Йоркшира Томаса Масгрейва обвинили в неправомочном аресте, несправедливом содержании под стражей, вымогательстве и осуждении невиновного человека с помощью пристрастно подобранных присяжных. Он всего лишь затеял комбинацию, которую шерифы проворачивали не одно столетие: захватил в плен слугу одного из своих врагов, пытками довел его почти до смерти, а потом заставил сознаться в серии преступлений, после чего еще и назвать своего хозяина сообщником, дав шерифу повод завести на него дело. Это уж точно не правосудие. Нельзя назвать правосудием и случаи, когда женщине, обвиняемой в убийстве, приходится скрываться из-за страха перед тюремщиком. Одной несчастной пришлось прятаться и не приходить в суд, потому что клерк шерифа, управляющий Ньюкаслской тюрьмой, обещал изнасиловать ее и вырвать ей все зубы, когда она окажется в его власти. Женщине, попавшей в такое положение, невозможно не посочувствовать. Если она будет избегать ареста, то суд графства объявит ее вне закона. Если же сдастся властям, то ее, возможно, ждет намного больший позор, чем положен за преступление, которое она якобы совершила. Впрочем, унижают не только женщин. Некоторые шерифы раздевали мужчин догола, привязывали к столбу в тюремной яме и оставляли на несколько дней на холоде, в луже собственной мочи и экскрементов, вымогая у них деньги.

Точно так же всё происходит и на более низких уровнях пирамиды. Сотенные бейлифы могут запросто разбудить людей среди ночи и забрать их имущество, если они откажутся давать взятки. Некоторые бейлифы зарабатывают состояния,

сначала приказывая созвать суд присяжных, а потом требуя деньги с города на организацию этого суда. А потом зарабатывают еще больше на взятках от людей, которые не хотят служить в армии. Приходские констебли могут заниматься тем же самым — да что там, даже десятники берут взятки за то, чтобы не доносить о преступлениях, или за ложные доносы. Впрочем, самые коррумпированные работники местного правосудия — это, несомненно, тюремщики. Дошло до того, что в 1330 году пришлось принять специальный статут, который запрещал тюремщикам отказывать заключенным в содержании. Они, похоже, не хотели сажать в тюрьму преступников, недостаточно богатых, чтобы дать им взятку.

Правосудие во все века было понятием относительным. И XIV век здесь не исключение.

Поместные и городские суды

Заседания поместного суда не всегда проходят в помещении: часто их проводят на улице возле определенного дерева, если позволяет погода. Аббат Сент-Олбанса проводит заседания «под ясеневым деревом в середине внутреннего двора аббатства». В Маулсэме (Эссекс) суд проводят на улице, под ветвями Судного дуба. В плохую погоду, впрочем, заседания переносят в главный зал усадьбы или в амбар.

Предназначение суда — обеспечивать безопасную и эффективную работу поместья. Так что на суд собираются все крепостные (в том числе десятники и члены соответствующих десятин) и несколько свободных крестьян¹. Среди рассматриваемых дел — в том числе простые управленческие вопросы вроде поиска заблудившихся коров и свиней, нарушений территории и прав лорда, владения землей и ответственности за поддержку дорог, межей и изгородей. Любые преступления и проступки, строго ограниченные территорией поместья, например незаконное присвоение скота, браконьерство и перекрытие ручьев и рек, рассматриваются именно здесь. Если крепостной рас-

1. Согласно Статуту Мальборо (1267), фригольдеры не были обязаны посещать заседания поместного суда, если только этого не требовала хартия, выданная лордом. Bennett, *Life on the English Manor*, p. 202.

ширил свои земли, присоединив к ним неиспользованную или «заброшенную» территорию (это называется «расчисткой»), он заплатит определенную сумму за право возделывать новую землю и договорится о новой ренте. Мелкие неурядицы между крепостными, например драки или клевета, тоже рассматриваются в поместном суде. Здесь же выплачиваются герiotы (если арендатор умер), а также всевозможные мелкие штрафы — от наказания за варку плохого эля до «лейрвайта»: штрафа за адюльтер для мужчин и за прелюбодеяние для незамужних женщин.

«Что? — спросите вы. — У помещика есть еще и право наказывать крепостных за распутство?» Это, конечно, нравственные преступления, которыми занимаются церковные суды, но штрафы, которые налагаются на крепостных в этих судах, по сути, налагаются на лорда (потому что любая собственность крепостного с формальной точки зрения принадлежит лорду). Рассмотрим, например, случай с Джоном Монком. Он крепостной в поместье, которым владеет аббат Рамсея в правление Эдуарда II. Джон неравнодушен к Саре, жене Саймона Хьюэна. Настолько неравнодушен, что никак не может от нее оторваться. Они настолько страстно предаются любви, что Джона за адюльтер уже несколько раз штрафовал и порицал церковный суд. Тем не менее они без всякого стыда продолжают отношения. Управляющий поместьем в отчаянии посадил Джона в колодки и держал его там, пока тот не согласился прекратить прелюбодеяния и заплатить огромный штраф в одну марку.

Там, где хартия на владение землей дает помещику еще и право на «инфангентеф», в поместном суде появляется еще одно мрачное измерение. Инфангентеф — это право повесить вора, которого застали в поместье с поличным. Иногда у лорда есть и «аутфангентеф»: право повесить вора, даже если его поймали в другом месте¹. В данном контексте «с поличным» означает «с украденными вещами при себе». Владельцы таких поместий, как и сотенные лорды, должны сначала дожидаться приезда коро-
нера и только потом повесить виновного, но очень часто они — точнее, их бейлифы — не ждут. В 1313 году житель Бодмина, проснувшись, увидел, что ночью украли его лошадь. На следующее утро он увидел эту лошадь на Бодминском рынке у некоего

1. По этому поводу очень много путаницы. Я следовал определениям The Oxford Companion to Law, p. 616.

Роберта. Он поднял тревогу, их обоих арестовали и привели в суд. Помещик, приор Бодмина, обладающий правом инфангентефа, приказал тут же созвать заседание литского суда (юрисдикционного поместного суда); когда Роберт признался, его тут же, без лишних церемоний, повесили. По-хорошему, конечно, приор должен был послать за коронером, но судьба Роберта была решена уже в тот момент, когда у него нашли лошадь. Коронеры не отменяют приказы о казнях; они просто следят за тем, чтобы штрафы и иная собственность, по праву принадлежащие королю, не были присвоены лордом.

Право инфангентефа приводит к установлению в некоторых поместьях «имущественной границы» для повешения. Аббат Кроуланда повесит вас за кражу шестнадцати яиц, которые стоят 2–3 пенса, а вот другие лорды не повесят и за куда более тяжкие проступки¹. В Соуэрби, графство Йоркшир, в 1313 году жил некто Роджер, сын Амабель, который двадцать лет назад ограбил дом, украв овсяную муку, соль и хлеб. Хотя его еще тогда судили в окружном суде и отпустили под залог, но так и не оправдали. Более того, он по-прежнему держал при себе имущество своего брата Джона, которого повесили восемнадцать лет назад за кражу шести овец и пяти кварт овса. Их нужно было передать в собственность короля после казни Джона. Несмотря на то что Роджер виновен сразу в двух преступлениях, карающихся смертной казнью, — воровстве и присвоении имущества преступника, — его не повесили, а объявили «обычным вором» и оштрафовали на 2 шиллинга.

В Лондоне ни с кем не церемонятся. Сам город наделен правами инфангентефа и аутфангентефа, а его мэр обладает судебной властью, так что с любыми преступниками разбираются очень быстро. 2 февраля 1337 года шерифы привели к мэру и олдерменам Джона ле Уайта из Кембриджа. Его обвинили в ограблении, со взломом, дома торговца: он украл золотые и серебряные кольца, жемчужины, льняные нити и браслеты общей стоимостью 5 фунтов. Присяжные признали его виновным и приговорили к немедленному повешенью в Тайберне.

1. Bennett, *Life on the English Manor*, p. 196. Согласно счетам Генриха Ланкастера, при оптовой закупке дюжина яиц стоит пенни. Если даже розничная цена вдвое больше, шестнадцать яиц все равно стоят меньше трех пенсов.

19 мая того же года Дезидерату де Торинтон обвинили в краже тридцати серебряных блюд и двадцати четырех солонок общей стоимостью 40 фунтов у леди Алисы де Лайл, когда та гостила у епископа Солсбери на Флит-стрит. Четырнадцать блюд и двенадцать солонок нашли у нее. Ее тоже сразу же отвезли в Тайберн и повесили. Именно таким жестоким, но эффективным наказанием заканчивается мечта многих юношей и девушек из провинции, которые надеялись разбогатеть в Лондоне. Вы могли бы подумать, что Гильберту, сыну Гильберта из Степльфорда, графство Уилтшир, очень повезло: в 1341 году его взял в подмастерье лондонский торговец пряностями Джеффри Адриан. Его отец приложил немало сил, чтобы пристроить сына, и был уверен, что его мальчик вскоре разбогатеет. Но 17 июня в карманах у юного Гильберта нашли 40 фунтов, украденных у хозяина. Разъяренный хозяин в тот же день отвел несчастного Гильберта к мэру и олдерменам. Тот во всем признался. Всего через несколько часов после того, как он поддался искушению, его казнили. Несмотря на все усилия отца, который хотел устроить ему хорошую жизнь, его труп теперь качается на веревке в Тайберне.

Большинство обладающих хартиями городов к 1350 году разработали собственные наборы подзаконных актов, или «постановлений». Они регулируют поведение торговцев и посетителей города. В каждом наборе постановлений обязательно есть статьи, регулирующие выпечку хлеба, варку эля, использование мер и весов и штрафы за пролитие крови в драке. Интереснее всего — разница в правилах в разных городах. В Лондоне, например, запрещается играть в кости, если на вас надета маска (согласно подзаконному акту 1343 года). В 1359 году мэр Лондона запретил попрошайничество в пределах города. Трудоспособных попрошаек за нарушение закона в первый раз сажали в колодки в Корнхилле на полдня, во второй раз — на целый день. На третий раз их сажают в тюрьму на сорок дней. В четвертый раз их просто изгоняют из города навсегда.

Набор постановлений, разработанный для городов в пограничном районе Гламорган около 1330 года (основанный на своде законов Хартфорда), включает в себя довольно интересные пункты. На Хай-стрит (главной улице) запрещается доить коров. В городе запрещается играть в кости и кегли (штраф — 12 пенсов). Мясникам запрещается выбрасывать головы и копыта животных на Хай-стрит или любую другую улицу в пределах городских

стен. Никому не разрешается бросать навоз или любую другую грязь на улицы, в городской ров или вообще в пределах 40 футов от городских ворот и вблизи городской стены. Владельцам таверны запрещается открывать ее после 10 вечера, а если пивной владеет женщина — то после 9 вечера. У вас наверняка возник вопрос: «А почему так?» Но ваше любопытство по поводу разного времени закрытия заведений, управляемых мужчинами и женщинами, несомненно, затмит интерес к причинам появления следующего подзаконного акта: «Если шестеро мужчин обвинят женщину в том, что она ругает или поносит горожанина, или его жену, или кого-либо из их соседей, то после первого проступка ее сажают на позорный стул (стул с креплениями для лодыжек, закрепленный на длинном шесте на манер качелей) на час, после второго — на два часа. А на третий раз...» женщину погружают глубоко в воду¹.

Подзаконные акты Вустера (избранное)²

Номер, статья

Штраф

9. Пекарей не нужно штрафовать за плохо испеченный хлеб, но за любое нарушение закона о хлебе они должны быть наказаны. Кроме того, летом пекарям запрещается	20 шиллингов
---	-----------------

1. Эти подзаконные акты взяты из Moore (ed.), *Borough Ordinances of Cowbridge*. Перечень датирован 1610–1611 годами. Однако он основан на более раннем своде законов, а сорок пять из пятидесяти предписаний идут в том же порядке, что и составленные в 1330 году в Кенфиге, графство Гламорган. Соответственно, высока вероятность того, что законы Каубриджа тоже датируются XIV веком. Сейчас Каубриджи и Кенфиг находятся не на территории Англии, но в XIV веке они входили в регион Гламорган, находившийся в руках Англии, и их своды законов были созданы по образцу Херефорда. Позорные стулья в OED упоминают еще в первом десятилетии XIV века.
2. Smith (ed.), *English Gilds*, pp. 370–409. Эти подзаконные акты были составлены в правление Эдуарда IV. Однако они основаны на более ранних сводах законов, о чем ясно свидетельствуют некоторые фразы в самом документе, а также сравнение их с аналогичными сводами законов XIV века в других городах. Формулировки были значительно упрощены.

Номер, статья	Штраф
покупать зерно на рынке до 11 часов, а зимой — до 12 часов. Еще им запрещается перепродавать любое зерно, купленное на рынке. Их хлеб взвешивается и проверяется на качество каждую субботу.	
10. Пекари не должны принимать никакого зерна к себе домой по субботам (в базарные дни) до 11 часов.	6 шиллингов 8 пенсов
11. Жителям города нужно продавать эль по цене 1 пенс за три галлона. Два дегустатора эля должны быть жителями города, «серьезными и благоразумными», и они должны следить за тем, чтобы эль был хорошего качества.	6 шиллингов 8 пенсов
13. Незнакомцам запрещается покупать ячмень, солод и любое другое зерно на рынке, пока свои покупки не завершили пивовары и солодовники города. Они должны завершить покупки к 11 часам летом и к 12 часам зимой.	6 шиллингов 8 пенсов
14. Если чья-либо жена задолжает деньги и продаст любую еду или товары, чтобы возместить их, то в суде она должна выступать как независимая женщина, и любые судебные преследования ее не должны касаться мужа.	
15. Пожарные и их лошади и оборудование должны быть готовы в любой момент доставить любому горожанину воду в случае опасности пожара.	40 пенсов
19. Запрещается оставлять лошадей без присмотра в базарные дни.	1 пенс
20. Каждый горожанин обязан поддерживать чистоту дороги перед своим домом.	40 пенсов
21. Распутные и сварливые женщины, а также укрыватели беглых слуг и детей, признанные виновными городским судом, должны быть наказаны бейлифом по его усмотрению.	
22. Гильдии ремесленников должны устраивать в год пять праздничных шествий во славу Бога и города.	40 пенсов

Номер, статья	Штраф
23. Между горожанами и джентльменами графства должен быть мир. Горожане не имеют права получать или носить ливрею джентльмена.	
24. Внутренности забитых животных и кадки с кровью нельзя выносить днем — только ночью. Ни одну кадку с кровью нельзя оставлять на целый день и целую ночь, и летом, и зимой.	12 пенсов
25. По пять пожарных крючьев [для стаскивания горящих вещей с высоты] должно быть размещено в трех районах города.	
26. В городе запрещены деревянные печные трубы и соломенные крыши. Все деревянные печные трубы должны быть заменены каменными, а все крыши — покрыты черепицей.	6 шиллингов 8 пенсов за каждые шесть месяцев
30. Запрещается играть в теннис и жё-де-пом в ратуше.	40 пенсов
32. Каждый горожанин обязан иметь при себе оружие и быть готовым помочь бейлифу поддержать общественный порядок.	20 шиллингов
33. Горожанам запрещается получать и носить ливрею лорда в городе, собираться на незаконные собрания или ходить с оружием. Кроме того, горожанам запрещается укрывать у себя «мародеров, грабителей, воров, угнетателей, убийц, опасных преступников, людей вне закона, насильников, браконьеров, незаконно охотящихся в лесах, парках и на охотничьих участках, и иных нарушителей закона» или любых обвиняемых, которые еще не предстали перед судом.	40 шиллингов
34. Если человек затевает драку в черте города или вытаскивает меч или кинжал, то у него отбирают оружие. Если он проливает кровь, то будет оштрафован, а если не может заплатить штраф — его посадят в тюрьму. Это не распространяется на право домохозяина воспитывать слугу или подмастерье в рамках закона.	6 шиллингов 8 пенсов

Номер, статья	Штраф
38. Горожан запрещается сажать в общую тюрьму — только в одну из комнат ратуши, кроме случаев, если он попал в тюрьму за убийство или тяжкое преступление, или за долг больше 10 фунтов.	
40. Горожанам запрещается осуждать действия бейлифов или попрекать олдерменов, камергера или архивариуса.	20 шиллингов
44. Выборы представителей города в парламенте должны быть открытыми, в них участвуют фригольдеры с доходом не менее 40 шиллингов, они проходят в ратуше и «решаются простым большинством голосов» [примечание: без тайного голосования].	
45. Горожанам запрещается вести тяжбы с другими жителями этого же города в любом суде, находящемся вне города, за исключением вопросов, связанных с собственностью на землю.	
49. Все работники, которые ищут нанимателя, должны ежедневно собираться у Грейс-Кросса в рабочий день, летом — в 5 утра, зимой — в 6 утра.	
51. Седельникам, мясникам, пекарям, перчаточникам и любым другим людям запрещается бросать вунтренности, «грязный навоз животных» и пыль с моста через Северн. Кроме того, запрещается счищать шерсть со шкур везде, кроме как над мостом, между водопоем у ворот Св. Клементя и упомянутым мостом через Северн. Стирать тоже запрещается, кроме как под мостом, на дальнем берегу Северна или под Слипом.	6 шиллингов 8 пенсов
54. Набережную, слипы и покрытие Большого Слипа нужно содержать в порядке и регулярно ремонтировать.	
55. Бейлифы должны организовывать ремонт стен и ворот города.	

Номер, статья	Штраф
56. Запрещается «бросать навоз или заниматься распутством» на Слипе или набережной. Запрещается выпускать свиней, чтобы они разгуливали и досаждали соседям; после предупреждения бейлифа хозяин обязан увести их в загон.	40 пенсов
57. Мастера по кладке черепицы, живущие в городе, не имеют права заставлять незнакомцев, тоже умеющих класть черепицу, служить им. Им запрещается иметь собственный парламент. Каждый мастер обязан помечать черепицу собственным клеймом.	
68. Запрещается торговать в доме элем, если на двери нет вывески.	6 шиллингов 8 пенсов
69. Мясникам запрещается работать в городе поварами.	13 шиллингов 4 пенса
73. Все ремесленные гильдии города, которые проводят торжественные шествия во славу Божию и ради доходов города, и все гильдии, которые помогают в этом, а также в производстве факелов и свечей, использующихся на шествиях, могут следовать своим обычаям, как раньше. Любые мастера и профессиональные ремесленники, приезжающие в город, обязаны присоединиться к гильдии, если прожили в городе более двух недель. Каждая гильдия, участвующая в шествии, обязана каждый год предоставлять лампу, которую пронесут перед бейлифами города во время ночной службы на Рождество св. Иоанна Крестителя; старосты гильдий и все их члены обязаны в это время ждать бейлифов, одетые в лучшие одежды.	40 шиллингов
75. Пекарям запрещается печь лошадиный хлеб или содержать гостиницы.	6 шиллингов 8 пенсов
76. Запрещается устраивать гостиницу, если у вас над дверью нет вывески.	6 шиллингов 8 пенсов

Королевское правосудие

Какие законы существуют в стране? Откуда они произошли? Откуда людям известны формулировки законов? В конце концов, книг со сводами законов сравнительно мало, особенно вне Лондона, да и те, что есть, уже устарели. Очевидно, что ранить кого-либо, наносить ущерб или отбирать его собственность без причины — это преступление, но насколько далеко можно зайти при самозащите? Дело Джона де Бурга очень хорошо иллюстрирует проблемы. Джон — пятилетний мальчик из Лондона. Как-то утром в понедельник в апреле 1324 года он играл в доме Ричарда и Эммы де Латтер, соседей его родителей. Ему понравился клубок шерсти, принадлежавший Эмме, и он спрятал его под своим колпачком. Эмма обнаружила пропажу и ударила его правой рукой по левой стороне лица. Подобные наказания вполне нормальны, особенно в собственном доме: Эмма никаких законов не нарушила. Но удар вызвал какие-то невидимые повреждения — судя по всему, кровоизлияние в мозг, — и мальчик на следующий день умер¹. Нужно ли отдавать Эмму под суд? Боясь возможного обвинения в убийстве, она сбежала, чем лишь усугубила вину и репутацию участницы «преступления». Но достойна ли она повешения, если подобные наказания поощряются в обществе, потому что учат детей, что такое хорошо и что такое плохо?

Английское законодательство — это, по сути, сборник старых саксонских законов, которые постоянно пересматриваются и переписываются королевскими судьями с самого Завоевания. Те же королевские судьи ездят по стране и проводят заседания судов в городах. Эти законы называются «общим правом», потому что одинаково распространяются на всех жителей королевства и имеют приоритет перед местными обычаями и предписаниями. Именно поэтому местные власти должны дожидаться опытного королевского судьи, который и осудит заключенных. Если шериф берет правосудие в свои руки, то рискует сам совершить преступление.

Общее право может действовать лишь в том случае, если постоянно адаптируется к меняющимся обстоятельствам. Парла-

1. Scott (ed.), *Every One a Witness*, p. 227, цитата по *Calendar of the Coroner's Rolls*.

мент всё чаще инициирует изменения устаревших законов и издание новых. Депутат парламента, который хочет изменить закон, будь он аристократом, прелатом, одним из семидесяти четырех представителей графств или представителем города (их обычно от 165 до 185), должен подать петицию королю на заседании парламента. Некоторые петиции отвергаются лордами и прелатами, назначенными в комиссию по рассмотрению, но некоторые действительно ложатся в основу новых законов.

Многие наши основные законы были изданы в течение XIV века. Многие из них — всего лишь формализация старых обычаев, например неподсудность духовенства или неприкосновенность убежища. Впрочем, некоторые акты парламента народ просто игнорирует: хорошая иллюстрация — несколько безуспешных попыток установить единую систему мер и весов. Но, с другой стороны, некоторые акты жизненно важны. Например, с официальной точки зрения, в Англии существовали две «расы» — англичан и норманнов, — пока в 1340 году не отменили «закон об англичанстве». Акт 1362 года, разрешивший делать заявления в суде на английском языке, — еще одна веха в истории нации. Некоторые важные акты действуют даже до сих пор. Главные пункты акта об измене 1351 года, в котором Эдуард III четко оговорил, что такое «государственная измена», сохранились и в современном законодательстве. То же самое можно сказать об актах, запретивших приходить в парламент с оружием, а также акте 1383 года о запрете заступничества (когда лорды покрывают своих слуг-преступников). До сих пор действуют в современном мире также акт 1331 года, запрещающий арестовывать кого-либо вопреки Великой хартии вольностей, и акт 1381 года, по которому подстрекательство к бунту приравнивается к государственной измене (принятый после восстания Уота Тайлера). Что интересно, до сих пор действует и акт 1354 года, по которому запрещается лишать человека земли и собственности или казнить, не дав ему возможности сначала высказаться в суде. К сожалению, этот закон обычно применяют посмертно, когда наследник пытается вернуть себе имущество отца, восстановив его честное имя.

Парламент исполняет еще одну важную функцию, кроме издания новых законов: это самый высший суд страны. Если лорда судят за преступление, то это происходит в присутствии других лордов в парламенте. За государственную измену тоже

судят в парламенте. Так что некоторые из наиболее драматичных моментов столетия произошли в Вестминстере. 26 ноября 1330 года изменник Роджер Мортимер, первый граф Марч, стоял связанным и с кляпом во рту перед пэрами, которые приговорили его к смертной казни за четырнадцать установленных и множество неуставленных преступлений. На суде объявили, что он «отъявленный» преступник, чьи злодеяния известны всем. Никому даже не потребовалось давать показаний: все знали, что он виновен. Через три дня его отвезли на телеге из Тауэра на виселицу в Тайберне, раздели и повесили. Если вы окажетесь в Тайберне около первого декабря, то успеете увидеть его обнаженное тело, раскачивающееся на ветру.

Лорду Мортимеру в каком-то смысле повезло. Полное наказание за государственную измену таково: преступника привозят на виселицу на телеге или воловьей шкуре, раздевают, вешают, затем, уже полумертвого, снимают, потрошат и кастрируют, а затем четвертуют. В XIV веке полную казнь проводят очень редко. Большинство из тех, кого Эдуард II назвал изменниками, либо погибли в бою, либо были обезглавлены, либо повешены, словно обычные воры. В 1305 году объявленный вне закона шотландский патриот сэр Уильям Уоллес был повешен, выпотрошен и четвертован по приказу Эдуарда I. В 1317 году почтенный валлийский аристократ Лливелин Брен также был повешен и выпотрошен Хью, лордом Деспенсером. За его незаконную смерть отомстили в 1326 году, когда такая же судьба ждала самого Деспенсера по приказу лорда Мортимера. Деспенсера довели до места казни на четверке лошадей, повесили на 50-футовой виселице, затем сняли и еще живого выпотрошили и кастрировали. Его внутренности бросили в огонь. Лишь после этого его обезглавили и четвертовали. К 1400 году для виновных в самой серьезной государственной измене это жуткое наказание чуть изменили: потрошить стали перед повешением. В 1399 году Джона Холла, которого признали виновным в том, что он видел убийство дяди короля в Кале, приговорили к казни следующим образом:

...доставить от Тауэрского холма к Тайберну, там выпотрошить, сжечь его внутренности перед ним, затем повесить, обезглавить и четвертовать, после чего отправить голову в Кале.

Если вам интересно, не умер ли он еще от потрошения, до повешения, — нет, не умер. Палач перевязал самые важные кровеносные сосуды, чтобы преступник успел увидеть, как горят его внутренности. А когда его четвертовали, то действительно четвертовали, а не просто отрубили конечности. После обезглавливания его туловище разрубили на четыре части с конечностью на каждой. Если вы сходите на Лондонский мост, то увидите там кол, на который насадили одну из четвертей его тела — бывшую правую часть груди, ребра, легкое, плечо и правую руку.

Королевские суды

Центральных королевских судов в Англии три: Казначейский суд, Суд королевской скамьи и Суд по общим делам. Казначейский суд занимается делами, связанными с финансами короны. Суд королевской скамьи — уголовными делами, а также апелляциями из судов более низких инстанций. Суд по общим делам — тоже апелляционный суд, но он прежде всего занимается судебными тяжбами, связанными с долгами, воровством, мошенничеством, незаконным арестом имущества и прочими подобными делами.

В здания этих судов большинству людей не попасть. Важны они прежде всего тем, что судьи из Суда королевской скамьи и Суда по общим делам ездят по графствам, обычно дважды в год, и проводят заседания по делам, о которых им сообщили после шерифских турне и судов графств. По сути, эти суды — главные исполнители королевского правосудия в стране.

Полномочия, по которым они судят преступников, различаются. Раз в семь лет собирается общая выездная сессия, на которой судьи должны рассмотреть все незакрытые дела. Приезд судей в город — это значительное событие: более 2000 человек присутствовали на заседаниях суда в Кенте в 1313–1314 годах. Чаше король отдает приказ «*oyer et terminer*» — «выслушать и вынести вердикт» по всем незакрытым делам в графстве. Особая форма таких судов с 1305 года называется «трейль-бастон». Еще существуют ассизы, или выездные суды присяжных: судьи ездят по графствам по шести маршрутам и судят всех преступников, которых встретят. Наконец, есть

еще и «доставка из тюрьмы». Как вы поняли по названию, судьи просто опустошают тюрьмы. В начале века, когда судьи Суда королевской скамьи путешествуют вместе с королем, они при каждой остановке рассматривают дела тюремных заключенных. Те, кто ждут суда в шерифской тюрьме, неожиданно узнают о прибытии судей. Их спрашивают, как они хотят оправдаться. Если они заявляют о своей невинности, то дело рассматривается судом присяжных. Если присяжные подтверждают их невинность, их просто отпускают. Если нет — их наказывают. Снова и снова ситуации, где на кону стоит жизнь, получают драматическое разрешение: мы либо видим невероятное облегчение, либо слышим крики отчаяния женщины, мужа которой только что признали виновным и тащат на виселицу, стоящую у ворот замка.

Поскольку в тюрьмах сидят воры и убийцы, то приговаривают их обычно к повешению. В целом около трети всех обвиняемых казнят, а остальных отпускают. Есть, впрочем, и некоторые другие наказания. Встречаются пожизненные заключения: Хью ле Бевера из Лондона (чью собственность мы описывали в седьмой главе) посадили в тюрьму за убийство своей жены Алисы, «чтобы он отбывал наказание до самой смерти». Но к пожизненному заключению приговаривают очень редко. Иногда, если женщину обвиняют в малой измене (убийстве мужа, лорда или работодателя), то ее сжигают заживо, но такая казнь тоже применяется очень редко. Ведьм и еретиков в Англии обычно вешают, а не жгут. Сжигание заживо за ересь в стране ввел лишь парламент 1401 года. По обычаям некоторых древних городов, за определенные преступления отрубали конечности. Например, за нападение на олдермена Лондона отрубали руку, которая держала меч или кинжал. По Лесной хартии (изданной около 1217 года) браконьерам руки больше не отрубали, как во времена короля Иоанна, но вот их животные конечностей лишались. Так что браконьер, может быть, отделается только штрафом, но его собака лишится лапы. Если лошадь убьет хозяина, то ее конфискуют в качестве деоданда («отданной Богу») и продают, а выручку отдают в королевскую казну. Даже корабль может быть обвинен в убийстве и конфискован в качестве деоданда; выручку от его продажи отдают королю, который раздает ее как милостыню. Подобная практика покажется вам невероятной, но, по крайней мере, она чуть более рациональна, чем система, установленная

во Франции, где ослов, свиней и коров часто судят и вешают за убийство, если они убивают ребенка. В 1349 году корову торжественно сожгли на костре именно за такое преступление.

Мировые суды

Мировые комиссары — предтечи современных мировых судей (с формальной точки зрения «судьями» их можно назвать только в том случае, если у них есть полномочия рассматривать судебные дела). В 1307 и 1308 годах мировые комиссары получили право арестовывать людей по подозрению в тяжком преступлении, а в 1316 году в Кенте они получили право еще и рассматривать дела арестованных, чтобы очистить тюрьмы. Несмотря на то что мировых комиссаров назначает король, они — местные жители. Возникает серьезный вопрос: нужны ли вообще местные судьи? С одной стороны, если не разрешить местным жителям регулярно вешать своих преступников, преступность выйдет из-под контроля. С другой стороны, если разрешить, коррупции избежать невозможно. Много невинных людей погибнет без обращения к общему праву.

Решающую роль в вопросе сыграл постепенный распад старой системы правопорядка. Последние общие выездные сессии были проведены Роджером Мортимером и королевой Изабеллой в 1328–1330 годах. В следующее десятилетие постепенно прекратились и трейльбастоны. Попытки укрепить авторитет мировых комиссаров не всегда заканчивались успешно. Наконец, в 1361 году Эдуард III создал институт мировых судей. В мировые судьи нужно выбирать «трех—четырёх достойнейших людей графства, сведущих в праве». Они получили право арестовывать нарушителей спокойствия и бунтовщиков, наказывать их в соответствии с тяжестью нарушений, арестовывать людей по подозрению в нарушении спокойствия и сажать их в тюрьму, взимать достаточные суммы денег, чтобы гарантировать хорошее поведение подозреваемых в будущем, и судить за преступления и проступки в соответствии с приказами *oyer et terminer*. Этот Акт 1361 года — один из тех, что частично до сих пор действуют в современном мире.

После 1361 года власть мировых судей всё растёт. В 1368 году им поручили наблюдение за исполнением законов, запрещаю-

щих рабочим назначать слишком высокие цены за свой труд. В 1383 году они получили право арестовывать бродяг или накладывать на них высокие условные штрафы, чтобы гарантировать их хорошее поведение. Кроме того, именно на них возложили задачу по искоренению заступничества. В 1388 году увеличили количество мировых судей в каждом графстве, а за каждый день заседаний им назначили жалованье в 4 шиллинга. Мировой судья превратился в очень важную персону: его жалованье в двенадцать раз выше, чем у среднего рабочего, к тому же он наделен правом арестовывать, сажать в тюрьму, судить, штрафовать и вешать преступников.

Организованная преступность

Огромную сумму денег — 4000 фунтов золотом, если точно — нужно перевезти из Лондона королю в Лестер, на расстояние 90 миль. Как вы думаете, сколько человек ее охраняют? Пятьдесят? Сто? Двести? Вы немало удивитесь, узнав, что это сокровище охраняют всего пять лучников¹. Ваши мысли по этому поводу, скорее всего, совпадут с мыслями многих английских преступников того времени. Эти пять лучников могут быть сколь угодно хороши, но, доверив такую огромную сумму такому малому числу людей, чтобы они везли ее на такое далекое расстояние, вы вызываете огонь на себя. Неслучайно, что именно в этот период в популярную культуру вошла легенда о Робин Гуде. Устроив засаду на богача, можно хорошенько пожить, так что те, кто могут собрать банду, способную убивать и грабить, вполне могут на этом разбогатеть.

Примерно треть всех организованных преступных группировок в Англии — семейные. Естественно, большинство из них основаны на неформальном сотрудничестве. Мужья и жены нередко вместе пускаются на преступления, равно как и братья. А иногда — даже сестры. Преступная семья Варон из Салля, графство Норфолк, включает в себя трех сестер, брата и еще

1. Wylie, *England under Henry IV*, iv, p. 318. Эти события происходили в 1410 году, но, скорее всего, это хороший показатель того, насколько тщательно охраняли перевозимые ценности в целом.

одного родственника, Джона Варона. Двух сестер и брата в 1321 году обвинили в скупке краденого; они избежали правосудия, как и третья сестра в том же году. Джона, однако, признали виновным в краже одежды и предметов домашнего обихода на сумму в 8 шиллингов у одного из горожан. Его повесили. В 1325 году всех четверых оставшихся Варонов снова посадили за решетку. Их тюремщика специально проинструктировали, чтобы он обращался с ними как можно хуже. Тем не менее они выжили. Выжили они и после апелляции преступника, обвинившего их в феврале 1326 года в краже большого количества ткани. Двух сестер снова обвинили в воровстве в августе 1326 года. Они остались в бегах, по-прежнему промышляя воровством.

Семьи вроде Варонов, естественно, доставляют немало проблем соседям, но в сравнении с некоторыми бандами они относительно безвредны. Намного более серьезная проблема — вооруженные преступники, которые не стесняются применять силу. Вам точно не захочется встречаться, например, с главой банды из Вустера Малкольмом Мюзаром, который в 1304 году напал на дом приходского священника с группой лучников: их нанял разобидевшийся прежний глава прихода. Да и с Джоном Фитцвальтером, бандитом из Эссекса, который дважды осаждал Колчестер и брал в заложники весь город, вам лучше дела не иметь.

Как этим бандам удастся оставаться на свободе? Ответ, наверное, вас шокирует. Но вместе с тем вряд ли удивит. У преступников очень часто есть связи с самыми богатыми и влиятельными членами общества: рыцарями, дворянами, иногда даже аристократами. Граф Девон в поездке по графству пригрозил убить мирового судью. Рыцари, бывает, обнажают в суде меч и подносят его к горлу судьи. Даже на самых выдающихся судей действуют угрозы и взятки. Сэр Джон Инг, судья из Суда по общим делам, сознался во взяточничестве. Сэра Ричарда Уиллоуби обвинили в том, что он «торгует законами, словно скотом», и оштрафовали на 1000 фунтов. В 1350 году на взяточничестве попался даже такой значительный чиновник, как сэр Уильям Торп, главный судья Суда королевской скамьи.

Хороший пример того, с чем приходится иметь дело судьям, — банда Фолвиллей. У умершего в 1310 году Джона Фолвилля, владевшего поместьями Эшби-Фолвилль (Лестер-

шир) и Ти (Ратленд), было семеро детей: Джон, Юстас, Лоуренс, Ричард, Роберт, Томас и Вальтер. Старший из них, Джон, получил в наследство Эшби-Фолвилль и остался законопослушным. Остальные же сыновья — нет. Самый опасный преступник из них, Юстас, получил в наследство Ти и объединился с двумя своими братьями и братьями Зуш (Ральфом, Роджером и Иво) в банду, чтобы поймать и убить своего давнего врага, Роджера Беллерса. Беллерс — не последний в обществе человек: барон казначейства, находящийся под покровительством королевского фаворита — Хью, лорда Деспенсера. Тем не менее 19 января 1326 года на дороге между Мелтон-Моубреем и Лестером его убили. Бандиты вонзили ему под ключицу длинный нож, доставший до сердца.

Убийцы сбежали из страны. За неявку в суд их объявили вне закона. Но им повезло, потому что в сентябре 1326 года Роджер Мортимер и королева Изабелла вторглись в Англию и убили Хью Деспенсера. Все дела против Фолвиллей закрыли, и их помиловали. Вернувшись в Англию и решив, что у них теперь есть собственный политический покровитель, Фолвилли устроили серию ограблений в Линкольншире. В 1327 году они окончательно осмелели и стали разгуливать по большой дороге с целой бандой сообщников в поисках жертв, которых можно припугнуть, изнасиловать или захватить в заложники. В следующую пару лет лично Юстаса обвинили в четырех убийствах, изнасиловании и трех ограблениях, и это, скорее всего, далеко не полные данные. Но ловушка снова захлопнулась в конце 1328 года: их заставили искупить вину, вступив в армию Мортимера, чтобы подавить восстание графа Ланкастера. Их снова помиловали. Но, находясь под защитой Мортимера, они разграбили Лестер, забрав у горожан ценности на общую сумму не менее 200 фунтов.

Попытки арестовать Фолвиллей в 1330 году не увенчались успехом. Их позиции в Лестершире несокрушимы. Старший из братьев Фолвиллей, Джон — единственный, кто вообще никак не был замешан ни в одном преступлении, — к тому времени стал мировым комиссаром. Он вполне мог снабжать братьев информацией. Сэр Роберт Колвилль попытался арестовать Юстаса прямо в Ти, но был отброшен, а позже — обвинен в незаконном нападении. Роджера де Венсли наняли, чтобы он отыскал Фолвиллей и еще одну печально известную банду из того

же региона, Котрелей (которых возглавлял Джеймс Котрель), но, найдя бандитов, он просто к ним присоединился.

В 1331 году Фолвиллей наняли каноник Семпрингемского приората и келарь Гаверхольмского аббатства. Эти священнослужители, уже ранее укрывавшие банду от преследований, заплатили им 20 фунтов за разрушение водяной мельницы, принадлежащей их сопернику. Вскоре мельница лежала в руинах. Следующее преступление Фолвиллей оказалось намного более амбициозным. Они объединились с несколькими другими преступными группировками, в том числе Котрелями, Брэдбернами, компанией Саважей (ее возглавлял Роджер Саваж, друг Джеймса Котреля), сэром Робертом Тюше (бывшим констеблем замка Мельбурн) и сэром Робертом де Вером (констеблем замка Рокингэм). План был таков: похитить богатого королевского судью сэра Ричарда Уиллоуби (того самого, которого потом обвинят в «торговле законами, словно скотом»). Они схватили его 14 января 1332 года, когда он приехал в Лестершир по приказу *oyer et terminer*. Отняв у него 100 фунтов, они взяли его в заложники, назначив колоссальный выкуп в 1300 марок (866 фунтов 13 шиллингов 4 пенса).

Подобный неприкрытый бандитизм оставить без внимания было уже невозможно, так что именно «благодаря» Фолвиллям и Котрелям в 1332 году организовали самый строгий трейльба-стон из всех. Во главе комиссии стояли трое самых важных судей королевства: Джефффри ле Скроп (главный судья Суда королевской скамьи), Уильям де Эрль (главный судья Суда по общим делам) и Джон Стонор (предыдущий главный судья Суда по общим делам). Несмотря на эту демонстрацию силы, главных преступников так и не удалось призвать к ответу. Джеймс Котрель и Роджер Саваж бежали в лес Хай-Пик в Дербишире. Комиссия выдала ордера на арест более двухсот сообщников Фолвиллей и Котрелей. Лишь четверть из них предстала перед судом, и практически всех оправдали местные суды присяжных, состоявшие из людей, которые слишком боялись их осудить.

В конце 30-х годов Фолвилли и Котрели сумели вернуться в общество. Многие бывшие бандиты приняли участие в военной экспедиции Эдуарда III в Нидерланды в 1338 году. После этого Юстас окончательно завязал с преступной жизнью. Ему невероятно повезло: он получил рыцарское звание и мирно скончался в 1347 году, за год до этого поучаствовав

в битве при Креси. Главой банды стал Ричард Фолвилль, приходской священник из Ти. Ему и его собратьям-преступникам настал конец в 1340 году, когда их всё же настиг заклятый враг, сэр Роберт Колвилль. Он гнался за бандитами до самого Ти; они укрылись в церкви. Колвилль уже десять лет пытался их арестовать, так что не собирался давать им ни малейшей надежды и напал. Началась жестокая перестрелка; Фолвилли выпускали из окон церкви тучи стрел, но так и не смогли справиться с Колвиллем. Их вытащили из церкви по одному и обезглавили на месте за сопротивление аресту¹.

Церковные суды

Прочитав о Ричарде Фолвилле, вы, скорее всего, зададите вопрос — какое право вообще священники имеют заставлять вас соблюдать закон. Этим же вопросом задаются многие. Как епископы и архидьяконы могут заставлять нас соблюдать какие-либо моральные нормы, когда некоторые священнослужители даже публично признают своих незаконных детей?² Тем не менее дискуссия о законах и правосудии была бы неполной без упоминания церковных судов. Благодаря одному из аспектов церковного права — неподсудности духовенства — вы как человек грамотный сможете избежать смертной казни за преступление.

В Англии несколько видов церковных судов. Самые важные из них — епархиальные суды, обладающие юрисдикцией в целой епархии, и архидьяконские суды. В них рассматриваются самые разнообразные дела. Если один человек хочет обвинить другого в нравственном преступлении — например, клевете или избиении жены — и они оба живут в одном архидьяконстве, то обращаться нужно в архидьяконский суд. Впрочем, это недешевое удовольствие. Заявление в суд стоит 3 пенса. Иск (документ, который требует от подзащитного явиться в суд) — 2 шиллинга 1 пенс.

1. Подробности о Фолвиллях и Котрелях позаимствованы из Stones, 'The Folvilles of Ashby-Folville' и Bellamy, 'The Coterel Gang'.

2. Пример — Генри Бофор, епископ Линкольна, позже — епископ Винчестера. У него была дочь Джоанна от Алисы Фитцалан. См. ODNB.

Расследование — еще 1 шиллинг. Исполнение наказания обойдется в Кентерберийской епархии в 7 шиллингов 8 пенсов. В общем, в архидьяконский суд обращаются лишь в самых крайних случаях.

Не менее важны обвинения в нравственных преступлениях, поступающие в суд церкви. Среди них — диффамация, пьянство, сквернословие, работа по воскресеньям (особенно часто в этом обвиняют мясников и цирюльников), непосещение церкви по воскресеньям, ересь, лжесвидетельство, незаконное получение милостыни, поедание мяса в постный день, нападение на священника, неуплата десятины, ростовщичество, плохое обращение с женами, разводы (на основе кровного родства или невыполнения супружеских обязанностей), а также судебные дела против священников. Больше всего дел (от трети до двух третей) посвящено различного рода преступлениям, связанным с сексом: в основном — прелюбодеянию, двоеженству и адюльтеру, а также проституции, рождению детей вне брака, гомосексуализму и инцесту. Все подобные дела рассматриваются в епархиальных судах. Комиссар может назначить преступникам штраф, порку, обязать нести свечи на воскресном шествии в церкви, первыми положить пожертвования на алтарь или стоять в белой простыне у дверей церкви три воскресенья подряд, признаваясь каждому в преступлении. Неявка в суд приводит к запрету на посещение церкви до окончания судебного разбирательства, а в худших случаях — к отлучению.

Любой аристократ имеет право на суд пэров в парламенте, а любой священник — на церковный суд. Это право называется «неподсудность духовенства» (*Benefit of the Clergy*) и закреплено актом 1315 года. «Выгода» (*benefit*) вполне очевидна: даже если священника признают виновным в тяжком преступлении на Конвокации (высшем церковном суде, эквиваленте парламента), его всё равно не казнят. Что интересно, доказать, что вы священнослужитель, очень просто: достаточно всего лишь прочитать фразу из Библии. Если вас обвинят в преступлении и приведут в суд, сошлитесь на неподсудность духовенства и прочитайте текст, который вам дадут. В теории вас будут судить еще раз, уже в церковном суде (даже если королевский суд уже признал вас виновным), но чаще всего священник, который возьмет на себя ответственность за вас, просто вас отпустит.

Неприкосновенность убежища

Для тех, кто виновен в серьезном преступлении и боится наказания, остается последняя возможность. Если вы успеете добраться до церкви, прежде чем вас арестуют, то можете попросить там убежища. Захлопнув за собой освященную дубовую дверь, вы (теоретически) окажетесь в безопасности на сорок дней. Неприкосновенность убежища подтверждается, когда вы исповедуетесь в этой церкви при свидетеле. Ваши преследователи обязаны поставить стражника у двери, чтобы не дать вам сбежать — в случае вашего побега его оштрафуют. По акту 1315 года человека, попросившего убежища в церкви, запрещается морить голодом — стражники должны вас кормить. Более того, вам даже разрешается спокойно выходить из церкви, чтобы справить на улице естественные надобности. В течение сорока дней должен явиться коронер и конфисковать ваше имущество. Затем он назначит вам морской порт, из которого вы покинете королевство. Вас отправят туда по королевской дороге, с непокрытой головой и босого, и посадят на корабль, отплывающий в другую страну.

Так всё работает в теории. На практике вам очень повезет, если вы доживете до изгнания, особенно если вы убийца. Иногда коронера просто «не смогут» вызвать и через сорок дней просто перестанут вас кормить. Иногда — вообще не будут кормить. Когда из страны изгоняют вора, его по дороге преследует целая толпа, всячески издеваясь. Личные обстоятельства часто усложняют применение права. Один человек, обвиненный в убийстве священника, сбежал от его слуг и попросил убежища в церкви. Поскольку он бежал от правосудия — слуги священника уже пытались его арестовать, — ему не дают права покинуть королевство. Через сорок дней ему предлагают два варианта: умереть в церкви от голода или сдаться. Он выбирает второе, и его тут же вешают. В 1320 году Изабелла де Бери убила приходского клерка лондонской церкви Всех Святых на Стене, а затем попросила убежища в той же самой церкви. Сам епископ Лондона отправил письмо, что церковь отказывается укрывать преступницу; ее вытащили на улицу и повесили.

Наконец, стоит отметить, что неприкосновенность убежища часто просто игнорируется. Как показывает случай с Ричардом Фолвиллем, священник, который прячется в собственной церкви,

не может заявить о неприкосновенности убежища, если он известный преступник. Когда главного судью Тресилиана нашли в Вестминстерском аббатстве во время заседания Безжалостного парламента, ему не позволили покинуть королевство: дядя короля вытащил его из церкви, после чего его повесили. Многие люди во время восстания Уота Тайлера искали убежище в церквях; многих из них силой выволакивали на улицу и обезглавливали как беглецов от правосудия, не обращая внимания на закон. Все зависит от отношения к виновнику. Бретонец, которого приютила у себя любимая в народе старая вдова из Лондона, убил ее во сне и украл ее вещи. Когда его пытаются арестовать, он ищет убежища в церкви. Это дает ему лишь небольшую передышку. Как только коронер назначил ему порт, убийца тут же вышел на дорогу. Скорбящие друзья вдовы, поджидавшие преступника, быстро забили его камнями до смерти. В средневековой Англии народное правосудие не менее безжалостно, чем королевские судьи и петля палача.

XI

Развлечения

Очень трудно, встретившись со всеми тяготами жизни, вспомнить, что в Англии XIV века есть и немало радостей. Столетие выдалось тяжелым, но люди сумели приспособиться. Несомненно, они живут полной жизнью, вне зависимости от того, что их больше радует — танцы, рыцарские турниры или соколиная охота. Шуты и менестрели рассказывают шутки и байки своим хозяевам, лордам и королям, исполняют музыку, танцуют и поют. Смех — неотъемлемая часть повседневной жизни. Когда никто не смог найти в себе смелости, чтобы рассказать королю Франции о поражении его флота при Слэйсе в 1340 году, в конце концов новость сообщил шут: «О, французы были так храбры, что бросались в море — в отличие от трусов-англичан, которые остались на кораблях». В 1313 году Эдуарда II развлекали Бернард Шут и шестьдесят четыре обнаженные танцовщицы. Можете думать что угодно об Эдуарде II, но подобное событие привлечет внимание любого человека, в какую бы эпоху он ни жил.

Музыка и танцы

Прислушайтесь.

Повсюду очень тихо.

Единственное, что вы будете слышать на дороге, — ветер в ветвях, журчание ручьев, редкие выкрики и птичье пение. Французский рыцарь Ла Тур Ландри после прогулки по саду рассказал

о диких птицах, певших на разных «языках»: «они были полны веселья и радости». Поэт Уильям Лэнгленд, лежащий на берегу ручья, наклоняется над ним, заглядывает в воду и говорит, что рябь в ручье звучит очень красиво.

Внутри домов тоже практически полностью тихо, за исключением разве что треска пламени, глухого стука от тяжелой бочки, которую ставят на каменный пол, или звона уроненной оловянной тарелки. Самые громкие звуки, которые вы когда-либо услышите, — гром, фанфары, колокольный звон в городе, стук копыт боевых коней (например, во время кавалерийской атаки или на турнире) и (очень, очень редко) пушечные выстрелы. Но, не считая музыкальных инструментов и колоколов, все эти звуки звучат нечасто. Если вы сидите за главным столом в холле замка, то самый громкий звук, который вы услышите, — болтовня слуг.

Благодаря этой сравнительной тишине люди слушают по-другому. Их слух намного яснее. Когда лает собака, они сразу понимают, чья это собака. Они более чувствительны к голосам. И, прежде всего, они внимательно слушают музыку.

Люди в Средние века обожают музыку. Музыка — вместе с любовью к хорошей еде, хорошим шуткам и хорошим историям, — это то, что объединяет всех, от самого влиятельного аристократа до самого жалкого крепостного. Даже монахам нравится игра менестрелей — особенно звуки арфы. Музыка — это еще и выражение щедрости лорда: он предлагает ее всем посетителям резиденции. Если у лорда не играет музыка, он считается негостеприимным. Музыканты ценятся очень высоко. В феврале 1312 года Эдуард II подарил на пиру 40 марок (26 фунтов 13 шиллингов 4 пенса) своему менестрелю, бывшему глашатаю «Королю Роберту», и его собратьям-музыкантам. В 1335 году Эдуард III с радостью подарил 50 марок (33 фунта 6 шиллингов 8 пенсов) другому бывшему глашатаю, ставшему менестрелем, мастеру Эндрю Кларонселю и его компаньонам за «менестрельское искусство», которое они дарили королю и придворным. Это огромные суммы за несколько часов развлечения. Роджер Беннинг и его менестрели получили всего 20 марок (13 фунтов 6 шиллингов 8 пенсов), выступив для короля и королевы в Кингс-Лэнгли в июле 1341 года, но и от такой суммы отмахиваться нельзя. Равно как и от оплаты в полмарки (6 шиллингов 8 пенсов), которую получил Ханекино, сыграв на скрипке для короля перед статуей Девы Марии в Крайстчерче, Кентербери,

в 1369 году. Большинству, чтобы получить такие деньги, приходится работать не менее трех недель.

Инструменты, на которых играют музыканты, постоянно меняются и развиваются. Нет никаких шаблонов для производства арф, труб и даже скрипок. Двух одинаковых инструментов не существует: их делают вручную, так что каждый из них, по сути, представляет собой уникальную модель. Количество струн на арфе может быть разным, равно как и длина трубы. Инструментальный состав менестрельских групп тоже различается. Среди инструментов, изображенных в менестрельской галерее Экстерского собора (построенного около 1350 года), — волынка, флейта, скрипка, арфа, труба (без клапанов), переносной орган, бубен и еще три инструмента, которые вам, возможно, неизвестны: гиттерна, цитола и шалмей.

Музыкальные инструменты XIV века
(за исключением тех, на которых играют до сих пор)

Название	Описание
Гиттерна	Маленький инструмент с округлой крышкой деки, похожий на лютню, но без грифа («гриф» — всего лишь продолжение деки, выполненной в виде капли воды). У гиттерны четыре или пять пар струн, играют на ней плектром из перьев
Цитола	Струнный инструмент, характерный для XII и XIV веков. Его дека в форме листа падуба, гриф короткий, крышка деки плоская, струн — три или четыре пары, играют на них пальцами
Шалмей	Длинная деревянная трубка с двойным язычком наверху (как у современного фагота) и колоколообразная снизу. Шалмей похож на главную трубу волынки, но намного больше по размеру
Накиры	Металлические барабаны, похожие на литавры. На них играют, либо вешая пару на пояс, либо, если они очень большие, ставят на землю
Малый барабан	Переносной барабан, на раму которого натянута кожа (часто сопровождает игру на флейте или свирели)

Музыкальные инструменты XIV века (за исключением тех, на которых играют до сих пор)

Название	Описание
Псалтерий	Средневековая арфа с металлическими струнами в квадратном футляре, на которой играют плектром из перьев
Горн (клариион)	Изогнутая труба
Ребек	Трехструнная скрипка, на которой играют смычком
Тромбон (сакбат)	Длинная изогнутая труба
Крумгорн	Изогнутый шалмей с мундштуком на языке, благодаря чему в него можно дуть, сидя в седле (иначе от тряски язычок бы быстро сломался)
Колесная лира	Струнный инструмент, на котором играют, поворачивая колесо, проходящее по струнам (часто сопровождает игру на волынке)

Поскольку музыка — это один из немногих доступных способов устроить громкий шум, у нее есть и иные предназначения, кроме развлечения зрителей. В «высоком» менестрельском искусстве используются громкие инструменты: трубы, тромбоны, волынки, горны, шалмеи и накиры, — а вот «низкое» искусство более мелодично. Почему глашатаи сотрудничают с трубачами — очевидно: многие глашатаи управляют целыми труппами музыкантов, издающих громкие призывные звуки. Лорды в путешествиях или при подготовке к войне берут с собой менестрелей, владеющих «высоким» искусством. В свите Эдуарда III во время французской кампании 1345–1347 годов находился целый отряд менестрелей: пятеро играли — на трубе, один на цитоле, один — на малом барабане, двое — на горнах, один — на накире и один — на скрипке. Генрих IV в бытность графом Дарби отправился в путешествие по Европе в 1392 году в сопровождении двух трубачей, трех флейтистов и барабанщика. Городские группы стражников тоже пользуются музыкальными инструментами, в случае если нужно поднять тревогу. Поскольку медные трубы и горны очень дороги и редко встречаются вне аристократических домов,

стража городских ворот играет на шалмях. Если и шалмея найти не удастся, то используются хорошие охотничьи рожки.

Что же касается «низкой», более мелодичной музыки — где вы ее можете услышать? Да практически везде. На аристократических пирах всегда играют музыканты — не менее 175 музыкантов наняли на посвящение в рыцари принца Уэльского (будущего Эдуарда II) в марте 1306 года. Но вы услышите и пастухов, играющих на флейтах и свирелях на холмах. Николас, студент Кембриджа из чосеровского «Рассказа Мельника», играет на псалтерии. Абсолон из «Рассказа Мажордома» — на волынке, как и сам рассказчик-Мельник. Эсквайр, прислуживавший рассказчику-Рыцарю, играет на флейте. Прогуляйтесь по усадьбе сэра Джеффри Латтрелла в Линкольншире в 1340 году, и, возможно, увидите, как крестьянин играет на волынке, а под музыку танцует акробатка. Другие крестьяне будут играть на колесной лире, накирах, колокольчиках и даже переносном органе. Когда в местной церкви придет время варки эля (это называется «скотэль»), все музыкальные инструменты, которые есть в деревне, задействуют для развлечения жителей.

Где музыка, там и танцы. Поскольку менестрельское искусство включает в себя в том числе акробатику и жонглирование, танцоры и музыканты часто путешествуют вместе, труппами. Иногда их выступления поражают: вы обязательно захотите увидеть, как акробат стоит на руках на кончиках двух мечей, а ему аккомпанирует музыкант, играющий на двух флейтах сразу¹.

Акробатические трюки под удары барабанов или молодые девушки, танцующие эротический танец Саломеи, привлекают не меньше внимания. Кроме того, в музыкальном представлении может участвовать медведь-танцор или дрессированная собака. На событиях местного масштаба вроде скотэля вы, скорее всего, увидите, как крестьяне пускаются в пляс. По большей части любительские танцы — это хороводы (*carols*): все берутся за руки или под руки и двигаются влево-вправо вокруг запевалы, который поет куплеты. Затем все, кто стоит в хороводе, подхватывают припев. В современном английском языке слово *carol* означает рождественскую песню, но в Средние века в хороводах нередко исполнялись непристойные, а то и откровенно эротические песни. Поскольку хороводы иногда проводятся во

1. Иллюстрация в Reeves, Pleasures and Pastimes, p. 3.

дворах церквей (на улице танцуют не реже, чем в помещении), многие священники оскорбляются. Некоторые даже погрозят вам пальцем и напоят об истории, рассказанной Уильямом Мальмсбери, — как в ночь перед Рождеством двенадцать танцоров устроили в церкви хоровод и уговорили присоединиться дочь священника. Священник запретил им танцевать и поклялся, что если они не прекратят, то он заставит их танцевать без перерыва целый год. Так и случилось: его проклятие сработало. Руки танцоров соединила неодолимая сила, и они не смогли прекратить танец. Когда сын священника подбежал к ним и попытался спасти сестру, схватив ее за руку, рука отломилась, словно гнилая палка.

Но не обращайтесь внимания ни на Уильяма Мальмсбери, ни на священников, грозящих пальцами. Танцуют все. Поют тоже все. В церквях и монастырях священнослужители поют мессу. Английские дисканты (трехголосные полифонические произведения) и мотеты появились в последнее десятилетие века. К 1400 году Англия практически стала самым выдающимся музыкальным королевством всего христианского мира. Даже королевская семья сочиняет и исполняет музыку (они играют на флейте и арфе). В молодости Генрих IV и его первая жена Мария де Богун вместе пели и играли. Чосер писал, что мать Генриха, леди Ланкастер, «танцевала так ловко, пела и сама, и в хороводе так прекрасно... что никогда небеса не видели такого блаженства». Даже его Батская Ткачиха рассказывала, что «как соловей, умела петь под арфу и танцевала жигу с пестрым шарфом, особенно когда хлебну винца». О жене плотника в «Рассказе Мельника» Чосер тоже отзывается так: «Был голосок ее так свеж и звонок, что ей из клетки отвечал щегленок». В начале «Видения о Петре Пахаре» Уильяма Лэнгленда по холму идет целая толпа поющих людей. Все поют и танцуют. В век чумы, войн и страданий без этого никуда.

Спектакли

В поездках из города в город вы рано или поздно неизбежно увидите спектакль. С наибольшей вероятностью это будет «чудо» или «мистерия», которые проходят в крупных городах в дни почитания святых. Особенно знамениты спек-

такли в Йорке, Честере и Уэйкфилде, но, кроме них, «чудеса» ставят в Ковентри, Ньюкасле, Норидже, Нортгемптоне, Броне (графство Суффолк), Бате, Беверли, Бристоле, Кентерберии, Ипсвиче, Лестере, Вустере, Линкольне, Лондоне (в Клеркенвелле) и Эксетере¹. Пять спектаклей, или «шествий», Вустера оговорены в законах города (см. десятую главу).

Йоркские мистерии ставятся на переходящий праздник Тела и Крови Христовых (четверг после дня Святой Троицы). Каждая городская гильдия (их еще называют «мистериями» — отсюда и название спектаклей) берет на себя постановку одного спектакля. Гильдия ювелиров исполняет «Прибытие трех волхвов», а гильдия кораблестроителей — «Строительство Ковчега». «Как хорошо всё подходит», — подумаете вы, а потом увидите, что «Смерть Христа» ставит гильдия мясников. Каждый спектакль ставят на двухэтажной повозке: на верхнем этаже сцена, внизу — раздевалка и склад бутафории. Эти повозки возят по двенадцати городским площадям. Так что всё, что вам придется сделать, — прийти на одну из этих площадей и дожидаться, когда до вас доедут спектакль.

В современном мире люди стремятся попасть на выступления знаменитых актеров, а в Средневековье — на знакомый религиозный спектакль. В средневековой драме главные звезды — Бог, Иисус или святые мученики. Зрители просто не могут оставаться безучастными. Посмотрите, как внимательно они наблюдают за страданиями Христа, который жертвует собой на кресте за них. Когда аудитория видит, как Ева соблазнила Адама яблоком в саду Эдема, то они узнают, что такое первородный грех. А постановка «Всемирного потопа» символизирует уничтожение злых людей и их попытки избежать наказания. Зрители сами видят, что может случиться, если они не покаются в грехах. В век, когда Бог уничтожил почти половину населения чумой, эти сцены не могут не найти отклика в сердцах.

Еще одна разновидность религиозных спектаклей, которые вы можете увидеть, — моралите. Церковные клерки на латыни исполняют их уже не одно столетие. На английском же языке они

1. Этот список — с сайта Кембриджского университета 'Medieval Imaginations', скачан 1 ноября 2007 года: http://www.english.cam.ac.uk/mi-sampler/mystery_plays.htm. Эксетер добавили, потому что в нем исполнялся сатирический спектакль «Орден Борделингема».

лишь зарождаются. Величайшие моралите, в частности «Призвание Обычного человека», напишут лишь в XV веке. Тем не менее если вы попадете на спектакль, где грехи сражаются с добродетелями, то, скорее всего, это одно из ранних моралите. Среди персонажей будут, например, «Невежество», «Смирение», «Скупость», «Добрые дела», «Бунт» и так далее. Эти пьесы, конечно, не привлекают такого живейшего внимания, как страдания святых, и значат для большинства меньше, чем истории из Библии. Но персонажи Дьявола и Старого Зла могут вам даже понравиться, пусть и по совсем иным причинам.

На моралите похожи пантомимы и прочие «маскировочные игры», которые устраивают на Рождество и другие большие праздники. В них основной акцент — не на слова и сценарии, а на роли, которые выражаются масками. Герои выступают против «зол», например кардиналов Рима или легендарных великанов Гога и Магога. Так что людям приходится переодеваться и в этих «злодеев». Эдуард III очень любит пантомимы и устраивает очень красочные представления. На Рождество 1338 года он, например, заказывает «восемьдесят шесть простых масок, четырнадцать масок с длинными бородами, пятнадцать бабуиных голов из льна... и двенадцать элей холстины для того, чтобы сделать лес с деревянным позорным столбом и позорным стулом»¹. Через девять лет (на Рождество 1347 года) на игры в Гильдфорде король заказал «четырнадцать масок с женскими лицами, четырнадцать — с лицами бородатых мужчин, четырнадцать — с серебряными лицами ангелов, четырнадцать раскрашенных плащей, четырнадцать драконьих голов... четырнадцать фазаньих голов, четырнадцать пар крыльев для этих голов, четырнадцать туник, окрашенных, как фазаньи крылья, четырнадцать лебединых голов, четырнадцать пар лебединых крыльев, четырнадцать туник из крашеного льна и четырнадцать туник, расписанных звездами». В 1348 году даже сам король принял участие в пантомиме, переодевшись гигантской птицей.

Пантомима — это не всегда пьеса. Понаблюдайте, например, за процессией, устроенной для десятилетнего принца Ричарда в Кеннингтоне в конце января 1377 года. Сто тридцать лондон-

1. TNA E 101/388/8 m. 4. Позорный стул называется здесь *shelving stool*, а не *cucking stool*: старое слово *shelving* означает здесь «переворачивающийся» (OED).

цев «в одежде для пантомимы и на хороших лошадях» выехали из города через Ньюгейт с трубами, тромбонами, корнетами, шалмееями и другими инструментами и «бесчисленными восковыми свечами». Они проехали Лондонский мост, затем через Саутуорк к Кеннингтону, где жил молодой принц с матерью, дядьями и многими другими лордами. Они ехали парами, в красных плащах и накидках с масками на лицах. Сорок восемь из них оделись эсквайрами, сорок восемь — рыцарями. Затем ехал человек, «богато одетый, словно император», и другой «в облачении, похожем на папское». За ними следовали двадцать четыре кардинала и «восемь или десять человек в черных масках, словно легаты от иностранных принцев». Въехав во двор, они все спешили и вошли в холл. Принц, его мать и лорды вышли из своих покоев, и участники пантомимы отсалютовали им. Главные актеры кладут перед принцем пару игральные кости и ставят на кон золотое блюдо. Тишина... принц бросает кости... и выигрывает! Затем актеры ставят золотой кубок. Юный Ричард бросает кости... и снова выигрывает! Наконец, они ставят золотое кольцо. И... да, вы правильно угадали. Кости были шулерские, специально чтобы принц выиграл. Актеры подарили по золотому кольцу всем присутствующим, и начался пир. Зазвучала музыка, и принц и лорды пустились в пляс с актерами¹.

Рассказ о спектаклях, естественно, был бы неполным без упоминания сатиры. Сарказм — неотъемлемый элемент повседневного юмора, а переворачивание всего с ног на голову считается стоящей и ценной шуткой. Во многих аристократических домах на Рождество играют в сатирические игры. Все меняются должностями и ролями. Главных служащих заставляют некоторое время побыть чернорабочими, а кухонного слугу могут назначить камергером или лордом. Что интересно, в основе всего этого веселья лежит понимание, что в любой момент все действительно может перевернуться с ног на голову. Все средневековые люди очень хорошо знакомы с образом колеса Фортуны, которое поднимает людей вверх, чтобы потом сбросить вниз с высот гордыни. Именно это понимание тщеславия движет средневековой сатирой.

Один из лучших и самых веселых сатирических спектаклей, которые вы можете увидеть, — уличное действо, насмехающе-

1. Coulton (ed.), *Social Life*, pp. 391–392, цитата Джона Стоу.

еся над церковью в целом и орденом премонстрантов в частности (их главный монастырь — Семпрингем). Премонстранты знамениты в первую очередь тем, что у них канониками могут быть и мужчины, и женщины, а живут они в двойном монастыре под одной крышей. Насмешки со стороны мирян неизбежны. В 1348 году группа актеров вывезла повозку на улицы Эксетера и исполнила спектакль про «Орден Борделингема». Власти были шокированы. Епископ немедленно написал архидьякону:

Мы узнали, не без серьезнейшего беспокойства, что недавно появилась некая омерзительная секта злых людей под названием «Орден Борделингема», вдохновленная тем, кто сеет всё зло в мире. Эти люди... избрали своим главой безумца, чей характер полностью соответствует их злодейским помышлениям. Они называют его своим аббатом, одевают в монашеское облачение, ставят на сцену и поклоняются, словно идолу. Затем по звуку горна, которым они пользуются вместо колокола, они проводят его по улицам и переулкам Эксетера в сопровождении конной и пешей толпы. Во время шествия они ловят любых священников и мирян, которых встретят, и наполняют их духом безрассудства и святотатства, требуя с них денежный выкуп — пожертвование... И, хотя они хотят всех уверить, что занимаются этим ради шутовства, на самом деле это, несомненно, просто грабеж...

Самое страшное в средневековом театральном искусстве — не плохие рецензии, а отлучение от церкви.

Рыцарские турниры

Если нужно будет выбрать всего одно зрелище, которое обязательно нужно посмотреть в XIV веке, то это, несомненно, рыцарский турнир. Где еще, в какую историческую эпоху вы увидите самых богатых, влиятельных и высокопоставленных членов общества, которые рискуют увечьями и смертью ради вашего развлечения? Где еще вы увидите, как эти самые богатые и влиятельные люди сами платят за разрешение ломать и потрошить друг друга на публике? Невозможно представить публичные сражения римских императоров и сенаторов.

Или мореходов времен Елизаветы. Или придворных короля Якова. А уж наши современные политики, бизнесмены и аристократы... вообще забудьте. Есть что-то чисто средневековое в стремлении сильных мира сего рисковать здоровьем и жизнью лишь для того, чтобы доказать, что они достойны своего положения, продемонстрировав храбрость, силу и умение.

Если у вас какие-либо сомнения по поводу степени опасности, то скажу без всякой двусмысленности: турниры опасны. Рыцарь конца XIV века несет на себе доспехи весом 80–100 фунтов (36–45 кг). Сам он весит, может быть, фунтов 200. Он сидит в высоком седле и несется на вас со скоростью около 40 миль в час на боевом коне весом более 1000 фунтов и с копьём в руках, на острие которого сосредоточена вся сила удара. Даже если острие затуплено, то площадь удара составит не больше нескольких квадратных дюймов. Сила, пришедшаяся на такую маленькую площадь, огромна. Если ваш противник попадет вам по шлему, то вас словно ударит по голове молотом весом в полтонны, которым размахнулись на скорости 40 миль в час. Если бы вы не могли упасть с лошади, то не выжили бы. Правда, падение в полном доспехе с галопирующей лошади и само по себе может закончиться смертью.

Подобная форма турнира — рыцари, несущиеся друг на друга во весь опор, — развилась из намного более древней формы — бугурта, или *mêlée* («рукопашного боя»), которые еще опаснее. Она отражает первоначальное предназначение турниров — подготовку рыцарей к совместному прорыву четким строем, чтобы снести врага с поля битвы. Подобная тактика, изобретенная в конце XI века, поразила христианский мир: византийская принцесса, впервые увидев массированную атаку франкских рыцарей, воскликнула «Они же пробьют дыру в стене Константинополя!» Массированная атака рыцарей остается доминирующей силой в военных конфликтах XII и XIII веков. Но в 1314 году при Бэннокберне шотландцы придумали, как ей противодействовать. Они использовали расстановку под названием «шилтром». Это группа из нескольких десятков человек, ошетилившаяся очень длинными — шестнадцатифутовыми — пиками во всех направлениях. Стоящие в шилтrome вкапывают один конец пики в землю и спокойно ждут бегущих на них лошадей, которые сами вспарывают себе брюхо. В той же битве шотландский король Роберт Брюс

использовал «железный чеснок»: небольшие металлические шары с четырьмя заостренными наконечниками, один из которых всегда направлен вверх. Из-за них лошадям труднее бежать вперед и держать строй, потому что «чеснок» втыкается им в копыта, заставляя их спотыкаться. Из-за этих новшеств массированная атака очень быстро перестала приносить какую бы то ни было пользу. Когда англичане в 30-х годах довели до совершенства использование длинных луков в строю, массированная атака окончательно утратила всякие стратегические преимущества, и бугурт потерял свое значение как тренировочное упражнение.

Даже если вы увидите бугурт в XIV веке, он будет совсем не таким, как в старину. В XIII веке он, по сути, напоминал обычную битву, только без цели. Там часто гибли люди: в 1241 году на одном турнире погибло восемьдесят рыцарей. Но нужно помнить, что в те времена говорили: «человек не готов к битве, если никогда не видел, как льется его кровь, и не скрипел зубами после ударов противника»¹. Бугурт XIV века по сравнению с этим намного легче — его проводят для удовольствия зрителей, а не в качестве военной тренировки. Один бугурт провели в Йорке, на турнире в честь свадьбы Эдуарда III и королевы Филиппы в 1328 году. Это был один из последних. После 1330 года его полностью вытеснили бои на копьях, ведущиеся по строгим правилам.

В середине 30-х годов на границе с Шотландией англичане и шотландцы разработали «военный турнир». Это битвы один на один с заостренными стальными копьями наперевес; цель — не только спортивная победа, но и убийство соперника. На одном таком турнире, проведенном для Эдуарда III в Роксбурге в 1341 году, Генрих, граф Дарби, выступил в военном турнире против Уильяма Дугласа и смертельно ранил его. На похожем турнире, проведенном вскоре в Бервике в честь Рождества, тот же граф с командой английских рыцарей принял участие в серии поединков с двадцатью рыцарями из Шотландии. Погибли только трое, хотя многие другие получили тяжелые ранения, в том числе те, кто решил схитрить и надеть доспехи под одежду. «Что? — спросите вы. — Доспехи ведь носят поверх одежды, правильно?» Не в этом случае.

1. Keen, Chivalry, p. 88, цитата Роджера Ховеденского. О восьмидесяти убитых на турнире в Нойсе в 1241 году см. Keen, Chivalry, p. 87.

Поразительно, но обе стороны перед турниром договорились не надевать никакой защиты¹.

Военные турниры, проводимые в Шотландии, имеют одно важное отличие от настоящего боя. Убийство противника — это часть соревнования. Герольды после турнира выдают призы тем из выживших, кто выступил наиболее достойно, так что обстановка действительно похожа на спортивные состязания. Впрочем, о военном турнире, проведенном 27 марта 1351 года, такого не скажешь. Тридцать английских и бретонских рыцарей и эсквайров вышли против тридцати французских и бретонских рыцарей и эсквайров в большом бугурте. Девять из тридцати англичан погибли. На основе такой статистики можно сказать, что военные турниры — единственный вид спорта, где вероятность гибели выше, чем в русской рулетке. Но вооруженная схватка, где люди пытаются друг друга убить, всё-таки обычно называется «войной». Этот бугурт вошел в историю как «Битва тридцати». Между спортивным военным турниром и реальным международным военным конфликтом — очень тонкая грань. Вся разница в том, выдают ли призы за хорошее выступление.

Мирные турниры, на которых копыя затуплены, редко заканчиваются смертью участников. Иногда рыцарь ломает шею, упав с лошади, или рвется ремень на его шлеме, или копьё находит брешь между двумя пластинами брони, но по большей части травмы ограничиваются серьезными ушибами, потерей крови и переломами. Так что турниры — веселые мероприятия. На них ходят огромные толпы зрителей. Люди флиртуют, роскошно едят, обильно выпивают и смотрят, как сражаются чемпионы-аристократы. Когда весной 1390 года состоялся большой турнир в Сент-Энглвере, многие англичане переправились через Ла-Манш просто для того, чтобы посмотреть на это. В течение сорока дней три французских рыцаря принимали вызовы иностранцев — англичан, испанцев, немцев, венгров и богемцев — и побеждали, несмотря на то что им пришлось сражаться с более чем сотней чужеземных рыцарей, причем у некоторых из них копыя не были затуплены. Есте-

1. Barber and Baker, *Tournaments*, p. 34. С местами проведения турниров есть определенные разночтения. Я сам привел другие данные в Mortimer, *Perfect King*, p. 191, на основе Lumby (ed.), *Knighton*, ii, p. 23. Еще одна версия — в книге Maxwell (ed.), *Scalachronica*, p. 112.

ственно, все трое получали в этом удивительном неравном бою травмы, и им давали время на отдых, но все трое выжили. Королевство Франция очень радовалось их успеху на крупнейшем международном спортивном соревновании столетия.

Охота с собаками и соколами

Аристократы спокойно пускают простолюдинов на свои турниры, но вот на охоту — никогда. Охота — это одно из любимых времяпрепровождений богатых людей, и эта привилегия тщательно охраняется. Все леса, имеющие собственные имена, являются охотничьими угодьями короля. Хотя Лесная хартия позволяет лордам убить одного — двух оленей, проезжая через лес, на остальных англичан она не распространяется. Любого простолюдина, который убьет королевского оленя, ждет огромный штраф. То же касается и угодий лордов. Если король подарит одному из лордов охотничьи угодья, по сути, это значит, что лорд получает в свое распоряжение частный лес, в котором может охотиться на косуль, ланей и благородных оленей. Если же король дарит лорду только «свободный участок», то ему разрешается держать охотничьих собак, но охотиться можно только на лис, зайцев, кроликов и фазанов, а не на оленей и кабанов.

На охоту тратятся огромные деньги. В 60-х годах XIV века Эдуард III тратит примерно 80 фунтов в год на содержание охотничьей своры и жалования охотников, которые ими занимаются. В его своре от пятидесяти до семидесяти собак; лорды держат вдвое, а то и вчетверо меньше собак, но их содержание всё равно обходится недешево. Особенно из-за того, что леди-аристократки тоже любят охотиться и часто охотятся вместе, так что своры часто приходится возить по стране. Тратиться приходится на еду, охотников, укротителей и перевозку. И, естественно, на самих собак: борзых, мастифов, аланов (самых тяжелых и свирепых), спаниелей (которых так называли из-за якобы испанского происхождения), сеттеров и лаймеров (гончих). Стоит еще и добавить затраты на всякие безделушки вроде серебряных ошейников для любимых собак и посеребренных охотничьих рожков. Даже охотничьи костюмы дороги. В 1343 году король купил зеленую турецкую

ткань, чтобы пошить туники и куртписы для одиннадцати графов и рыцарей, сопровождавших его на охоте, а также багровую турецкую ткань для своей матери, жены и еще четырех леди, тоже участвовавших в охоте, и турецкую ткань на туники пятнадцати эсквайров, которые сопровождали их.

Люди выбирают, на кого охотиться, в соответствии с личными предпочтениями и законами. Признанный эксперт, Эдуард, старший сын герцога Йоркского, скажет вам, что охотиться лучше всего на благородного оленя, но вот мясо вкуснее всего у лани. Еще в качестве дичи он хвалит дикого кабана — благодаря опасности, которую тот представляет: по его словам, кабан может клыками порвать человека напополам. К несчастью, вы вряд ли сможете поохотиться на дикого кабана. Из-за охоты их практически полностью истребили во всей Британии: чтобы увидеть дикого кабана, вам придется каким-то образом попасть на королевскую охоту — ему кабанов иногда присылают в подарок кузены из королевских семей на континенте. Так что если уж решили последовать совету Эдуарда Йоркского, то охотитесь на зайцев. Несмотря на то что он сын герцога, ему намного больше нравится охотиться на зайцев, чем на оленей, диких кабанов и любых других зверей. Причина, по его словам, проста: на зайцев можно охотиться круглый год, причем и по утрам, и по вечерам. Заяц — умная, внимательная и быстрая дичь. Он может бежать несколько миль, не снижая скорости, так что собакам придется долго его гнать. Кролики же, с другой стороны, пригодны только на то, чтобы ловить их сетями, освежевывать, есть, а шкуры пускать на воротники или капюшоны.

Если вы думаете, что охота с собаками дорога — а она действительно дорога, — то изумитесь, узнав, сколько денег тратят на соколиную охоту. В 1368 году расходы Эдуарда III на соколиную охоту превышают 600 фунтов — больше, чем годовые доходы большинства лордов. Это, конечно, уникальный случай, но даже в обычные годы он тратит более 200 фунтов. На него работают сорок сокольников, каждый из которых получает 2 пенса в день; наконец, на питание пятидесяти — шестидесяти птиц ежедневно уходит по 1½ пенса за каждую. В 1373 году он приказал отремонтировать все мосты в Оксфордшире — просто потому, что захотел поохотиться там с соколами. Его фанатичная преданность этому хобби привела даже к появлению законов, защищающих трениро-

ванных охотничьих птиц. С 1363 года, если вы нашли сокола, ястреба или любую другую хищную птицу, то обязаны отдать ее шерифу, чтобы хозяин потом забрал пропажу.

Раз соколиная охота пользуется таким королевским покровительством, вы, наверное, подумали, что у вас ей заняться нет никаких шансов. Но даже зажиточный горожанин средней руки вполне может позволить себе хищную птицу, о чем свидетельствует опись имущества Уильяма Харкорта из Бостона (см. седьмую главу). У Уильяма есть два ястреба и «благородный сокол», которые вместе стоят 10 фунтов. У владельцев охотничьих птиц тоже целая иерархия. Самые редкие и великолепные породы считаются подходящими для королей. Золотые орлы подобают только императорам — правда, поскольку в известном мире всего два императора (Византии и Священной Римской империи), допускаются определенные послабления. Для королей подходят кречеты. Эти великолепные охотники могут ловить даже крупную дичь — цапель и журавлей. У Эдуарда III несколько кречетов, и он тратит на них больше денег, чем на большинство своих слуг. Лорды должны охотиться с сапсанами, рыцари — с балобанами, эскайры — со средиземноморскими соколами, а йомены — с ястребами-тетеревятниками. Ястребы-перепелятники обычно ассоциируются со священниками (духовенство тоже охотится и с собаками, и с птицами). Но на практике лорды не слишком привередливы в выборе охотничьих птиц. Молодой Эдуард II охотится на куропаток с ястребами-перепелятниками и спаниелями, а Эдуард III держит ястребов, средиземноморских соколов и других мелких птиц, а не только кречетов. Птицы Уильяма Харкорта — скорее всего тетеревятники или перепелятники. Сокола называют «благородным» (gentle) не потому, что он благородно относится к другим птицам — он разрывает их на куски, — а потому, что он подходит по статусу для джентльмена.

Ястребов и соколов вы сможете увидеть где угодно. Для них сооружают специальные насесты в спальнях и делают особые серебряные цепочки. На улице вы нередко будете встречать мужчин с соколами, сидящими у них на руках, или женщин, чьих птиц несут за ними слуги. Это делается не только для показухи: если у вас есть ценная птица, нужно, чтобы она привыкла к шуму улиц и вашего окружения, иначе она испугается и улетит. Проблемы начинаются, когда молодые люди приносят с собой птиц в церковь на мессу или в суд

на заседание. Даже священников время от времени ругают за излишнее внимание к охотничьим птицам. Вы, может быть, подумали, что хотя бы настоятель Вестминстерского аббатства выше всего этого? Совсем нет: в 1368 году, боясь, что умрет любимый сокол, он заплатил 6 пенсов за его восковое изображение, которое затем положил на алтарь в церкви, молясь за его здоровье. На следующий год он изготовил особый ошейник для своего борзого пса по кличке Крепкий.

Популярные игры

Прогулявшись по улицам любого города, вы увидите детей, играющих в знакомые игры. У некоторых из них будут странные названия вроде «ушипни меня» или «капюшонная слепота», но по своей сути это те же современные детские игры. «Капюшонная слепота», например, — это жмурки, только без повязки: в XIV веке достаточно было надеть капюшон задом наперед. Очень многие любят ловить бабочек сачками и воровать яйца из птичьих гнезд, а также играть в «следуй за лидером» или «орел и решку». Фруассар пишет, что играл в детстве в эти игры, а также в «зайца и гончих», «коровий рог в соли», волчки, загадки и выдувал мыльные пузыри через соломинку.

Самые популярные развлечения связаны с теми или иными соревнованиями. На ярмарке вы увидите соревнования по борьбе; традиционный приз победителю — баран¹. Как вы и предполагали, духовенство этого не одобряет. По словам одного доминиканского проповедника, борьба — «скверное и расточительное занятие». Томас Бринтон, епископ Рочестера, ставит соревнования по борьбе на одну доску с чревоугодием, праздною болтовней на рынке и прочими вещами, отвлекающими горожан от его проповедей². Если же говорить реально, то куда оскорбительнее, чем борьба, для вас покажется травля животных. И мужчины, и женщины с энтузиазмом

2. Чосер так описывает своего Мельника: «в кулачных схватках всех он побеждал, и приз всегда — барана — получал». Chaucer, trans. Wright, *Canterbury Tales*, p. 15.

2. Reeves, *Pleasures and Pastimes*, p. 96.

смотрят на травлю медведей и быков (животных приковывают цепью, бьют палками и натравливают на них мастифов и аланов, пока те их окончательно не разъярят). Мальчикам и девочкам нравятся петушиные бои; на Масленицу они традиционно организуют соревнования, предлагая взрослым делать ставки на своих птиц. А еще им нравится травля петухов — бросание камней и палок в привязанную птицу. Для голодного мальчика убийство птицы метким броском камня — это лишь часть удовольствия: куда сильнее он обрадуется, забрав ее домой на ужин.

Путешествуя по средневековой Англии, вы встретитесь с видом спорта, который многие современники описывали как «омерзительную... самую распространенную, недостойную и бесполезную игру из всех, которая редко заканчивается иначе, как потерей, происшествием или увечьем игроков». Это футбол. Такое описание может вам показаться чересчур негативным, но, когда вы увидите хоть один матч, вам наверняка покажется, что происходящее больше напоминает рыцарский турнир, только без оружия. Футбольные матчи часто устраивают на Масленицу. Капитаны двух команд встречаются и определяют, по сколько игроков выйдет с каждой стороны: в праздничной игре между двумя приходами могут участвовать десятки и сотни людей. Размер поля определяется именно количеством игроков. Если играет больше ста человек, то ворота (их ставят по двое с каждой стороны) могут отстоять друг от друга на несколько миль. Если же играют десятина на десятину, то ворота ставят всего в нескольких сотнях ярдов друг от друга. Мячи бывают разные: от маленьких, туго набитых кожаных, похожих на современные крикетные, до больших, сделанных из свиного пузыря, набитого сушеным горохом.

Правила футбола (или «кемпбола», как его обычно называют, — «кемп» означает «поле») свои для каждой местности, а то и для каждого матча. Правила офсайда не существует — да и любых других правил, по-хорошему, тоже. В течение большей части столетия к футболу относился всего один закон — тот, который его запрещал. В 1314 году мэр Лондона запретил играть в футбол в окрестностях города. Эдуард III в 1331 году запретил его по всему королевству, а в 1363 году запретил снова. Игра слишком шумная. Она отвлекает от занятий по стрельбе из лука. Из-за нее повреждаются поля и другая ценная собственность,

а многие люди получают серьезные травмы или даже погибают. Самый знаменитый случай произошел с Уильямом де Сполдингом. В 1321 году Уильям попросил у папы римского индульгенцию после того, как погиб его друг: тот так сильно врезался в него во время игры в футбол, что нож Уильяма пропорол ножны и вонзился в его друга. Когда средневековые англичане падают и катаются по земле во время футбольного матча, они точно не симулируют травму, надеясь на карточку или пенальти.

Другие спортивные игры, которые вам могут встретиться, — кегли, игры с клюшкой (особенно хоккей), кольцеброс и теннис. Лаун-теннис — не изобретение XIX века: его ранняя форма, так называемый настоящий теннис, попала в Англию еще в конце XIV столетия. Чосер в «Троиле и Хрисеиде» пишет, что в теннис играют ракетками; кроме того, его упоминают во «Втором спектакле пастухов», самой интересной мистерии из «Уэйкфильдского цикла». Впрочем, аккуратных разлинованных кортов вы не увидите. Возможно, не увидите даже и ракеток. Слово «теннис» — это восклицание подающего во время подачи. Если играют без ракеток, то игра называется «ручной мяч» или «жё-де-пом». В некоторых городах изданы специальные подзаконные акты, запрещающие играть в теннис на главной улице или в ратуше. Игроки вешают через улицу сетку, и вся улица становится кортом. Если попадете мячом кому-нибудь в окно, то заработаете дополнительные очки. Перекрыв улицу сеткой и швыряясь довольно-таки твердым мячиком, впрочем, молодежь вряд ли добьется особой любви от городских властей.

Самый популярный вид спорта — стрельба из лука. Эдуард III запретил футбол в первую очередь для того, чтобы мужчины больше времени посвящали тренировкам с длинными луками. С 1337 года стрельба из лука и вовсе стала практически единственным видом спорта, разрешенным простолюдинам. В тот год издали довольно экстремальную прокламацию: наказание за любую другую игру — смертная казнь. В 1363 эту прокламацию переиздали, но в слегка смягченной форме: мужчинам запретили кольцеброс, ручной мяч, футбол, хоккей, охоту с гончими и петушиные бои под страхом тюремного заключения. Король снова подчеркнул, что одобряет только один вид спорта — стрельбу из лука. И не зря: вы это поймете, когда кто-нибудь даст вам в руки длинный лук. Он длиной около 6 футов, сделан из

тиса с верхним слоем заболони. Окружность рукояти — 6 дюймов. В выемки или через крючки с обоих концов продета пеньковая веревка. Стрелы, сделанные из тополя или ясеня, длиной около 3 футов и толщиной в дюйм, с трехдюймовым железным наконечником и оперением из гусиных или павлиньих перьев. Чтобы выпустить стрелу с максимальной скоростью, на целую милю, вам нужно будет натянуть лук так сильно, чтобы перья на стреле практически касались уха. Тетива в этот момент натянется под углом 90 градусов. Чтобы натянуть лук, придется приложить усилие в 100–170 фунтов¹. Для этого требуется недюжинная сила. Кроме того, в бою лучники обязаны стрелять из этого оружия шесть—восемь раз в минуту. Мальчики начинают практиковаться с маленькими луками с семи лет, чтобы разработать нужные мышцы, и продолжают тренировки и во взрослом возрасте — отсюда и королевские прокламации 1337 и 1363 годов. Вскоре мужчины начали соревноваться в расщеплении палок, стоящих на земле в сотне ярдов, и рассказывать друг другу истории о народном герое Робин Гуде. А Англия получила самую мощную армию во всем христианском мире.

Когда погода не позволяет играть в кегли, а упражнения с луком на сегодня вы уже закончили, как можно развлечь себя в помещении? Играть в карты — вряд ли. В XIV веке французы уже делают игральные карты, но до Англии карточные игры пока не добрались (впрочем, они это сделают очень скоро). Самые популярные игры — «крест или клин» и кости. Первая игра известна вам под названием «орел или решка» (на всех средневековых серебряных пенни с одной стороны изображался крест, а на другой — портрет короля и клин, отметина от чеканки). Игра в кости невероятно популярна. Многие аристократы регулярно проигрывают немалые суммы. Даже Эдуард III не всегда выигрывает: в 1333 году он однажды за день проиграл почти 4 фунта. То же случилось и с его куда более сознательным внуком, будущим Генрихом IV, в 1390 году. Если тоже хотите поиграть, то знайте, что есть две основные разновидности: «раффл» (с тремя костями) и «хазард» (с двумя). И помните, что, несмотря на всю огромную популярность этих игр, не все относятся

1. Описание лука в основном основано на оружии 1298 года, описанном в Bradbury, *Medieval Archer*, p. 81. Информация о силе натяжения — из Reeves, *Pleasures and Pastimes*, p. 98.

к игрокам хорошо. Известны случаи, когда люди доигрывались до нищеты или даже проигрывали одежду, в которой пришли, — она оставалась у трактирщика, бравшего ее в качестве залога за последнюю ставку. По этой причине в некоторых городах игру в кости полностью запретили.

Шахматы, нарды, шашки и мельница — самые популярные настольные игры. Шахматы предпочитают аристократы. В некоторых наборах есть очень искусно сделанные фигуры. В 1322 году у лорда Мортимера были игровой стол из древесины мускатного ореха и позолоченный комплект фигур, а у его жены — шахматы из слоновой кости. Генрих IV заказал себе новые шахматы во время поездки в Венецию в 1392 году. У Эдуарда III, его матери и сестры есть шахматные доски из хрусталя и яшмы и резные хрустальные и яшмовые фигуры¹. Но если вы решите сыграть с кем-нибудь из лордов или леди в шахматы, то помните: современные правила тогда еще не разработали. К 1300 году пешка уже может делать свой первый ход на две клетки, но ферзь (которого обычно называют премьер-министром) может ходить только на одну клетку в любом направлении. А слон (которого тогда и в Англии еще называли слонем, а не епископом) ходит через одну клетку по диагонали, правда, может при этом перепрыгивать через другие фигуры.

Паломничества

Давайте предположим, что в море вас застал шторм. Маленький кораблик раскачивается и прыгает на огромных сорокафутовых волнах. Беспреданно дует ветер, начинает темнеть. Капитан корабля уже срубил мачту; в шуме ветра вы слышите чей-то крик, что в трюме течь. Перепуганные лошади пробили копытами законопаченные доски и плавают в прибывающей воде. Корабль начинает разваливаться. Ни одна лампа не горит — их уже затушило брызгами. Вы продрогли, вымокли до костей, ничего не видите в полной темноте. Вы не представляете, в какой стороне ближайшая земля. В такие моменты можно

1. TNA E 101/392/15 m. 1 (сделанные для Эдуарда III, 1360); E 101/393/4 (для Изабеллы, 1358). У Изабеллы было два набора шахмат; один из них после ее смерти достался дочери.

сделать лишь две вещи. Первая — привязать себя и членов семьи к большому куску дерева, чтобы, когда ваши тела найдут, вас хотя бы похоронили вместе — именно так поступил граф Уорик в XV веке. Вторая — молиться. Если вы решитесь на второй вариант, то, скорее всего, попытаетесь заключить своеобразную сделку с Богом: в обмен на безопасное возвращение на твердую землю вы обязуетесь совершить паломничество. Или два. Или даже пять — как Эдуард III, которого застиг шторм в 1343 году.

Причины, по которым люди отправляются в паломничество, разнообразны. Например — по «договору» с Богом или святыми, подобному тому, что описан выше. Или же вы, скажем, хотите исповедаться в конкретном грехе. Если вы совершили адюльтер, то вам вряд ли захочется исповедаться священнику — брату вашей супруги. Отличное решение — уехать далеко, чтобы исповедаться и искупить грех в путешествии. С другой стороны, если вам просто нужно уехать подальше от дома — например, если вы хотите изменить жене, — это лучший способ избежать сплетен в родном городе. Батская Ткачиха из поэмы Чосера, которая «трижды бывала в Иерусалиме», а также посетила другие крупные святыни — раку трех волхвов в Кельне, Сантьяго-де-Компостела и Рим, знает об искусстве любви всё. Она только рада совмещать путешествия с разгулами. Если же говорить о более сознательных людях — паломничество, например, может совершить солдат, который выжил в битве и хочет поблагодарить Бога за спасение. Муж или жена могут совершить паломничество к ближайшему храму, чтобы помолиться за здоровье супруга местному святому. Купец из чосеровского «Рассказа Шкипера» говорит жене, что купцы-неудачники отправляются в паломничество, чтобы сбежать от кредиторов.

Судя по пестрой толпе, отправившейся вместе с Чосером в путешествие в Кентерберии, никакой специальной одежды для паломничества не нужно. Рыцарь, возвращающийся из военного похода, одет в грубую тунику, испачканную ржавчиной от кольчуги. Его эсквайр — в короткую вышитую накидку с длинными и широкими рукавами, по последней моде. Слуга рыцаря, йомен, носит зеленый плащ и капюшон, несет на себе лук, стрелы, меч и кинжал, а на руке у него кожаный нарукавник. Купец облачен в разноцветную тунику и модную бобровую шляпу из Фландрии. В общем, все одеты так, как одеваются обычно: от шкипера в шерстяной накидке до колен до Батской Ткачихи

и врача, который «носил малиновый и синий цвет, и шелковый был плащ на нем одет». Да, вам встретятся и «настоящие» пилигримы в традиционных длинных рясах из грубой шерсти, расшитых крестами. В руках у такого паломника будет посох, а на голове — широкополая шляпа, украшенная раковинами морского гребешка и оловянными значками со всех святых мест, которые он посетил. Но подобные стереотипные персонажи составляют меньшинство: так скорее одеваются путешествующие отшельники, чем паломники.

Если вы отправитесь в паломничество, то, вероятно, вскоре встретитесь с другими пилигримами, идущими в том же направлении. Держаться вместе с ними — хорошая идея и с точки зрения общения и развлечений, и с точки зрения безопасности. Богослов Уиклиф писал архиепископу Кентерберийскому, что когда люди отправляются в паломничество, они поют «распутные песни» и играют на волынках, так что

...в каждом городе, через который они проходят, своим пением, игрой на волынках, звоном кентерберийских колокольчиков и лаем собак, гоняющихся за ними, устраивают они больший шум, чем даже сам король, проезжающий по городу с трубачами и менестрелями.

Что интересно, архиепископ не отрицает этих обвинений, но объясняет, что паломники ходят с певцами и музыкантами, чтобы те, в случае если кто-то из паломников споткнется о камень и поранит ногу до крови, облегчили его боль радостными песнями.

Куда пойти в паломничество? Особо истово верующие пускаются в длительные путешествия в Сантьяго-де-Компостела на севере Испании, Рим, Кёльн (где находится рака трех волхвов) или сам Иерусалим. Однако эти поездки очень дороги, отнимают очень много времени и слишком опасны. Большинство людей, которые хотят отправиться в паломничество, но не хотят выезжать за границу, выбирают целью не конкретные церкви, а самые лучшие реликвии. Бог, Иисус и святые — главные звезды спектаклей-мистерий, а главные цели путешествий — гробницы наиболее почитаемых святых. Главная из них — гробница святого Фомы Бекета в Кентерберийском соборе. Ей приходят поклониться до 200 тысяч паломников в год;

каждый платит по одному пенсу, чтобы увидеть все достопримечательности: место, где Бекета убили, острие меча, которым его зарубили, его усыпальницу и т.д. Это приносит до 900 фунтов в год, не считая различных подарков от высокопоставленных гостей. Сама святыня полностью покрыта пластинами из чистого золота, инкрустирована сапфирами, алмазами, рубинами, шпинелью и изумрудами и украшена рельефами из агата, яшмы и сердолика. Самый поразительный драгоценный камень из всех — рубин размером не больше ногтя, вделанный в стену справа от ближайшего алтаря. Несмотря на то что в церкви довольно темно, особенно близ усыпальницы, этот рубин испускает ярко-красный свет, которым восхищаются все очевидцы.

Благодаря выставленным напоказ сокровищам слава Кентерберри распространилась по всей Европе. Так что паломников стало еще больше. Если вы тоже окажетесь среди них, то вам предложат купить свинцовые или оловянные ампулы: небольшие сосуды, якобы содержащие в себе смесь святой воды и разбавленной крови самого святого Фомы. Считается, что эта вода обладает различными медицинскими и духовными свойствами. Вместо ампул можно купить оловянный значок с изображением меча, которым убили Бекета, или сцены его убийства. Так что слава о святом и церкви распространяется еще и благодаря пилигримам, с гордостью привозящим домой сувениры. Это доходный бизнес для любой церкви, где есть гробница святого. Возможно, вы не знаете, кто такой святой Уильям Пертский (или, как его еще называют, Вильгельм Рочестерский), но на доходы от посещения его гробницы в Рочестерском соборе в 1343 году перестроили центральную башню.

Главные места для паломничества в Англии¹

Место	Главная достопримечательность
Приорат Бронхольм	Часть Животворящего Креста

1. Alexander and Binski, *Age of Chivalry*, p. 206. Солсбери исключен из списка, потому что св. Осмунда канонизировали только в 1457 году.

Место	Главная достопримечательность
Бери-Сент-Эдмендс	Гробница св. Эдмунда, короля и мученика
Кентерберийский собор	Гробницы св. Фомы Бекета, архиепископа Кентерберийского и нескольких других святых-архиепископов, в том числе св. Дунстана
Честерское аббатство	Гробница св. Вербурги, аббатисы
Чичестерский собор	Гробница св. Ричарда де Вича, епископа Чичестерского
Аббатство Кроулэнд	Гробница св. Гутлака, отшельника
Дарэмский собор	Гробница св. Катберта, епископа Линдисфарна
Илийский собор	Гробница св. Этельдреды, королевы и аббатисы
Аббатство Гластонбери	Гробницы св. Дунстана, аббата Гластонберийского и архиепископа Кентерберийского (хотя похоронен он в Кентербери); короля Артура и королевы Гвиневеры (как предполагается). Кроме того, считается, что это самая первая христианская церковь, построенная Иосифом Аримафейским
Аббатство Хейлс	Кровь Христова
Херефордский собор	Гробница св. Вальтера Кантилупа, епископа Херефордского
Личфильдский собор	Гробница св. Чеда, епископа Мерси и Линдсея
Линкольнский собор	Гробницы св. Гуго, епископа Линкольнского, и св. Гуго Линкольнского, мученика
Нориджский собор	Гробница св. Вильгельма, мученика
Оксфордский приорат	Гробница св. Фридесвиды, аббатисы Оксфорда
Рипонский собор	Гробница св. Вильфрида, епископа Гексэма

Место	Главная достопримечательность
Рочестерский собор	Гробницы св. Вильгельма Рочестерского, пилигрима и мученика, и св. Павлина, епископа Йоркского и Рочестерского
Приорат Уолсингем	Копия дома Девы Марии в Назарете, ее изображение и немного ее молока
Вестминстерское аббатство	Гробница св. Эдуарда Исповедника, короля Англии
Винчестерский собор	Гробница св. Свитуна, епископа Винчестерского
Вустерский собор	Гробница св. Вульфстана, епископа Вустерского
Йоркский собор	Гробница св. Вильгельма, архиепископа Йоркского
Нориджский собор	Гробница св. Вильгельма, мученика
Оксфордский приорат	Гробница св. Фридесвиды, аббатисы Оксфорда
Рипонский собор	Гробница св. Вильфрида, епископа Гексэма
Рочестерский собор	Гробницы св. Вильгельма Рочестерского, пилигрима и мученика, и св. Павлина, епископа Йоркского и Рочестерского
Приорат Уолсингем	Копия дома Девы Марии в Назарете, ее изображение и немного ее молока
Вестминстерское аббатство	Гробница св. Эдуарда Исповедника, короля Англии
Винчестерский собор	Гробница св. Свитуна, епископа Винчестерского
Вустерский собор	Гробница св. Вульфстана, епископа Вустерского
Йоркский собор	Гробница св. Вильгельма, архиепископа Йоркского

Большинство мощей английских святых можно считать реальными реликвиями — они действительно то, за что их выдают. Это не «свиные кости» (по выражению Чосера) и не кости неизвестного трупа, проданного на черном рынке мощей. Тело святого Гуго, епископа Линкольнского, вполне может лежать в гробнице Линкольнского собора: он умер только в 1200 году. Даже мощи саксонских святых во многих случаях тщательно сохранялись служителями их церквей в течение столетий. Но некоторые места назначения для паломничества всё-таки потребуют дополнительных объяснений. Почему в приорате Уолсингем стоит копия дома Девы Марии? Потому что кто-то увидел этот дом во сне, начал его строить, и камни чудесным образом перенесли к монастырю. Когда монастырь приобрел известность, некий благодетель купил для него молоко Девы Марии и ее знаменитое изображение. Так что вы вполне можете сказать, что храм Девы Марии в Уолсингеме вообще никак не связан с настоящей Девой Марией. Но, с другой стороны, это второе по посещаемости святое место в Англии после Кентерберии. Как такое объяснить?

Чтобы понять, в чем шарм святых мест, вам нужно взглянуть на паломничество с субъективной точки зрения: научная объективность вам здесь не поможет. Посмотрите, какой эффект вызывает паломничество в Уолсингем. Пилигримы, которые несколько дней, а то и недель ехали сюда из дома, наконец добираются до часовни Слиппер, расположенной примерно в полутора миль от монастыря. Это начало кульминации долгого путешествия. Здесь они разуваяются, чтобы дойти последние полторы мили босиком в знак раскаяния. Им больно идти, но они распалены ожиданием и подбадривают друг друга религиозными песнями. Затем они подходят к узким пилигримским воротам в стене монастыря. Пройдя через них, они заходят в небольшую часовню, где за небольшое пожертвование им предлагают поцеловать кость, которую называют костью из пальца святого Петра. После этого их в торжественной тишине проводят к покрытой соломой хижине, рядом с которой стоят два колодца, знаменитые своими целебными свойствами и, если верить слухам, способностью исполнить любое искреннее желание паломников. Загадав желания, паломники проходят в часовню Девы Марии. К этому времени они уже находятся в религиозном экстазе. Они входят в часовню

по одному. И, наконец, их проводят мимо знаменитой реликвии Священного молока. Им неважно, что «молоко» твердое и, скорее всего, сделано из мела, смешанного с яичным белком. Важно не то, настоящая реликвия или нет, а сам дух паломничества — демонстрация преданности и веры.

Реликвии в церкви Уимборн-Минстер

Часть Животворящего Креста
Часть плаща Христа
Большой камень из храма Гроба Господня
Часть алтаря, над которым Симеон Богоприимец поднял
младенца Христа
Волоски из бороды Христа
Часть столба, у которого бичевали Христа
Ботинок св. Вильгельма
Часть бедра св. Агаты
Несколько костей св. Екатерины
Часть мощей св. Марии Египетской
Часть яслей Христа
Шип из тернового венца Христа
Зуб св. Филиппа
Немного крови св. Фомы Бекета
Власяница св. Франциска

В большинстве знаменитых религиозных домов собрана немалая коллекция реликвий. В Кентерберийском соборе, помимо гробницы св. Фомы Бекета, есть еще несколько, в том числе с телами еще трех архиепископов-святых: св. Оды, св. Ансельма и св. Дунстана. Похожие наборы святых мощей есть и во многих менее значительных церквях. Уимборн-Минстер, например, не входит в список главных святых мест, потому что у них нет гробницы святого-чудотворца, которая привлекала бы толпы паломников. Но тем не менее туда можно сходить хотя бы для того, чтобы посмотреть на «власяницу св. Франциска». А ведь реликвии Уимборна по сравнению с потрясающими коллекциями заморских церквей — просто пыль. Хотите посмотреть на ту самую губку, которую смочили уксусом и поднесли к губам Христа, когда он висел на

кресте? Или на палец, которым св. Фома коснулся ребра воскресшего Христа? Или на землю с Голгофы, пропитанную кровью Христовой? Все эти вещи держат в итальянской церкви Санта-Кроче. Та же церковь утверждает, что в ней хранится немного манны небесной — той самой, которой Бог накормил голодающих израильтян. Просто невероятно. Но подобные заявления лишь говорят о том, насколько церковь уверена в себе. Очень немногие пилигримы, добравшиеся до Санта-Кроче, зададут очевидный вопрос: как так вышло, что эту манну небесную не съели сразу?

Литература и устное творчество

Вас, возможно, это шокирует, но у вас есть кое-что общее с этими людьми, которые верят в подлинность реликвий, сражаются на турнирах и охотятся с соколами. Это книги. Многие в Средние века считают литературу очень приятным времяпрепровождением. Конечно, не все читают сами: лорды, их семьи и прислуга привыкли по вечерам сидеть в комнате или холле у огня и слушать, как им кто-то читает¹. Тем не менее хорошо рассказанная история ценится не хуже, чем любой другой вид менестрельского искусства, а многие из них не уступают современной литературе.

Движение «за литературу» возглавила королевская семья. Все короли XIV века и их жены любят книги. В личной библиотеке Эдуарда II можно найти историю английских королей на латыни, биографию святого Эдуарда Исповедника на французском, латинский молитвенник и французский «роман». Романами называют любые художественные произведения; в них необязательно должна быть любовная линия. Супруга Эдуарда, королева Изабелла, собирает книги с большим энтузиазмом. У нее немало религиозных книг, в частности потрясающе иллюстрированное Откровение, двухтомная Библия на французском, книга проповедей на французском, два Часо-слова Девы Марии, а также различные антифоны и служебники, которыми она пользуется в личной часовне. Кроме того, у нее есть энцикло-

1. Given-Wilson, *Royal Household*, p. 61, цитата из Черной книги Эдуарда IV, в которой обычай назван «старинным».

педия («Сокровище» Брунетто Латини на французском языке) и не менее двух исторических книг: «Брут» (в одном переплете с «Сокровищем») и книга о генеалогии королевской семьи. Наконец, у нее есть десять, а может быть, и больше романов. Среди них — «Деяния Артура» (переплетенные белой кожей), «Тристан и Изольда», «Аймерик Нарбоннский», «Парцифаль и Гавейн» и «Троянская война».

Десять романов говорят о том, что Изабелла любит читать. Но даже этим дело не ограничивается. Она не только просит книги у друзей, но и берет их из королевской библиотеки. Библиотека располагается в Тауэре, в ней хранится не менее 340 книг. В молодости она брала для себя романы, а для сыновей — такие книги, как «История Нормандии» и трактат Вегеция «О военном деле». Эдуарда III нельзя назвать книголюбом, но он умеет читать и писать и высоко ценит книги. Однажды, в 1335 году, он заплатил 100 марок (66 фунтов 13 шиллингов 4 пенса) за один фолиант. Многие приносили ему книги в дар, и их тоже отправляли в королевскую библиотеку. Когда король просит почитать для него в покоях, кто-нибудь из слуг отправляется в библиотеку за книгой.

Вот что такое книги для аристократии: сотни ценных светских рукописей на английском и французском языках и религиозные рукописи на латыни, которые передают из рук в руки и читают вслух. Джоанна, леди Мортимер, взяла с собой в Уигмор в 1322 году четыре романа. Томас, герцог Глостер (младший сын Эдуарда III), к 1397 году собрал в своей личной часовне Плеша сорок две религиозные книги, а в замке — еще восемьдесят четыре, в том числе «Роман о розе», «Гектора Троянского», «Роман о Ланселоте» и «Деяния Фулька Фитцварина». Жена Томаса — из семьи Богунов, графов Херефордов, которые весь век покровительствовали книжному иллюстраторам, так что некоторые книги приятно не только слушать, но и рассматривать. Многие епископы тоже немало читают. Ричард де Бери, епископ Дарэма, собрал в своей библиотеке столько книг, что, если вы хотите добраться до его стола, через них придется перелезть. После его смерти в 1345 году понадобилось пять телег, чтобы вывезти все книги.

Литература — это способ порадовать разум и укрепить дух. Так что неудивительно, что книги можно найти и вне аристократических домов. Возьмите, например, Охинлекскую рукопись,

созданную в 30-х годах XIV века: в ней не менее сорока трех текстов на английском языке, которые образованный лондонец может прочитать жене, или же, наоборот, образованная жена — мужу. Перелистайте страницы: вы найдете короткий рассказ «Успение Пресвятой Девы Марии», затем роман «Сэр Дегаре, семь римских мудрецов, Флорис и Бланшфлор», «Изречения четырех философов», «Список аббатства Баттл» (перечисление имен норманнских рыцарей, сражавшихся при Гастингсе) и знаменитый роман «Гай из Уорика». Позже вы, возможно, прочитаете короткое стихотворение «Во славу женщин», роман «Артур и Мерлин», или «Сэра Тристрема» («Тристана и Изольду»), или «Сэра Орфео» («Орфея и Эвридику»). Может быть, вас больше привлекают исторические хроники? Тогда можете почитать биографию Ричарда Львиное Сердце или Александра Македонского. Охинлекская рукопись — целая библиотека под одной обложкой, в которой найдутся интересные рассказы для всей семьи.

Хотя литература существовала во все века, читали люди, конечно же, по-разному. Все средневековые книги — рукописные: первые печатные книги завезли в Англию только в 60-х годах XV века, так что не жалейте денег на хороший аккуратный текст, который вы сможете легко прочитать — не важно даже, на английском или французском. Поскольку все книги рукописные, они довольно дороги, так что «просто почитать» их обычно не берут. Леди устраивают чтения в садах аристократических домов: сидя на траве в тени деревьев, они слушают, как им читают. Но, кроме таких случаев, читают обычно всё же в помещении. Общественные чтения устраивают в холлах, но бывают и приватные чтения для лорда, его семьи и приглашенных гостей, которые устраивают в соляре. Тем, кому приходится читать вслух, может сильно мешать недостаточное освещение. Свечи уж точно не способствуют хорошему зрению. Из-за этого некоторые богачи даже покупают себе очки в деревянной оправе (их изобрели итальянцы в конце XIII века). Большой любитель науки, епископ Эксетера Вальтер Степлдон, умерший в 1326 году, в завещании упомянул и пару очков.

Из-за всех трудностей со светом, текстом, аудиторией, ценами и очками просто сесть и почитать не получится. Чтение — скорее публичное выступление, чем размышление в тишине. Именно этим объясняется и интерес к устному творчеству. Поскольку

лишь двадцатая часть сельских жителей умеет читать, литература остается развлечением меньшинства. Истории же рассказывают менестрели или сказители, путешествующие с менестрелями, — на память. С другой стороны, устное народное творчество нелегко отделить от письменной культуры. Лорд может слушать рассказ, прочитанный из книги, с таким же успехом, как и историю, рассказанную наизусть менестрелем. Некоторые истории уходят из письменной культуры в устную, и их пересказывают на память, а другие, начавшие свою жизнь в качестве ярмарочных баек, — записывают. Отличный пример — истории про Робин Гуда. Если вы походите по лесам Йоркшира незадолго до 1318 года, то увидите там людей, похожих на «лесное братство» Робин Гуда. Может быть, даже встретитесь с объявленным вне закона преступником Джоном Литтлом, который в 1318 году устроил ограбление вместе с членами банды Котрелей. Может быть, даже встретите настоящего «Робина Гуда» — настоящего в том смысле, что несколько людей с таким именем в то время действительно жили неподалеку от усадьбы Уэйкфильд. Скорее всего, никто из этих бандитов не оправдает ваших ожиданий — это не ловкие, одетые в зеленые костюмы лучники, которых возглавляет улыбающийся герой с обостренным чувством социальной справедливости. Но через пятьдесят лет после того, как банда Котрелей встала на преступный путь, рассказы о подвигах Робин Гуда и Маленького Джона разошлись по всей стране. Поэт Уильям Лэнгленд в 1377 году написал, что один из его персонажей знает стихи о Робин Гуде и графе Честере. Но лишь в следующем столетии истории про Робин Гуда приобретут письменную форму. Литература и устное творчество меняются сюжетами и историями на благо и друг друга, и людей, у которых нет денег на книги.

Развлекательная проза

В XIV веке популярны исторические книги — особенно те, что пишутся сразу с расчетом на будущую аудиторию. Первое и, возможно, самое выдающееся историческое произведение — хроника, написанная ближе к концу века Жаном Фруассаром, уроженцем Геннегау, который провел большую часть жизни в Англии. Он лично знает Эдуарда III и королеву Филиппу.

Кроме исторических трудов, он пишет еще и стихи (все — на французском). Большую хронику он написал, чтобы прославить подвиги английских и французских рыцарей. Никому другому не удалось так передать атмосферу и романтику рыцарских подвигов, как ему. Еще один хороший писатель — Жан ле Бель, соотечественник и вдохновитель Фруассара, рассказавший о ранних годах правления Эдуарда III. Похожие увлекательные истории о рыцарях можно найти в книгах сэра Томаса Грея, который написал хронику, сидя в тюрьме в Шотландии в 50-х годах, Роберта Эвесбери, описавшего деяния Эдуарда III, и анонимного герольда, составившего биографию Черного принца.

Самая популярная из всех исторических книг — «Брут». Эта пикантная хроника, написанная около 1300 года на французском и переведенная на английский ближе к концу века, — история Британии, начиная с ее легендарного происхождения и заканчивая XIV веком. Она включает в себя и романтическую литературу: немалую ее часть, например, составляют истории о Мерлине и короле Артуре. Но постепенно после прибытия в 597 году святого Августина в полной чудес хронике начинают появляться и реальные события; ближе к 1300 году книга превращается в серию рассказов о недавней истории, довольно достоверных и информативных, но вместе с тем очень интересно написанных. Книга обрела такую популярность, что владельцы списков стали продолжать ее, описывая современные им исторические события — по сути, они тоже писали собственные хроники. Таким образом, книга породила новую традицию исторического писательства. В частных библиотеках к концу века хранилось несколько сотен рукописных копий «Брута» — на французском, английском и даже экземпляры на латыни. Лишь еще одной исторической книге удалось хотя бы приблизиться к «Бруту» по популярности — «Полихроникону» Ранульфа Хигдена, монаха из Честера, чей многотомный труд по истории мира понравился и мирянам, и духовенству — особенно после того, как Джон Треvisa в 1387 году перевел его на английский язык.

Есть и еще один жанр документалистики, который читают для удовольствия. Люди очень любят читать путевые заметки, собравшись вечером у камина. Если вы попадете на такое чтение, то с удивлением обнаружите, что пересказывают путешествие не Марко Поло, совершенное в конце XIII века (книги о нем попали в Англию довольно поздно), а сэра Джона Мандевилля.

Мандевиль — якобы англичанин из Сент-Олбанса, чьи путевые заметки на французском языке получили широкое распространение во второй половине столетия. Как и Поло, он заявляет, что добрался до Дальнего Востока, но на самом деле его познания позаимствованы из книг других писателей и собственного воображения. Или, если точнее, воображения человека, который его выдумал: «сэр Джон Мандевиль» — это литературное порождение французского священника, отправившего его в воображаемое путешествие, сюжет которого основан в том числе на старых арабских книгах. Отношения «Мандевилья» с читателями примерно такие же, как между мощами святых и паломниками, которые им поклоняются. Главная их ценность — не в объективной правде. Когда эсквайры и рыцари слышат, что можно добраться не только до Константинополя и Иерусалима, но и до Вавилона, Египта, Тартарии, Персии, Индии и Китая, это их невероятно увлекает. Они представляют, как тоже оказываются в этих чудесных местах и видят их сказочные богатства. Как четыре тысячи баронов стоят перед великим ханом. Ежятся, слыша, как на рынках в Каире людьми торгуют, словно животными. Вздрагивают, узнавая про обычай, действующий на острове Рибот: когда умирает отец, его сын отрубает труп головы, а жрецы разрезают тело на мелкие части, чтобы скормить диким птицам. Подобные рассказы ближе к романам: как и у любых историй о короле Артуре, увлекательный сюжет здесь важнее реалистичности. Но они важны — по той же причине, по которой важны рассказы об Артуре. Они не только развлекают, но и вдохновляют. Колумб однажды признался, что многим обязан сэру Джону Мандевиллю. А всего через сто лет после того, как рассказы Мандевилья переведут на английский язык, английский корабль бросит якорь у берегов Северной Америки. Капитан Джон Кабот объявит, что нашел страну «великого хана», описанную Мандевилем.

Поэзия

XIV век — не просто колыбель английской поэзии, но и ее первый золотой век — по крайней мере, первый после норманнского завоевания. В начале века самые популярные французские стихи, в частности старые бретонские лэ, перевели на английский. Эти баллады обычно длиной около тысячи строк и посвящены

событиям при дворе короля Артура. Самые популярные из них — анонимные «Сэр Орфео», «Сэр Тристрем» и «Сэр Дегаре», а также «Сэр Лаунфаль» Томаса Честера. Любимый многими классический французский «Роман о розе» перевели на английский чуть позже (часть перевода сделал Чосер). Но наиболее славная часть наследия того времени — стихи, изначально написанные на английском языке. Их разнообразие просто поражает, особенно учитывая, как недавно вообще появилась идея писать по-английски. С одной стороны, мы видим неуклюжие поэмы пылкого националиста Лоуренса Мино: гимны в честь военных побед Эдуарда III в Шотландии и Франции между 1333 и 1352 годами. С другой стороны — технически безупречное стихосложение автора «Гавейна и Зеленого рыцаря». Между ними можно встретить, например, благочестивых поэтов вроде Ричарда Мэннинга. Его поэма из 12 тысяч строк «Как справиться с грехом» полна очень сильных образов («таверна — нож дьявола»); это не просто морализаторство.

Англия была так богата талантами, что я не знаю даже, с чего начать описание величайших литературных творений того времени. Но можно составить краткий список претендентов на звание величайшего английского средневекового писателя. Так что, признавая, что и среди не попавших в первую четверку есть немало талантливых авторов, я постараюсь рассказать о величайших представителях английской литературы XIV века.

ДЖОН ГАУЭР

Друг Чосера, который называл его «нравственным Гауэром», происходит из семьи кентских рыцарей — правда, сам он не рыцарь. Он в довольно юном возрасте переехал в Лондон и посвятил себя писательскому ремеслу. Примечательно то, что он пишет не только по-английски: он слагает стихи еще на французском и латыни — причем не время от времени, чтобы просто похвастать знанием языка. В его сатирической поэме на латыни *Vox Clamantis* («Глас вопиющего»), посвященной положению дел в Англии, более 10 тысяч строк. Она выдержана в форме сна-видения, в котором восстание Уота Тайлера сравнивается с ужасной апокалипсической ночью. Весь мир переворачивается с ног на голову. Смирные животные дичают, дикие — беснуются,

домашние животные перестают слушаться, а крестьянство восстает. Поэт бежит из Лондона, калеча и убивая встречаемых их же земледельческими инструментами. Что же касается французских стихов — он выпустил на этом языке два сборника баллад, а также свою самую раннюю большую работу, *Mirour de l'omme* («Зерцало человеческое»). Длина «Зеркала» — почти 30 тысяч строк; оно посвящено происхождению и природе греха и распространению скверны по всему миру.

Главное англоязычное произведение Гауэра — *Confessio Amantis* («Исповедь влюбленного»). Одна из причин его успеха — внимательность ко вкусам аудитории. Вам, наверное, покажется, что написать поэму длиной более 30 тысяч строк — не лучший способ привлечь читателей, но он выбрал отличную тему — жалобу на раздор, вызываемый любовью, — и развивает ее через элегантные истории и отступления. В прологе он говорит, что те, кто излагают одну лишь мудрость, лишь притупляют ум читателей, и потому он собирается писать по-другому: «немного похоти и немного мудрости, о большом и малом, чтобы кому-нибудь понравилось, что я пишу». Это неплохой совет для писателя любой эпохи.

Работа над произведением началась со случайной встречи Гауэра с королем Ричардом II. Когда их суда встретились на Темзе, Ричард пригласил Гауэра на борт и попросил его написать что-нибудь лично для него. Естественно, Гауэр был невероятно польщен и сразу же начал писать «книгу для короля Ричарда, которому принадлежит моя верность, со всем почтением моего сердца». Впрочем, через несколько лет Гауэр понял, что совершил огромную ошибку. Король превратился в презренного тирана и уже не заслуживал ни уважения Гауэра, ни тем более посвящения ему величайшего литературного произведения. Так что Гауэр вычеркнул строки, где клянется в верности Ричарду, и вместо этого написал посвящение кузену и сопернику Ричарда, Генриху Ланкастеру (будущему Генриху IV). С тех пор и до конца жизни Гауэр всячески поддерживал Ланкастеров и писал стихи, прославляющие нового короля, на всех трех языках.

УИЛЬЯМ ЛЭНГЛЕНД

Следующим в нашем списке идет писатель, воплощающий собой средневековую социальную критику. Уильям Лэнгленд

родился в Шропшире около 1325 года; поэтический дар в нем сочетается с религиозным благочестием. Он — полная противоположность придворному поэту Гауэру. Он даже под страхом смерти не станет воспевать короля и аристократов. Его «Видение о Петре Пахаре», с одной стороны, принадлежит к жанру «снаний», но вместе с тем это страстное жестокое осуждение лицемерия, самовозвеличивания, жадности и мздоимства, особенно среди духовенства. Как и большинство английской поэзии XIV века, «Видение» написано аллитерационным стихом: строки связываются между собой не рифмами, а аллитерацией. Хороший пример — мелодичная первая строка, «In a summer season when soft was the sun» (*«Летнею порою, когда солнце грело»*); еще один пример — знаменитая строка, где он видит «a fair field full of folk» (*«прекрасное поле, полное народу»*).

Как только поэму начали в 70-х годах распространять в списках, ее тут же признали шедевром. Убежденность и чувство справедливости Лэнгленда вкупе с литературным даром гарантировали успех поэмы. Он напрямую осуждает грехи, в которых погрязли люди в повседневной жизни. Их характеристики и слабости были воплощены в виде персонажей. Он не сдерживается, обличая богачей, которые «в веселии и чревоугодии проедают свое богатство, не поделившись и куском хлеба с бедняком...». Осуждает он и все растущую склонность лордов и их семей покидать холлы и проводить большую часть времени в личных покоях:

*Мрачен холл во все те дни,
Когда лорд и его леди сидят в другом месте.
Сейчас богатые едят отдельно,
В личных покоях, избегая бедных,
Или в комнате с печной трубой, покинув главный зал,
Построенный, чтобы там ели все,
И всё для того, чтобы сэкономить то,
что потратят другие.*

В этом отношении он похож на другого, более раннего социального критика — автора поэмы «Победитель и расточитель», в которой подчеркивается, как важно для лорда иметь хорошую свиту (и, соответственно, поддерживать своих слуг и бедняков). В отличие от них, люди, которые разбогатели благо-

даря собственным усилиям (например, юристы и врачи), эгоистичны, потому что тратятся только на себя. Но литературный дар Лэнгленда намного превосходит и других протестных поэтов, и почти всех, кто пишет аллитерационным стихом. «We have no letter of our life, how long it shall last» («У нас нет грамоты, гдеговорится, сколькодолжнадлитьсянашажизнь»), — пишет он, размышляя о людях, которые считают долгую жизнь чем-то самым собой разумеющимся, словно ее можно пожаловать королевской хартией или «грамотой». Его критические стрелы в адрес духовенства за лицемерие очень больно жалят:

*Я учу каждого слепого скрягу, как стать лучше:
Имею в виду аббатов, приоров и всевозможных прелатов,
И священников приходских, которые должны проповедо-
вать и направлять
Всех людей на путь исправления всеми силами своими...
Неученые могут сказать, что в вашем глазу — бревно,
А соринка нечистая попала, в основном по вашей вине,
В глаза многих и многих людей, вы, проклятые священники!*

В 80-х годах (после восстания Уота Тайлера) выходит второе издание поэмы, а около 1390 года — третье. Чосер явно читал ее; в подражание ей написаны еще несколько произведений. На момент смерти Уильям Лэнгленд, возможно, не был богат и не сумел искоренить лицемерие священников, но у него имелись свои сторонники, и он был знаменит.

Автор «Гавейна»

Если у Лэнгленда и есть серьезный конкурент в написании аллитерационных стихов, то это третий поэт из нашего списка. К сожалению, мы не знаем его имени. Он родился в Ланкашире или южном Чешире и хорошо знаком с французскими романами. Он знает «Роман о розе», цитирует рассказы сэра Джона Мандевила и хорошо осведомлен о том, как работает прислуга в аристократическом доме, так что, скорее всего, как-то связан с рыцарем или даже более высокопоставленным человеком. Но, в общем-то, его личность не имеет особого значения. Четыре его поэмы — «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь»,

«Жемчужина», «Чистота» и «Терпение» — выдержали испытание временем, так что его самое знаменитое произведение дало ему имя. Прочитайте, например, описание того, как Иона входит во чрево кита:

*Как пылинка в двери церкви, влетел он внутрь —
настолько огромны были его челюсти,
Иона прошел мимо жабр, через слизь и кровь,
Кружась, прошел через пищевод, широкий, как дорога,
Переворачивался так, что ноги оказывались выше головы,
А затем оказался в месте, огромном, словно зал,
Наконец встал на ноги и пошел на ощупь.
Он оказался в желудке, зловонном, словно дьявол,
Его удел незавиден — сидеть в адски пахнущей грязи...*

Главное качество этого поэта — разнообразие его талантов. Он описывает внутренности кита живым поэтичным языком. И нежнейшим образом рассказывает о маленькой жемчужине в аккуратной оправе из золота, с которой не сравнится никакая другая — даже те, что можно найти на Востоке.

*Такая округлая, такая блестящая со всех сторон,
Такая маленькая, так гладка была ее поверхность.
Я и раньше видывал прекрасные драгоценные камни,
Но ее ставлю выше любого другого.
Как жаль! я потерял ее в саду,
Она упала куда-то в траву.
Раненный любовью, покинувшей меня,
Я оплакиваю эту безупречную жемчужину.*

И лишь по прочтении следующих строф вас растрогает и до боли поразит то, что говорит он не о жемчужине, а о маленькой дочери Маргарите, которая умерла, не дожив даже до двух лет. Именно она «упала куда-то в траву». Теперь она лежит в саду, среди цветов, под земляным курганом. Как страшно «вспоминать ее цвет, обрамленный землей — о, земля, ты испортила прекрасную драгоценность». Оплакивая дочь, он чувствует на душе холод, ужасная печаль поражает его сердце, и, несмотря на все свое здравомыслие и веру в утешение во Христе, он не может справиться с собой. В последующем

видении он видит дочь, ставшую маленькой королевой рая, и с дальнего берега ручья она говорит с ним, объясняя, что нужно смириться с ее смертью и не падать духом. Но он не может удержаться и пытается пересечь ручей, чтобы коснуться ее. Войдя в холодную воду, он внезапно просыпается — и обнаруживает, что лежит, распростертый, на ее могиле.

«Жемчужины», «Чистоты» и «Терпения» уже вполне достаточно, чтобы войти в четверку лучших поэтов Англии. Но ему принадлежит еще одно, даже более великое произведение: лучшая поэма о короле Артуре из всех существующих, «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь».

Сюжет таков: в Камелоте идет новогодний пир, Артур и его рыцари ждут представления, и тут в зал заходит огромный рыцарь, одетый в зеленое. У рыцаря в руках боевой топор; он предлагает любому из тех, кто обедает за столом Артура, обменяться с ним ударами. Он примет первый удар, а потом, через двенадцать месяцев, тот, кто нанес этот удар, должен будет найти его в Зеленой часовне и, в свою очередь, принять удар от него. Сэр Гавейн, самый младший из рыцарей Артура, принимает вызов и выходит из-за стола. «Возьми же свой мрачный инструмент, — говорит Зеленый рыцарь, — и посмотрим, как ты бьешь». «С радостью, сэр, не сомневайтесь», — отвечает Гавейн и заносит топор. Зеленый рыцарь открывает шею, готовый к удару, и не двигается с места; Гавейн срубает ему голову. К изумлению всех, безголовое тело рыцаря не падает. Оно делает шаг вперед, наклоняется и поднимает голову, укачившуюся под стол. Голова громко смеется и снова напоминает условия вызова. Сэр Гавейн должен принять удар от рыцаря в Зеленой часовне через двенадцать месяцев.

Сэр Гавейн понимает, что зря принял вызов этого странного рыцаря. Тем не менее, когда наступает условленное время, он не боится. Он уезжает на своем коне Гринголете «далеко от друзей, в одиночку, взбирается по множеству скал в неизвестной стране», вызывает стражей, охраняющих броды, на дуэли и побеждает их всех. В сочельник, после долгих поисков Зеленой часовни, он доезжает до замка. Он просит разрешения остановиться на ночь, и хозяин замка позволяет ему остаться на три дня, сказав, что его поиски завершены: Зеленая часовня всего в двух милях от замка. Единственное условие, которое он ставит, — Гавейн обязан делиться с хозяином всем, что получит в замке.

Лорд каждый день уезжает на охоту, оставляя сэра Гавейна в компании своей прекрасной жены. Несмотря на всё ее попытки соблазнить его, Гавейн ограничивается лишь поцелуями. Помня о данном обещании, он каждый вечер обменивается поцелуями с лордом и получает взамен дичь, добытую на охоте. На третий день леди дарит ему свой пояс, намекая, что хочет с ним переспать. Его Гавейн скрывает от хозяина и делится только поцелуями. Затем он отправляется в Зеленую часовню. Там Гавейн встречает Зеленого рыцаря и, верный обещанию, подставляет шею под топор. Зеленый рыцарь размахивается, опускает топор... и лишь слегка царапает шею Гавейна. Затем Зеленый рыцарь снимает шлем и оказывается лордом — хозяином замка. Он знает о тайно подаренном поясе. Всё происходящее было испытанием на верность и смелость, и Гавейн его выдержал; единственное, что запятнало его честь, — сокрытие знака внимания леди.

Любой, кто хочет отправиться в средневековую Англию, получит огромное удовольствие от этой поэмы. Дело даже не только в структуре рассказа, изяществе сюжетных поворотов, комментарии о мужчинах, которые так легко поддаются на женские чары, и отлично прописанных главных персонажах. Англия XIV века оживает в этой поэме так, как, наверно, ни в одном другом литературном произведении. Мелкие детали встают перед нами, словно на гобелене: например Гавейн, сидящий в кресле перед очагом в замке; на кресле лежат мягкие подушки, а на колени ему положили большую, обшитую мехом мантию. Или, например, прекрасное описание утра в замке:

*В тусклом предвосходном свете уже сновал народ:
Уезжавшие гости отдавали приказы конюхам,
Которые уже вовсю седлали коней,
Поправляли сбрую и закрепляли седельные сумки.*

Вас не сможет не впечатлить то, что этот же автор с одинаковой легкостью описывал чрево кита, в котором оказался Иона, и горе от гибели дочери-младенца. Немногие поэты обладают способностью одновременно передавать сильнейшие личные эмоции и интересно, осмысленно писать на популярную тему для широкой аудитории. То, что оставшийся неизвестным автор великолепно умеет и то и другое, — просто

чудо. И тем поразительнее то, что его произведений практически никто не знает. Если вы хотите приобрести «Жемчужину» или «Гавейна и Зеленого рыцаря», то поиски у лондонских и оксфордских переписчиков ни к чему не приведут. Лишь одна рукопись пережила столетия в темном и тихом месте, сохранив для нас гений этого поэта.

Джеффри Чосер

Наконец-то мы добрались до него, истинного гения английского языка, великого поэта, воспевавшего любовь между мужчиной и женщиной, телесные желания, таланты и глупости мужчин, добродетели и слабости женщин и, прежде всего остального, — остроумие. Без Чосера любой визит в XIV век был бы куда менее приятным.

Он родился в Лондоне. Его отец Джон Чосер, виноторговец, в 1338 году участвовал в экспедиции в Нидерланды в свите Эдуарда III. Благодаря связям с королевской семьей Джеффри попал в свиту Елизаветы, невестки короля. Он не учился в университете — несомненно, именно этим порожден его здоровый скептицизм по отношению к высшему образованию (по его выражению, «лучшие клерки — это не мудрейшие люди»). Лет в восемнадцать, в 1359 году, он отправился во Францию в составе королевской армии и попал в плен. К счастью, Эдуард III пришел к нему на помощь и выкупил его за 16 фунтов. В середине 60-х годов он женился на Филиппе де Роэт, сестре Екатерины Свинфорд. Вскоре после этого совершил несколько поездок во Францию и Италию по приказу короля. Благодаря этому он познакомился с итальянской литературой — в частности, с произведениями Данте, Боккаччо и Петрарки — и ритмичным рифмованным стихом французской поэзии. Это дало ему все необходимые формы и структуры для создания английского стиля, который легко читается и очень гибок, что дало ему возможность выразить остроумие, наблюдательность, эмоции и идеи.

Именно человеческий интерес к поэзии вознес Чосера на самую вершину английской средневековой литературы. В «Книге герцогини», написанной около 1369 или 1370 года после смерти молодой герцогини Ланкастер, он очень трогательно написал про ее потерю, о «божественно прекрасном голосе» и о

том, что она была «главным украшением пиров», а любая встреча в ее отсутствие напоминала «корону без камней». Это не просто низкопоклонство и лесть — он хорошо знал герцогиню, так что это совершенно искренняя элегия. Прочитав, как Чосер описывает ее лицо — глаза, например, он называет «добрыми, жизне-радостными и печальными», — вы сразу поймете, что он рассказывает о том, как она смотрела на него, и с большой теплотой вспоминает общение с ней.

Чосер написал немало произведений на английском языке; во всех них проявляется его талант, любовь к людям, щедрость духа и живой интерес к идеям и рассказам всего мира. И среднего периода творчества особенно стоит порекомендовать «Дом славы», «Птичий парламент» и «Троила и Хризеиду». Плач Аннелиды, преданной любовником, из поэмы «Аннелида и Арсит», разобьет сердце любому.

*О, что же произошло с твоей нежностью,
С твоими словами, полными удовольствия и робости,
Твоей любезностью, столь скромно проявляемой,
Твоей терпеливостью и внимательностью
Ко мне, которую называл ты любовницей своей,
Своей единственной в мире повелительницей?
О, неужели нет ни слов, ни восклицаний,
Которыми ты удостоишь меня,
чтобы облегчить мою участь?
О, слишком дорогой ценой купила я твою любовь.*

Но Чосер пишет не только о женщинах с разбитыми сердцами и прекрасных мертвых герцогнях. Он воспевает жизнь. В своем самом знаменитом произведении, «Кентерберийских рассказах», он показывает нам дома и бедняков, и богачей. В «Рассказе Монастырского капеллана» мы видим вдову, которая жила «близ топкой рощи, на краю лощины, в лачуге ветхой, вместе со скотиной». Жизнь ее проста: «Какой в хозяйстве у вдовы доход? С детьми жила она чем бог пошлет». У нее две дочери, она держит трех свиней, трех коров и одну овцу. Мы даже заглядываем в ее хижину: «Был продымлен, весь в саже, дом курной, но пуст очаг был, и ломоть сухой ей запивать водою приходилось — ведь разносолов в доме не водилось». Чосер дает нам очень живое

изображение двухкомнатной хижины с открытым центральным очагом и дымом, пропитавшим буквально всё. А затем показывает нам и саму вдову:

*Равно как пища, скуден был наряд.
От обзеденья животы болят —
Она ж постом здоровье укрепила,
Работой постоянной закалила...
Стаканчика не выпила она
Ни белого, ни красного вина.
А стол вдовы был часто впору нищим,
Лишь черное да белое шло в пищу:
Весь грубый хлеб да молоко, а сала
Иль хоть яиц не часто ей хватало...*

Это отличное описание, но больше всего в поэзии Чосера читателям нравятся словесные портреты. Например, среди кентерберийских паломников есть Аббатиса...

*... Страж знатных послушниц и директриса.
Смягчала хлад монашеского чина
Улыбкой робкою мать Эглантина.
В ее устах страшнейшая хула
Звучала так: «Клянусь святым Элуа».
И, вслушиваясь в разговор соседей,
Всё напевала в нос она обедню...
Она держалась чинно за столом:
Не поперхнется крепкою наливкой,
Чуть окуная пальчики в подливку,
Не оботрет их о рукав иль ворот.
Ни пятнышка вокруг ее прибора.
Она так часто обтирала губки,
Что жира не было следов на кубке.
С достоинством черед свой выжидала,
Без жадности кусочек выбирала...
Была так жалостлива, сердобольна,
Боялась даже мышке сделать больно
И за лесных зверей молила небо.
Кормила мясом, молоком и хлебом
Своих любимых маленьких собачек.*

Подобные образы — сильнейшая сторона чосеровских произведений: иногда ему хватает всего нескольких слов, чтобы описать человека, например великолепного образа «с ножом под епанчою Лыстец проворный». Но вместе с этим он умеет и вкладывать мысли в уста персонажей, которых так прекрасно описывает. Именно здесь Чосер превосходит ожидания слушателей. Он не только дает нам обстановку, не только рисует портрет персонажа: они предстают перед нами живыми людьми, со всеми своими желаниями, страхами, коварством, похотью и мошенничеством. Словами он изображает их души. Более того, он может изобразить едва ли не любую душу: богача или бедняка, мужчины или женщины, причем без всяких предрассудков. Послушайте, например, речь Батской Ткачихи, обращенную к одному из мужей:

*Сварливая жена, худая крыша,
Очаг дымящий — вот, мол, отчего
Мужья бегут из дома. Да его
Послушать только! Домосед какой!
Ему дай волю — хвост сейчас трубой.
А то бубнишь, что, лошадь покупая,
Иль платье у портного примеряя,
Иль выбирая сковороду, стол,
Ухваты, табуретку, нож, котел, —
Всегда испробовать покупку можно
И надо с женами, мол, неотложно
Такой порядок — пробу — завести.
Паскудник старый, господи прости!*

Очень жизненные слова, и всё становится лишь еще более жизненно, когда Ткачиха заявляет: «И не завидуй радостям других, негодник немощный. Тебе ль моих постельных милостей не доставало? Да разве я хоть разик отказала? Но тот дурак, кто от своей свечи из жадности соседей отлучит; сосед фонарь зажжет и уберется; что за беда, ведь свет-то остается». Чосер даже доходит до того, что вкладывает в ее уста признание, что она в день похорон четвертого мужа соблазнила двадцатилетнего парня. Он показывает вам ее характер, при этом не осуждая ее. И это всё для того, чтобы потом она высказывала такие идеи, которые не пришли бы в голову ни одному мужчине:

...И было в ней развратниц, женщин злых
Не менее, чем в Библии святых
И праведниц. Ведь книжный червь не может
Нас, женщин, оценить, хоть всё нас гложет.
«А кем, скажите, нарисован лев?»
Да если бы мы, женщины, свой гнев,
Свое презрение к мужу собирали
И книгу про мужчину написали, —
Мужчин бы мы сумели обвинить
В таких грехах, которых не сравнить
С грехами нашими ни в коей мере.

Не в бровь, а в глаз. Вопрос «А кем, скажите, нарисован лев?» — аллюзия на одну из басен Эзопа, в которой лев, увидев изображение охотника, убивающего льва, сказал, что картина была бы совершенно иной, если бы ее нарисовал лев. И это вполне в стиле Чосера — устами сварливой женщины заявить от своего имени, что женщинам создали отрицательный образ в литературе потому, что большинство писателей — мужчины. Ирония ситуации еще и в том, что это написано в Средние века, когда о равенстве полов и не помышляли.

Гений Чосера был оценен современниками по достоинству. В «Исповеди влюбленного» Гауэра богиня Венера называет Чосера «мой ученик и мой поэт». Другой современник называет его «самым благородным философическим поэтом Англии» и хвалит за «великолепие языка». Все три короля, при которых он жил, — Эдуард III, Ричард II и Генрих IV — ценят его талант и щедро одаривают: жалованьем, вином, работой, даже бесплатным домом над Олдгейтом. Его рукописи регулярно переписываются и получают широкое распространение; даже французские авторы хвалят его. Чосер, добрый человек, который любит хороших людей, обладает острым умом и пером и понимает в похоти, алчности, трусости, зависти, угрызениях совести и других неприглядных чертах современников, сумел завоевать сердца читателей и развлечь их повсюду, причем практически без видимых усилий. Сколько еще вы знаете писателей, которые описывают секс так, что вы прямо видите улыбку на их лицах?

*В опочивальню со своей женою
Король отправился. Любой из жен,*

*Какой бы ни была она святою,
Ночь уделить одну велит закон
Той радости, которой брак силен.
Велит он святость отложить на время...*

Представьте Чосера в 90-х годах XIV века: ростом около 5 футов 6 дюймов (169 см), с брюшком и раздвоенной седой бородой, он идет по улице к своему дому над Олдгейтом, зажав под мышкой несколько пергаментных свитков, а навстречу ему торопятся люди в капюшонах и разноцветной одежде¹. Когда он добирается до дома, жена его уже не ждет — Филиппа несколько лет назад умерла. Он поднимается в свою комнату в одиночестве и, как писал в ранней поэме «Дом славы», «там, словно камень, глух, садился перед очередной книгой, пока не уставали глаза — вел жизнь отшельника». Но во время работы над «Кентерберийскими рассказами» его идеи были невероятны. Ибо то, что сохранилось сегодня, — лишь малая часть великого произведения, которое он замыслил. Он хотел, чтобы каждый из его тридцати паломников рассказал по две истории по пути из Саутуорка в Кентербери, а потом еще по две — на обратном пути. Так что всего «Кентерберийских рассказов» должно было быть 120. Но закончить он успел лишь по одному рассказу для двадцати двух паломников, и еще два — от собственного лица. Так что можно сказать, что «Кентерберийские рассказы» — величайшее незаконченное произведение во всей английской литературе.

1. Его рост и внешность описаны в статье о нем в ODNB.

Заключение

Итак, наше путешествие в XIV век подошло к концу. После того как мы впервые вышли на дорогу, увидели возвышающийся над городскими стенами Эксетерский собор и ощутили всю гамму запахов Шитбрука, мы встретились со множеством странностей: отсутствием единого календаря, жареными бобрами и тупиками, медицинскими ваннами из убитых щенков и трупами изменников, разрубленными на четыре части. Мы поговорили о том, как молоды, доверчивы и жестоки тогдашние люди. Увидели, как трудно обеспечить правосудие и как людям постоянно приходится жить под угрозой голода, болезней и смерти. Посмотрели на одежду, музыкальные инструменты и развлечения того времени. Об Англии XIV века, конечно, можно рассказывать и рассказывать, но, думаю, вам достаточно будет и уже прочитанного, чтобы составить определенное представление, прежде чем отправляться туда. Осталось ответить лишь на один вопрос. Зачем вам вообще туда отправляться? Или, еще более конкретный вопрос: зачем вам видеть прошлое живую? Может быть, XIV век стоит оставить мертвым? Все эти кучи свитков, развалины монастырей и музейные экспонаты?

Эта книга начиналась как «виртуальная реальность», описание далекой страны. Но на самом деле она затрагивает куда более значительную тему: то, как мы видим прошлое. Чем отличается представление о средневековой Англии как о живом обществе от представления о ней же как о мертвой? В традиционной истории то, что мы можем сказать о прошлом, определяется подбором

и истолкованием имеющихся свидетельств. Как ни парадоксально, но эти свидетельства сильно ограничивают и спектр вопросов, которые мы можем задать о прошлом, и нашу возможность сказать: «Мы точно знаем, что так было в прошлом». Ученые-историки не могут обсуждать само прошлое: они могут обсуждать лишь свидетельства, а также вопросы, которые возникают благодаря этим свидетельствам. Как не раз повторяли философы-постмодернисты, к вящему недовольству многих историков, прошлое уже ушло и никогда не вернется. Узнать, каким оно было на самом деле, невозможно¹.

Это всё, конечно, хорошо. Но, как показала эта книга, нам всё равно никто не запрещает представлять себе Англию как живое общество. Это просто еще одно место во времени, как, например, Франция XXI века, Германия XX столетия и так далее. Узнать о том, какой она была на самом деле, очень трудно — а может, и действительно невозможно, — но так же невозможно сказать, и какой на самом деле была Англия вчера. Если мы согласимся, что доступные нам свидетельства о любой стране в любое время отрывочны и неполны — в том числе о современных странах, которые можно посетить (ибо вы не сможете увидеть ее всю сразу или пообщаться абсолютно со всеми жителями), — то ничего не мешает нам написать путеводитель по средневековой Англии, который в теории будет таким же понятным и точным, как путеводитель по любой современной стране.

В этом-то всё и дело. Если средневековую Англию считать мертвой и погребенной, то о ней можно задавать только те вопросы, которые возникают на основе имеющихся свидетельств. Но вот если ее считать живым обществом, то единственное ограничение — это опыт автора и его представление о требованиях, интересах и любопытстве читателей. О прошлом можно задавать абсолютно любые вопросы, а затем отвечать на них, как нам позволят знания и умения. Последствия такого подхода для понимания природы самой истории и преодоления постмодернистского вопроса о пределах

1. Или, как лаконично выразился Кит Дженкинс: «мы никогда не сможем по-настоящему узнать прошлое... пропасть между прошлым и историей такова... что никакими эпистемологическими средствами ее не преодолеть» (Jenkins, *Re-thinking History*, p. 23).

исторического познания очень значительны. История теперь — не просто упражнение для ученых: вы можете сделать ее любой, какой захотите. Если границы исторической науки установить по вопросам, которые задают все люди (*а не только ученые-историки*), *то она будет такой же обширной, как воображение публики. Как сказано в предисловии, результатом станет новый способ осмысления истории — «свободная история», как я ее назвал в теоретическом эссе «What Isn't History?» («Что не является историей?»)*, написанном одновременно с книгой.

Но представление прошлого «живым» на самом деле еще более значительно. Что такой взгляд говорит о нас (и индивидуально, и коллективно) с точки зрения времени? Это, наверное, самая интересная сторона всей концепции. Мы видим свое общество, которое живет сотни лет и меняется. Вспомните, например, стандарты гигиены или правосудия в XIV веке. Если вы считаете их грязными и жестокими, то на самом деле это всего лишь ваше восприятие через призму современного мира. В этом нет ничего плохого — вы просто слишком большое внимание уделяете настоящему. Ваше представление больше говорит о нашем обществе сейчас, чем об обществе XIV века (или любого другого века, если уж на то пошло: по нынешнему общепринятому мнению, все прошлые эпохи были грязными и жестокими, за исключением Древнего Рима, который был просто жестоким). Но если мы посчитаем средневековых людей живыми — например, представим, как женщины убираются в доме: собирают грязные камыши в холле, расстилают вместо них новые, выгоняют собак на улицу, вытирают стол, стелют скатерть, чистят деревянные тарелки, отскребают железные и медные кастрюли, стирают туники и белье, оттирают серебряные ложки и подметают двор, — то увидим, как к ним относятся современники. Конечно, они не все грязны. Многие из них гордятся тем, как чисто в их домах, — как и многие из нас сейчас, — и им всё равно, что скажут люди шестьсот лет спустя. Мы можем считать их невероятно жестокими, потому что они бьют своих детей и собак, но это опять-таки оценка по нашим стандартам, а не по их собственным. Как мы уже видели, в XIV веке безответственными считаются родители, которые не бьют детей.

Посмотрев на прошлое с такой точки зрения, мы поймем, насколько же изменились с тех пор все стороны жизни — от возрастного состава населения до болезней, которыми

мы страдаем. Всё меняется. Есть ли что-то, что не меняется? Только одно: в Средние века тоже жили люди, такие же, как мы, у них тоже были свои желания, потребности и трудности, и эти желания и трудности постоянно меняются. Если мы действительно хотим понять, что такое человечество и насколько хорошо оно умеет адаптироваться к меняющимся условиям, то должны посмотреть на себя как на непрерывно живущую и эволюционирующую расу, постоянно находящуюся на грани огромного невообразимого будущего — в каком бы веке мы ни жили, в XIV или XXI. Человечество умрет только тогда, когда пожелтевшие кости последнего человека занесет песком.

За столетие, описанное в книге, более 10 миллионов человек жили и умерли в Англии. Многие умерли еще в младенчестве. Многие — в молодости. Жизнь некоторых завершилась на виселице. Другие погибли, страшно крича, в объятых пламенем домах. Кто-то погиб на войне, охваченный болью и ужасом. Некоторые умерли, яростно сражаясь, и в свой момент славы даже хотели героически погибнуть. Очень многие умерли в одиночестве, дрожа от страха и чумной горячки. Как бы они ни умирали, была в их жизни и радость: ложка джема в детстве, украденный тайком поцелуй в юности или рождение внука в старости. Вот это и есть история. История — это не только анализ источников, разворачивание пергаментных свитков или ответы на экзаменах. Это не осуждение давно умерших людей. Это понимание того, какое значение имеет прошлое; понимание, что человечество развивается уже много веков, а не только в пределах нашей собственной жизни.

Где-то в 70-х годах XIV века прекрасная юная аристократка смотрит на Джеффри Чосера. Она дразнит его, заглядывает в глаза, улыбается и смеется. Она останется такой навсегда, равно как и все кентерберийские паломники, которые вместе уехали в Кентерберии и так и не вернулись. Слушатели собрались вокруг поэта, который рассказывает о женщине, о ее смехе и улыбке, такой живой, милой и свободной. Они видят, что он до сих пор переживает ее смерть. А мы слышим то же, что и они. Мы, возможно, по-другому истолкуем некоторые строчки, неправильно поймем некоторые слова (в конце концов, мы в этом веке чужие), но чувства, которые испытывал Чосер к этой женщине, хотя бы отчасти поймут и его современники, и мы, и все, кто жил в прошедшие шестьсот лет. Зрители многих

веков собрались в холле времени, слушая поэму Чосера. Если затем в центр зала выйдет Гауэр, то мы услышим об ужасах восстания Уота Тайлера; если Фруассар — о рыцарских подвигах во Франции; если Лэнгленд — о несправедливости, творимой духовенством; если автор «Гавейна» — то о его погибшей девочке-жемчужинке. И, слушая, мы отдаем всем этим людям дань уважения и симпатии, примерно такую же, как тем, кто погиб на войне уже в наше время.

Вы, возможно, не согласитесь. Может быть, вы считаете, что важнее всего жить здесь и сейчас. Или же думаете, что, называя прошлое грязным и жестоким, мы таким образом ставим себя выше предков. Но вот если вы считаете, что мы — наследники живого прошлого, и понимание того, какими мы были, поможет нам понять, каковы мы сейчас и какими будем в будущем, то, возможно, станете путешественником во времени и выйдете на большую дорогу человеческой истории, и Чосер проведет вас по всем уголкам и закоулкам жизни в XIV веке. Возможно, вы даже захотите присоединиться к нему и его спутникам в таверне «Табард», что в Саутуорке, и тоже стать паломником. По крайней мере, в этом паломничестве вы услышите немало замечательных рассказов.

Издание для досуга

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ВО ВРЕМЕНИ

Ян Мортимер

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АНГЛИЯ

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПУТЕШЕСТВЕННИКА ВО ВРЕМЕНИ

Директор редакции *Е. Капьев*
Ответственный редактор *А. Полбенникова*
Редактор *Е. Крымова*
Младший редактор *Д. Калинина*
Художественный редактор *Г. Булгакова*
Компьютерная верстка *В. Затологиной*
Корректоры *Н. Витько, Е. Клепова*

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1 Тел 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21
Home page www.eksmo.ru E-mail info@eksmo.ru

Өндүрүш - ЭКСМО - АКБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй
Тел 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21
Home page www.eksmo.ru E-mail info@eksmo.ru
Тауар белгісі «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1
Тел 8(727) 251 59 89, 90, 91, 92, факс 8 (727) 251 58 12 ән. 107, E-mail RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген

Сертификация туралы ақпарат сайты www.eksmo.ru/certification

Оптовая торговля книгами «Эксмо»
ООО «ТД «Эксмо» 142700, Московская обл. Ленинский р-н г. Видное
Белокаменное ш. д. 1, многоканальный тел 411-50-74
E-mail reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail international@eksmo-sale.ru
International Sales. International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении обращаться по тел. +7(495) 411-68-59 доб. 2261, 1257.
E-mail ivanova.ey@eksmo.ru

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно
законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 18.03.2015.
Формат 84х108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,64.
Тираж 3000 экз. Заказ 2200.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-80631-7

В электронном виде это издание доступно по адресу
www.litres.ru

ЛитРес:
электронная библиотека

**Прошлое – другой мир. И эта книга – ваш
путеводитель. Представьте, что машина времени
перенесла вас в четырнадцатый век...**

Что вы видите? Как одеваетесь? Как зарабатываете на жизнь? Сколько вам платят? Что вы едите? Где живете? Автор книг, доктор исторических наук Ян Мортимер, раз и навсегда изменит ваш взгляд на средневековую Англию, показав, что историю можно изучить, окунувшись в нее и увидев все своими глазами.

Ежедневные хроники, письма, счета домашних хозяйств и стихи откроют для вас мир прошлого и ответят на вопросы, которые обычно игнорируются историками-традиционалистами. Вы узнаете, как приветствовать людей на улице, что использовалось в качестве туалетной бумаги, почему врач может попробовать вашу кровь на вкус и как не заразиться проказой.

Впечатляет, как автор поворачивает вспять 600-летнюю историю, чтобы дать читателям XXI века четкое представление о средневековой жизни.

Publishers Weekly

Мортимер рассматривает все аспекты средневековой жизни: от повседневных до самых странных... Обычно предназначение путеводителей – передать полезную информацию о далеких странах, но этот передает нам ключ к пониманию другого времени.

THE Washington Post

Бесконечно изобретательный Ян Мортимер является самым замечательным средневековым историком нашего времени.

The Times (Великобритания)

ISBN 978-5-699-80631-7

9 785699 806317 >